This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 392.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXX. № 1.-ЯНВАРЬ. 1890 г.

1899

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I—оффиціальная.

	стран.
I. Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго Университета Св. Владиміра въ 1889 году	1—27
II. Гуманныя требованія войны. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св. Владиміра 8-го января 1890 г. профессоромъ **П. Морозовымъ**	1—48
III. Уставъ Физико-математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра.	1—6

Часть II—неоффиціальная.

I. Рыцарскій эпосъ въ Италіи послѣ Аріосто.— Профессора **Н. Дашкевича**	1—46
II. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историч. матеріалъ.— Кандидата **А. Ясинскаго.** I-IV+209—259	
III. О географическомъ распредѣленіи государств. доходовъ и расходовъ въ Россіи. Опытъ финансово-статистическаго изслѣдованія.—Прив.-доцента **Н. Ясиопольскаго**	1—48
IV. Введеніе въ систему международнаго права.— Профессора **О. Эйхельмана**	63—102
V. Проказа и песь (Vitiligo).— Профессора **Г. Минха** . . .	117—154

Критика и библіографія.

VI. Критико-библіографическія замѣтки.—Проф. **П. Алексѣева.**	1—6

Прибавленія.

I. Таблицы метеорологическихъ наблюденій за апрѣль и май 1889 г.	
II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ	I—XVI

КІЕВЪ.
1890.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1890 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя дисертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*критико-библіографическій*—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

№ 1.—ЯНВАРЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1890.

PSlav 392.10

LF4309
·U

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Ректоръ *Н. Ренненкампфъ.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—оффиціальная.

		стран.
I.	Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго Университета Св. Владиміра въ 1889 году	1—27
II.	Гуманныя требованія войны. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св. Владиміра 8-го января 1890 г. проф. П. Морозовымъ.	1—48
III.	Уставъ Физико-математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра	1—6

Часть II—неоффиціальная.

I.	Рыцарскій эпосъ въ Италіи послѣ Аріосто.— Профессора Н. Дашкевича	1—46
II.	Сочиненія кн. Курбскаго, какъ историческій матеріалъ.— Кандидата А. Ясинскаго	I—IV+209—259
III.	О географическомъ распредѣленіи Государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи. Опытъ финансово-статистическаго изслѣдованія.—Прив.-доц. Н. Яснопольскаго .	1—48
IV.	Введеніе въ систему международнаго права.—Профессора О. Эйхельмана	63—102
V.	Проказа и песь (Vitiligo).—Профессора Г. Минха. . . .	117—154

Критика и библіографія.

VI.	Критико-библіографическія замѣтки.—Проф. П. Алексѣева.	1—6

Прибавленія.

I.	Таблицы метеорологическихъ наблюденій за апрѣль и май 1889 г.	
II.	Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ	I—XVI

и экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи Оскара Эдуардовича Циновскаго.

Некрологъ. 15 января на 80 году скончался въ Петербургѣ бывшій профессоръ и ректоръ университета Св. Владиміра тайный совѣтникъ Рудольфъ Эрнестовичъ Траутфеттеръ. Имя покойнаго Р. Э. Траутфеттера, тѣсно связано съ университетомъ Св. Владиміра, въ которомъ онъ прослужилъ около 22 лѣтъ, первоначально занимая каѳедру ботаники, а затѣмъ должность ректора. Имя Рудольфа Эрнестовича давно цитируется и повторяется учеными всего образованнаго міра. Въ его лицѣ наука понесла тяжелую потерю, такъ какъ онъ до самаго конца не переставалъ трудиться и печатать свои работы.

Дѣятельность Рудольфа Эрнестовича была изумительна: онъ издалъ въ свѣтъ 82 работы, на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. Многія изъ этихъ сочиненій представляютъ собою объемистые томы.

Въ Кіевѣ онъ основалъ и устроилъ превосходный ботаническій садъ, усердно занимался своею профессурой, но главныя его заслуги—заслуги ученыя.

Почти всѣ его работы посвящены русской флорѣ, которой онъ былъ первымъ знатокомъ. Имъ обработана исторія ботаники въ Россіи, географическое распредѣленіе растительности, изданы обширныя дополненія къ русской флорѣ Ледебура.

Еще сравнительно недавно издалъ онъ полное перечисленіе всѣхъ трудовъ по русской флорѣ, начиная отъ первѣйшихъ работъ и кончая послѣдними.

Здѣсь нѣтъ возможности дать сколько нибудь вѣрное понятіе о значеніи трудовъ покойнаго Траутфеттера, но изъ сказаннаго видно, что главнѣйшею цѣлью его было изученіе Россіи въ ботаническомъ отношеніи и притомъ во всей ея обширности. Отовсюду слали ему коллекціи, спрашивали его совѣтовъ, и онъ всегда съ полнѣйшею готовностью откликался, опредѣлялъ коллекціи и отсылалъ ихъ обратно, заводилъ корреспонденціи и составилъ обширнѣйшій и драгоцѣнный гербарій, преимущественно русскихъ растеній, который онъ завѣщалъ Императорскому ботаническому саду. Въ Кіевѣ онъ оставилъ по себѣ живой памятникъ устройствомъ превосходнаго университетскаго Ботаническаго сада.

Чрезвычайное благодушіе покойнаго, его доброта, прелестный, ровный характеръ, любезное обращеніе и высокая образованность, соединенная съ живостью рѣчи, плѣняли каждаго. У Рудольфа Эрнестовича не было ни враговъ, ни завистниковъ: люди всѣхъ положеній и всѣхъ національностей одинаково любили и уважали его, а заслуги его передъ Россіей такъ велики, что онѣ никогда не забудутся.

Ю. Д. Сидоренко, окончилъ образованіе въ нашемъ университетѣ въ 1856 году. Съ этого времени и до дня его кончины состоялъ при университетѣ Св. Владиміра преподавателемъ, исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно должности: декана, секретаря юридическаго факультета и университетскаго судьи, не оставляя при томъ своей общественной дѣятельности.

Университетъ Св. Владиміра и въ частности юридическій факультетъ потеряли въ лицѣ Юрія Дмитріевича одного изъ даровитыхъ и полезнѣйшихъ своихъ членовъ. Для покойнаго университетъ Св. Владиміра былъ близкою и дорогою семьею, съ которою его связывали не одни служебныя отношенія, но самыя сердечныя узы.

Покойный, относившійся съ величайшею добросовѣстностью къ службѣ и ко всякому общественному дѣлу, отличавшійся ровнымъ и спокойнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердымъ характеромъ, пользовался глубокимъ уваженіемъ всѣхъ лично знавшихъ его. Хотя онъ вообще мало писалъ, но обладалъ обширными и основательными познаніями какъ по своей спеціальности, такъ и по другимъ отраслямъ гуманныхъ наукъ.

Не можемъ не отмѣтить, что покойный Юрій Дмитріевичъ съ особою любовью занимался изученіемъ священнаго писанія и обладалъ значительной начитанностью въ области богословскихъ наукъ.

Нельзя также не выразить искренняго сожалѣнія о преждевременной смерти профессоровъ Владиміра Павловича Максимовича и Оскара Эдуардовича Циновскаго, которые въ своей кратковременной преподавательской дѣятельности обнаружили несомнѣнные задатки даровитыхъ ученыхъ и полезныхъ наставниковъ.

Въ педагогическомъ и административномъ составѣ университета послѣдовали слѣдующія измѣненія.

Деканъ физико-математическаго факультета, Ѳедоръ Миничъ Гарничъ-Гарницкій оставленъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ должности декана на второе 4-хъ-лѣтіе.

Заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ минералогіи и геологіи Константинъ Матвѣевичъ Ѳеофилактовъ за выслугою срока оставленъ при университетѣ на основаніи 105 статьи устава.

Ординарный профессоръ по каѳедрѣ химіи Петръ Петровичъ Алексѣевъ оставленъ въ занимаемой должности до выслуги 30 лѣтняго срока.

Лекторъ французскаго языка Луи Эміовичъ Пекюсъ оставленъ въ занимаемой должности на пять лѣтъ, сверхъ выслуги 25 лѣтъ по учебному вѣдомству.

Ординарный профессоръ по предмету чистой математики Михаилъ Егоровичъ Ващенко-Захарченко удостоенъ званія заслуженнаго профессора.

Возведены въ ординарные профессоры по занимаемымъ каѳедрамъ: экстра-ординарные профессоры: по каѳедрѣ русскаго языка и словесности Петръ Владиміровичъ Владиміровъ и по каѳедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій; возведены въ экстра-ординарные профессоры: приватъ-доценты: по каѳедрѣ классической филологіи Адольфъ Израиловичъ Сонни, по предмету чистой математики Борисъ Яковлевичъ Букрѣевъ и по предмету фармаціи и фармакогнозіи Тимофей Ивановичъ Лоначевскій-Петруняка.

Вновь назначены: ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи и геологіи Павелъ Николаевичъ Венюковъ, экстра-ординарными профессорами: по каѳедрѣ химіи Александръ Павловичъ Эльтековъ, по каѳедрѣ медицинской химіи Алексѣй Андреевичъ Садовень, по каѳедрѣ хирургической патологіи Александръ Дмитріевичъ Павловскій, по каѳедрѣ судебной медицины Николай Александровичъ Оболонскій, по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней съ клиникой Василій Егоровичъ Черновъ.

Зачислены приватъ-доцентами: по предмету хирургіи Николай Маркіановичъ Волковичъ, по предмету хирургической патологіи Левъ Александровичъ Малиновскій и по каѳедрѣ анатоміи Иванъ Степановичъ Поповскій.

Назначены въ должности прозекторовъ: при каѳедрѣ судебной медицины Афанасій Сергѣевичъ Игнатовскій и при каѳедрѣ хирургіи Кириллъ Михайловичъ Сапѣжко.

Приватъ-доцентъ по предмету греческой словесности Николай Ѳедоровичъ Фокковъ перемѣщенъ профессоромъ въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ.

Экстра-ординарный профессоръ по каѳедрѣ фармаціи и фармакогнозіи Тимофей Ивановичъ Лоначевскій-Петруняка опредѣленъ сверхъ должности профессора, секретаремъ медицинскаго факультета.

Ординарный профессоръ по каѳедрѣ зоологіи Николай Васильевичъ Бобрецкій оставленъ въ должности секретаря физико-математическаго факультета на дальнѣйшее время.

Личный составъ университета Св. Владиміра къ 1-му января 1890 года состоитъ изъ 203 лицъ, именно: штатныхъ ординарныхъ профессоровъ 39 и сверхштатныхъ 11, экстра-ординарныхъ 18, приватъ-доцентовъ 28, прозекторовъ 6, лекторовъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, помощниковъ прозекторовъ, лаборантовъ, ординаторовъ клиникъ, консерваторовъ и другихъ лицъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ 76, и наконецъ 21 лицо занимающихъ должности по административнымъ частямъ.

Изъ всего числа штатныхъ каѳедръ, положенныхъ по уставу 1884 г. въ университетѣ Св. Владиміра, оставались въ 1889 г. не замѣщенными штатными преподавателями слѣдующія: исторіи церкви, философіи, географіи, церковнаго права, торговаго права и финансоваго права; но по всѣмъ этимъ каѳедрамъ, за исключеніемъ каѳедры географіи, преподаваніе въ истекшемъ году возложено было по нѣкоторымъ каѳедрамъ на спеціально назначенныхъ для того приватъ-доцентовъ; преподаваніе по каѳедрѣ торговаго права поручено профессору гражданскаго права, а преподаваніе по 3-мъ каѳедрамъ (физики, энциклопедіи права и государственнаго права), считающимся вакантными по случаю истеченія срока службы профессоровъ, занимавшихъ ихъ, производилось въ полномъ объемѣ тѣми же профессорами, оставленными на службѣ въ университетѣ на основаніи ст. 105 устава университетовъ; на медицинскомъ же факультетѣ всѣ каѳедры замѣщены штатными преподавателями, и положенное уставомъ на этомъ факультетѣ число профессоровъ (ординарныхъ 14 и экстра-ординарныхъ 9) состояло къ 1-му января 1890 года полное.

Для приготовленія къ профессорскому званію состояли при уни-

верситетѣ въ истекшемъ году 9 стипендіатовъ, а именно: на историко-филологическомъ 3, физико-математическомъ 1, юридическомъ 2 и медицинскомъ 3.

Нѣкоторые изъ этихъ стипендіатовъ окончили испытаніе на степень магистра, нѣкоторые продолжаютъ таковое, а одинъ изъ нихъ (г. Волковичъ) удостоенъ степени доктора хирургіи.

Кромѣ того для таковой же цѣли по ходатайству университета находятся за границей въ Берлинскомъ университетѣ кандидаты правъ: Гуляевъ, Экземплярскій, Дыновскій, Гребенниковъ и Лихотинскій и приватъ-доцентъ по каѳедрѣ политической экономіи магистръ Цитовичъ.

Въ 1889 году при университетѣ Св. Владиміра открыли свои дѣйствія, положенныя уставомъ университетовъ 1884 года правительственныя испытательныя коммиссіи: историко-филологическая, физико-математическая и юридическая. Составъ этихъ коммиссій состоялъ, по назначенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъ слѣдующихъ лицъ:

а) историко-филологическая: предсѣдателя — декана историко-филологическаго факультета Казанскаго университета Д. Ѳ. Бѣляева, членовъ—профессоровъ университета Св. Владиміра: В. С. Иконникова, Ѳ. Я. Фортинскаго, Т. Д. Флоринскаго, Ю. А. Кулаковскаго и О. А. Леціуса.

б) Физико-математическая:

Предсѣдателя—академика и ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета А. С. Фаминцына, членовъ—профессоровъ университета Св. Владиміра: по математическому отдѣленію: И. И. Рахманинова, М. П. Авенаріуса, М. Ѳ. Хандрикова и В. П. Ермакова, по отдѣленію естественныхъ наукъ: К. М. Ѳеофилактова, П. П. Алексѣева, Н. В. Бобрецкаго и О. В. Баранецкаго, и

в) юридическая:

Предсѣдателя — директора Демидовскаго юридическаго лицея С. М. Шпилевскаго, членовъ—профессоровъ университета Св. Владиміра: Н. К. Ренненкампфа, В. Г. Демченко, А. В. Романовича-Славатинскаго, О. О. Эйхельмана, Д. И. Пихно, Д. Г. Тальберга и Л. Н. Казанцева.

Результаты испытаній въ правительственныхъ коммиссіяхъ университета Св. Владиміра оказались слѣдующіе:

	Выдано выпускныхъ свидѣтельствъ.	Подано прошеній о допущеніи къ экзамену.	Удостоены дипломовъ.		Не выдержали испытаній.	Не явились на испытанія.
			1-й степени.	2-й степени.		
1) Историко-филологической .	15	14	4	5	5	1
2) Физико-математической:						
математическій отдѣлъ . .	35	21	5	6	10	14
естественный отдѣлъ . .	6	4	3	1	—	2
3) Юридической	104	95	42	37	16	9
Вообще . . .	160	134	54	49	31	26
			103			

Независимо отъ этого въ 1889 году университетомъ Св. Владиміра на основаніи ст. 27, § II, п. 2 и ст. 30, § I п. устава университетовъ 1884 г., устава университетовъ 1863 года и т. XIII уст. врачебн. св. зак. изд. 1857 г. удостоены ученыхъ степеней и званій—488 лицъ, а именно: степени доктора наукъ 1, степени магистра 3, степени кандидата 89, званія дѣйствительнаго студента 126, степени доктора медицины 3, степени лѣкаря 102, званія инспектора врачебной управы 1, званія уѣзднаго врача 18, степени провизора 11, степени аптекарскаго помощника 119, званія дантиста 13, и званія повивальной бабки 2.

А вообще по постановленіямъ факультетовъ и правительственныхъ испытательныхъ коммиссій университета Св. Владиміра въ минувшемъ году удостоено ученыхъ степеней и званій 591 лицо.

Ученая дѣятельность университета Св. Владиміра, не зависимо отъ участія профессоровъ и преподавателей его въ засѣданіяхъ различнаго рода ученыхъ обществъ, выразилась въ сочиненіяхъ и статьяхъ ученаго содержанія, напечатанныхъ отдѣльными книгами и въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ. Полный списокъ ученыхъ трудовъ будетъ сообщенъ въ подробномъ отчетѣ университета за 1889 годъ; въ настоящей же краткой запискѣ могутъ быть названы лишь болѣе выдающіеся по содержанію и объему ученые труды, изданные отдѣльными выпусками.

Таковы:

1) Заслуженнаго профессора М. Е. Ващенко-Захарченко: „Теорія подстановленій".

2) Заслуженнаго профессора М. Ѳ. Хандрикова: „Теорія движенія планетъ и кометъ около солнца".

3) Ординарнаго профессора П. П. Алексѣева: О методахъ превращенія органическихъ соединеній".

4) Ординарнаго профессора Н. В. Бобрецкаго: „Основанія зоологіи". Изд. 2, вып. I.

5) Заслуженнаго профессора А. В. Романовича-Славатинскаго: „Рецензія на сочиненіе магистра В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.", за которую Императорскою академіею наукъ присуждена Уваровская золотая медаль.

6) Ординарнаго профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Помѣстное право въ Литовско-русскомъ государствѣ".

7) Ординарнаго профессора Эйхельмана: 1) „Замѣтки изъ лекцій по международному праву" и 2) „Введеніе въ систему международнаго права". Вып. I.

8) Ординарнаго профессора П. П. Цитовича: „Гражданское право". Общая часть. Конспектъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ Св. Владиміра въ $188^{8}/_{9}$ учебномъ году.

Кому и какъ судить частный искъ ex delicto?

9) Ординарнаго профессора Д. И. Пихно: „О свободѣ международной торговли и протекціонизмѣ".

10) Ординарнаго профессора А. Я. Антоновича „Курсъ Государственнаго права" (полицейское право).

11) Ординарнаго профессора Д. Г. Тальберга „Русское уголовное судопроизводство", пособіе къ лекціямъ, т. I. Разборъ изслѣд. г. Берлина „Гражданскій искъ потерпѣвшаго отъ наказуемаго право-нарушенія". Посягательства противъ порядка управленія по проекту Уложенія.

12) Экстра-ординарнаго профессора Ѳ. И. Кнауера „Учебникъ по санскритскому языку".

13) Экстра-ординарнаго профессора Б. Я. Букрѣева: „О фуксовыхъ функціяхъ нулеваго ранга съ симметрическимъ основнымъ полигономъ".

14) Ординарнаго профессора Г. Н. Минха: „Проказа на Югѣ Россіи“, т. II.

15) Ординарнаго профессора С. И. Чирьева „Физіологія человѣка“, вып. I-й.

16) Ординарнаго профессора Ѳ. К. Борнгаупта „Учебникъ къ хирургической патологіи и терапіи“.

На изданіе нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ ассигновано изъ спеціальныхъ средствъ Университета болѣе 3000 руб.

Въ 1889 году физико-математическимъ факультетомъ, по обсужденіи въ засѣданіи 23 ноября представленія заслуженнаго профессора К. М. Ѳеофилактова, присуждена лаборанту минералогической лабораторіи Павлу Аполлоновичу Тутковскому за его ученые труды по палеонтологіи премія имени заслуженнаго ординарнаго профессора этого Университета Ивана Ивановича Рахманинова, состоящая изъ золотой медали приблизительно въ 200 руб. и 300 р. деньгами.

Ученая вполнѣ самостоятельная дѣятельность г. Тутковскаго выразилась въ рядѣ монографій по палеонтологіи фораминиферъ, найденныхъ въ третичныхъ и мѣловыхъ отложеніяхъ Кіева и Кіевской губерніи. Монографіи эти, помѣщенныя въ изданіяхъ Кіевскаго Общества Естествоиспытателей (1886—1887 г.) обратили на себя вниманіе иностранныхъ и русскихъ палеонтологовъ, что̀ выразилось въ перепискѣ иностранныхъ ученыхъ съ авторомъ описанія Кіевскихъ фораминиферъ и въ избраніи его членомъ: Брюссельскаго Общества палеонтологіи, С.-Петербургскаго минералогическаго Общества и Московскаго Общества любителей Естествознанія.—Строго выдержанный научный характеръ монографій пріобрѣлъ автору лестный для молодаго ученаго авторитетъ въ опредѣленной, хотя и ограниченной области палеонтологіи.

Заслуживаютъ полнаго вниманія и небольшія статьи г. Тутковскаго (1888—1889 г.) по кристаллографіи: о кристаллической системѣ азоцимола, берилла.

Отчеты г. Тутковскаго о геологическихъ экскурсіяхъ по Юго-западному краю полны интересныхъ указаній.

Совѣтъ Университета Св. Владиміра на основаніи 5 и 7 §§ правилъ о преміи И. И. Рахманинова, утвердивъ постановленіе физико-математическаго факультета, опредѣлилъ: присужденную П.

А. Тутковскому премію выдать ему въ настоящемъ торжественномъ собраніи.

Университетъ Св. Владиміра продолжалъ издавать журналъ „Университетскія извѣстія“, выходящій ежемѣсячно, подъ редакціей ординарнаго профессора В. С. Иконникова.

Въ журналъ этотъ входятъ, по преимуществу, ученыя работы профессоровъ, преподавателей и студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ.

Кромѣ того въ журналъ помѣщаются нѣкоторыя оффиціальныя свѣдѣнія съ цѣлью ознакомленія публики съ состояніемъ и дѣятельностію Университета Св. Владиміра по учебной, педагогической, административной и хозяйственной частямъ.

На изданіе „Университетскихъ извѣстій“ въ минувшемъ году употребилъ Университетъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ до 6600 рублей.

Въ 1889 году находились съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія и съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ командировкахъ съ ученою цѣлью за границей: профессоры: Праховъ, Кулаковскій, Алексѣевъ, Шмальгаузенъ, Бунге, Коротневъ, Эйхельманъ, Кнауеръ, Сикорскій, Рейнъ, Чирьевъ, Ходинъ, Субботинъ, Стуковенковъ, Гейбель, Борнгауптъ, Хандриковъ, Леціусъ, Афанасьевъ, приватъ-доценты: Богдановъ, Цитовичъ, Роговичъ, Радзимовскій. Кромѣ того въ концѣ 1889 года были командированы съ ученою цѣлью въ Россіи:

а) на 8-й Археологическій съѣздъ въ Москвѣ: профессоры—историко-филологическаго факультета—Фортинскій, Кулаковскій, Праховъ, Лучицкій, Антоновичъ, Флоринскій и Сонни;

б) на 8 съѣздъ Естествоиспытателей въ С.-Петербургъ профессоры: Гарничъ-Гарницкій, Алексѣевъ, Шиллеръ, Ермаковъ, Баранецкій, Эльтековъ, Армашевскій, Сусловъ, Чирьевъ, Чирковъ, Стуковенковъ, Подвысоцкій, Лоначевскій-Петруняка, Гейбель, Оболонскій, прозекторъ Сухановъ, астрономъ-наблюдатель Фабриціусъ, лаборанты: Володкевичъ, Жукъ, Совинскій, Тутковскій, Молчановскій, консерваторы: Тарасенко, Бордзиловскій.

Нѣкоторымъ изъ поименованныхъ лицъ были выданы денежныя пособія на сумму 3250 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

При Университетѣ Св. Владиміра состоятъ ученыя общества.

1) „Историческое Нестора Лѣтописца". Къ 1 января 1890 г. Общество состояло изъ 109 членовъ, изъ нихъ почетныхъ 18 и дѣйствительныхъ 91. Общество имѣло 10 засѣданій, въ которыхъ были читаны сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: В. Б. Антоновича: о XII-мъ т. „Zbiór wiadomosci do antropologie Krajowej"; о „кладѣ найденномъ 18 апрѣля въ Троицкомъ переулкѣ" и о „двухъ погребальныхъ типахъ каменнаго вѣка"; М. Ф. Владимірскаго-Буданова—„Изъ историческаго семейнаго права въ Литовско-Русскомъ государствѣ"; А. А. Дмитріевскаго—„Критско-Синайская школа живописи"; о каталогахъ рукописей: Синайскихъ—Гардтгаузена, Аѳонскихъ—Ламброса, о матеріалахъ для исторіи сношеній Кавказа съ Россіей въ XVI и XVII в.в., изданныхъ Бѣлокуровымъ; „Нѣжинское Греческое братство и его уставъ", В. З. Завитневича—„О результатахъ археологическихъ раскопокъ въ Припетскомъ полѣсьи"; В. С. Иконникова—„Новыя рукописныя коллекціи"; Ѳ. И. Кнауэра—„О раскопкѣ около с. Сараты въ Аккерманскомъ уѣздѣ, произведенной въ апрѣлѣ 1889 г.; Ю. А. Кулаковскаго—„Къ вопросу о русскомъ народномъ стихѣ"; И. А. Линниченка—„О раскопкахъ, произведенныхъ имъ совмѣстно съ профессоромъ Самоквасовымъ въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ."; И. В. Лучицкаго—„Новыя данныя по экономической исторіи Малороссіи", „Изложеніе дѣла 1732 г. объ авизіи и дѣла о польскихъ календаряхъ 1738 и 1739 г.г."; В. Г. Лясковронскаго—„О паволоцкомъ полковникѣ Поповичѣ"; Ѳ. Г. Мищенка—„О 1-мъ вып. Русскихъ Древностей"; „О книгѣ Кавказъ". Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, вып. 1. Москва 1888 г." Т. Д. Флоринскаго—„О книгѣ Богуславскаго по исторіи славянъ"; и М. П. Ясинскаго—„О крестьянскихъ волненіяхъ въ Кіевской губерніи въ 1855 г.".

Общество издало 3 книгу своихъ „Чтеній" и приступило къ печатанію 4-й книги „Чтеній", которая выйдетъ въ свѣтъ въ текущемъ году.

Въ минувшемъ году, по ходатайству почетныхъ членовъ Общества, Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа Владиміра Владиміровича Вельяминова-Зернова и г. Министра Народнаго Просвѣщенія

Графа Ивана Давыдовича Делянова Высочайше утвержденнымъ въ 18 день мая мнѣніемъ Государственнаго Совѣта Обществу пожаловано ежегодное пособіе отъ казны въ размѣрѣ 800 руб., чѣмъ открыта возможность расширить дѣятельность Общества изданіемъ чтеній и матеріаловъ.

Историческое Общество „Нестора Лѣтописца" имѣетъ надежду оправдать своею дальнѣйшею дѣятельностію благосклонное поощреніе его трудамъ, которое общество заноситъ въ свою лѣтопись съ глубокою признательностію.

Совѣтъ общества состоялъ изъ предсѣдателя—Ординарнаго профессора Университета Св. Владиміра М. Ф. Владимірскаго-Буданова, товарища предсѣдателя И. И. Малышевскаго, секретаря Н. П. Дашкевича и казначея Ѳ. Я. Фортинскаго.

2) „Кіевское Общество Естествоиспытателей". Къ 1 января 1890 г. Общество состояло изъ 139 членовъ, въ числѣ коихъ: почетныхъ 13, дѣйствительныхъ 118 и членовъ-сотрудниковъ 8. Общество имѣло 9 очередныхъ засѣданій, на которыхъ 20 членами Общества и однимъ гостемъ было сдѣлано 31 научное сообщеніе по различнымъ вопросамъ естествознанія.

Экскурсіи съ научною цѣлью были произведены семью членами; при чемъ Общество выдало имъ въ пособіе 950 руб.—Изъ изданій Общества вышли въ 1889 году 1 и 2 выпуски „Записокъ" т. X и 16-й томъ „Указателя русской литературы по математикѣ и частнымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ".—Совѣтъ общества состоялъ изъ предсѣдателя заслуженнаго профессора К. М. Ѳеофилактова, товарища предсѣдателя, ординарнаго профессора Н. А. Бунге, непремѣннаго члена ординарнаго профессора Н. В. Бобрецкаго, секретаря лаборанта химіи Н. Н. Володкевича и казначея лаборанта зоологіи В. К. Совинскаго.

О состояніи и дѣятельности Кіевскаго Юридическаго Общества, состоящаго при Университетѣ Св. Владиміра.

Кіевское Юридическое Общество въ 1889 г. состояло изъ 273 дѣйствительныхъ членовъ, 2 почетныхъ и 15 членовъ по Отдѣленію обычнаго права. Для завѣдыванія дѣлами Общества состояли въ немъ: предсѣдателемъ заслуженный проф. В. Г. Демченко, заступающимъ его мѣсто проф. П. П. Цитовичъ, секретаремъ кандидатъ В. О. Ждановскій и казначеемъ магистрантъ П. К. Скордели. Средства

Общества заключались въ членскихъ взносахъ по 5 рублей въ годъ и составляли къ началу истекшаго года 860 руб.

Въ теченіи года Общество имѣло 10 засѣданій, изъ нихъ девять ученыхъ, въ которыхъ были выслушаны доклады дѣйствительн. членовъ: 1) Гольденвейзера (о проектѣ Германскаго гражданск. уложенія, и о соціальномъ законодательствѣ Германской имперіи), 2) Скордели, Давиденка, Соколова и Змирлова—о проектѣ устава о несостоятельности у насъ, и 3) Тальберга—о значеніи судебной реформы по уставамъ 20 ноября 1864 г. и Замѣчанія на проектъ уголовн. уложенія (о посягательствахъ имущественныхъ).

Наконецъ общество имѣетъ свою библіотеку, въ которой до 400 сочиненій и изданій отдѣльныхъ наименованій въ 813 томахъ.

Въ концѣ 1889 года при Университетѣ Св. Владиміра учреждено два общества: математическое и акушерско-гинекологическое съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ того, представлено на благоусмотрѣніе Его Сіятельства предположеніе объ учрежденіи при этомъ Университетѣ еще одного общества—Антропологическаго.

Въ минувшемъ году Университетъ Св. Владиміра продолжалъ неустанно заботиться о распространеніи и улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій своихъ и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи значительные шаги на пути къ благоустройству.

Важнѣйшія изъ произведенныхъ улучшеній состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Надстроенъ 3 этажъ надъ зданіемъ Химической лабораторіи.

2) Устроено новое помѣщеніе для Патологическаго музея, съ лабораторіею и аудиторіею.

3) Отведено и устраивается новое просторное помѣщеніе для физическаго кабинета.

4) Устроены аудиторіи и кабинеты для судебной медицины и оперативной хирургіи.

5) Приспособлены на 4-мъ этажѣ Главнаго зданія помѣщенія для студентскаго отдѣла библіотеки и центральнаго архива.

6) Расширены помѣщенія зоологической лабораторіи, минералогическаго кабинета и минцъ-кабинетовъ съ музеемъ древностей.

7) Устроена вновь агрономическая лабораторія, въ которой уже съ начала текущаго полугодія будутъ открыты правильныя занятія студентовъ.

На всѣ эти надобности издержано до 33000 руб., въ томъ числѣ 12000 руб. изъ суммъ ассигнованныхъ Министерствомъ и 21000 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

Всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ Св. Владиміра состоитъ 46—2 библіотеки—основная и студентскій ея отдѣлъ, 2 обсерваторіи—астрономическая и метеорологическая, 4 факультетскія клиники, 3 госпитальныя, 2 клиническихъ отдѣленія, при Кіевской Городской Александровской больницѣ, анатомическій театръ, патологическій институтъ, ботаническій садъ, 9 лабораторій и 21 кабинетъ.

Независимо отъ этого, въ отчетномъ году послѣдовало соглашеніе съ Кіевскимъ Городскимъ Управленіемъ объ устройствѣ и содержаніи на средства города въ усадьбѣ Кіевской Городской больницы отдѣльнаго зданія для клиники дѣтскихъ болѣзней.

При такихъ значительныхъ затратахъ изъ спеціальныхъ средствъ и при щедромъ содѣйствіи Минист. Народ. Просв. Университетъ Св. Владиміра имѣетъ полное основаніе надѣяться, что учебно-вспомогательныя учрежденія, его въ недалекомъ будущемъ будутъ доведены до состоянія, вполнѣ отвѣчающаго требованіямъ современной науки.

Стоимость находящихся въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ учебныхъ пособій значительно превышаетъ милліонную сумму. Изъ этихъ учрежденій однѣ библіотеки (основная и студентскій ея отдѣлъ) цѣнятся до полумилліона.

Въ 1889 году поступило въ студенты 476 человѣкъ, къ 1 января 1890 года состоитъ 1908 человѣкъ, менѣе противъ состоявшихъ къ 1 января 1889 года на 180 человѣкъ.

По факультетамъ числилось: на Историко-филологическомъ 61, физико-математическомъ: по естественному отдѣленію 75, по отдѣленію математическихъ наукъ 190, Юридическомъ 725 и Медицинскомъ 857. Кромѣ того состояло постороннихъ слушателей 13 и фармацевтовъ 38; всего же учащихся 1959 лицъ.

Изъ общаго числа студентовъ въ 1889 г. было освобождено отъ платы за слушаніе лекцій 601 лицо, въ томъ числѣ и всѣ стипендіаты, выборъ которыхъ предоставленъ Университету.

Къ 1 января 1890 года состоитъ въ Университетѣ 135 стипендій, именно: 39 на счетъ суммъ Государственнаго Казначейства, 33 на суммы, пожертвованныя частными лицами и обществами и

предоставленныя въ распоряженіе Университета, 14 на суммы попечительства о недостаточныхъ студентахъ и до 49 стипендій на суммы разныхъ городскихъ обществъ, земствъ и дворянства. Наибольшій размѣръ стипендій былъ—420 р. въ годъ.

На стипендіи и пособія употреблено въ 1889 году 39,369 руб.—въ томъ числѣ изъ суммъ Государственнаго Казначейства 21,020 руб., изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ 3,361 руб., изъ суммъ предоставленныхъ въ распоряженіе Университета разными частными лицами и обществами 6,552 руб. и выдано обществомъ вспомоществованія студентамъ Университета пособій на сумму 8,436 руб.

На предложенныя въ 1889 году факультетами задачи для соисканія наградъ медалями представлены слѣдующія сочиненія:

По Историко-филологическому факультету—на тему: „Отношеніе Батюшкову къ Пушкину", представлено сочиненіе студентомъ 5 семестра Михаиломъ Доброговскимъ.

Сочиненіе это состоитъ изъ небольшаго введенія и двухъ главъ. Въ первой главѣ авторъ останавливается на „личныхъ отношеніяхъ Пушкина къ Батюшкову";—во второй главѣ—„главной части сочиненія" авторъ разсматриваетъ отношеніе произведеній Пушкина къ произведеніямъ Батюшкова. Сочиненія Батюшкова и относящіяся къ нимъ произведенія Пушкина авторъ изучилъ самостоятельно, съ надлежащимъ вниманіемъ и по средствомъ сравненія тѣхъ и другихъ между собою старался провѣрить указанныя уже Бѣлинскимъ, Анненковымъ, Майковымъ и др. отношенія въ произведеніяхъ названныхъ писателей. Особенное вниманіе обращено въ сочиненіи на изслѣдованіе заимствованій въ стихотвореніяхъ Пушкина изъ стихотвореній Батюшкова, далѣе авторъ указываетъ и заимствованіе Пушкинымъ стихотворнаго размѣра у Батюшкова. Кромѣ того авторъ останавливается и на отношеніи Пушкинскихъ посланій, эпиграммъ, анакреотическихъ стихотвореній и элегій къ подобнымъ произведеніямъ Батюшкова. Что же касается метода изслѣдованія, то авторъ предпочелъ, какъ онъ самъ выражается, систему разсмотрѣнія вліянія Батюшкова на Пушкина „по главнѣйшимъ родамъ поэтическаго творчества". Между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы избрать болѣе вѣрный методъ историческаго изслѣдованія вліянія Батюшкова, сказавшагося въ поэтическомъ развитіи Пушкина.

Ограничиваясь въ своемъ сочиненіи исключительно непосредственнымъ, уже указаннымъ въ литературѣ, отношеніемъ Пушкина и Батюшкова, авторъ оставилъ въ сторонѣ многіе важные вопросы, какъ-то: о постепенномъ развитіи поэтическаго творчества какъ Пушкина, такъ и Батюшкова, объ отношеніи названныхъ писателей къ предшествующей и современной имъ литературѣ, объ отношеніи поэзіи ихъ къ Западно-европейской литературѣ и проч.

Тѣмъ не менѣе нельзя не признать умѣнья автора анализировать и излагать свои мысли, относиться критически къ мнѣніямъ высказаннымъ по его предмету въ литературѣ; наконецъ, нельзя не отмѣтить труда, приложеннаго авторомъ къ изученію стихотвореній Батюшкова и Пушкина.

Въ виду всего этого, согласно съ мнѣніемъ рецензента профессора Владимірова, Историко-филологическій факультетъ удостоилъ автора означеннаго сочиненія почетнаго отзыва.

По физико-математическому факультету.

1) На тему: „Изслѣдовать явленіе самоопыленія у растеній“ представлено сочиненіе студентомъ 8 семестра Георгіемъ Ивановичемъ Антоновымъ.

Въ первой части работы, въ введеніи, авторъ разсматриваетъ приспособленія, существующія у растеній для перекрестнаго опыленія, что бы выяснить различія, существующія между цвѣтками опыляемыми собственною и чужею цвѣтенью, и переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію существующихъ въ природѣ постепенныхъ переходовъ между цвѣтками, приспособленными для перекрестнаго опыленія и для самоопыленія.

Вторая наибольшая по объему часть сочиненія, заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, собственныя наблюденія автора. Здѣсь сперва разсматриваются раскрывающіеся цвѣтки, въ которыхъ при обыкновенныхъ условіяхъ происходитъ перекрестное опыленіе, но не исключено также самоопыленіе. Отъ нихъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію цвѣтковъ, въ которыхъ наоборотъ перекрестное опыленіе еще возможно, но обыкновенно происходитъ самоопыленіе.

Далѣе описываются не раскрывающіеся—клейстогамическіе цвѣтки, приспособленные къ исключительному самоопыленію.

Для каждой изъ названныхъ категорій цвѣтковъ авторъ очень тщательно излагаетъ собственныя наблюденія надъ различными вида-

ми растеній, наблюденія, которыя въ многихъ случаяхъ цѣликомъ принадлежатъ ему одному и вносятъ новые факты въ науку.

Въ 3 и 4 главахъ сочиненія авторъ отвѣчаетъ на вторую часть темы „зависимость самоопыленія отъ внѣшнихъ условій и сравненіе результатовъ самоопыленія съ послѣдствіями перекреснаго опыленія".

Эта часть работы заключаетъ въ себѣ хорошо составленную компиляцію уже извѣстнаго. Если авторъ въ указанномъ отношеніи не сдѣлалъ почти никакихъ собственныхъ, то въ этомъ его винить нельзя, такъ какъ для подобныхъ наблюденій необходимы опыты, производство которыхъ требуетъ болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ то, какимъ располагаетъ студентъ, пишущій сочиненіе на заданную тему.

Къ письменному изложенію сочиненія приложенъ атласъ съ многими рисунками, хорошо исполненными самимъ авторомъ и съ необходимыми объясненіями.

Авторъ изучилъ литературу предмета съ большимъ усердіемъ и полнотою, а собственныя его наблюденія изложилъ вполнѣ ясно и весьма обстоятельно. Онъ очевидно обладаетъ способностями необходимыми для самостоятельнаго научнаго труда.

На основаніи изложеннаго и согласно съ отзывомъ рецензента профессора Шмальгаузена—Физико-математическій факультетъ удостоилъ Георгія Антонова награжденія золотою медалью и вмѣстѣ съ тѣмъ преміей Н. И. Пирогова въ 100 р.

2) На тему: „Приближенное вычисленіе опредѣленныхъ интеграловъ", представлены четыре сочиненія студентами: 7 семестра—Сергіемъ Слѣсаревскимъ, 5 семестра—Андреемъ Мищенко и Емельяномъ Игнатьевымъ и 4 семестра Георгіемъ Тверитиновымъ.

Достоинства и недостоинства этихъ сочиненій въ общемъ такого характера, что недаютъ возможности предпочесть какое либо изъ нихъ остальнымъ.

Авторы обнаружили знакомство съ многочисленными изслѣдованіями по предмету темы и болѣе или менѣе систематично изложили собранный ими литературный матеріалъ. Обработка этого матеріала мѣстами не вполнѣ безупречна и можно было бы желать большаго въ смыслѣ простоты и ясности изложенія. Существенный же недо-

статокъ, общій всѣмъ представленнымъ работамъ, состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ авторовъ не примѣнилъ ни одной изъ изложенныхъ ими теорій къ частнымъ примѣрамъ, тогда какъ тема, по характеру своему, представляетъ не только теоретическій, но также и практическій интересъ.

При изложеніи общихъ теоретическихъ соображеній авторы руководились главнымъ образомъ изслѣдованіями нашихъ отечественныхъ математиковъ. Однако почти ни одинъ изъ авторовъ не взялъ изъ этихъ изслѣдованій всего того, что непосредственно соотвѣтствовало цѣли.

Физико-математическій факультетъ согласно съ заключеніями рецензентовъ удостоилъ награжденія серебряными медалями: Сергѣя Слѣсаревскаго, Андрея Мищенко, Емельяна Игнатьева и Георгія Тверитинова.

По юридическому факультету:

1) На тему: „Locatio—conductio operis“ по римскому и русскому гражданскому праву представлено одно сочиненіе студ. 7 семестра Покровскимъ Іосифомъ, подъ девизомъ: „Per aspera et ardua tendo“.

Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей и заключенія. Первая часть, посвященная обработкѣ вопроса о locatio conductio operis по римскому праву, раздѣлена на введеніе, содержащее историческія свѣдѣнія, и семь главъ, трактующихъ о понятіи loc.-cond. operis, о совершеніи и прекращеніи его, о правахъ и обязанностяхъ контрагентовъ и объ искахъ, изъ этого договора истекающихъ. Вторая часть посвящена loc.-cond. operis въ русскомъ гражданскомъ правѣ; она раздѣлена на четыре главы, содержащія тѣ-же вопросы, что и въ первой части и кромѣ того обозрѣніе договоровъ русскаго права, отвѣчающихъ понятію римскаго loc.-cond. operis. Такимъ образомъ сочиненіе обнимаетъ предметъ данной темы со всѣхъ сторонъ и исчерпываетъ все ея содержаніе.

Авторъ съ любовію и прилежаніемъ занялся труднымъ и на первый взглядъ сухимъ, но въ сущности интереснымъ и живымъ и практическимъ вопросомъ. Онъ внимательно изучилъ всю доступную ему литературу нѣмецкую, русскую и отчасти французскую. Въ изложеніи постановленій рим. права авторъ, сопоставляя различныя теоріи и строго провѣряя доказательную силу ихъ по источникамъ,

держится вообще господствующаго взгляда на данный договоръ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ вопросѣ объ отвѣтственности conductor'a за сохраненіе вещи, за гибель ея) онъ горячо и съ убѣжденіемъ защищаетъ мнѣнія отдѣльныхъ ученыхъ и наконецъ, въ важнѣйшемъ вопросѣ о понятіи loc.-cond. operis (и въ частности о понятіи opus) онъ пытается установить свой собственный, оригинальный взглядъ. Хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ, а также и въ тѣхъ, гдѣ онъ защищаетъ мнѣнія отдѣльныхъ ученыхъ, съ авторомъ согласиться нельзя, но тѣмъ не менѣе почтенна эта попытка критическаго отношенія къ существующимъ теоріямъ, а также попытка самостоятельнаго творчества и при томъ не какого нибудь голословнаго, а основаннаго на многихъ мѣстахъ источниковъ и имѣющаго за себя много логическихъ основаній, но лишь не согласнаго съ историческими данными и практикой, а также отвергаемаго цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстъ источниковъ. Эти попытки критической оцѣнки теорій извѣстныхъ романистовъ, а также самостоятельнаго творчества не только свидѣтельствуютъ о внимательности и прилежаніи автора, о его надлежащемъ развитіи и юридической подготовкѣ, но также объ его способности къ ученому труду и объ его талантливости.

Въ изложеніи вопроса по русскому гражд. праву авторъ долженъ былъ одолѣть чрезвычайныя трудности. Онъ собиралъ признаки loc.-cond. operis изъ нѣсколькихъ договоровъ, имѣющихъ иногда смѣшанную природу, каковы: поставка, подрядъ, заказъ, договоръ объ обученіи. Не мало затрудняли автора и разнорѣчія ученыхъ, писавшихъ объ этихъ договорахъ, а также кассаціонная практика сената. Тѣмъ не менѣе можно признать, что авторъ исполнилъ удовлетворительно и эту часть работы.

Къ недостаткамъ сочиненія надо отнести недостаточность обработки въ изложеніи и въ языкѣ. Затѣмъ авторомъ пропущено хотя и не обязательное, но рекомендованное факультетомъ обозрѣніе loc.-cond. operis во французскомъ правѣ. Впрочемъ эти недостатки легко объяснить ограниченностію времени.

Юридическій факультетъ, согласно заключенію рец. проф. Казанцева, призналъ студента Покровскаго Іосифа, заслуживающимъ награды золотою медалью, вмѣстѣ съ преміею Н. И. Пирогова.

2) На тему: *„Пріобрѣтеніе наслѣдства и его послѣдствія по Русскому праву„*, предложенную факультетомъ для соисканія наградъ медалями въ 1889 году.

На означенную тему представлено *три* сочиненія.

I. *Первое* изъ нихъ, предст. студ. 8 сем. Сокольскимъ Львомъ. Послѣ краткаго указанія на противоположность универсальнаго пріобрѣтенія, свойственнаго наслѣдству, пріобрѣтенію сингулярному—при жизни, на господство перваго въ Римскомъ правѣ и проникновеніе его въ законодательства новыхъ народовъ и на недостаточное проникновеніе и сознаніе его въ нашемъ законодательствѣ, разсматриваетъ предметъ своей темы въ трехъ главахъ: *въ 1-й главѣ* излагается *пріобрѣтеніе наслѣдства и утвержденіе въ правахъ наслѣдства* по правамъ Римскому, древне-германскому, Прусскому, Французскому, Цюрихскому, Саксонскому и по Австрійскому, а въ заключеніе по Русскому законодательству—съ указаніемъ на преобладаніе въ однихъ изъ нихъ пріобрѣтенія независимо отъ воли (ipso jure) и безъ вмѣшательства и утвержденія въ правахъ со стороны государства, а въ другихъ—напротивъ,—съ оцѣнкой той и другой системы, и съ выясненіемъ въ особенности нашего законодательства съ помощію имѣющихся въ нашей литературѣ работъ и судебной практики. *Во 2-й главѣ* излагается *объ охраненіи наслѣдствъ*, при чемъ, послѣ указанія на различія въ немъ, смотря по взгляду на пріобрѣтеніе наслѣдства и на границы вмѣшательства государства, разсматриваются мѣры охраненія сначала по указаннымъ выше и нѣкоторымъ другимъ иностраннымъ законодательствамъ съ оцѣнкою принятыхъ въ нихъ различныхъ системъ, а затѣмъ по русскому законодательству—съ историческими указаніями и съ разъясненіемъ по дѣйствующему законодательству самихъ мѣръ и порядка охраненія, въ особенности же вопросовъ: о поводахъ охраненія, отношеніи его къ имуществу чужому и находящемуся у третьихъ лицъ, объ управленіи охраненнымъ имуществомъ и передачѣ его изъ охраны въ опеку и наслѣдникамъ по закону и по завѣщанію. *Въ 3-й главѣ* разсматривается *отреченіе отъ наслѣдства, принятіе наслѣдства и его послѣдствія*. Здѣсь, *въ 1-мъ отдѣлѣ*, послѣ общаго указанія на свойства принятія и отреченія, какъ актовъ воли, и на условія ихъ дѣйствительности со стороны способности лицъ, свободы воли, времени и ограниченій принятія и отреченія, излагаются *особо* сначала

принятіе, а затѣмъ отреченіе—съ разъясненіемъ ихъ видовъ и формъ по упомянутымъ иностраннымъ законодательствамъ и въ особенности по русскому законодательству, по которому разбираются и оцѣниваются разногласія, выразившіяся въ литературѣ и въ судебной практикѣ вслѣдствіе неясности законовъ. *Во 2-мъ отдѣлѣ* излагаются послѣдствія принятія наслѣдства—тоже какъ по иностраннымъ, такъ и по русскому праву, при чемъ указывается въ особенности: имѣетъ ли мѣсто переходъ къ наслѣдникамъ владѣнія ipso jure? Гдѣ и когда признается неограниченная или ограниченная отвѣтственность наслѣдниковъ по обязательствамъ? Распредѣляется ли она между сонаслѣдниками или является солидарною? Распространяется ли она на завѣщательныхъ преемниковъ безразлично или же съ различіемъ между ними, неограниченно или ограниченно? Возможно ли по нашему закону separatio bonorum въ устраненіе объединенія наслѣдства и имущества наслѣдника во вредъ кредиторамъ? Въ заключеніе авторъ останавливается на обязанности и отвѣтственности наслѣдниковъ по исполненію завѣщательныхъ распоряженій, въ особенности завѣщательныхъ отказовъ, на назначеніи для этого душеприказчиковъ, наконецъ на ученіе о раздѣлѣ наслѣдства и о *collatio*.

Изъ изложеннаго содержанія разсматриваемаго сочиненія видно, что оно обнимаетъ вполнѣ свою тему. Излагая ее по дѣйствующему праву, авторъ не ограничился отечественнымъ законодательствомъ, но сопоставилъ съ нимъ важнѣйшія иностранныя законодательства. При этомъ онъ воспользовался какъ имѣющимися въ нашей литературѣ трудами, такъ и важнѣйшими, хотя немногими, иностранными изслѣдованіями, не оставилъ безъ вниманія и судебной практики, основательно изучилъ и уяснилъ съ помощію этихъ пособій свою тему и изложилъ ее сжато, отчетливо, ясно, въ стройномъ и простомъ порядкѣ. Принимая во вниманіе все сказанное, юридическій факультетъ, согласно заключенію рецензента проф. Демченко, удостоилъ автора разсмотрѣннаго сочиненія, студ. Сокольскаго Льва, награды *золотою медалью*.

II. *Второе* сочиненіе на ту же тему представлено студ. 7 сем. Тлустовскимъ Михаиломъ подъ девизомъ: „*Отцы и братіе, аще что не дописахъ*“... и т. д.—состоитъ изъ *введенія* и *трехъ главъ*. *Во введеніи* авторъ объясняетъ историческимъ ходомъ развитія нашего законодательства о наслѣдствѣ недостаточность и неопредѣленность

постановленій о пріобрѣтеніи наслѣдства и ставитъ своей задачей вывести изъ этихъ постановленій тѣ общія начала, по которымъ совершается у насъ пріобрѣтеніе наслѣдства, при чемъ для облегченія своей задачи обращается къ болѣе развитымъ законодательствамъ, именно: римскому, французскому и австрійскому, общія положенія которыхъ о пріобрѣтеніи наслѣдства предпосылаетъ разсмотрѣнію соотвѣтствующихъ постановленій нашего законодательства. *Въ 1-й главѣ объ охраненіи наслѣдствъ*, послѣ очерка двухъ противоположныхъ системъ охраненія—французской и австрійской, авторъ разсматриваетъ мѣры охраненія по нашимъ законамъ, случаи и порядокъ ихъ примѣненія, при чемъ останавливается на вопросахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и объ управленіи охраненнымъ наслѣдствомъ и разъясняетъ эти вопросы, приводя высказанныя въ литературѣ мнѣнія и судебныя рѣшенія. *Во 2-й главѣ о пріобрѣтеніи наслѣдства,* указавши на примѣненіе системъ пріобрѣтенія ipso jure и на основаніи акта воли въ правѣ римскомъ, французскомъ и австрійскомъ, авторъ переходитъ къ нашему законодательству, разбираетъ противоположныя ученія, усматривающія въ немъ ту или другую систему, и склоняется въ пользу послѣднихъ, а затѣмъ въ частности излагаетъ условія дѣйствительности принятія наслѣдства со стороны способности лицъ, свободы воли, времени, ограниченій, видовъ и формы принятія, останавливаясь при этомъ на различіи возрѣній въ литературѣ и на судебной практикѣ. *Въ 3-й главѣ о послѣдствіяхъ пріобрѣтенія наслѣдства*, разсматриваются общія послѣдствія пріобрѣтенія особенно отвѣтственность по обязательствамъ, переходъ владѣнія, confusio и separatio bonorum, какъ по указаннымъ иностраннымъ законодательствамъ, такъ и по нашему, съ указаніемъ ученій авторовъ и судебной практики,—а затѣмъ въ частности излагаются такимъ же образомъ обязанности и отвѣтственность наслѣдниковъ по исполненію завѣщательныхъ распоряженій и отношенія по наслѣдству между многими наслѣдниками, особенно же подробно о раздѣлѣ наслѣдства между ними и о collatio.

Таково содержаніе втораго сочиненія. И это сочиненіе обнимаетъ свою тему со всѣхъ сторонъ, не ограничивается однимъ русскимъ законодательствомъ, но освѣщаетъ его сопоставленіемъ съ нѣкоторыми болѣе развитыми и типическими иностранными законодательствами, при чемъ авторъ пользовался главнымъ образомъ рус-

ской литературой. Нельзя сказать однакожъ, чтобы авторъ отчетливо разобрался въ своей темѣ и изложилъ ее въ ясной связи и послѣдовательности. На основаніи вышесказаннаго, юридическій факультетъ, согласно отзыву рецензента заслуж. проф. Демченко, удостоилъ студен. Тлустовскаго Михаила, награды *серебряною медалью*.

III. *Третье* сочиненіе на туже тему, представленное студ. 7 сем. Шульцомъ Николаемъ подъ девизомъ: *„fac et spera“*, состоитъ *изъ введенія*, заключающаго рядъ замѣчаній о характерѣ наслѣдственнаго перехода по закону и завѣщанію, и *4-хъ главъ*. Въ *первыхъ двухъ главахъ* дается историческій обзоръ постановленій нашего законодательства о мѣрахъ охраненія, пріобрѣтеніи и послѣдствіяхъ пріобрѣтенія наслѣдства *до* Петра Великаго и *отъ* Петра Великаго до изданія свода законовъ. *Въ 3-й главѣ* излагается пріобрѣтеніе наслѣдства по дѣйствующему законодательству, а *въ 4-й главѣ*—послѣдствія пріобрѣтенія наслѣдства по закону и по завѣщанію. Въ исторической части авторъ руководствуется главнымъ образомъ Неволинымъ, Дювернуа, Никольскимъ и Кавелинымъ, а въ догматической части—Никольскимъ, Любавскимъ, Побѣдоносцевымъ и нѣкот. другими авторами. При этомъ авторъ хотя останавливается болѣе или менѣе на всѣхъ существенныхъ вопросахъ, но излагаетъ ихъ спутано. Принимая однакожъ во вниманіе его трудъ и стремленіе къ изученію своей темы по различнымъ пособіямъ, юридич. факульт., согласно отзыву рецензента проф. Демченко, призналъ возможнымъ поощрить студ. Шульца Николая, наградою *серебряною медалью*.

По медицинскому факультету на тему: „О пересадкѣ слизистыхъ оболочекъ“ представлено сочиненіе подъ девизомъ: „экспериментъ и наблюденіе—единственные источники знанія“ и принадлежащее студенту 8 семестра Евгенію Ивановичу Дьяченкѣ.

Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей—историческій очеркъ и изложеніе добытыхъ авторомъ результатовъ.

Историческій очеркъ не только обнимаетъ скудныя данныя, имѣющіяся въ литературѣ, относительно пересадки слизистыхъ оболочекъ, но главнымъ образомъ обильныя литературныя указанія о пересадкахъ вообще кожи.

Исторія вопроса отличается обстоятельностію изложенія и исчерпана авторомъ во всей своей полнотѣ, начиная съ древнѣйшихъ

временъ до послѣдняго времени. Вообще историческая часть работы заслуживаетъ одобренія и обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье въ изученіи и пользованіи литературой, эрудицію по общепатологическимъ и клиническимъ вопросамъ.

Что касается до самостоятельной экспериментальной части работы, то нельзя не замѣтить, что, хотя вопросъ о конечной судьбѣ пересаженнаго куска слизистой оболочки, не рѣшенъ окончательно, какъ въ томъ признается и самъ авторъ, но въ предѣлахъ того краткаго времени, какое было въ распоряженіи для работы, сдѣлано все, что возможно было, и внесено значительное число данныхъ для объясненія той роли, которую играетъ пересаженный кусокъ.

Авторъ засталъ вопросъ о пересадкахъ слизистыхъ оболочекъ въ эмпирической стадіи развитія, когда клиническими отчетами Bölfler'a обращено было вниманіе хирурговъ на спасительное дѣйствіе приживанія кусковъ слизистой оболочки къ ранамъ на слизистыхъ же оболочкахъ. Въ чемъ заключалось и заключается это спасительное дѣйствіе прирастанія кусковъ слизистой оболочки, осталось не выясненнымъ и гистологическая сторона вопроса совершенно осталась открытою.

Въ виду отсутствія систематическихъ гистологическихъ изслѣдованій надъ постепеннымъ измѣненіемъ въ пересаженномъ кускѣ слизистой оболочки нельзя было высказаться, какую роль играетъ привитый кусочекъ, дѣйствительно ли онъ служитъ источникомъ образованія эпителіальнаго покрова на ранѣ, и почему именно послѣ пересадки и прирастанія куска слизистой оболочки не происходитъ рубцеванія первоначальной раны.

Если пробѣлъ въ вопросѣ о гистологическихъ измѣненіяхъ въ пересаженномъ кускѣ кожи на кожныя раны пополненъ лишь въ настоящемъ году работою Garri, то въ вопросѣ объ измѣненіяхъ пересаживаемыхъ кусковъ слизистой оболочки пробѣлъ этотъ оставался недополненнымъ и первыя данныя къ его дополненію мы находимъ въ разсматриваемой теперь работѣ.

Хотя въ представленной работѣ есть нѣкоторые недостатки, но таковая имѣетъ и въ настоящемъ ея видѣ значительную цѣнность, такъ какъ: 1) въ ней содержатся указанія какъ о регрессивныхъ такъ и прогрессивныхъ измѣненіяхъ въ пересаженномъ кускѣ и при томъ шагъ за шагомъ начиная отъ 1 до 15 дня; 2) работа имѣетъ

значеніе практическое, указывая клиницисту, что приживаніе совершается наиболѣе скоро и полно въ томъ случаѣ, когда эксудатъ плазмотическій и кровеносный на границѣ пересаживаемаго куска и почвы бываетъ возможно меньше; 3) въ тѣхъ случаяхъ когда пересаженный и приставшій кусокъ слизистой оболочки не служитъ самъ источникомъ разрастанія эпителія въ виду того, что этотъ послѣдній бываетъ тонокъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ тонкихъ слоевъ, отпадающихъ раньше, чѣмъ если кусокъ успѣетъ воскуллироваться, спасительное дѣйствіе его на рану слизистой оболочки заключается въ томъ, что, прижившн, онъ мѣшаетъ образованію на ранѣ грануляціонной ткани въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ вводитъ заживленіе обнаженной слизистой оболочки къ заживленію per primam intentionem и препятствуетъ образованію рубца. Будучи даже временнымъ покровомъ обнаженной слизистой оболочки, прижившій кусокъ косвенно содѣйствуетъ покрытію обнаженной части эпителіемъ изъ надвигающагося эпителія во кругъ мѣста обнаженія.

Такимъ образомъ настоящею работою выяснено, что пересадка слизистой оболочки на свѣжія раны слизистой же оболочки и послѣдующее затѣмъ приживленіе пересаженныхъ кусковъ, если бы даже и не вело прямо къ покрытію эпителиальнаго дефекта на счетъ эпителія пересаженнаго куска, то все же сберегаетъ время для покрытія раны на счетъ разростающагося эпителія матерней почвы, окружающаго обнаженную часть и предохраняетъ отъ рубцеванія. Результаты эти такъ цѣнны и для патологіи и для клиники, что, не смотря на незаконченность работы, [въ чемъ невиновенъ авторъ] трудъ автора, по мнѣнію рецензента профессора паталогіи Подвысоцкаго и профессоровъ хирургіи Ринека и Павловскаго, вполнѣ достоенъ высшей награды.

Медицинскій факультетъ на основаніи вышеизложеннаго удостоилъ Евгенія Дьяченка награжденія золотою медалью.

Для соисканія наградъ медалями въ 1890 году предложены факультетами слѣдующія задачи:

а) Историко-филологическомъ:

1) „Риторика Аристотеля“. Анализъ и переводъ съ комментаріемъ.

2) Критическій анализъ „основныхъ началъ“, Гербарта Спенсера.

3) „Исторія Кіевскаго княжества отъ смерти Ярослава до конца XIV ст.“

4) „Тидренъ-сага“.

б) Физико-математическимъ:

1) „Строеніе и развитіе сѣмянной кожуры въ семействахъ: Ranuncalacea и Convolvulacea.

Прослѣдить образованіе кожуры изъ опредѣленныхъ слоевъ покрововъ сѣмяночки и выяснить строеніе развитой кожуры у нѣсколькихъ представителей названныхъ семействъ.

2) „Лѣтомъ 1889 г. наблюдалась комета, открытая 6 іюля Бруксомъ. 1-го августа 1889 года комета раздѣлилась. Предлагается на основаніи имѣющихся наблюденій разрѣшить вопросъ—двигалась ли комета послѣ раздѣленія по той же орбитѣ, по которой она приблизилась къ солнцу, или послѣ раздѣленія стала описывать другую кривую“.

3) „Кривизны поверхностей, условія наложенія одной поверхности на другую, поверхности постоянной кривизны, кратчайшія линіи на поверхностяхъ“.

в) Юридическимъ факультетомъ:

1) По римскому праву:

Виды завѣщательныхъ отказовъ „Legata“ и ихъ пріобрѣтеніе, по римскому и русскому праву.

2) По политической экономіи. „Объ акціонерныхъ компаніяхъ“.

3) По уголовному праву. „Объ оскорбленіяхъ чести“.

и г) Медицинскимъ факультетомъ:

1) „Причины неодинаковаго возбуждающаго дѣйствія анода и котода на нервы и мышцы“.

2) „Постоянно ли отношеніе между величиною максимальнаго укороченія мышцы при возбужденіи и ея длиною для всѣхъ мышцъ“.

3) Существуетъ ли разница въ характерѣ тетануса мышцъ вызываемаго чрезъ посредство психоматорныхъ центровъ головнаго мозга, или только чрезъ посредство нижележащихъ нервныхъ центровъ“.

4) „Экспериментальное изслѣдованіе объ измѣненіяхъ въ подкожной клѣтчаткѣ и въ мышцахъ при венозныхъ гипереміяхъ“.

5) „Судьба упругихъ волоконъ въ артеріосклеротическомъ и атероматозномъ процессѣ“.

6) „Измѣненія въ печени, въ мышцахъ и въ другихъ тканяхъ при гликозуріи отъ флоридзина".

7) „Вліяніе паровъ эѳирныхъ маслъ на бактерій брюшнаго тифа и чахотки".

8) „Измѣненія въ мышцахъ послѣ перерѣзки соотвѣтственныхъ нервовъ".

Заканчивая краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности Университета Св. Владиміра въ истекшемъ году, не можемъ въ заключеніе не упомянуть о весьма важной мѣрѣ, принятой въ послѣдніе полугодіе Министерствомъ Народ. Просвѣщенія и касающейся порядка испытаній студентовъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ Университетъ Св. Владиміра привѣтствуетъ возвращеніе къ испытанной уже системѣ полукурсовыхъ экзаменовъ, системѣ которая, съ одной стороны, облегчаетъ испытанія для студентовъ, а съ другой стороны побуждаетъ ихъ въ первые же годы пребыванія въ Университетѣ безотлагательно приступить къ основательному изученію избраннаго круга наукъ и даетъ имъ возможность постепенно провѣрить свои силы и достигнутые ими успѣхи передъ судомъ наставниковъ, руководствомъ, которыхъ они пользовались и будутъ еще пользоваться до окончанія ими полнаго курса наукъ. Ожидая отъ этой мѣры весьма полезныхъ результатовъ въ ближайшемъ будущемъ, Университетъ Св. Владиміра съ своей стороны приложитъ всѣ свои силы и старанія къ тому, чтобы и впредь достойно исполнять свое назначеніе и тѣмъ оправдать ожиданія Державнаго Монарха Земли Русской, Августѣйшаго Покровителя Россійскихъ Университетовъ.

ГУМАННЫЯ ТРЕБОВАНІЯ ВОЙНЫ.

Рѣчь, произнесенная проф. **П. И. Морозовымъ** на торжественномъ актѣ университета св. Владиміра 8-го января 1890 года.

Мм. Гг. и Мм. Гг.—ни! Высокая честь бесѣдовать съ вами въ день годичнаго торжественнаго собранія нашего университета выпала въ нынѣшнемъ году на мою долю. Не безъ нѣкотораго чувства колебанія и сознанія трудности предстоящей задачи принялъ я на себя эту честь. Трудность касается здѣсь главнымъ образомъ выбора темы для предстоящей рѣчи, касается отчасти и способа изложенія, научной обработки этой рѣчи. Лекторъ не долженъ въ этомъ случаѣ становиться на слишкомъ узкую точку зрѣнія своей спеціальности, не долженъ излагать предмета рѣчи въ слишкомъ сухой и отвлеченной формѣ; лекторъ долженъ, напротивъ, придать своей рѣчи живой общественный интересъ, долженъ освѣтить ее путемъ научнаго опыта и наблюденія, долженъ, наконецъ, высказать въ ней послѣднее, высоко—стоящее слово науки, слово истины. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, правда, очень трудно осуществимымъ на практикѣ, лекторъ долженъ сдѣлать и выборъ темы для рѣчи, вполнѣ соотвѣтствующій особенностямъ даннаго случая, именно научной любознательности общества относительно тѣхъ или другихъ вопросовъ, которые его могутъ въ данную минуту всего болѣе интересовать.—Къ числу такихъ вопросовъ, смѣю думать, мы должны отнести и тотъ вопросъ, жгучій интересъ котораго уже съ давнихъ поръ приковываетъ къ себѣ вниманіе всего просвѣщеннаго міра,—вопросъ, настоятельное рѣшеніе котораго особенно живо чувствуется во время великихъ народныхъ бѣдствій, называе-

мыхъ войною со всѣми ея ужасами и безчисленными жертвами,—вопросъ, практическаго осуществленія котораго не удалось, однако, достигнуть до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія новѣйшей цивилизаціи,—вопросъ, который я позволю себѣ назвать *гуманными требованіями войны*.—Два понятія, діаметрально противоположныя, взаимно уничтожающія другъ друга: война и гуманность—сталкиваются здѣсь въ этомъ вопросѣ. Мыслимо-ли, возможно-ли совмѣщеніе этихъ двухъ, столь различныхъ по существу, понятій? Не злая-ли это иронія надъ тѣмъ, что представляетъ намъ война въ дѣйствительности?! Каждый въ правѣ предложить мнѣ такой вопросъ,—каждый въ правѣ отнестись даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ такому нѣсколько странному выбору мною темы для предстоящей рѣчи. На самомъ дѣлѣ это не такъ, и хотя на войнѣ,—по словамъ нашего извѣстнаго, къ сожалѣнію такъ недавно еще сошедшаго прежде времени въ могилу, проф. А. П. Доброславина [1]),—на войнѣ, говоритъ онъ, „все не гуманно и все не гигіенично, начиная отъ смертоносныхъ условій битвы и кончая страшными ея послѣдствіями“,—тѣмъ не менѣе нельзя отвергать и на войнѣ извѣстныхъ проявленій, или, лучше сказать, требованій, вполнѣ естественныхъ, гуманности. Правда, нашъ великій хирургъ Н. И. Пироговъ говоритъ по этому поводу [2]), что на войнѣ „прежде всего надо побѣдить, и все, что препятствуетъ побѣдѣ, что стѣсняетъ быстроту движеній арміи и ея натискъ, должно быть удалено, или отдалено“. Высказывая, однако, такое мнѣніе, Пироговъ очевидно только повторяетъ общераспространенный взглядъ на войну, по которому гуманныя соображенія здѣсь невольно отходятъ на задній планъ, просто въ силу роковой необходимости, въ силу неизбѣжныхъ тяжелыхъ условій войны. Но такъ не должно быть! И если побѣды заносятся блестящими страницами въ лѣтописи исторіи,—если онѣ составляютъ главную, конечную цѣль войны, ради которой приносятся несчислимыя жертвы.—то, съ другой стороны, болѣе скромныя, но не менѣе высокія цѣли и задачи военно-полевой администраціи, равно какъ задачи добро-

---

[1]) А. Доброславинъ. Курсъ военной гигіены. Т. II. Спб. 1887. Стр. 333.

[2]) Н. Пироговъ. Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Спб. 1879. Ч. II. Стр. 138.

вольной частной помощи раненнымъ, задачи также извѣстныхъ международныхъ отношеній—должны быть направлены и къ уменьшенію бѣдствій войны.—Мнѣ могутъ еще возразить, что на войнѣ мудрено вообще разсуждать о гуманности, такъ какъ война уже сама по себѣ есть отрицаніе всякой гуманности. На это я отвѣчу, что война конечно, сама по себѣ есть одно изъ тѣхъ великихъ народныхъ бѣдствій, другого подобнаго которому нѣтъ,—что она противна всякому человѣческому чувству, такъ какъ повсюду она приноситъ съ собою неисчислимую массу бѣдствій и горя,—все это совершенно вѣрно, и противъ этого никто спорить не станетъ; но увеличивать безъ надобности, безъ цѣли бѣдствія и ужасы войны: истреблять поголовно непріятеля, добивая его раненныхъ и плѣнныхъ, не давая при этомъ пощады ни мирному населенію, ни частной собственности,—бросать на произволъ судьбы своихъ собственныхъ раненныхъ, не оказывая имъ никакой помощи, чтобы только не стѣснять этимъ быстроты движеній своей арміи,—оставлять безъ погребенія убитыхъ на поляхъ сраженій,—изобрѣтать, наконецъ, для войны, совершенно безцѣльныя и только увеличивающія страданія раненныхъ всевозможныя орудія истребленія,—все это такія мрачныя стороны войны, которыя могли быть еще сколько-нибудь умѣстны въ древнія времена, среди дикихъ, полуцивилизованныхъ народовъ востока, но которыя не могутъ быть терпимы въ наше время, потому что онѣ оскорбительны для чувства гуманности,—потому что онѣ попираютъ всякія человѣческія права, и должны быть, поэтому, преслѣдуемы судомъ чести и гуманности, судомъ извѣстныхъ международныхъ отношеній. Война такимъ образомъ имѣетъ свои права, и гуманныя требованія здѣсь не только вполнѣ умѣстны, но и законны.

Въ чемъ должны выражаться эти гуманныя требованія войны, и на-сколько они вообще осуществимы на практикѣ, въ дѣйствительности? На это мы отвѣтимъ прежде всего, что при современномъ убійственномъ способѣ веденія войнъ, дающемъ въ короткое время огромное количество убитыхъ и раненныхъ, задачи военно-полевой администраціи, и слѣдовательно и требованія гуманности касаются прежде всего *своевременной уборки раненныхъ съ поля сраженіи и оказанія всѣмъ имъ необходимой помощи*. Мы далеко ушли отъ того времени, когда раненныхъ оставляли обыкновенно на полѣ

сраженій, какъ негодный *ломъ* и *бракъ*, по выраженію нашихъ старыхъ служакъ [1]),—какъ мертвый, непроизводительный балластъ, чтобы не затруднять ими быстроты передвиженій арміи! Не касаясь здѣсь отдѣльныхъ указаній на то, что уже въ глубокой древности, напримѣръ у римлянъ, во-время 2-ой пунической войны (218—201 до Р. Х.), мы встрѣчаемъ первыя попытки организовать въ войскахъ особый штатъ носильщиковъ, на которыхъ возложена была обязанность выносить изъ боя раненныхъ,—что затѣмъ такія-же попытки мы встрѣчаемъ, въ видѣ отдѣльныхъ узаконеній, у римскаго императора Траяна (98—117 по Р. Х.) и позже у византійскихъ императоровъ Маврикія (въ концѣ VI вѣка) и Льва VI (въ концѣ IX вѣка),—не касаясь, говорю, здѣсь въ деталяхъ этихъ отдѣльныхъ указаній, имѣющихъ для насъ только историческое значеніе, замѣтимъ, однако, что всѣ эти попытки оказанія первой, необходимой помощи раненнымъ какъ-то трудно прививались на практикѣ, и съ теченіемъ времени обыкновенно исчезали безъ слѣда. Справедливо говоритъ по этому поводу извѣстный германскій хирургъ Бергманнъ [2]), что „въ теченіе цѣлыхъ столѣтій помощь была подаваема лишь легко-раненнымъ, тяжело-же раненные были убиваемы на полѣ сраженія побѣдившими непріятелями“. Еще чаще раненные, оставленные и брошенные на произволъ судьбы на полѣ сраженія, погибали отъ ранъ и мученій жажды, или голодной мерти. Въ какомъ ужасномъ положеніи находилось вообще все это дѣло оказанія первой помощи раненнымъ, мы видимъ изъ того, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія, во всѣхъ почти европейскихъ арміяхъ, существовало, какъ общее правило, оставлять тяжело—раненныхъ, которые не могли сами двигаться, не убранными съ поля сраженія до окончанія битвы [3]). Прусскій король Фридрихъ Великій запрещалъ даже выносить раненыхъ съ поля сраженія до окончанія боя, и раненые оставались часто не убранными до 2-го дня послѣ битвы, въ ожиданіи пока послѣдуетъ на это особое распоряженіе главнокомандующаго. Гибельныя послѣдствія такой несвоевременной уборки раненыхъ легко себѣ представить. Такъ, послѣ битвы при Торгау,

---

[1]) Н. Пироговъ. Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году. Спб. 1871. Стр. 10.

[2]) Э. Бергманнъ. Военно-хирургическіе афоризмы (*Военно-Медиц. Журналъ*, 1866).

[3]) E. Richter. Allgemeine Chirurgie der Schussverletzungen im Kriege. Breslau, 1877. S. 427.

окончившейся только къ вечеру 3-го ноября 1760 г., цѣлыя тысячи раненныхъ должны были дожидаться утра при страшномъ холодѣ, на болотистой, покрытой льдомъ почвѣ, не имѣя ни глотка воды, безъ покрова теплой одежды, многіе даже раздѣтые до рубахи кочующими мародерами [1]). Не лучше было положеніе раненныхъ послѣ битвы и у другихъ народовъ. Такъ, во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, по словамъ извѣстнаго германскаго хирурга Рихтера, не было ни носилокъ, ни другихъ какихъ-либо приспособленій для переноски раненныхъ съ поля битвы въ ближайшій лазаретъ, или госпиталь [2]). Только въ 1793 году, по мысли двухъ великихъ французскихъ хирурговъ: Ларрея (знаменитаго спутника Наполеона I) и Перси, были учреждены впервые во Франціи особые легкіе подвижные лазареты, такъ называемые „амбюлансы“ Ларрея, которые, будучи построены по типу конной артиллеріи, съ персоналомъ въ 340 человѣкъ, могли быстро передвигаться вмѣстѣ съ арміей, проникали въ самый разгаръ боя на поле сраженія, отыскивали здѣсь раненныхъ и перевязывали ихъ, оказывая первое, необходимое пособіе. Съ тою-же цѣлью предложены были Перси особые экипажи, такъ называемые „колбасы“, служившіе для перевозки не только перевязочныхъ веществъ, но и самого медицинскаго персонала, садившагося на нихъ прямо верхомъ. Нѣсколько позднѣе, во-время испанской войны Наполеона I (въ 1808 году), Перси были организованы впервые санитарные отряды носильщиковъ для своевременной уборки раненныхъ. Такимъ образомъ, въ этихъ замѣчательныхъ двухъ гуманныхъ учрежденіяхъ французской арміи, мы видимъ уже значительный шагъ впередъ въ трудномъ дѣлѣ оказанія помощи раненнымъ на полѣ сраженій.—Въ какомъ положеніи находилось это дѣло у насъ въ Россіи? Къ сожалѣнію, относительно этого вопроса мы не имѣемъ такихъ точныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ указаній, на основаніи которыхъ могли-бы шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное развитіе этого дѣла въ Россіи. Но, судя по тѣмъ неутѣшительнымъ даннымъ, какія намъ извѣстны изъ временъ крымской кампаніи, можно думать, что въ разсматриваемый нами промежутокъ времени, конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, дѣло ока-

---

[1]) E. Richter. L. c. S. 427.
[2]) E. Richter. L. c. S. 429.

занія помощи раненнымъ на полѣ сраженій находилось у насъ еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ во Франціи, или Германіи. Такъ, во время великой коалиціи европейскихъ державъ противъ Наполеона I, въ 1813 г., въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 27-го августа, тяжело былъ раненъ нашъ союзникъ въ то время, извѣстный французскій генералъ Моро. Его вынесли изъ боя на импровизированныхъ изъ казацкихъ пикъ носилкахъ, и, по наложеніи ему первой повязки, перенесли на простомъ соломенномъ матрацѣ, взятомъ прямо съ крестьянскаго воза, въ Нѣтницъ, гдѣ лейбъ-медикъ Виллье отнялъ ему обѣ ноги выше колѣнъ. Въ тотъ-же вечеръ, Моро, подъ проливнымъ дождемъ, перенесли дальше, и, перемѣнивъ послѣ этого еще 3 раза мѣсто своего пребыванія, Моро странствовалъ такимъ образомъ до утра 30-го августа, когда, наконецъ, смерть прекратила его дальнѣйшія мученія [1]). Если подобный уходъ могъ быть за знаменитымъ генераломъ, близко стоявшимъ въ то время къ Государю Александру I, то каково-же было другимъ раненнымъ—болѣе простымъ смертнымъ! Также велики были бѣдствія нашихъ раненныхъ и во-время крымской кампаніи. Бывшій профессоръ нашего университета Х. Я. Гюббенетъ разсказываетъ, что послѣ сраженія подъ Альмою, 20-го сентября 1854 г., первой нашей битвы съ союзными войсками, къ которой мы были хорошо подготовлены, наши раненные оставались не убранными съ поля битвы въ теченіе 5—6 дней, прямо подъ открытымъ небомъ, безъ пищи и воды, и безъ всякой медицинской помощи; наконецъ, уже они были подобраны англичанами [2]). Въ такомъ неприглядномъ видѣ находилась у насъ, еще какихъ-нибудь 30 съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, уборка раненныхъ съ поля сраженій,—этотъ первый и самый необходимый, самый естественный актъ проявленія гуманности на войнѣ.—Лучше-ли было обставлено это дѣло у другихъ, болѣе культурныхъ въ то время, народовъ западной Европы? Мы видимъ, что нѣтъ.—И тѣ-же французы, которые первые завели у себя и летучіе подвижные лазареты (амбюлансы) Ларрея, и санитарные отряды Перси, зачастую, однако, бросали своихъ раненныхъ не убранными съ поля сраженій. Я не

---

[1]) М. Штейнбергъ. Первая помощь на войнѣ и перевязочные пункты (*Военно-Санитар. Дѣло*, 1888. № 11 Стр. 137).

[2]) E. Richter. L. c. S. 440.

буду приводить вамъ цѣлаго ряда подобныхъ примѣровъ; напомню только сраженія при Бородино (1812) и подъ Лейпцигомъ (1813). Также и у другихъ народовъ, переходя даже въ болѣе близкое къ намъ время, участь раненныхъ на полѣ сраженій была далеко не обезпечена. Такъ, послѣ сраженія при Сольферино (1859), слѣдовательно уже послѣ крымской кампаніи, большинство раненныхъ австрійцевъ оставались безъ всякой перевязки до 3-го дня, и даже послѣ этого срока многимъ изъ нихъ не хватало соломы для самой простой подстилки. Также и у французовъ, побѣдителей въ этой битвѣ, по свидѣтельству извѣстнаго доктора Шеню, раненныхъ доставляли въ ихъ амбюлансы даже на 5-й и 6-й день послѣ битвы [1]). Ужасныя бѣдствія, которыя вообще испытывали раненные послѣ сраженія при Сольферино, послужили даже толчкомъ для созыва знаменитой Женевской международной конвенціи, о которой скажемъ дальше.—Въ какомъ положеніи находилась уборка раненныхъ съ поля сраженій во-время послѣднихъ великихъ войнъ: прусско-французской и нашей войны съ Турціей? Чтобы отвѣтить вполнѣ безпристрастно на этотъ вопросъ, мы должны вообще сказать, что при томъ современномъ, но крайне убійственномъ способѣ веденія войнъ, какимъ отличается нашъ просвѣщенный и культурный вѣкъ, въ короткое время изъ рядовъ сражающихся войскъ выводится огромное количество убитыхъ и раненныхъ. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ нѣкоторомъ пристрастіи, я приведу вамъ такіе примѣры. Въ сраженіи при Сенъ-Привà, во-время войны Франціи съ Пруссіей, 18-го августа 1870 г., прусская гвардія въ теченіи 10 минутъ потеряла 7000 убитыхъ и раненныхъ, изъ числа 18000 бывшихъ въ бою, потому что подошла подъ убійственный ружейный огонь всего одной бригады французской пѣхоты (численностью въ 3000 человѣкъ). Французы въ этомъ случаѣ открыли огонь изъ ружей Шасспо на разстояніи 1200 метровъ (нѣсколько болѣе 1 версты); пруссаки едва могли приблизиться на 600 метровъ, и отступили, понеся столь ужасныя потери. Въ двухъ атакахъ Плевны, 18-го іюля и 30-го августа 1877 г., мы понесли въ короткое время также огромныя потери, причемъ, какъ свидѣтельствуетъ генералъ Тотлебенъ, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ бельгійскому генералу Бріальмону,

[1]) E. Richter L. c. S. 442.

„самыя геройскія усилія нашихъ войскъ были безуспѣшны, и дивизіи, имѣвшіе болѣе 10,000 человѣкъ, были низведены до наличнаго состава въ 4—5000 человѣкъ“ [1]).

Какъ среднюю норму, можно принять, что въ современныхъ войнахъ общее количество убитыхъ и раненныхъ во-время сраженій составляетъ приблизительно около 20% всего количества сражающихся войскъ. Цифра эта очень велика, особенно если принять во вниманіе, какія огромныя массы войскъ, цѣлыя стотысячныя арміи принимаютъ въ настоящее время участіе въ бою. Между тѣмъ, по поводу этой цифры, по поводу вообще процентнаго отношенія количества убитыхъ и раненныхъ во-время сраженій, намъ часто приходится выслушивать такое мнѣніе, что современныя войны не только не отличаются тѣмъ страшнымъ кровопролитіемъ, какъ это привыкли вообще думать, но что, напротивъ, эти войны, представляя меньшую потерю въ войскахъ во-время сраженій, меньшее количество убитыхъ и раненныхъ, являются даже болѣе гуманными въ этомъ отношеніи. Такое мнѣніе высказываетъ между прочимъ извѣстный германскій хирургъ Рихтеръ, стараясь его доказать цѣлымъ рядомъ цифровыхъ данныхъ, и въ концѣ концовъ высказывающій такое аподиктическое заключеніе, что „новѣйшія войны стоятъ относительно гораздо меньше человѣческихъ жизней, чѣмъ войны прежнія“ [2]). Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Если-бы вышеприведенное мнѣніе Рихтера было, дѣйствительно, справедливо, въ такомъ случаѣ оставалось-бы, конечно, только радоваться тому, что войны, чѣмъ дальше, тѣмъ все меньшія будутъ представлять потери въ войскахъ, и такимъ образомъ все болѣе будутъ приближаться къ гуманнымъ стремленіямъ нашего вѣка.... Свѣтлая иллюзія, которая быстро разлетается сама собою, при болѣе серьёзномъ и болѣе безпристрастномъ разсмотрѣніи тѣхъ самыхъ цифровыхъ данныхъ, на которыя ссылается при этомъ Рихтеръ. Откуда въ самомъ дѣлѣ могло явиться у Рихтера подобное мнѣніе, встрѣтившее себѣ поддержку также и у другихъ хирурговъ (Лонгморъ, Фишеръ, Бирхеръ)? Мы знаемъ, дѣйствительно, что во-времена Фридриха Великаго и Наполеона I, на что по преимуществу ссылается Рихтеръ, войны

---

[1]) *Оружейный Сборникъ*, 1882. № 3.

[2]) E. Richter. L. c. S. 81.

были какъ-то особенно кровопролитны. Такъ, въ сраженіи при Цорндорфѣ (1758), изо всего количества 80000 сражающихся войскъ, было убито и ранено 30000, слѣдовательно % убыли въ войскахъ 37,5, очень большой. Въ сраженіи при Куннерсдорфѣ (1759), изъ количества участвовавшихъ въ бою 40000 пруссаковъ, убитыхъ и раненныхъ было 23000 [1]), т. е. % убыли 57,5, — ужасный: болѣе половины, слѣдовательно, выбыло изъ строя войскъ; это самая кровопролитная изъ всѣхъ битвъ Фридриха Великаго. Но, въ тоже время, въ сраженіяхъ при Лигницѣ (1760) и Торгау (1760) % убыли всего 28 и 27; въ сраженіи при Коллинѣ (1757), одномъ изъ самыхъ упорныхъ: войска Фридриха Великаго 7 разъ атаковали здѣсь укрѣпленныя позиціи непріятеля, и 7 разъ были отбиты съ большимъ урономъ,—% убыли здѣсь былъ всего 25,—также и въ сраженіи подъ Прагою (1757); наконецъ, въ сраженіи при Росбахѣ (1757) % убыли въ рядахъ разбитыхъ здѣсь союзниковъ (французовъ и австрійцевъ) едва достигаетъ 5,5, а въ сраженіи при Лейтенѣ (1757), которое также было выиграно Фридрихомъ, % убыли у пруссаковъ всего 8, а въ рядахъ разбитыхъ на-голову австрійцевъ и того меньше—7,3. Мы видимъ, такимъ образомъ, что если отдѣльныя битвы временъ Фридриха Великаго, дѣйствительно, и отличались особеннымъ кровопролитіемъ, какъ битвы при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ, дававшія такой высокій % убыли въ войскахъ, то съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, изъ приведенныхъ мною цифровыхъ данныхъ, что на ряду съ этими битвами другія вовсе не представляли такого страшнаго кровопролитія. То-же самое мы видимъ и въ битвахъ временъ Наполеона I. Такъ, въ сраженіи при Аустерлицѣ (1805), изъ 83000 участвовавшихъ въ бою союзныхъ войскъ (русскихъ и австрійскихъ), убитыхъ и раненныхъ было 30000, — опять огромный % убыли—36,1. Въ сраженіи при Эйлау (1807), % убыли въ нашихъ войскахъ также очень великъ— 33,3. Въ сраженіи при Бородино (1812), одномъ изъ самыхъ упор-

---

[1]) Такую цифру принимаетъ между прочимъ извѣстный англійскій хирургъ Лонгморъ (T. Longmore, Gunshot Injuries. London, 1877. Pg. 588). Но у Гербста (W. Herbst, Encyklopädie der neueren Geschichte. 22. Liefer. Gotha 1885, S. 140—141) мы находимъ другія цифровыя данныя: изъ 43000 бывшихъ въ бою пруссаковъ, убитыхъ и раненныхъ всего 18000,—слѣдовательно, % убыли 42,5. Вѣроятно этотъ % стоитъ ближе къ дѣйствительности.

ныхъ и кровопролитныхъ, гдѣ рѣшалась участь обѣихъ воюющихъ державъ, изо всего количества участвовавшихъ въ бою войскъ — 250000 (французовъ и русскихъ), убитыхъ и раненныхъ было 83000, — слѣдовательно, % убыли опять 33,2. Но, на ряду съ этими, дѣйствительно, кровопролитными битвами, мы встрѣчаемъ и другія, дававшія гораздо меньшія потери въ войскахъ. Такъ, въ сраженіи при Ваграмѣ (1809), % убыли въ рядахъ австрійскихъ войскъ 26,6; у французовъ всего 17,8%. Въ сраженіи при Лейпцигѣ (1813), % убыли у французовъ 20,7, а въ рядахъ союзниковъ всего 17,9%. Въ сраженіи при Бауценѣ (1813), % убыли у французовъ 20,8, — у союзниковъ 18%. Въ сраженіи при Ватерлоо (1815), % убыли у союзниковъ 19,2. Наконецъ, въ сраженіи при Дрезденѣ (1813), этотъ % достигаетъ всего 10 (въ рядахъ союзныхъ войскъ). Мы видимъ, такимъ образомъ, что и здѣсь, во-время войнъ Наполеона I, средняя убыль въ войскахъ колеблется, за немногими исключеніями, около 20%. — Что̀ представляютъ намъ послѣдующія войны, въ которыхъ Рихтеръ и его послѣдователи думаютъ видѣть уменьшеніе кровопролитія вообще, а слѣдовательно и подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что войны эти даютъ меньшія потери въ войскахъ убитыми и ранеными, чѣмъ разсмотрѣнныя нами сейчасъ войны Фридриха Великаго и Наполеона I? Возьмемъ и здѣсь тѣ-же поучительныя цифровыя данныя. Во-время крымской кампаніи, въ первой нашей битвѣ подъ Альмою (20-го сентября 1854 г.), мы потеряли изъ числа 60000 войскъ, бывшихъ у насъ въ бою, всего 5636 убитыми и ранеными; % убыли, слѣдовательно, всего 9,4; въ то-же время, % убыли у союзниковъ и того меньше—всего 6,4. Но, затѣмъ, въ злополучномъ для насъ сраженіи подъ Инкерманомъ (5-го ноября того-же года), мы потеряли, изъ числа 55000 бывшихъ въ бою войскъ, убитыми и ранеными 15735,—колоссальный % убыли 28,6! А въ день послѣдняго штурма Севастополя (27-го августа 1855 г.), когда палъ знаменитый Малаховъ курганъ, атакующіе противники потеряли, изъ числа 30000 войскъ, бывшихъ въ бою, убитыми и ранеными 10054 [1]), т. е. % убыли 33,5, не уступающій самымъ кровопролитнымъ битвамъ Наполеона I.—Въ послѣдующей, за-

[1]) E. Richter. L. c. S. 81.

тѣмъ, италіанской кампаніи 1859 года, % убыли въ войскахъ, дѣйствительно, былъ довольно низокъ. Такъ, въ сраженіи при Маджентѣ, этотъ % убыли достигалъ у австрійцевъ всего 9,2,—у французовъ 9,7. И даже въ рѣшительной битвѣ при Сольферино, гдѣ участвовали огромныя въ бою силы съ обѣихъ сторонъ: 135234 французовъ и сардинцевъ и 163124 австрійцевъ, потери были: у разбитыхъ на-голову австрійцевъ всего 8%,—у французовъ и сардинцевъ немного больше—10,6%. Такимъ образомъ только въ одной этой кампаніи, въ двухъ большихъ ея битвахъ при Маджентѣ и Сольферино, мы видимъ, дѣйствительно, довольно низкій % убыли въ войскахъ. Но это—чисто случайное явленіе, которому едва-ли можно придавать какое-либо серьёзное значеніе въ ряду другихъ подобныхъ цифръ, тѣмъ болѣе, что послѣдующія войны даютъ опять высокій % убыли. Такъ, во-время сѣверо-американской междоусобной войны, продолжавшейся почти 4 года (1861—1865) и отличавшейся крайнимъ ожесточеніемъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, въ сраженіи при Мёрфрисборо (1862), средняя убыль въ войскахъ 22,7%, въ томъ числѣ у конфедератовъ даже 25,7,—% уже очень высокій. Въ сраженіи при Геттисбёргѣ (1863), средняя убыль 18,6%, въ томъ числѣ у конфедератовъ 26,3%. Въ сраженіи при Вильдернессѣ (1864), средняя убыль въ войскахъ, также и у конфедератовъ, составляетъ 22,5%. Наконецъ, въ сраженіи при Чикэменгѣ (1863), самомъ кровопролитномъ изъ всѣхъ, средняя убыль достигаетъ даже 25,9%,—при этомъ у конфедератовъ она еще выше—29,8%! И такъ, мы видимъ, что данныя этой войны никоимъ образомъ уже не могутъ служить подтвержденіемъ вышеприведеннаго мнѣнія Рихтера и другихъ хирурговъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ кратковременной прусско-австрійской войнѣ 1866 года, въ рѣшительной битвѣ подъ Кёниггрецомъ, средняя убыль въ войскахъ была опять не велика, всего 11,6%; при этомъ, однако, въ рядахъ разбитой здѣсь австрійско-саксонской арміи убыль достигала 15,7%. Во-время прусско-французской войны (1870—1871), въ сраженіи при Вёртѣ, пруссаки потеряли 12,1%,—французы до 22%. Въ сраженіи при Віонвиллѣ, потеря у пруссаковъ 20,3%. И въ сраженіи при Гравелоттѣ, самомъ кровопролитномъ изъ всѣхъ (по общему количеству убитыхъ и раненныхъ), потеря у пруссаковъ 16,8%; въ томъ числѣ, въ рядахъ прусской гвардіи, атаковавшихъ позицію при Сенъ—

Привà, потеря эта (7000 изъ числа 18000 бывшихъ въ бою) достигаетъ даже 38,8%! Наконецъ, въ сраженіи подъ Седаномъ, потеря у французовъ 15—19% (судя по разнымъ источникамъ). Такимъ образомъ и эта война, хотя въ общемъ не давала особенно высокаго % убыли въ войскахъ,—однако, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ эта убыль подымалась даже выше 20%; едва-ли, поэтому, можно и здѣсь, въ данныхъ этой войны, найти фактическое подтвержденіе мнѣнія Рихтера.—Намъ осталось еще разсмотрѣть данныя послѣдней нашей войны съ Турціей, не вошедшія въ статистическіе выводы Рихтера. Данныя эти во многихъ отношеніяхъ поучительны. Такъ, при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Зимницы (15-го іюня 1877 г.), мы потеряли всего, изъ числа 15000 бывшихъ въ бою, убитыми, раненными и потонувшими 824,—слѣдовательно, % убыли 5,5,—ничтожный. При взятіи Никополя (3-го іюня), наша потеря была также не велика—всего 8,7% (изъ числа 15000 участвовавшихъ въ бою,—убитыхъ и раненныхъ 1311). Но, затѣмъ, уже при 1-ой атакѣ Плевны (8-го іюля), мы понесли огромныя потери: изъ 8000 бывшихъ въ бою—у насъ оказалось убитыхъ и раненныхъ 2898, слѣдовательно % убыли 36,2,—ужасающій! При 2-ой атакѣ Плевны (18-го іюля), мы потеряли, изъ 33800 человѣкъ бывшихъ въ бою,—убитыми и раненными 7305, т. е. % убыли 21,6,—также высокій; при этомъ, въ отрядѣ князя Шаховскаго, изъ 18000—убитыхъ и раненныхъ было 4553, т. е. 25,4%. При штурмѣ Плевны (30-го августа), изъ 75000 нашихъ войскъ и румынскихъ,—убитыхъ и раненныхъ: у насъ 14500, у румыновъ 2000,—всего 16500,—% убыли громадный: 22! При взятіи Горнаго Дубняка (12-го октября), изъ 20000—убитыхъ и раненныхъ 4416,—опять % убыли 22. Затѣмъ, въ сраженіи подъ Еленой (съ 22-го по 25-ое ноября), изъ 12000—у насъ убитыхъ и раненныхъ 1862, слѣдовательно % убыли 15,5. Наконецъ, при взятіи Плевны (28-го ноября), мы потеряли изъ 25000 (приблизительно) бывшихъ въ бою—убитыми и раненными около 1800, слѣдовательно % убыли небольшой—всего 7,2. На ряду съ этими цифровыми данными, выражающими потери въ нашихъ войскахъ, мы можемъ привести также, что и у нашихъ непріятелей, турокъ, потери въ эту войну были не меньше. Такъ, при атакѣ Шибки, продолжавшейся съ 9-го по 14-ое августа, турки потеряли, изъ числа около 60000 бывшихъ

въ бою,—убитыхъ и раненныхъ не менѣе 20000,—слѣдовательно, % убыли опять громадный—33,3! Сопоставляя между собою эти данныя изъ временъ послѣдней нашей войны съ Турціей, мы видимъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ колебались наши потери въ войскахъ во время отдѣльныхъ фазъ этой войны. Если въ общемъ эти потери, въ наиболѣе кровопролитныхъ битвахъ войны, подъ Плевной и Шибкой, подымались выше 20%, достигая иной разъ даже 33,3 и 36,2%, то какое-же послѣ этого мы можемъ придавать значеніе вышеприведенному мнѣнію Рихтера и другихъ хирурговъ относительно уменьшенія кровопролитія въ современныхъ войнахъ?! Рихтеръ, очевидно, введенъ былъ въ заблужденіе нѣкоторыми цифровыми данными, взятыми имъ, правда, нѣсколько произвольно изъ временъ италіанской войны (битвы при Маджентѣ и Сольферино), прусско-австрійской (битва подъ Кёниггрецомъ) и отчасти даже прусско-французской войны (битва подъ Седаномъ,—ничтожная, напримѣръ, здѣсь потеря пруссаковъ—всего около 4,5—4,8%). Но данныя эти могли имѣть и совершенно случайный характеръ, не говоря уже о томъ, что они опровергаются цѣлымъ рядомъ другихъ данныхъ изъ временъ особенно сѣверо-американской войны и послѣдней нашей войны съ Турціей, когда потери въ войскахъ часто достигали такой-же колоссальной цифры, какъ и въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ и временъ Фридриха Великаго.

Если такимъ образомъ констатировано нами, что современныя войны, по своему кровопролитію, едва-ли уступаютъ прежнимъ войнамъ,—скорѣе мы готовы допустить, что войны сдѣлались теперь даже кровопролитнѣе, потому что въ нихъ принимаютъ участіе огромныя массы войскъ,—что онѣ обставлены теперь всевозможными усовершенствованіями огнестрѣльнаго оружія,—если, говорю, эти войны, при такихъ условіяхъ, даютъ въ короткое время огромное количество, до 20 и болѣе %, убитыхъ и раненныхъ, то является самъ собою вопросъ, на разсмотрѣніи котораго мы остановились раньше: въ какомъ именно положеніи, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, находится теперь уборка раненныхъ съ поля сраженій? Для этой цѣли организованы теперь повсюду, во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, особые санитарные отряды, состоящіе изъ заранѣе подготовленныхъ санитаровъ, или носильщиковъ, на обязанности которыхъ лежитъ подбирать раненныхъ на полѣ сраженія въ самый разгаръ

боя и переносить тяжело-раненныхъ на носилкахъ, или другихъ подобныхъ приспособленіяхъ, въ ближайшіе къ мѣсту сраженія перевязочные пункты. Допуская принятую нами, на основаніи практики новѣйшихъ войнъ, среднюю убыль въ войскахъ, во-время сраженій, 20% убитыхъ и раненныхъ,—на дивизію, численностью въ 15000 человѣкъ, это составитъ, слѣдовательно, около 3000 человѣкъ,—а принимая отношеніе убитыхъ къ раненнымъ, какъ 1 къ 2—3, цифра, выведенная нами также изъ практики послѣднихъ войнъ,—выходитъ всего убитыхъ на дивизію 750—1000, и раненныхъ 2000—2250. При такомъ количествѣ раненныхъ, по крайней мѣрѣ половина ихъ, какъ болѣе тяжело раненныхъ, слѣдовательно около 1000 человѣкъ на дивизію, нуждается въ переноскѣ ихъ на носилкахъ. Понятно такимъ образомъ, что должно быть и достаточное количество носильщиковъ для своевременной уборки такого большаго количества раненныхъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ почти государствахъ, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, количество полагаемыхъ по штату санитаровъ, или носильщиковъ—оказывается далеко недостаточнымъ,—фактъ, на который я уже неоднократно обращалъ вниманіе въ двухъ докладахъ моихъ „*О солидарности дѣйствій строеваго и медицинскаго начальства при оказаніи пособія раненнымъ*“, читанныхъ мною—2 года тому назадъ здѣсь въ Кіевѣ, въ собраніи Гг. офицеровъ генеральнаго штаба, командировъ отдѣльныхъ частей войскъ и старшихъ военныхъ врачей [1]), а затѣмъ—въ прошломъ году, на происходившемъ въ С.-Петербургѣ 3-емъ Съѣздѣ Общества Русскихъ Врачей [2]). Съѣздъ, отнесшись сочувственно къ моему докладу, постановилъ тогда представить его на разсмотрѣніе въ Военно-Медицинскій Ученый Комитетъ [3]). Упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ только для того, чтобы показать вамъ, насколько еще неудовлетворительно поставлено у насъ все вообще дѣло оказанія помощи раненныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, и какъ много предстоитъ еще сдѣлать въ этомъ отношеніи существенныхъ преобразованій и улучшеній. На-сколько могутъ страдать раненные отъ недостаточнаго количества носильщиковъ, для своевременной уборки

---

[1]) Авторъ. О солидарности дѣйствій строеваго и медицинскаго начальства. Кіевъ, 1888.

[2]) *Дневникъ 3-го Съѣзда Общества Русскихъ Врачей.* Спб. 1889. № 9. Стр. 273—279.

[3]) *Дневникъ 3-го Съѣзда* и проч. № 9. Стр. 279, и № 10. Стр. 414.

ихъ съ поля сраженія, очевидно само собою. Приведу нѣсколько фактовъ. Послѣ 2-ой нашей неудачной битвы подъ Плевной (18-го іюля), уборка раненныхъ у насъ производилась еще на 2-й и даже на 3-й день послѣ битвы. Каково было въ этомъ случаѣ положеніе раненныхъ, остававшихся двое сутокъ на полѣ сраженія безъ всякой медицинской помощи, безъ воды и пищи! Также и послѣ сраженія при Гравелоттѣ (1870), по свидѣтельству прусскихъ врачей, уборка раненныхъ у французовъ продолжалась цѣлыхъ 6 дней, тогда какъ въ прусской арміи уже черезъ 24 часа всѣ были убраны и перевязаны [1]). Конечно, „partout comme chez nous—еще не утѣшеніе", какъ говоритъ Пироговъ. Но примѣры подобной неурядицы, если они встрѣчаются также и у другихъ, показываютъ только, какъ затруднительна, дѣйствительно, можетъ быть уборка раненныхъ съ поля сраженій, и какъ много требуетъ она въ этомъ случаѣ умѣнья и распорядительности со стороны военно-полевой администраціи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности этого вопроса, замѣтимъ, однако, что только при вполнѣ достаточномъ количествѣ носильщиковъ, и надлежащей ихъ подготовкѣ, хорошей вообще организаціи, дѣйствительно, можетъ быть обезпечена своевременная уборка раненныхъ съ поля сраженій, и такимъ образомъ будетъ достигнуто это 1-ое гуманное требованіе войны.—На-сколько необходимо при этомъ оказаніе уже первой помощи раненнымъ, на полѣ сраженія, прежде чѣмъ они будутъ доставлены на перевязочный пунктъ? Съ точки зрѣнія гуманности, было-бы, конечно, желательно, чтобы раненные какъ можно скорѣе получали необходимую для нихъ медицинскую помощь,—но такъ какъ это послѣднее почти недостижимо, потому что врачи въ этомъ случаѣ должны были-бы оказывать помощь раненнымъ подъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ, подвергаясь сами опасности быть убитыми или раненными, то обыкновенно все дѣло оказанія этой помощи ограничивается тѣмъ, что носильщики, укладывая бережно раненнаго на носилки, должны умѣть быстро остановить болѣе значительное кровотеченіе, перевязать рану и придать покойное положеніе поврежденной части тѣла. Носильщики должны быть, конечно, заранѣе ко всему этому подготовлены, обучены,—

---

[1]) Н. Пироговъ. Военно-врачебное дѣло и проч. Ч. II. Стр. 145.

должны быть въ изобиліи снабжены необходимымъ перевязочнымъ матеріаломъ.

2-ое, затѣмъ, гуманное требованіе войны касается *оказанія помощи раненнымъ на* такъ называемыхъ *перевязочныхъ пунктахъ*, куда эти раненные доставляются на носилкахъ, или болѣе—легко раненные приходятъ сами. Для удобства возможно—быстрой переноски раненныхъ на эти перевязочные пункты, послѣдніе должны быть расположены какъ можно ближе къ полю сраженія, и на мѣстѣ достаточно укрытомъ, достаточно защищенномъ отъ огня непріятельскихъ выстрѣловъ. Къ сожалѣнію, это послѣднее требованіе устройства перевязочныхъ пунктовъ на возможно-близкомъ разстояніи къ полю битвы—въ настоящее время очень трудно осуществимо на практикѣ. Сила боя современныхъ образцовъ огнестрѣльнаго оружія на-столько велика, что приходится отодвигать перевязочные пункты на разстояніе 2 и болѣе верстъ отъ поля битвы. Этимъ въ высокой степени затрудняется своевременная уборка раненныхъ съ поля сраженія, и доставка ихъ на перевязочные пункты производится слишкомъ медленно. Но это—неизбѣжныя условія войны, и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ усовершенствованіемъ дальнобойности огнестрѣльнаго оружія,—затрудненія эти будутъ все возрастать.—Въ чемъ состоитъ оказаніе помощи раненнымъ на перевязочныхъ пунктахъ? Велика заслуга нашего хирурга Н. И. Пирогова, который первый установилъ точныя, разумныя правила оказанія медицинской помощи всѣмъ раненнымъ на перевязочномъ пунктѣ. Какъ трудно было установить эти правила, можно видѣть изъ того, что въ теченіе многихъ столѣтій, при всѣхъ кровопролитныхъ войнахъ, на перевязочныхъ пунктахъ обыкновенно царилъ невообразимый хаосъ—среди криковъ и стоновъ огромной массы раненныхъ, при потрясающемъ зрѣлищѣ окровавленныхъ, изувѣченныхъ жертвъ войны. Врачи безъ толку (да простятъ мнѣ коллеги это выраженіе!) набрасывались при этомъ только на небольшое количество раненныхъ, усердно ампутировали и резецировали имъ руки, ноги, стараясь оказать пособіе по всѣмъ правиламъ науки,—а въ то-же время сотни и тысячи другихъ раненныхъ оставались безъ всякой медицинской помощи. Но виноваты-ли были въ этомъ врачи, не умѣвшіе, не знавшіе какъ распредѣлить свою дѣятельность на перевязочномъ пунктѣ? Для этого требовался цѣлый рядъ опытовъ и наблюденій изъ

боевой практики войны,—требовался могучій умъ человѣка, который въ состояніи былъ-бы стать выше уровня обычныхъ требованій науки, въ состояніи былъ-бы установить дисциплину и порядокъ въ этомъ невообразимомъ хаосѣ кровавыхъ сценъ войны на перевязочномъ пунктѣ. Всеобъемлющему уму Пирогова мы обязаны всѣмъ этимъ. Взгляды, высказанные имъ по этому поводу еще во-время крымской кампаніи [1]), приняты въ настоящее время повсюду, такъ какъ они составляютъ драгоцѣнное достояніе науки. Слѣдуя указаніямъ Пирогова, врачи, работающіе на перевязочномъ пунктѣ, должны извѣстнымъ образомъ распредѣлять здѣсь свои занятія и свою дѣятельность, для того, чтобы всѣмъ раненнымъ при этомъ было оказано необходимое медицинское пособіе. Одна группа врачей (если количество ихъ достаточно на перевязачномъ пунктѣ,—а то и одинъ врачъ, если ихъ немного) производитъ только осмотръ и такъ называемую сортировку раненныхъ, распредѣляя ихъ по степени полученныхъ раненій; другая группа оперируетъ раненныхъ,—только въ важныхъ, безотлагательныхъ случаяхъ; 3-я накладываетъ неподвижныя повязки (напр. гипсовыя), подготовляя раненныхъ къ транспорту; наконецъ, 4-я (если число врачей достаточно) можетъ быть занята перевязкою сравнительно — легко раненныхъ. Только при такомъ распредѣленіи медицинской помощи, введенномъ именно Пироговымъ, всего скорѣе можетъ быть достигнута главная цѣль перевязочнаго пункта: оказаніе необходимаго пособія всѣмъ раненнымъ въ возможно короткое время.—Необходимо при этомъ далѣе обратить вниманіе на, чтобы и врачи, работающіе на перевязочномъ пунктѣ, были надлежащимъ образомъ подготовлены къ своей трудной дѣятельности, часто требующей отъ нихъ неестественнаго, огромнаго напряженія силъ и рѣдкаго присутствія духа, выносливости и самообладанія. Справедливо говоритъ по этому поводу германскій хирургъ Фишеръ [2]), что „изъ всѣхъ задачъ врача, безспорно самая трудная на перевязочномъ пунктѣ. Онъ долженъ подавать помощь, не имѣя въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ, которыми онъ обыкновенно

---

[1]) Н. Пироговъ. Начала общей военно-полевой хирургіи. Ч. 1. Дрезденъ, 1865. Стр. 41—46.

[2]) Г. Фишеръ. Поврежденія, наносимыя военнымъ оружіемъ (Общая военная хирургія). Перев. съ нѣм. Спб., 1869. Стр. 414. (Изъ Руководства къ общей и частной хирургіи, подъ ред. Питы и Бильрота).

располагаетъ; онъ долженъ дѣйствовать рѣшительно и сознательно, не медля и не имѣя съ кѣмъ посовѣтоваться въ трудныхъ случаяхъ. Онъ долженъ оставаться спокойнымъ среди треволненій битвы и предъ лицомъ смерти; онъ долженъ имѣть выдержку и сохранять бодрость и обязательность обращенія до конца, сколько-бы ни накопилось работы и какъ-бы ни была она затруднительна". Къ этому мы должны еще прибавить, что врачи перевязочнаго пункта должны быть основательно знакомы со всѣми современными взглядами хирургіи, именно съ требованіями такъ называемаго антисептическаго, или противогнилостнаго леченія ранъ, и должны примѣнять ихъ безусловно при оказаніи пособія раненнымъ. Значеніе антисептики въ этомъ случаѣ, какъ первой повязки, накладываемой уже на перевязочномъ пунктѣ, можно видѣть изъ того, что работа госпиталей и другихъ врачебныхъ учрежденій военнаго времени, куда потомъ поступаютъ эти раненные,—сводится при этомъ почти къ нулю. „Благо тому госпиталю", восклицаетъ извѣстный германскій хирургъ Мозетигъ-Мооргофъ [1]), „къ которому будутъ подвозиться правильно-перевязанныя раны". А правильная перевязка только и можетъ быть достигнута соблюденіемъ правилъ антисептики.—Кромѣ врачей, на перевязочномъ пунктѣ, для ухода за раненными, чтобы давать имъ пищу, освѣжающіе напитки и проч., должны находиться особыя лица, всего лучше сестры милосердія, которыя здѣсь положительно незамѣнимы.—При такихъ условіяхъ правильнаго распредѣленія медицинской помощи на перевязочномъ пунктѣ—достигается обыкновенно и главное требованіе гуманности на войнѣ—оказаніе своевременнаго пособія всѣмъ раненнымъ.

Послѣдующая, затѣмъ, такъ называемая *транспортировка*, или *перевозка раненныхъ съ перевязочныхъ пунктовъ въ ближайшіе полевые лазареты и госпитали* должна также удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ гуманности. Но далеко здѣсь эти требованія не выполняются, и транспортировка раненныхъ въ этомъ отношеніи представляла до сихъ поръ одну изъ наиболѣе темныхъ сторонъ особенно нашей военно-полевой администраціи. Недостатки транспортировки у насъ во-время крымской кампаніи и послѣдней нашей войны съ Турціей создали даже цѣлую обширную литературу. Не-

[1]) Mosetig-Moorhof. Vorlesungen über Kriegschirurgie. Wien und Leipzig, 1887. S. 15.

достатки эти касаются главнымъ образомъ неудовлетворительности способовъ перевозки раненныхъ, и до извѣстной степени всегда могутъ быть устранены при надлежащей распорядительности военно-полевой администраціи. Средства для транспортировки раненныхъ существуютъ у насъ, какъ извѣстно, слѣдующія [1]): 1) постоянно-дѣйствующіе военно-санитарные транспорты, въ количествѣ 20, полагаемыхъ по штату мирнаго времени; каждый такой транспортъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 26 четвероконныхъ линеекъ, можетъ поднять разомъ 208 раненныхъ; 2) также и средства такъ называемыхъ дивизіонныхъ лазаретовъ, въ количествѣ 8 дивизіонныхъ четвероконныхъ линеекъ, служатъ для той-же цѣли, подымая разомъ еще 64 раненныхъ; наконецъ, 3) во время военныхъ дѣйствій могутъ быть формируемы, по мѣрѣ надобности, санитарные транспорты изъ транспортныхъ средствъ арміи и другихъ мѣстныхъ перевозочныхъ средствъ. Къ этому мы должны еще присоединить транспортныя средства, непостоянно функціонирующія, которыя можетъ доставлять частная помощь, именно Общество Краснаго Креста. Но объ этомъ мы еще скажемъ далѣе. Мы видимъ, такимъ образомъ, что, при извѣстной распорядительности военно-полевой администраціи, количество имѣющихся въ данный моментъ и заблаговременно подготовленныхъ транспортныхъ средствъ можетъ быть вполнѣ достаточно для перевозки даже большаго количества раненныхъ, что всегда нужно имѣть въ виду при современномъ способѣ веденія войнъ, дающемъ обыкновенно въ короткое время весьма значительный процентъ раненныхъ. Какого именно рода транспортныя средства, въ смыслѣ той или другой конструкціи ихъ, всего болѣе удобны для перевозки раненныхъ? Мы не будемъ объ этомъ здѣсь распространяться; замѣтимъ только вообще, что чѣмъ проще будутъ эти транспортныя средства, и чѣмъ скорѣе они могутъ быть приспособлены для перевозки раненныхъ, тѣмъ болѣе выиграютъ отъ этого сами раненные. Даже простыя телѣги, достаточно, однако, помѣстительныя, какъ напримѣръ болгарскія фуры, и надлежащимъ образомъ приспособленныя, вполнѣ пригодны для этой цѣли. По свидѣтельству моего уважаемаго товарища проф. А. Х. Ринека, принимавшаго дѣятельное участіе въ оказаніи пособія раненнымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Тур-

---

[1]) Авторъ. L. c. Стр. 24—30. И *Дневникъ 3-го Съѣзда* и проч. № 9. Стр. 275—276.

ціи, перевозка раненныхъ по шоссейнымъ дорогамъ на такихъ подводахъ, запряженныхъ буйволами или волами (колеса при этомъ должны быть не шинныя), ничѣмъ не замѣнима; во-время войны Сербіи съ Турціей, въ 1876, раненные офицеры не хотѣли иначе отправляться въ транспортъ, какъ на воловьихъ подводахъ. Также и на основаніи личнаго опыта, на основаніи всего видѣннаго и слышаннаго мною на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Турціи, могу засвидѣтельствовать, что, дѣйствительно, подводы эти, почти примитивныя по своей конструкціи и запряженныя буйволами или волами, представляли, однако, всего болѣе удобствъ для раненныхъ, и предпочитались ими, поэтому, всѣмъ другимъ способамъ перевозки, не выключая даже и дивизіонныхъ линеекъ. Одинъ недостатокъ ихъ: слишкомъ медленное движеніе транспорта. Необходимо, конечно, пользуясь такими простыми средствами для перевозки раненныхъ, позаботиться о томъ, чтобы образовать сверху надъ ними хотя небольшой навѣсъ, въ родѣ кибиточнаго верха, изъ парусины, брезента, или просто даже рогожи, для защиты транспортируемыхъ раненныхъ отъ палящихъ лучей солнца, или, наоборотъ, снѣга, дождя, и вообще вліяній непогоды. Не будемъ, однако, увлекаться тѣмъ, къ чему вынуждаетъ насъ суровая необходимость,—не будемъ считать указанныхъ нами способовъ перевозки—дѣйствительно лучшими для удобствъ раненныхъ. Въ зимнее, холодное время года такіе транспорты раненныхъ на подводахъ могутъ при случаѣ и замерзать.—Несомнѣнно, поэтому, что только спеціально приспособленные для цѣлей транспортировки экипажи, въ которыхъ раненные могутъ быть удобно и быстро перевозимы съ мѣста на мѣсто,—только такіе экипажи и могутъ, дѣйствительно, удовлетворять всѣмъ требованіямъ удобствъ раненныхъ. Но заготовленіе такихъ, обыкновенно дорого-стоющихъ, экипажей для потребностей военнаго времени едва-ли осуществимо на практикѣ, не говоря уже о томъ, что перевозка огромнаго числа больныхъ и раненныхъ въ такихъ болѣе изысканныхъ экипажахъ, по мнѣнію Пирогова, въ военное время просто даже „немыслима [1]). Если военноначальники", говоритъ онъ, „стѣсняются и тѣмъ количествомъ перевозочныхъ средствъ, какимъ снабжены наши подвижные дивизіонные лазареты, то какъ можно требовать, чтобы для

[1]) Н. Пироговъ. Военно-врачебное дѣло и проч. Ч. I. Стр. 197.

всѣхъ раненныхъ и больныхъ было наготовлено достаточное число удобныхъ экипажей"? Мы полагаемъ, однако, что существенное содѣйствіе въ этомъ отношеніи, какъ упомянуто нами уже раньше, могла-бы оказать частная помощь, въ лицѣ Общества Краснаго Креста. Чѣмъ болѣе будетъ здѣсь содѣйствіе частной помощи, тѣмъ лучше, такъ какъ отъ этого всего болѣе выиграютъ военное вѣдомство и находящіеся на его попеченіи больные и раненные. А что касается неудобства, на которое указываетъ выше Пироговъ, относительно затрудненій военноначальниковъ при передвиженіи большаго количества такихъ экипажей на театрѣ военныхъ дѣйствій, то на это мы отвѣтимъ одно: были-бы только экипажи, а для передвиженія ихъ всегда могутъ быть найдены средства. Содѣйствіе частной помощи, какъ всестороннее проявленіе гуманности по отношенію къ раненнымъ, не должно быть здѣсь ограничиваемо.

Слѣдующую, затѣмъ, инстанцію, которую проходятъ раненные на театрѣ военныхъ дѣйствій, составляютъ такъ называемые *полевые госпитали*, куда раненные привозятся съ перевязочныхъ пунктовъ, и гдѣ оказывается имъ въ большинствѣ случаевъ уже окончательное медицинское пособіе. Здѣсь въ госпиталяхъ проявляется и выраженіе гуманности по отношенію къ раненнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оказаніе медицинской помощи по всѣмъ правиламъ современной науки, и во всѣхъ деталяхъ строжайшаго соблюденія правилъ антисептики и чистоты, какъ при производствѣ необходимыхъ хирургическихъ операцій, такъ и при каждой перевязкѣ ранъ, все это можетъ быть здѣсь проведено во всей послѣдовательности,— а гуманный, въ высокой степени заботливый уходъ за раненными со стороны лицъ, спеціально посвятившихъ себя этому дѣлу: сестеръ милосердія, облегчаетъ тяжелыя минуты страдальцевъ, даетъ имъ нравственное успокоеніе, примиряетъ съ судьбою постигшаго ихъ несчастья. Что̀ можетъ быть выше, безкорыстнѣе этихъ проявленій чувства гуманности среди великихъ бѣдствій войны?! Не служатъ-ли они намъ выраженіемъ безсмертныхъ словъ самого Страдальца міра, сказавшаго своимъ ученикамъ, что „*блаженнѣе давать*[1]), *нежели получать*"?! Прекрасно говоритъ по этому поводу извѣстный германскій хирургъ Бильротъ[2]): „Не нужно обладать сокрови-

[1]) *Дѣянія апостоловъ*. Гл. 20, ст. 35.

[2]) Бильротъ. Домашній и госпитальный уходъ за больными. Перев. съ нѣм. Спб. 1881. Стр. 16.

щами золота, чтобы давать; знаніе и искусство часто значатъ болѣе золота. Если сестра милосердія хорошо научилась своему дѣлу, то она пріобрѣла неизсякаемое сокровище, все возрастающее съ опытомъ; она можетъ много дать страдающимъ, больнымъ и раненнымъ".—Сознаніе высокой обязанности служенія страждущему во всѣ времена было присуще развитому чувству гуманности,—но проявленіе этого сознанія на театрѣ войны, выразившееся въ организаціи добровольнаго ухода за раненными со стороны сестеръ милосердія, принадлежитъ сравнительно недавнему времени.—Знаменитая Флоренса Найтингель, этотъ ангелъ утѣшенія страждущихъ, самое имя которой произносится съ такимъ благоговѣніемъ въ Англіи, была первою представительницею сестеръ милосердія на театрѣ военныхъ дѣйствій, показавшею намъ въ то-же время, какъ великъ идеалъ женщины—сестры милосердія у кровати больнаго. Позвольте мнѣ коснуться здѣсь нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей этой удивительной женщины [1]).

Флоренса Найтингель родилась во Флоренціи, въ 1823 году, и получила имя въ честь мѣста своего рожденія; дѣтство она провела въ Англіи, въ родовомъ помѣстьи своихъ родителей Леа-Гёрстъ въ Дербиширѣ. „Дѣдъ Флоренсы, со стороны матери, Вилліамъ Шмидтъ, былъ извѣстный ревностный защитникъ эмансипаціи невольниковъ. Флоренса съ дѣтства уже выказывала любящее сердце и была постоянно готова помогать бѣднымъ и страждущимъ; уже маленькой дѣвочкой она ухаживала за больными и раненными деревенскими жителями". Родители Флоренсы были люди съ хорошимъ состояніемъ, „положительные и честные, и дали своей дочери прекрасное воспитаніе. Отецъ образовалъ изъ нея хорошаго математика, читалъ съ нею классиковъ, доставилъ ей возможность изучить живопись, музыку и новые языки, развивая въ ней преимущественно врожденную любовь къ ближнему. Мать своею правдивостью и неподдѣльною честностью заслужила всеобщее уваженіе", и передала своей дочери эти прекрасныя качества.—Никогда не отличавшаяся крѣпкимъ здоровьемъ, Фл. Найтингель неутомимо,

---

[1]) Біографическія данныя заимствованы мною изъ прекраснаго очерка *«Флоренса Найтингель, попечительница о больныхъ на полѣ сраженія»*, помѣщеннаго въ *Вѣстникѣ Общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ* за 1871 г. №№ 6, 7 и 8.

однако, въ теченіе многихъ лѣтъ, изучала трудное дѣло ухода за больными и раненными, и желая ближе ознакомиться съ состояніемъ самихъ госпиталей, въ которыхъ помѣщаются эти больные и раненные, совершила уже въ ранней молодости нѣсколько дальнихъ путешествій. Когда наступила крымская война, и въ Англію, осенью 1854 года, начали приходить тревожныя извѣстія о бѣдственномъ положеніи англичанъ въ Крыму: „Война", говорилось тогда во всѣхъ англійскихъ газетахъ, „похищаетъ тысячи; холера и лихорадки— десятки тысячъ!",—Фл. Найтингель, побуждаемая высокимъ чувствомъ самоотверженія и желанія помочь ближнему, рѣшила тотчасъ ѣхать въ Крымъ и принести нуждающимся посильную помощь и утѣшеніе. „Ея любящее сердце", говоритъ по этому поводу одинъ изъ ея біографовъ, „не довольствовалось плодами умозрительнаго, эстетическаго существованія, которымъ она могла пользоваться въ прекрасномъ родительскомъ домѣ, украшенномъ всѣми дарами природы и искусства; она стремилась къ лучшей цѣли: она видѣла слёзы, которыя можно было осушить,—пороки, которые требовали истребленія,—бѣдность, которая нуждалась въ помощи; притомъ-же она искала и жаждала дѣятельности". На-сколько она была подготовлена къ такой дѣятельности, можно видѣть изъ того, что когда англійское правительство, въ отвѣтъ на выраженное ею желаніе ѣхать въ Крымъ въ качествѣ сестры милосердія, предложило ей вопросъ: съ какихъ поръ она занимается госпиталями?—Фл. Найтингель на это отвѣчала: „Уже 13 лѣтъ, какъ я стараюсь подробно изучить состояніе госпиталей; мнѣ знакомы всѣ госпитали Лондона, Дублина, Эдинбурга, и почти всѣ внутри Англіи, какъ сухопутные, такъ и морскіе; я посѣщала госпитали Парижа, Ліона, Турина, Рима, Константинополя, Александріи, Брюсселя, и, подъ руководствомъ сердобольныхъ сестеръ въ Парижѣ и діаконисъ въ Кайзервертѣ на Рейнѣ, я на дѣлѣ изучила уходъ за больными".—Такимъ образомъ еще задолго до крымской кампаніи Фл. Найтингель уже готовилась къ своей великой дѣятельности. Написавъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Крымъ тогдашнему военному статсъ-секретарю Англіи Сиднею Герберту, Фл. Найтингель въ то-же время получила отъ него письмо съ предложеніемъ организовать для этой цѣли извѣстный небольшой штатъ изъ добровольныхъ сидѣлокъ, для отправленія ихъ въ Крымъ на театръ военныхъ дѣйствій. Желающихъ, однако, оказалось такъ

много, что С. Гербертъ вынужденъ былъ опубликовать особое письмо, въ которомъ указывалъ на трудность предстоявшей задачи и на необходимость, для выполненія ея, большаго навыка и крѣпкаго здоровья. „Многія дамы", говорилось въ этомъ письмѣ, „съ такимъ энтузіазмомъ изъявившія готовность ѣхать въ Крымъ, вовсе не подозрѣваютъ, какія опасности ожидаютъ ихъ тамъ, и что имъ придется присутствовать при такихъ сценахъ, отъ которыхъ содрогнутся самые крѣпкіе нервы. Если-бы всѣ желающія были приняты, то мы пріобрѣли-бы много не только неопытныхъ сидѣлокъ, но и нервныхъ больныхъ, самихъ нуждающихся въ помощи, вмѣсто того, чтобы оказывать ее другимъ". Послѣдующія событія показали, что С. Гербертъ былъ правъ, и многихъ изъ тѣхъ, которыя были отправлены въ Крымъ, пришлось потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить по болѣзни обратно въ Англію.—„23-го октября 1854 г., въ англійской газетѣ „Times" было оффиціально объявлено, что Фл. Найтингель назначается англійскимъ правительствомъ начальницею 38 сестеръ", и вслѣдъ затѣмъ, 27-го того-же октября, состоялся ихъ отъѣздъ въ Крымъ. „5-го ноября сестры прибыли въ Константинополь, и вечеромъ того-же дня ихъ помѣстили въ особой башнѣ одного барачнаго госпиталя въ Скутари, служившей прежде турецкой казармой". Отсюда началась, и здѣсь вполнѣ развилась плодотворная, высоко-самоотверженная дѣятельность Фл. Найтингель на пользу страждущему человѣчеству.—„Уже въ первую ночь ея прибытія въ башню скутарійскаго госпиталя, мы видимъ Фл. Найтингель съ фонаремъ въ рукѣ начинающую свои ночные обходы. Раздирающія душу страданія и мученія, отъ которыхъ изнемогали обезсиленные раненные, превосходили всякое описаніе. Нервы ея были потрясены, но мужество не слабѣло; сердце ея обливалось кровью, но глаза оставались сухи. Принимаясь за свое дѣло, она прежде всего распредѣлила занятія между своими помощницами. Смотря по надобности и по умѣнью, однѣ изъ нихъ сдѣлались помощницами хирурговъ; другія кухарками, прачками, швеями; третьи занялись приготовленіемъ подушекъ и тюфяковъ".—„Каждый новый днь приносилъ особое испытаніе и борьбу этой женщинѣ, принявшей на себя такую тяжелую отвѣтственность. Часто, когда въ госпиталь прибывали новые больные или раненные, Фл. Найтингель по 20 часовъ сряду была на ногахъ, указывая комнаты и постели, выда-

вая провизію, назначая работу сестрамъ и, если можно было принести утѣшеніе или помощь, присутствуя при самыхъ мучительныхъ операціяхъ". Очевидцы разсказываютъ, что „чѣмъ ужаснѣе была болѣзнь, тѣмъ съ большею увѣренностью можно было разсчитывать на присутствіе стройной фигуры Фл. Найтингель у кровати больнаго, котораго она не оставляла до самой смерти. Ея ласкающая рука поправляла подушки больнаго, освѣжала его голову, приготовляла и подавала ему послѣднее питьё; а голосъ ея приносилъ ему послѣдній привѣтъ изъ его далекой родины".—Какъ относились при этомъ къ Фл. Найтингель сами больные и раненные, можно видѣть изъ слѣдующихъ простыхъ, но глубоко прочувствованныхъ словъ, сказанныхъ однимъ англійскимъ солдатомъ, по возвращеніи на родину: „Съ инымъ она бесѣдовала, другому дружески кивала головой; не ко всякому, однако, могла она подойти, такъ какъ мы лежали цѣлыми сотнями; но мы цѣловали падающую на насъ тѣнь ея и, довольные этимъ, опускали головы на подушки и успокаивались".—Мэкдональдъ, одинъ изъ благородныхъ сподвижниковъ Фл. Найтингель, принимавшій дѣятельное участіе во многихъ ея распоряженіяхъ по госпиталю, писалъ о ней въ то время въ газетѣ „Times": „Тамъ, гдѣ болѣзнь является въ самомъ сильномъ развитіи, гдѣ рука смерти приближается къ своей жертвѣ, тамъ навѣрное можно встрѣтить эту несравненную женщину. Ея краткое присутствіе производитъ утѣшительное дѣйствіе на больнаго, даже въ послѣдней его борьбѣ со смертью. Не преувеличивая, можно назвать ее ангеломъ—хранителемъ этихъ госпиталей. Когда стройная ея фигура тихо проходитъ черезъ спальни, и бѣдные больные видятъ ее, то выраженіе ихъ лицъ невольно смягчается чувствомъ благодарности. Какъ скоро врачи предадутся ночному отдохновенію, мракъ и молчаніе распространятся на длинные ряды лежащихъ больныхъ, она начинаетъ свой уединенный обходъ съ маленькой лампой въ рукѣ".—Скоро, однако, начались и для Фл. Найтингель тяжелыя испытанія. Въ февралѣ 1855 года, многіе врачи заболѣли злокачественной лихорадкой, которая въ то время свирѣпствовала въ барачномъ скутарійскомъ госпиталѣ. Двоимъ изъ нихъ Фл. Найтингель сама закрыла глаза. Восемь другихъ врачей и многія сестры были въ опасности. Особенно горевала Фл. Найтингель о смерти своей молодой подруги Смитъ, которая выучилась уходу за больными подъ ея непосред-

ственнымъ руководствомъ. Вскорѣ послѣ того она отправилась въ Балаклаву для посѣщенія тамошнихъ госпиталей, и здѣсь заболѣла жестокой крымской лихорадкой. Пролежавъ 2 недѣли въ постелѣ, она начала медленно поправляться. Многіе убѣждали ее тогда уѣхать въ Англію для поправленія здоровья, доказывая ей, что предпринятое ею дѣло получило уже надлежащее направленіе. Но она рѣшительно отклонила это предложеніе и пожелала опять возвратиться въ Скутари, гдѣ, какъ она знала, было широкое поле для ея дѣятельности. Она, однако, была еще слишкомъ слаба, чтобы сойти до берега съ горы, на которой стоялъ англійскій госпиталь,—солдаты снесли ее на рукахъ!—Окончилась крымская война, и Фл. Найтингель, предвидя, что возвращеніе ея въ Англію, сдѣлавшись извѣстнымъ, можетъ произвести волненіе,—она, которая ничего такъ не боялась, какъ гласности, скрытно приготовилась къ отъѣзду изъ Константинополя, сѣла на французскій корабль, проѣхала ночью черезъ Францію, и въ августѣ 1856 года прибыла въ свое родовое помѣстье Леа-Гёрстъ.—Такова была полная высокаго самоотверженія дѣятельность Фл. Найтингель въ госпиталяхъ англійской арміи въ Крыму. Благодаря ей, англійскіе госпитали, служившіе до того времени источниками заразы и дававшіе громадный процентъ смертности, были совершенно преобразованы, сдѣлались положительно неузнаваемыми; а драгоцѣнныя указанія, сдѣланныя ею относительно образцоваго устройства госпиталей, получили скоро широкое распространеніе и произвели въ короткое время совершенную реформу во всемъ госпитальномъ дѣлѣ.—Заслуги Фл. Найтингель въ этомъ отношеніи составляютъ уже достояніе исторіи.—Я позволилъ себѣ такъ долго остановить ваше вниманіе на дѣятельности этой удивительной женщины, чтобы показать вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ великъ можетъ быть идеалъ женщины—сестры милосердія, являющейся въ этомъ случаѣ какъ-бы примирительницею между ужасами войны и всепрощающимъ чувствомъ любви къ ближнему, любви къ страждущему человѣчеству!

Въ то время, какъ Фл. Найтингель, во главѣ порученныхъ ея надзору 38 сестеръ милосердія, уже проявляла въ Скутари свою изумительную дѣятельность,—у насъ, въ Петербургѣ, по мысли блаженныя памяти великой княгини Елены Павловны, производилась организація съ тою-же цѣлью 1-ой въ Россіи Крестовоздвижен-

ской общины сестеръ милосердія. „28-го октября 1854 г., великая княгиня отнеслась къ тогдашнему военному министру, князю Долгорукову, съ извѣщеніемъ, что, вслѣдствіе сдѣланныхъ ею, на основаніи Высочайшаго соизволенія, распоряженій, 30 женщинъ, соединяющихъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для поданія помощи раненнымъ, изъявили желаніе ѣхать на мѣсто военныхъ дѣйствій въ качествѣ сестеръ устраиваемой Крестовоздвиженской общины [1]). Сама община при этомъ была учреждена на иждивеніе великой княгини Елены Павловны и состояла подъ ея непосредственнымъ покровительствомъ. Въ общину выбирались сестры милосердія съ строгою разборчивостью и преимущественно изъ лицъ, имѣвшихъ уже случай ходить за больными". Основное правило общины гласило, что сестры милосердія, члены этой общины, „обязываются съ любовью ко Христу Спасителю и съ полнымъ и личнымъ самоотверженіемъ имѣть постоянный и тщательный уходъ за ранеными и заботиться о нихъ, какъ о своихъ ближайшихъ родственникахъ". Правила общины были Высочайше утверждены покойнымъ Государемъ Императоромъ Николаемъ I. „Главное попечительство надъ сестрами общины было поручено Н. И. Пирогову, собиравшемуся въ то время также въ Крымъ. Но, не довольствуясь этимъ, великая княгиня рѣшилась отправить еще съ Пироговымъ, на собственное иждивеніе, слѣдующихъ хирурговъ: Тарасова, Каде, Пабо, Беккерса, Реберга и Тюрина; въ послѣдствіи еще были присоединены хирурги: Обермиллеръ, Хлѣбниковъ, Добровъ и Пастуховъ".—Когда такимъ образомъ община была уже сформирована, „9-го ноября того-же года, отъ имени великой княгини было сообщено тогдашнему директору военно-медицинскаго департамента В. В. Пеликану, что великая княгиня, желая, чтобы посылаемыя ею сестры, до отправленія своего въ Крымъ, по возможности ознакомились съ своими будущими обязанностями,—просить о дозволеніи имъ посѣщать палаты 2-го сухопутнаго госпиталя".—Мы видимъ такимъ образомъ, что и у насъ въ Россіи, почти въ одно и то-же время, и совершенно независимо отъ примѣра, поданнаго Фл. Найтингель

---

[1]) Данныя эти привожу изъ статьи «*Памяти Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны*», помѣщенной въ *Вѣстникѣ Общества попеченія* и проч. за 1873 г., № 3.

въ Англіи, великая гуманная идея, легшая въ основу учрежденія Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, родилась также впервые въ мягкомъ, чуткомъ сердцѣ женщины, имя которой отнынѣ благословляетъ вся Россія! И въ скорбную для насъ годину крымской кампаніи, сестры Крестовоздвиженской общины, число которыхъ къ концу этой войны значительно возросло, къ нимъ присоединились еще сестры общины Сердобольныхъ вдовъ, посланныя на театръ военныхъ дѣйствій по распоряженію Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны,—всѣ эти русскія женщины, имя которымъ легіонъ, беззавѣтно отдавъ себя на служеніе страждущему человѣчеству, стяжали себѣ безсмертную славу въ блестящихъ страницахъ русской исторіи!...

Что мнѣ къ этому еще прибавить?! Великія имена благородной англичанки Фл. Найтингель и русской великой княгини Елены Павловны ярко блещутъ на горизонтѣ гуманныхъ проявленій человѣчества и заливаютъ потоками свѣта мракъ и бѣдствія войны!... Прошло 25 лѣтъ со времени крымской кампаніи. Мы пережили за это время еще одну великую войну съ Турціей,—побывали и на далекихъ окраинахъ Азіи: въ степяхъ Хивы и Туркестана. Западная Европа и Сѣверная Америка также пережили нѣсколько кровопролитныхъ войнъ. А великое дѣло начатое Фл. Найтингель и Еленою Павловною, пустило за это время глубокіе корни и разрослось въ могучее дерево, плоды котораго—частная и международная помощь на войнѣ. Въ настоящее время уже не отдѣльныя лица, какъ было прежде, но цѣлыя общества, націи и государства, движимыя однимъ общимъ высокимъ чувствомъ гуманности, принимаютъ участіе въ оказаніи пособія больнымъ и раненнымъ, стараются всѣми способами облегчать великія бѣдствія войны.—Оставляя, однако, пока въ сторонѣ вопросъ о развитіи частной и международной помощи на войнѣ, замѣтимъ только здѣсь, что, благодаря содѣйствію этой помощи въ небывалыхъ до того размѣрахъ, во всѣхъ нуждахъ госпитальнаго дѣла на войнѣ, благодаря также участію въ этомъ дѣлѣ цѣлыхъ общинъ сестеръ милосердія, госпитали въ настоящее время являются для больныхъ и раненныхъ тѣмъ убѣжищемъ мира и покоя, гдѣ они могутъ забыться, отдохнуть, получить облегченіе послѣ всѣхъ пережитыхъ ими страданій. Въ госпиталяхъ, поэтому, болѣе, чѣмъ гдѣ—либо, проявляется и выраженіе требованій гуманности по отношенію къ жертвамъ войны.

Послѣднюю, наконецъ, инстанцію, которую обыкновенно еще проходитъ большинство раненныхъ и больныхъ, но не всѣ,—составляетъ такъ называемая *эвакуація раненныхъ*, или *система развоза, система разсѣеванія больныхъ* (буквальный переводъ съ нѣмецкаго слова „*Kranken-Zerstreuungs-System*"). Уже одни эти названія показываютъ, что подъ эвакуаціей мы понимаемъ собственно отправку раненныхъ и больныхъ съ театра военныхъ дѣйствій въ отдаленныя мѣста родины, для окончательнаго выздоровленія. Здѣсь, какъ и при транспортировкѣ раненныхъ съ перевязочныхъ пунктовъ, должны быть удовлетворены въ сущности тѣ-же требованія гуманности. Основные принципы эвакуаціи, не смотря на иностранное происхожденіе этого слова, установлены, однако, впервые у насъ въ Россіи: заслуга въ этомъ отношеніи выпала также на долю великаго генія военной хирургіи Н. И. Пирогова [1]). Принципы эти сводятся къ тому, что всѣ раненные и больные на театрѣ военныхъ дѣйствій раздѣляются или сортируются, по степени полученныхъ ими раненій или болѣзни, на слѣдующія 3 категоріи [2]): 1., легко-раненные и больные, которые по выздоровленіи своемъ могутъ опять идти въ строй; 2., тяжело-раненные и больные, которые, по свойству ихъ раненія или болѣзни (прободающія, напр., раны груди, тяжелые случаи тифа, и проч.), не въ состояніи выдержать далекаго и труднаго транспорта, и 3., наконецъ, раненные и больные такъ называемой средней категоріи,—таковыхъ большинство (приблизительно $^2/_3$ всѣхъ случаевъ),—занимающіе какъ-бы средину между легкими и тяжелыми случаями. Только раненные и больные этой послѣдней категоріи и подлежатъ эвакуаціи т. е., другими словами говоря, отправляются на родину, для окончательнаго выздоровленія; раненные-же и больные первыхъ двухъ категорій (слѣдовательно, всѣ легкіе и тяжелые случаи) эвакуаціи обыкновенно не подлежатъ, а оставляются вблизи театра войны, въ тѣхъ или другихъ госпиталяхъ.—Правильная сортировка больныхъ и раненныхъ составляетъ такимъ образомъ основу всей эвакуаціи. Для такой сортировки должны быть учреждены, при самомъ началѣ войны, нѣсколько забла-

---

[1]) Н. Пироговъ. Начала общей военно-полевой хирургіи Ч. I. Стр. 51. И Н. Пироговъ. Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году. Спб. 1871. Стр. 8—9.

[2]) Авторъ. L. c. Стр. 33, и *Дневникъ 3-го Съѣзда Общ. Русск. Врачей*, № 9.

говременно—и хорошо-организованныхъ эвакуаціонныхъ пунктовъ, завѣдываніе которыми, каждымъ въ отдѣльности, поручается особымъ, такъ называемымъ эвакуаціоннымъ коммисіямъ; въ составъ этихъ коммисій должны входить врачи, представители военной администраціи и мѣстныя власти. Кромѣ того, при эвакуаціи больныхъ и раненныхъ устраиваются еще, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, такъ называемые этапные пункты, служащіе для отдыха и продовольствія перевозимыхъ больныхъ и раненныхъ. Устройство этихъ пунктовъ и продовольствіе на нихъ можетъ быть поручено дѣлу частной помощи. Самая эвакуація больныхъ и раненныхъ производится или по грунтовымъ дорогамъ, для чего служатъ тѣ-же транспортныя средства, которыя мы разсмотрѣли уже раньше, говоря о транспортировкѣ раненныхъ съ перевязочныхъ пунктовъ въ полевые госпитали,—или, въ болѣе усовершенствованномъ видѣ, эвакуація производится по желѣзнымъ дорогамъ, для чего употребляются особые, такъ называемые санитарные поѣзда, обставленные всѣми удобствами для перевозки больныхъ и раненныхъ, или, при неимѣніи таковыхъ, могутъ быть для той-же цѣли приспособлены, хотя уже съ меньшими удобствами, обыкновенные пассажирскіе и товарные поѣзда,—или, наконецъ, при исключительныхъ условіяхъ: близости театра войны къ путямъ водныхъ сообщеній, эвакуація можетъ быть производима и водою—на пароходахъ, баркасахъ и другихъ подобныхъ судахъ.—Мы видимъ такимъ образомъ, что эвакуація сама по себѣ, независимо даже отъ средствъ перевозки, является своего рода благодѣяніемъ для больныхъ и раненныхъ, доставляя ихъ въ дорогія мѣста родины и давая имъ здѣсь возможность, при хорошемъ уходѣ, скорѣе получить возстановленіе ихъ силъ и здоровья. Но, чтобы удовлетворить требованіямъ гуманности вполнѣ, эвакуація должна быть обставлена и хорошими транспортными средствами, для удобства перевозки больныхъ и раненныхъ, и въ этомъ отношеніи частная помощь опять можетъ оказать самое широкое содѣйствіе, не говоря уже о томъ, что и въ мѣстахъ родины, куда будутъ эвакуированы больные и раненные, они не должны быть оставлены безъ надзора медицинской помощи.—Обсуждая, однако, эвакуацію съ точки зрѣнія гуманности, мы не должны забывать, что при извѣстныхъ условіяхъ, при упущеніяхъ и недостаткахъ ея системы, она можетъ имѣть и дурныя стороны. „Театръ войны“ въ

этомъ отношеніи, какъ справедливо говоритъ проф. А. Н. Доброславинъ [1]), „можетъ вызвать неисчислимыя бѣдствія въ отдаленной отъ него странѣ". Извѣстно, напримѣръ, что, во-время послѣдней нашей войны съ Турціей, „сыпной тифъ, появившійся въ Турціи, благодаря недостаткамъ системы эвакуаціи, былъ разнесенъ, какъ плѣнными, такъ и нашими больными, на пространство всей Россіи". Тяжелыхъ, поэтому, заразныхъ больныхъ не должно вовсе эвакуировать.

Мы покончили такимъ образомъ съ тѣми требованіями гуманности на войнѣ, которыя могутъ быть предъявлены по отношенію къ больнымъ и раненнымъ, этимъ живымъ свидѣтелямъ бѣдствій и ужасовъ войны. Но могутъ и должны быть такія-же требованія, хотя, правда, въ нѣсколько другой формѣ, и относительно *убитыхъ на полѣ сраженій*.—Не одно, впрочемъ, только чувство гуманности, не одно благоговѣніе предъ мертвыми—побуждаетъ насъ въ этомъ случаѣ требовать, чтобы отданъ былъ послѣдній долгъ бреннымъ останкамъ падшихъ героевъ. Несомнѣнно, что и другія соображенія, сознаніе именно той опасности, какую могутъ представлять эти останки, зачастую брошенные на поляхъ битвъ безъ всякаго погребенія, или дурно зарытые въ землю, заставляютъ насъ также обращать на это самое серьезное вниманіе. При такихъ условіяхъ останки убитыхъ, вслѣдствіе вызываемыхъ ими процессовъ гніенія и разложенія, заражая воздухъ и почву, могутъ сдѣлаться источниками заразы и для живущихъ, могутъ вызвать появленіе эпидемическихъ болѣзней. Правда, взгляды современныхъ гигіенистовъ относительно этого вопроса, вліянія вообще гніющихъ остатковъ мертвыхъ на жизнь и здоровье окружающихъ людей, нѣсколько расходятся между собою. Но все-же возможность заразы при такихъ условіяхъ, не говоря уже о порчѣ воздуха и почвы, несомнѣнно доказана. По отношенію къ полямъ битвъ, какъ обширнымъ кладбищамъ брошенныхъ здѣсь часто въ огромномъ количествѣ труповъ людей и животныхъ (напр. лошадей), должны быть такимъ образомъ приняты заранѣе извѣстныя мѣры обеззараживанія, или, какъ выражаются теперь, дезинфекціи этихъ полей битвъ. Впервые такая дезинфекція была примѣнена въ обширныхъ размѣрахъ, во-время послѣдней

[1]) А. Доброславинъ. L. c. Стр. 377.

прусско-французской войны, на поляхъ битвъ подъ Седаномъ и Мецомъ. Раньше этого времени, кромѣ обычныхъ, практикуемыхъ повсюду способовъ погребенія труповъ, производимыхъ, притомъ, часто далеко не въ совершенномъ видѣ,—для дезинфекціи полей битвъ почти ничего не было сдѣлано. Правда, отдѣльныя попытки очистки полей битвъ и лагерныхъ стоянокъ войскъ отъ различныхъ нечистотъ и гнилостныхъ продуктовъ были сдѣланы у насъ тотчасъ по окончаніи крымской войны [1]),—но попытки эти по отношенію собственно къ дезинфекціи полей битвъ въ томъ видѣ, какъ мы ее понимаемъ теперь, не представили намъ ничего новаго. Поэтому и вопросъ о дезинфекціи въ настоящемъ ея видѣ принадлежитъ сравнительно недавному времени. На поляхъ битвъ подъ Седаномъ и Мецомъ, отчасти также и Вёртомъ, дезинфекцію ихъ производили такимъ образомъ [2]), что трупы или сожигали помощью нефти и дёгтя, (способъ, предложенный бельгійскимъ фармацевтомъ Кретёромъ), или засыпали ихъ сверху слоемъ извести, образуя затѣмъ надъ этимъ слоемъ свѣже-насыпанный холмъ земли, и засѣвая его какой-либо травой (способъ, предложенный главнымъ образомъ бельгійскимъ военнымъ врачемъ д—ромъ Лантъ). Во—время послѣдней нашей войны съ Турціей, были также сдѣланы нѣкоторыя попытки дезинфекціи у насъ полей битвъ въ Болгаріи. Въ ряду этихъ попытокъ мы назовемъ сожиганіе труповъ въ томъ видѣ, какъ его примѣнялъ д—ръ Маляревскій [3]) (въ то время еще студентъ) въ казанлыкскомъ округѣ подъ Шибкой (всего было имъ сожжено 400 труповъ), и затѣмъ оправку могилъ—путемъ просушки ихъ и образованія сверху свѣжей земляной насыпи, способъ, примѣненный, между прочимъ, коммисіей, дѣйствовавшей въ то время подъ начальствомъ генерала Фулона и ближайшаго его помощника, нашего извѣстнаго гигіениста проф. Ф. Ф. Эрисмана [4]). Вотъ тѣ немногія данныя, какія намъ извѣстны относительно занимающаго насъ вопроса. На основаніи этихъ данныхъ: произведенныхъ именно, во-время прусско-французской войны и послѣдней нашей войны съ Турціей, попытокъ

---

[1]) А. Доброславинъ. L. c. Стр. 363.

[2]) См. *Вѣстникъ Общества попеченія* и проч., за 1872 г., №№ 5—8, въ которыхъ была помѣщена статья „*Гигіена на поляхъ битвъ*“.

[3]) А. Доброславинъ. L. c. Стр. 370.

[4]) А. Доброславинъ. L. c. Стр. 372—374.

сожиганія труповъ и другихъ способовъ ихъ дезинфекціи, мы можемъ сказать въ настоящее время, выводя какъ одно общее основное положеніе, что изо всѣхъ способовъ дезинфекціи полей сраженій безспорно лучшимъ мы должны признать сожиганіе труповъ,—а затѣмъ, при невозможности его примѣнить, въ силу напримѣръ извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, остается погребеніе, сдѣланное по-возможности своевременно; трупы при этомъ должны быть зарываемы достаточно глубоко въ землю, и въ случаѣ надобности, при начавшемся уже разложеніи ихъ, должны быть дезинфецируемы тѣми или другими способами.

Кромѣ производимой такимъ образомъ дезинфекціи полей сраженій, естественно также, что и *лагерныя стоянки войскъ*, на которыхъ скопляется обыкновенно огромное количество разныхъ отбросковъ и нечистотъ, равно какъ и тѣ *зданія* или *помѣщенія*, въ которыхъ находились заразные больные, напримѣръ дизентерики, тифозные, должны быть также тщательно дезинфецированы, во избѣжаніе могущихъ явиться отсюда источниковъ заразы и распространенія эпидемическихъ болѣзней.

Покончивъ такимъ образомъ съ живыми и мертвыми участниками кроваваго поля брани, того ужаснаго поля, которое на-всегда останется какъ-бы отрицаніемъ всего человѣческаго,—намъ осталось теперь еще разсмотрѣть, чтобы хотя нѣсколько облегчить свою душу, то высокое проявленіе чувствъ гуманности на войнѣ, которое мы выше назвали *частной* и *международной помощью на войнѣ*. Мы видѣли, что въ основу организаціи *частной помощи* у насъ въ Россіи легло прежде всего, въ 1854 году, по мысли и на иждивеніе великой княгини Елены Павловны, учрежденіе Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Въ то-же время въ Англіи организація частной помощи получила широкое распространеніе, подъ обаятельнымъ вліяніемъ и руководствомъ Фл. Найтингель [1]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи совершенно ошибается Пироговъ, когда говоритъ (См. его „Отчетъ о посѣщеніи и проч.“, L. c., стр. 20) что Англія только „черезъ годъ (въ 1885), въ лицѣ своей миссъ Найтингель, выступила также на поприще частной помощи“. Вышеприведенныя мною указанія, въ хронологическомъ порядкѣ, доказываютъ несомнѣнно, что Фл. Найтингель прибыла на театръ военныхъ дѣйствій уже 5-го ноября 1854 г., слѣдовательно, въ то время, когда въ Петербургѣ еще только формировалась Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія.

Начиная съ этого времени, частная помощь, привлекая съ каждой новой войной все большее количество лицъ и постепенно вникая во всѣ нужды больныхъ и раненныхъ на войнѣ, становится уже великимъ общественнымъ двигателемъ, принимающимъ разностороннее и въ высокой степени благотворное участіе въ облегченіи бѣдствій войны. Организуется цѣлый рядъ обществъ и комитетовъ оказанія пособія больнымъ и раненнымъ. Особы Царской Фамиліи и другія высокопоставленныя лица принимаютъ ихъ подъ свое просвѣщенное покровительство, учреждаются общины сестеръ милосердія,—всюду кипитъ жизнь, всюду каждый старается принести послѣднюю свою лепту въ урну страдальцевъ. Особенно во-время великой сѣверо-американской междоусобной войны, продолжавшейся почти 4 года (1861—1865) и вынесшей изъ строя американской арміи болѣе 100000 убитыхъ и слишкомъ полъ-милліона раненныхъ [1]), во-время этой войны организація и участіе частной помощи достигли небывалыхъ, колоссальныхъ размѣровъ. Такъ, за время этой войны было учреждено однихъ дамскихъ комитетовъ 30000,—комитеты эти собрали для больныхъ и раненныхъ сумму въ 212 милліоновъ долларовъ (т. е. около 400 милліоновъ руб.); устроены были, наконецъ, 214 барачныхъ госпиталей на 133800 коекъ, снабженныхъ притомъ всѣми удобствами для больныхъ и раненныхъ, согласно всѣмъ требованіямъ гигіены и комфорта [2]). Всѣ это было дѣло частной помощи! Въ сравненіи съ этими, по истинѣ колоссальными цифрами—блѣдными покажутся вамъ цифровыя данныя, выражающія пожертвованія частной помощи у насъ и въ Германіи, во-время послѣднихъ двухъ, пережитыхъ нами войнъ: прусско-французской и нашей войны съ Турціей. Такъ, въ Германіи, за все время прусско-французской войны, хотя и дѣйствовало около 2000 (точно 2015) разныхъ комитетовъ общества попеченія о больныхъ и раненныхъ, съ наличнымъ составомъ 254176 членовъ этихъ комитетовъ, было собрано, однако, всего деньгами 10,274007 талера, и приношеній натурою на сумму 5,258492 талера, слѣдовательно всего 15,532499 талеровъ [3]). Также и у насъ въ Россіи, за все время

---

[1]) Точно: убитыхъ 111312 и раненныхъ 507917 (H. Fischer. Handbuch der Kriegschirurgie. I. Bd. Stuttgart, 1882. S. 23).

[2]) H. Fischer. L. c. II. Bd. Stuttgart, 1882. S. 430.

[3]) Отчетъ центральнаго комитета германскихъ обществъ попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ (*Вѣстникъ Общества попеченія* и проч. 1872 № 11. Стр. 5).

войны съ Турціей, было собрано около 12 милліоновъ рублей; кромѣ того, госпиталей на средства частной помощи было сооружено на 16000 коекъ.—Организація частной помощи у насъ сосредоточена въ настоящее время въ лицѣ Общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ, иначе еще называемаго Обществомъ Краснаго Креста. Общество это было учреждено въ С. Петербургѣ 18-го мая 1867 г., и съ тѣхъ поръ состоитъ подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы покровительствомъ. Общество имѣетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ его учрежденій по всѣмъ почти болѣе значительнымъ городамъ Россіи, въ томъ числѣ болѣе 50 дамскихъ комитетовъ. Общество организуетъ также значительное количество общинъ сестеръ милосердія. Назовемъ общины: Крестовоздвиженскую, Сердобольныхъ вдовъ, Утоли моя печали, Св. Георгія, Екатериненскую, Монастырскую, Александровскую, Покровскую и друг. Общество Краснаго Креста своимъ настоящимъ высокимъ положеніемъ и своею громадною дѣятельностью во многомъ обязано щедротамъ и неусыпной заботливости своей первой Высочайшей покровительницы, въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Александровны. До конца дней Своей жизни (22-го мая 1880 г.) Государыня не переставала слѣдить за дѣятельностью Общества Краснаго Креста, возникшаго и развившагося подъ Ея непосредственнымъ наблюденіемъ. Съ учрежденіемъ этого Общества отнынѣ связано благодарное воспоминаніе русскаго народа о своей Государынѣ.—Въ чемъ выражается дѣятельность Общества Краснаго Креста на войнѣ и въ мирное время? По смыслу § 1-го устава Общества, главная цѣль дѣятельности этого Общества „содѣйствовать, во-время войны, военной администраціи въ уходѣ за ранеными и больными воинами и доставлять имъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, какъ врачебное, такъ и всякаго рода вспомоществованіе“. Общество организуетъ, поэтому, заблаговременно, уже во-время мира, необходимый для этого персоналъ лицъ, особенно сестеръ милосердія и санитаровъ для ухода за больными и ранеными; организуетъ также спеціально-приспособленные санитарные поѣзда и другія транспортныя средства для перевозки больныхъ и раненныхъ. Общество предлагаетъ въ широкихъ размѣрахъ свои богатыя матеріальныя средства для покрытія нуждъ военно-госпитальныхъ учрежденій; само организуетъ подобныя

учрежденія на случай войны, посылая, напримѣръ, санитарные отряды и лазареты на театръ военныхъ дѣйствій. Общество, наконецъ, принимаетъ на себя значительную долю участія по организаціи госпитальныхъ учрежденій въ тылу дѣйствующей арміи, внутри страны; заботится объ устройствѣ этапныхъ пунктовъ по пути слѣдованія транспортовъ съ больными и раненными, снабжаетъ всѣмъ необходимымъ эти пункты, и т. под. Ко всему этому мы должны еще прибавить и то нравственное вліяніе, которое можетъ имѣть само по себѣ Общество Краснаго Креста на общій духъ арміи. „Въ Обществѣ Краснаго Креста", говоритъ по этому поводу нашъ извѣстный хирургъ проф. Н. В. Склифосовскій [1]), „мы имѣемъ громадную силу матеріальную и нравственную, которая вліяетъ благотворно на духъ дѣйствующей арміи: идя въ бой, жертвуя собой, солдатъ долженъ сознавать, что за нимъ, въ лицѣ Общества Краснаго Креста, весь народъ, вся нравственная сила его, направленная къ тому, чтобы явиться на помощь всюду, гдѣ будетъ чувствоваться нужда". Въ этихъ прекрасныхъ словахъ проф. Н. В. Склифосовскаго рельефно обрисовано все высокое значеніе Общества Краснаго Креста въ дѣлѣ облегченія участи больныхъ и раненныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Кромѣ разсмотрѣнной нами до сихъ поръ частной помощи, участіе которой на войнѣ проявляется только по отношенію къ больнымъ и раненнымъ своей націи, или своего государства,—въ послѣднее время выдвигается все болѣе участіе еще такъ называемой *международной помощи,* въ смыслѣ оказанія такой помощи безразлично раненнымъ и больнымъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, въ смыслѣ признанія также извѣстнаго рода нейтральности, или, точнѣе выражаясь, неприкосновенности больныхъ и раненныхъ на войнѣ. Первыя проявленія международныхъ чувствъ гуманности по отношенію къ больнымъ и раненнымъ мы встрѣчаемъ уже, на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ [2]), въ концѣ XVI столѣтія. Въ теченіе, однако, долгаго времени, до 60-хъ почти годовъ нашего

---

[1]) Н. Склифосовскій. Наше госпитальное дѣло на войнѣ (*Медицинскій Вѣстникъ*, 1877. № 46. Стр. 516).

[2]) E. Gurlt. Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege. Leipzig, 1873. Также И. Ивановскій. Женевская конвенція $^{10}/_{22}$ августа 1864 года. Кіевъ, 1884.

столѣтія, эти проявленія гуманности, хотя и выразившіяся цѣлымъ рядомъ международныхъ трактатовъ между тѣми или другими воюющими державами, не получили практическаго осуществленія, и очень рѣдко примѣнялись на театрѣ военныхъ дѣйствій. Только съ 1862 года, когда вниманіе всей Европы было сильно возбуждено появленіемъ въ свѣтъ знаменитаго описанія швейцарскаго пастора Анри Дюнана „*Un souvenir de Solférino*“ [1]), въ которомъ онъ передаетъ только впечатлѣнія ужасныхъ сценъ и страданій раненныхъ, видѣнныхъ имъ на полѣ битвы подъ Сольферино,—только, начиная съ этого времени, быстро двинулась впередъ организація международной помощи больнымъ и раненнымъ на войнѣ. Благодаря личному непосредственному участію Дюнана и существенной поддержкѣ, оказанной ему въ этомъ дѣлѣ членами Женевскаго комитета общественной пользы, состоялась въ Женевѣ, 26-го октября 1863 г., предварительная конференція изъ представителей 16 государствъ (въ томъ числѣ Швейцаріи, Франціи, Россіи, Пруссіи, Италіи, Англіи, Австріи и др.),—а затѣмъ, въ слѣдующемъ году, по предложенію Швейцарскаго Союзнаго Совѣта, состоялась, 10-го августа 1864 г., окончательная международная Женевская конвенція, подписанная въ началѣ только уполномоченными отъ 12 державъ, но принятая потомъ и другими государствами Европы, Америки и даже Азіи [2]). Не входя здѣсь въ подробный разборъ,—это завлекло-бы насъ слишкомъ далеко,—всѣхъ постановленій этой знаменитой конвенціи, дѣлающей честь высоко-гуманному направленію нашего вѣка,—отмѣтимъ только главные основные ея пункты: 1. Полевые лазареты и военные госпитали признаются нейтральными, и, какъ таковые, считаются неприкосновенными (respectés) и пользуются покровительствомъ (protégés) воюющихъ сторонъ, пока въ нихъ будутъ находиться больные или раненные. Нейтральность, однако, прекращается, если лазареты или госпитали охраняются военною силою. 2. Права нейтральности распространяются также и на весь личный составъ полевыхъ лазаретовъ и госпиталей, до тѣхъ поръ пока будутъ оставаться неподобранные и нуждающіеся въ помощи раненные. 3. (Пунктъ 5-й конвенціи) Мѣстные жители, подающіе по-

---

[1]) Henry Dunant. Un Souvenir de Solférino. Genève, 1862.

[2]) И. Ивановскій L. c. Стр. 35.

мощь раненнымъ, пользуются также неприкосновенностью и остаются свободными. И 4. (Пунктъ 6-й конвенціи) Раненные и больные подбираются и пользуются необходимымъ уходомъ и медицинскою помощью, безъ различія націи, къ которой они принадлежатъ. Такимъ образомъ и перевязочные пункты, равно какъ транспорты для раненныхъ и весь принадлежащій къ нимъ персоналъ, пользуются также безусловнымъ нейтралитетомъ.—Послѣ Женевской конвенціи 1864 года, съ цѣлью дальнѣйшаго разъясненія и дополненія выработанныхъ ею пунктовъ, были созваны еще нѣсколько международныхъ конференцій: въ Парижѣ (1867), вторично въ Женевѣ (1868), и послѣдняя, наконецъ, въ Брюсселѣ (1874). Изъ этихъ 3 конференцій, особенно послѣдняя Брюссельская, созванная по высоко-гуманному почину покойнаго Государя Императора Александра II, всего болѣе обѣщала для облегченія бѣдствій войны, такъ какъ она имѣла цѣлью опредѣлить обычаи и законы обязательные во-время войны между цивилизованными народами. Къ сожалѣнію, разногласія, возникшія въ конференціи при обсужденіи различныхъ ея вопросовъ, не привели въ сущности ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Такимъ образомъ и вопросъ высокой важности, свидѣтельствующій намъ о всемъ величіи души покойнаго Государя Императора, вопросъ именно подлежавшій обсужденію этой конференціи относительно законовъ и обычаевъ войны, остался не выясненнымъ. Конференція постановила только, оставляя Женевскую конвенцію вполнѣ неприкосновенной, что „обязанности воюющихъ сторонъ въ отношеніи ухода за больными и раненными воинами опредѣляются именно этой конвенціей, кромѣ только тѣхъ измѣненій, какимъ она можетъ подвергнуться“ [1]). Изо всего сказаннаго мною, такимъ образомъ, ясно, что относительно примѣненія международной помощи больнымъ и раненнымъ на войнѣ мы имѣемъ въ настоящее время обязательныя для всѣхъ постановленія Женевской конвенціи 1864 года. Если эти постановленія и не во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ одинаково исполнялись воюющими сторонами,—особенно во-время послѣдней нашей войны съ Турціей было много нарушеній этой конвенціи со стороны турокъ,—были также нарушенія съ обѣихъ сторонъ и во-время прусско-французской войны,—то все-же эта конвенція, вмѣстѣ съ Брюссельской конфе-

[1]) И. Ивановскій. L. c. Стр. 75.

ренціей 1874 года, является безспорно однимъ изъ величайшихъ проявленій требованій гуманности на войнѣ.

Послѣдній вопросъ, который намъ осталось еще разсмотрѣть, касается *употребленія огнестрѣльныхъ снарядовъ*, этихъ наиболѣе утонченныхъ и наиболѣе губительныхъ орудій истребленія человѣческихъ жизней на кровавомъ полѣ брани, по всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства. —Что я могу сказать по-поводу этого вопроса? Какія еще могутъ быть здѣсь предъявлены гуманныя требованія войны?! Отъ пули и картечи, и до гранаты или шрапнели, цѣлыя тучи этихъ снарядовъ несутся по всѣмъ направленіямъ надъ полемъ битвы, свистятъ, жужжатъ, лопаются съ глухимъ трескомъ, вырываютъ цѣлыми сотнями и тысячами ряды сражающихся войскъ, калѣча ихъ, уродуя, разрывая на части,—повсюду царитъ смерть, повсюду крикъ и стоны раненныхъ, заглушаемые шумомъ битвы, грохотомъ выстрѣловъ.... Какая тутъ гуманность, и мыслима-ли она на полѣ битвы?!.. Но, допуская войну, какъ неизбѣжное зло,—допуская здѣсь и употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ, какъ орудій войны, мы не должны, однако, придавать конструкціи этихъ снарядовъ такихъ особенностей, которыя безъ надобности, безцѣльно увеличивали-бы и безъ того ужасныя страданія раненныхъ. Мы не можемъ въ этомъ отношеніи согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ боевыхъ практиковъ, этихъ суровыхъ адептовъ войны, которые готовы допустить употребленіе всякихъ снарядовъ и всякихъ средствъ самозащиты на войнѣ. Такъ, при устройствѣ особаго рода огнестрѣльныхъ снарядовъ, такъ называемыхъ боевыхъ ракетъ, предлагались въ свое время, для наполненія этихъ ракетъ, различные зажигательные составы. Бывшій преподаватель Михайловской артиллерійской академіи генералъ Константиновъ предложилъ для этой цѣли растворъ фосфора въ сѣрнистомъ углеродѣ, разсчитывая на то, что „примѣняя этотъ растворъ къ оборонѣ крѣпостей“, „можно было-бы осуществить выгоду весьма смертоноснаго его дѣйствія противъ людей. Брызги фосфора“, говоритъ онъ „растворенаго въ сѣрнистомъ углеродѣ, падая на людей, не только на открытыя части тѣла, но даже на платье“, „производили-бы ужасные обжоги, по-бо́льшей части смертельные“ [1]). Но, продолжаетъ онъ далѣе, „не вѣролом-

[1]) Ген.-м. Константиновъ. О боевыхъ ракетахъ. Перев. съ франц. В. Е. Колкуновъ. Спб., 1864. Стр. 209.

ство или не жестокость-ли употреблять подобныя средства на войнѣ? На это мы отвѣтимъ, что война сама по себѣ есть одно изъ самыхъ величайшихъ бѣйствій, что она противна всѣмъ человѣческимъ чувствамъ; но, одинъ разъ неизбѣжная, она не можетъ быть ни судомъ Божіимъ—поединкомъ, по преданіямъ правилъ о чести, нирыцарскою борьбою—турниромъ, съ условнымъ оружіемъ; это есть—прибѣгать къ насилію, чтобы господствовать силою. Прибѣгнувъ однажды къ этому крайнему средству, надобно подчиниться всѣмъ его послѣдствіямъ и быть въ необходимости искать уменьшить, насколько возможно, силы непріятеля и уничтожать его способы атаки и сопротивленія съ меньшею потерею и возможно меньшими для себя расходами. Въ такихъ условіяхъ можно предаваться своимъ человѣческимъ чувствамъ только въ томъ, чтобы удалять по-возможности бѣдствія войны отъ тѣхъ, которые не принимаютъ участія въ борьбѣ, и облегчать, по-возможности, участь жертвъ; но къ несчастію можно предаваться чувствамъ человѣчества лишъ только въ той мѣрѣ, въ которой это не мѣшаетъ успѣхамъ нашихъ собственныхъ военныхъ операцій“ [1]).—Къ сожалѣнію, прибавимъ уже отъ себя, такое мнѣніе приходится нерѣдко слышать и отъ другихъ представителей боевой практики. Тогда, конечно, нѣчего и разсуждать о какихъ-либо гуманныхъ требованіяхъ войны по отношенію къ огнестрѣльнымъ снарядамъ... Мы знаемъ, однако, что въ былое доброе, старое время употребляли на войнѣ и разрывныя пули; употребляютъ ихъ и теперь,—но только для охоты по опасному звѣрю, а никакъ не на человѣка.... Бывшій нашъ военный министръ графъ Милютинъ, исходя съ той гуманной точки зрѣнія,—какою всегда отличался этотъ государственный сановникъ,—что употребленіе разрывныхъ пуль на войнѣ, не представляя почти никакихъ выгодъ для военныхъ цѣлей, составляетъ въ то-же время излишнее варварство, безъ надобности увеличивающее страданія раненныхъ,—предложилъ первый отказаться отъ употребленія такихъ пуль въ русской арміи. Мысль графа Милютина, какъ и слѣдовало ожидать, была въ высокой степени сочувственно принята покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ II. Съ этою цѣлью была созвана въ С.-Петербургѣ (1868), изъ представителей всѣхъ глав-

[1]) Ген.-м. Константиновъ. L. c. Стр. 209.

ныхъ державъ Европы, международная военная конвенція, которая въ окончательномъ своемъ засѣданіи (4-го ноября 1868 г.) рѣшила отказаться отъ употребленія всѣхъ вообще разрывныхъ снарядовъ, вѣсъ которыхъ меньше 400 граммовъ (т. е. приблизительно 1 фунта). Гуманная мысль графа Милютина, легшая въ основу этой замѣчательной конвенціи, высказана въ цѣломъ рядѣ ея положеній слѣдующимъ образомъ: [1]) „Принимая во вниманіе, что прогрессъ цивилизаціи долженъ стремиться къ тому, чтобы на-сколько возможно уменьшить бѣдствія войны,—что только законнымъ образомъ дѣйствій государства обязаны во-время войны ослабить военное могущество своего непріятеля,—что для этой цѣли совершенно достаточно вывести изъ строя возможно—бо́льшее количество людей,—что эта конечная цѣль будетъ упущена употребленіемъ такого оружія, которое безполезно только увеличитъ страданія раненныхъ, выбывшихъ изъ строя, или даже сдѣлаетъ смерть ихъ неизбѣжною,—и что, наконецъ, употребленіе такого оружія было-бы противно всѣмъ законамъ гуманности“,—принимая все это во вниманіе, „нижеподписавшіеся, получивъ приказанія отъ своихъ правительствъ“, и пришли къ такому-то рѣшенію, указанному нами уже выше.—Мы видимъ такимъ образомъ, что даже въ такомъ спеціальномъ и трудно-доступномъ для практическаго осуществленія вопросѣ, какъ отказъ отъ употребленія тѣхъ или другихъ снарядовъ, или вообще орудій войны, возможно, однако, путемъ международнаго соглашенія, придти къ извѣстному, окончательному и вполнѣ гуманному рѣшенію.—Въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ въ настоящее время?—Черезъ 2 года послѣ того, какъ была заключена С. Петербургская международная конвенція, вспыхнула война между Пруссіей и Франціей. Во-время этой войны впервые были употреблены въ дѣло, со стороны французовъ, дальнобойныя ружья Шасспо, и раны, которыя наносились пулями изъ этихъ ружей, особенно на короткихъ дистанціяхъ стрѣльбы, вызвали невольный протестъ со стороны прусскихъ врачей, по крайней своей жестокости. Посыпались обвиненія со стороны пруссаковъ въ томъ,—самъ Бисмаркъ поддерживалъ эти обвиненія,—что французы употребляютъ на войнѣ разрывныя пули, нарушая такимъ образомъ постановленія С. Петербургской конвенціи.

---

[1]) *Annuaire diplomatique de l'empire de Russie* pour l'année 1869. St.-Pétersbourg, 1869. Pg. 283—284, 287—288.

Болѣе безпристрастное и спокойное обсужденіе этого вопроса, уже по окончаніи войны, показало, однако, что всѣ эти обвиненія были совершенно несправедливы. Все дѣло просто объяснилось тѣмъ, что новыя пули Шасспо, по конструкціи своей ничѣмъ почти не отличавшіяся отъ прежнихъ, закономъ войны дозволенныхъ пуль, но поражавшія пруссаковъ часто на огромныхъ, до того не виданныхъ, дистанціяхъ стрѣльбы (двухъ и болѣе верстъ), производили, дѣйствительно, на короткихъ разстояніяхъ (50—100—200 шаговъ) такія ужасныя, огромныя, разорванныя раны и такое страшное раздробленіе костей, какихъ до тѣхъ поръ нигдѣ, ни въ какія войны, не наблюдали врачи, и склонны были, поэтому, признать такія пули разрывными. Не входя здѣсь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе интереснаго вопроса о томъ, чѣмъ обусловливается такое страшно-разрушительное дѣйствіе этихъ пуль,—замѣчу только, что оно составляетъ прямой результатъ той огромной скорости (до 1400 футовъ въ секунду) и того устойчиваго вращательнаго движенія (до 800 оборотовъ въ секунду), съ которыми эти пули вылетаютъ изъ дула ружья при выстрѣлѣ, и благодаря которымъ онѣ обладаютъ такою разрушительною силою.—До послѣдняго времени (начала 80-хъ годовъ) пули подобной конструкціи, какъ Шасспо, были приняты повсюду, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи (Бердановская пуля). Съ разрушительными свойствами такихъ пуль пришлось помириться по неволѣ, въ силу роковой необходимости признанія извѣстныхъ правъ и орудій войны. Въ самое послѣднее время, однако, и эти пули оказываются уже неудовлетворительными, при все болѣе возростающихъ требованіяхъ боевой практики. Вмѣсто прежнихъ ружей, производившихъ стрѣльбу одиночными зарядами, до 10—12 выстрѣловъ въ минуту, постепенно вводятся теперь такъ называемыя повторительныя или магазинныя ружья, дающія возможность производить необыкновенно-быструю стрѣльбу, до 30 и болѣе выстрѣловъ въ минуту. Вмѣсто прежнихъ, обыкновенныхъ свинцовыхъ пуль, повсюду вводятся теперь такъ называемыя оболочечныя или панцырныя пули, совершенно другой конструкціи. Такія пули впервые были предложены въ Германіи, въ 1876 году, подполковникомъ Боде и, нѣсколько позже, Лоренцомъ. Родина ихъ, поэтому, Германія. Пули эти, какъ показываетъ уже ихъ названіе „оболочечныя“, представляютъ ту особенность, что онѣ покрыты сверху твердой оболочкой изъ мѣди,

мельхіора, никкеля, или стали; внутренняя-же ихъ часть (такъ называемое зерно или сердечникъ пули) состоитъ изъ обыкновеннаго свинца съ примѣсью небольшаго количества сурьмы, или олова, для приданія имъ большей твердости. Въ настоящее время, во всѣхъ почти государствахъ Европы (Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Англіи) уже приняты такія пули,—остается очередь за Россіей.— Спрашивается: въ чемъ-же такая привлекательная сила этихъ пуль?— Дѣйствительно, эти пули обладаютъ такою почти невѣроятною дальностью полета (на разстояніи даже 3 и болѣе верстъ онѣ еще могутъ ранить и убивать) и такою мѣткостью и силою боя (пробивая даже довольно толстыя желѣзныя и стальныя пластины), что въ сравненіи съ ними прежнія свинцовыя пули никуда не годны. Въ то-же время эти пули, по величинѣ своей (калибру), гораздо меньше прежнихъ свинцовыхъ. Германскіе хирурги (и во главѣ ихъ преимущественно Регеръ [1]) и Бекъ [2]), отчасти также Брунсъ [3]) съ національнымъ чувствомъ гордости смотрятъ на эти пули, какъ на родное дѣтище Германіи, и привѣтствуютъ ихъ, какъ въ высокой степени гуманныя изобрѣтенія, дѣлающія великую честь еще болѣе великой германской націи. Не желая быть въ этомъ отношеніи заподозрѣннымъ въ нѣкоторомъ пристрастіи, или даже излишней долѣ патріотизма, я позволю себѣ привести вамъ слѣдующее мѣсто изъ доклада д-ра Регера „*Требованія, предъявляемыя гуманностью къ ружейнымъ снарядамъ*“, читаннаго имъ въ 1885 году въ Берлинскомъ военно-медицинскомъ обществѣ: „Мы, нѣмцы“, говоритъ Регеръ, „можемъ гордиться тѣмъ, что гуманная идея въ этомъ серьёзномъ вопросѣ о снарядахъ, развитіе руководящихъ теорій, а также и выполненіе самого снаряда произошли, только благодаря нѣмецкому терпѣнію и нѣмецкой интеллигенціи, и такимъ образомъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, въ высшей степени важныхъ для „эпидемій раненій“, вызываемыхъ каждой новой войной, неопровержимо представляется нѣмецкой заслугой“ [4]). Нѣсколько раньше этого мѣста, въ томъ-же своемъ докладѣ, Регеръ говоритъ: „Я привѣтствую

---

[1]) E. Reger. Die Gewehrschusswunden der Neuzeit. Strassburg, 1884.

[2]) B. von Beck. Über die Wirkung moderner Gewehrprojectile. Leipzig, 1885.

[3]) P. Bruns. Die Geschoss-Wirkung der neuen Kleinkaliber-Gewehre. Tübingen, 1889.

[4]) Регеръ. Требованія, предъявляемыя гуманностью къ ружейнымъ снарядамъ (*Военно-Санитарное Дѣло*, 1885. № 11. Стр. 110.

новый снарядъ съ великой радостью, такъ какъ я могу его разсматривать какъ свое дѣтище, и какъ послѣдствіе и доказательство правильности установленныхъ мною теорій“ [1]), и далѣе: „Вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что въ случаѣ принятія этого прекраснаго снаряда“, „на основаніи международнаго договора, все человѣчество можетъ поздравить себя съ этимъ“ [2]). Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно-ли такъ гуманны эти пули, чтобы вызывать о себѣ такіе восторженные отзывы? [3])—На это мы отвѣтимъ, во 1-хъ, что хотя оболочечныя пули, дѣйствительно, предложены были впервые въ Германіи Боде и Лоренцомъ, но окончательно были приняты и введены въ употребленіе, только благодаря Рубину и Геблеру, этимъ двумъ передовымъ швейцарскимъ дѣятелямъ въ области созданія лучшихъ образцовъ современныхъ ружей; во 2-хъ, что принятіе этихъ пуль было сдѣлано вовсе не на основаніи гуманныхъ предложеній и теорій д-ра Регера, а просто въ силу извѣстныхъ техническихъ соображеній, о которыхъ было-бы излишне здѣсь распространяться; и, въ 3-хъ, наконецъ, что пули эти далеко не гуманны.—На происходившемъ въ прошломъ году 3-емъ Съѣздѣ Общества Русскихъ Врачей въ С. Петербургѣ, въ докладѣ моемъ Съѣзду „*О разрушительномъ дѣйствіи современныхъ пуль*“ [4]), мною было высказано мнѣніе, что оболочечныя пули, какъ обладающія огромною живою силою (вслѣдствіе начальной ихъ скорости, достигающей 2000 и болѣе футовъ въ секунду), должны быть признаны наиболѣе разрушительными изо всѣхъ образцовъ нынѣ употребляемыхъ пуль, и никоимъ образомъ, поэтому, не заслуживаютъ названія „гуманныхъ“ пуль,—терминъ, приданный имъ Регеромъ, Бекомъ и другими германскими хирургами. Тогда-же было высказано мною предположеніе, что пули эти, при неудовлетворительномъ прикрѣпленіи покрывающей ихъ оболочки, оказываютъ даже разрывное дѣйствіе. Въ воспослѣдовавшихъ, затѣмъ, по поводу моего доклада, ожи-

---

[1]) Регеръ. L. c. Стр. 109.

[2]) Регеръ. L. c. Стр. 109—110.

[3]) Извѣстный германскій хирургъ П. Брунсъ также сильно преувеличиваетъ «гуманность» новѣйшихъ пуль, говоря, между прочимъ, о нихъ слѣдующее: «Новое малокалиберное ружье», съ его оболочечными пулями, «есть не только самое лучшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое гуманное оружіе, чтобы по возможности смягчать ужасы войны». (P. Bruns, L. c. S. 52).

[4]) Авторъ. О разрушительномъ дѣйствіи современныхъ пуль (*Дневникъ 3-го Съѣзда* и проч. L. c. № 4. Стр. 122—124 и № 6. Стр. 199—201).

вленныхъ дебатахъ, приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи д-ръ В. Н. Поповъ также заявилъ, основываясь при этомъ на произведенныхъ имъ опытахъ стрѣльбы, что разрушительное дѣйствіе оболочечныхъ пуль превосходитъ таковое всѣхъ прежнихъ образцовъ пуль. Д-ръ Поповъ предлагалъ даже, поэтому, совершенно исключить оболочечныя пули изъ употребленія ихъ въ боевой практикѣ.— Тотчасъ по окончаніи 3-го Съѣзда, желая выяснить въ высокой степени интересный и важный съ точки зрѣнія гуманности вопросъ о разрушительномъ дѣйствіи оболочечныхъ пуль, я обратился къ нашему главному военно-медицинскому инспектору А. А. Реммерту, прося его оказать мнѣ содѣйствіе въ полученіи изъ главнаго артиллерійскаго управленія наиболѣе типичныхъ образцовъ современныхъ ружей, для производства ихъ этихъ ружей опытовъ стрѣльбы оболочечными пулями. Получивъ, дѣйствительно, благодаря просвѣщенному содѣйствію А. А. Реммерта, эти образцы ружей (австрійскаго Маннлихера, и швейцарскаго Геблера) и необходимое къ нимъ количество патроновъ съ оболочечными пулями, я осенью прошлаго 1889 года произвелъ цѣлый рядъ опытовъ стрѣльбы изъ этихъ ружей по человѣческимъ трупамъ, изучая такимъ образомъ, при нѣсколько суровой и леденящей душу обстановкѣ, разрушительное дѣйствіе оболочечныхъ пуль. Опыты эти, весьма многочисленные притомъ, показали мнѣ, что оболочечныя пули, при выстрѣлахъ на короткомъ разстояніи—до 100 шаговъ (до сихъ поръ опыты мои только и могли быть произведены на этомъ разстояніи), производятъ такое ужасное дѣйствіе, раздробляютъ кости человѣческаго тѣла на такое огромное количество осколковъ, крупныхъ и мелкихъ, сами при этомъ рвутся на части, и разрываютъ окружающія части раны,— что дѣйствіе ихъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ дѣйствія настоящихъ разрывныхъ снарядовъ, которые были воспрещены С. Петербургской международной конвенціей.—Можно-ли, послѣ этого, говорить о „гуманности“ подобныхъ пуль?! Можно-ли, выражаясь словами Регера, „поздравить человѣчество“ съ такими пулями?!.. Правда, эти пули, будучи меньшаго калибра, меньшей величины, чѣмъ прежнія пули, даютъ въ мягкихъ частяхъ тѣла сравнительно болѣе узкія раны,—но за то прежнія пули могли пробить на-вылетъ одного, не болѣе двухъ человѣкъ,—а нынѣшнія свободно пробиваютъ 4—5 человѣкъ.... И это гуманность?!.. Ужасъ

невольно охватываетъ душу, если подумать, какъ еще далеко можетъ зайти эта гуманность!!..

Но, въ правѣ спросить вы меня: почему-же я говорю все только о *пуляхъ*, и въ то-же время ни слова объ *артиллерійскихъ снарядахъ?* Развѣ эти послѣдніе, подъ видомъ всевозможныхъ гранатъ, шрапнелей и бомбъ, не представляютъ еще болѣе ужасныхъ разрывныхъ снарядовъ, допускаемыхъ, однако, на войнѣ?—На это я отвѣчу, что, во 1-хъ, исключить на войнѣ употребленіе разрывныхъ артиллерійскихъ снарядовъ невозможно, въ силу извѣстныхъ требованій боевой практики, которымъ должны всегда удовлетворять эти снаряды; а, во 2-хъ, что артиллерійскіе снаряды, при современномъ способѣ веденія войнъ, дающемъ рѣшительное предпочтеніе ружейному огню, наносятъ сравнительно небольшое число раненій, составляющее едва 5—6, и во всякомъ случаѣ не болѣе 10% всего количества раненій, встрѣчаемыхъ на войнѣ. Въ то-же время ружейные снаряды, именно пули, на-столько преобладаютъ въ современныхъ войнахъ, что число наносимыхъ ими раненій достигаетъ 90 и даже 96% (битвы подъ Плевной 18-го іюля и 30-го августа) всего количества раненій на войнѣ. Ружейные снаряды являются такимъ образомъ наиболѣе разрушительными дѣятелями на поляхъ битвъ, и по отношенію къ нимъ всего болѣе можетъ быть предъявлено требованій гуманности,—фактъ, достаточно доказанный уже самимъ заключеніемъ С. Петербургской конвенціи.

Подводя итоги всему сказанному нами, мы видимъ, что гуманныя требованія войны касаются прежде всего *своевременной уборки раненныхъ съ полей сраженій и оказанія всѣмъ имъ необходимой помощи,*—касаются, затѣмъ, *оказанія помощи раненнымъ на перевязочныхъ пунктахъ,—во-время послѣдующей ихъ транспортировки въ полевые лазареты и госпитали,—во-время пребыванія ихъ въ этихъ госпиталяхъ,*—и, наконецъ, *во-время эвакуаціи.* Гуманныя требованія войны касаются также *своевременной уборки, погребенія убитыхъ на поляхъ сраженій* и надлежащей *гигіены* или *дезинфекціи этихъ полей,* въ случаѣ надобности. Гуманныя требованія касаются далѣе *возможно широкаго развитія и организаціи частной и международной помощи на войнѣ*; касаются, наконецъ, *употребленія на войнѣ тѣхъ или другихъ снарядовъ, какъ орудій или средствъ войны.* Къ этому мы могли-бы еще прибавить требованія

гуманности относительно *воспрещенія бомбардировки населенныхъ мѣстъ, городовъ,* и много другихъ подобныхъ вопросовъ, которыми далеко не исчерпано содержаніе сегодняшней нашей рѣчи.

Передъ нами пронесся цѣлый рядъ высоко-стоящихъ, высоко-одаренныхъ силою духа и знанія, интеллигентныхъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ развитіи этихъ гуманныхъ стремленій нашего вѣка, этихъ лучшихъ его страницъ, занесенныхъ въ исторію!... Мы, русскіе, можемъ гордиться, что много блестящихъ страницъ, проявленій русской гуманности, занесено и въ нашу исторію!—Если изложеніемъ затронутаго мною сегодня серьёзнаго и труднаго вопроса „О гуманныхъ требованіяхъ войны“ мнѣ удалось занять ваше благосклонное вниманіе, хотя боюсь, что я ужъ слишкомъ злоупотребилъ имъ,—если удалось мнѣ возбудить въ васъ живой интересъ къ обсужденію и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса,—если, выслушавъ меня, явилось у васъ чувство глубокаго состраданія къ жертвамъ войны, и пробудилось желаніе всѣми возможными, всѣми доступными вамъ способами облегчить бѣдствія и ужасы войны,—если, наконецъ, побуждаемые этими высокими чувствами и сознаніемъ святости долга, вы готовы будете въ рѣшительную минуту доказать все это на дѣлѣ,—въ такомъ случаѣ скромная цѣль сегодняшней моей рѣчи достигнута.—Но, затронутый мною вопросъ „О гуманныхъ требованіяхъ войны“ имѣетъ еще особое значеніе для насъ, русскихъ.—Россія всегда была по-преимуществу гуманной страной,—всегда являлась защитницею гонимыхъ на Балканскомъ полуостровѣ,—пострадала за нихъ въ крымскую кампанію,—принесла много жертвъ и въ послѣднюю войну.... Россія спасла угнетенную Европу отъ тиранства Наполеона I.—Россія первая способствовала широкому развитію и организаціи частной помощи на войнѣ,—введенію правильнаго распредѣленія медицинской помощи раненнымъ на перевязочныхъ пунктахъ, и послѣдующей эвакуаціи больныхъ и раненныхъ.—Россія много способствовала созыву Женевской конвенціи, и первая уничтожила употребленіе разрывныхъ пуль.—Россія впервые, наконецъ, подняла на Брюссельской конференціи вопросъ о законахъ и обычаяхъ войны.—Россія дала намъ великія, на-всегда незабвенныя имена Елены Павловны, покойнаго Государя Александра II,—имена Милютина, Пирогова,—и цѣлый рядъ высоко-развѣвающихъ знамя гуманности на войнѣ русскихъ военныхъ врачей и сестеръ милосер-

дія!... Будемъ надѣяться, что на этомъ не остановятся великія проявленія чувства гуманности русскаго народа, чувства сознанія его мощи и силы,—и что въ уменьшеніи потрясающихъ бѣдствій войны, въ облегченіи тяжелой участи ея страдальцевъ, Россіи предстоитъ еще великое будущее!...

На основаніи § 145 Высочайше утвержденнаго 23 Августа 1884 года устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, утверждаю 26 ноября 1889 года.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Статсъ-Секретарь *Графъ Деляновъ.*

УСТАВЪ

Физико-математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра.

§ 1.

Физико-математическое Общество при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра имѣетъ цѣлію содѣйствовать разработкѣ и распространенію физико-математическихъ наукъ, а также способствовать установленію правильныхъ взглядовъ на ихъ преподаваніе.

Примѣчаніе. Учредителями сего Общества считаются лица, подписавшія первоначальный проектъ устава, а именно: М. П. Авенаріусъ, Б. Я. Букрѣевъ, М. Ю. Ващенко-Захарченко, В. П. Ермаковъ, И. И. Рахманиновъ, П. Э. Ромеръ, Г. К. Сусловъ, М. Ѳ. Хандриковъ, Н. Н. Шиллеръ, Э. К. Шпачинскій.

§ 2.

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ.

§ 3.

Почетными членами Общества избираются извѣстные ученые и лица, оказавшія содѣйствіе развитію наукъ и дѣятельности общества.

§ 4.

Каждый изъ профессоровъ и преподавателей Физико-математическаго факультета Университета Св. Владиміра есть дѣйствительный членъ Общества, буде на принятіе этого званія изъявитъ желаніе.

§ 5.

Кандидаты въ почетные и дѣйствительные члены предлагаются письменно въ очередныхъ собраніяхъ Общества двумя или болѣе почетными или дѣйствительными членами и избираются въ слѣдующемъ собраніи закрытою баллотировкою простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 6.

Дѣлами Общества завѣдуетъ распорядительный комитетъ, состоящій изъ Предсѣдателя Общества, двухъ его товарищей, Секретаря и Казначея.

§ 7.

Распорядительный комитетъ избирается изъ дѣйствительныхъ членовъ закрытою баллотировкою, большинствомъ голосовъ, въ особомъ засѣданіи, для этого назначенномъ.

Предсѣдатель Общества избирается на два года; остальные члены распорядительнаго комитета избираются на одинъ годъ.

§ 8.

Три члена распорядительнаго комитета въ числѣ коихъ должны быть Предсѣдатель и одинъ изъ его товарищей, избираются всегда изъ числа профессоровъ Университета Св. Владиміра. Комитетъ собирается Предсѣдателемъ или по требованію трехъ его членовъ. Рѣшенія постанавляются большинствомъ голосовъ, въ числѣ коихъ должно быть не менѣе трехъ членовъ Комитета.

§ 9.

Собранія Общества, въ коихъ обсуждаются и рѣшаются дѣла особой важности, какъ-то избраніе членовъ общества и распоряди-

тельнаго Комитета, проэкты измѣненія устава, расходованіе суммъ общества, считаются дѣйствительными въ присутствіи не менѣе половины всѣхъ городскихъ членовъ. Если въ одномъ изъ такихъ засѣданій Общества не будетъ рѣшенъ вопросъ по недостаточному числу членовъ, то въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи онъ рѣшается большинствомъ наличныхъ членовъ.

§ 10.

На распорядительномъ Комитетѣ лежитъ обязанность руководить дѣлами Общества, входить въ сношеніе съ другими обществами и учрежденіями, завѣдывать библіотекою общества и изданіемъ его трудовъ.—Предсѣдатель наблюдаетъ за исполненіемъ устава Общества, дѣлаетъ распоряженія о печатаніи и выпускѣ въ свѣтъ его изданій. Предсѣдатель же или, за его отсутствіемъ, одинъ изъ его товарищей, открываетъ и закрываетъ засѣданія и руководитъ порядкомъ оныхъ. Секретарь ведетъ протоколы и переписку Общества. Казначей завѣдуетъ кассою Общества, и наблюдаетъ за порядкомъ поступленія и расходовъ.

§ 11.

Засѣданія Общества бываютъ очередныя и неочередныя. Одни очередныя засѣданія имѣютъ своимъ предметомъ обсужденіе научныхъ темъ общепонятнаго характера; другія очередныя засѣданія посвящаются темамъ, болѣе труднымъ и спеціальнымъ. Въ тѣхъ и другихъ очередныхъ засѣданіяхъ выслушиваются и утверждаются протоколы предыдущихъ засѣданій, читаются и обсуждаются рефераты изъ различныхъ областей физико-математическихъ наукъ, а также обзоры успѣховъ знанія по упомянутымъ областямъ наукъ, составляемыя по порученію общества его членами, обсуждаются методы преподаванія различныхъ частей физико-математическихъ наукъ и т. п. Неочередныя засѣданія собираются по предложенію распорядительнаго Комитета или членовъ Общества (не менѣе десяти). Сроки очередныхъ засѣданій обсуждаются на опредѣленный промежутокъ времени въ одномъ изъ собраній Общества и могутъ быть назначены ежемѣсячными или болѣе частыми, смотря по развитію научныхъ силъ Общества и накопленію матеріала. Распорядительный Комитетъ имѣетъ

право контролировать, распредѣлять и регулировать научный матеріалъ подлежащій обсужденію Общества.

§ 12.

Дѣйствительные члены Общества вносятъ въ его кассу ежегодно по три рубля. Срокъ уплаты считается для всѣхъ членовъ одинаково съ 1 Января года вступленія въ Общество.—Члены, внесшіе единовременно тридцать рублей освобождаются отъ ежегодной платы. Почетные члены не обязаны вносить членскую плату.

§ 13.

Дѣйствительные члены Общества, не внесшіе платы въ теченіи одного срока, считаются добровольно выбывшими изъ общества и перестаютъ пользоваться правомъ голоса въ его собраніяхъ. По внесеніи же недоимки выбывшіе члены снова вступаютъ въ общество безъ особой баллотировки.

§ 14.

Средства общества составляются: а) изъ членскихъ взносовъ, б) изъ суммъ выручаемыхъ отъ изданій общества, в) изъ пособій Университета или Правительства, буде таковыя послѣдуютъ, г) изъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ лицъ, д) изъ суммъ выручаемыхъ съ публичныхъ лекцій.

§ 15.

Изданія Общества, какъ состоящаго при Университетѣ, въ силу § 138 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, выходятъ въ свѣтъ безъ предварительной цензуры.

§ 16.

Общество имѣетъ право печатать протоколы засѣданій и труды своихъ членовъ въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ по соглашенію съ редакціоннымъ комитетомъ Извѣстій и въ количествѣ печатныхъ листовъ признанномъ этимъ послѣднимъ за удобное.

§ 17.

Общество имѣетъ право устраивать свои засѣданія, а также платныя и безплатныя публичныя лекціи въ зданіяхъ Университета Св. Владиміра по программамъ утвержденнымъ собраніемъ общества съ одобренія и разрѣшенія подлежащаго начальства въ порядкѣ, установленномъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 25 Іюня 1883 года.

§ 18.

Общество можетъ пользоваться для демонстрацій и опытовъ на засѣданіяхъ и публичныхъ лекціяхъ или для иныхъ научныхъ цѣлей приборами, коллекціями и учебно-вспомогательными пособіями учрежденій Университета Св. Владиміра, согласно съ общими Университетскими постановленіями, по соглашенію съ завѣдующими упомянутыми учрежденіями и съ разрѣшенія подлежащаго начальства.

§ 19.

Общество имѣетъ свою печать и бланки съ надписью: Кіевское Физико-математическое Общество.

§ 20.

Общество имѣетъ право предлагать и публиковать темы для научныхъ изслѣдованій и задачи на преміи, опредѣленныя Обществомъ, а также выдавать пособія для научныхъ работъ, имъ одобренныхъ.

§ 21.

Общество имѣетъ право образовать свою библіотеку и коллекцію инструментовъ и хранить оныя въ зданіяхъ Университета Св. Владиміра, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе начальства Университета.

§ 22.

Ревизія расходовъ и суммъ общества производится ежегодно тремя членами по выбору изъ не принадлежащихъ къ распорядительному

комитету и во всякое время по требованію 10 членовъ общества.— Въ концѣ года читается отчетъ о дѣйствіяхъ Общества. Капиталъ общества хранится въ мѣстной конторѣ Государственнаго Банка, въ государственныхъ и гарантированныхъ Правительствомъ процентныхъ бумагахъ.

§ 23.

Въ случаѣ закрытія общества все его имущество поступаетъ въ собственность Университета Св. Владиміра.

§ 24.

Общество имѣетъ право ходатайствовать черезъ Совѣтъ Университета Св. Владиміра установленнымъ порядкомъ передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о всѣхъ своихъ нуждахъ и, въ случаѣ надобности, объ измѣненіяхъ въ уставѣ Общества.

Рыцарскій эпосъ въ Италіи послѣ Аріосто.

Аріосто сообщилъ новую и особую привлекательность сказаніямъ, вышедшимъ изъ Каролингскаго эпоса, и вслѣдъ за „Неистовымъ Роландомъ“ съ 1517 г. явилось множество романическихъ поэмъ того же цикла. Авторы ихъ пошли за Аріосто по торной дорогѣ въ фантастическій міръ вымысловъ, въ которомъ одновременно съ небывалыми войнами христіанъ съ сарацинами имѣли мѣсто различныя рыцарскія и любовныя приключенія. Поэты такого направленія повѣствовали на разные лады,

.....come saracini
Orlando mandi,..a Rinaldo guanti
...come caminando i palatini
trouasson per le siepe i gran Giganti
...come errando fuor di lor confini
andar gia molti caualier erranti.
....e chi le carte empi de sogni
per cui conuẽ ch'el vulco erãte agogni [1]).

Эти поэмы представляли либо распространеніе и продолженіе сказаній, переданныхъ Аріосто и его ближайшимъ предшественникомъ Боярдо, либо эпизодическую разработку сказаній объ отдѣльныхъ личностяхъ того Каролингскаго эпоса, который сложился въ Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэма Аріосто подверглась многочисленнымъ передѣлкамъ, приспособленіемъ и сокращеніямъ въ народѣ и для народа. Словомъ, чудная фантастика Аріосто произвела необычайное впечатлѣніе на народное

[1]) *Troiano il qual tratta la destrutione de Troia, per amor di Helena grecha la qual fu tolta da Paris Troiano al Re Menelao. Et come per tal destrution fu edificata Roma, Padoua, e Verona et molte altre Cittade in Italia, per Enea Troiano come intenderai.* Con molte altre diuerse historie da molti Autori descrite. In Venetia, M. D. LXXXVII. Canto primo. Мы пользовались экземпляромъ Парижской Націон. библіотеки У. 3549. B. Объ этомъ произведеніи см. *Joly*, Benoit de Sainte More et le Roman de Troie etc., Par. MDCCCLXXI, t. II, p. 516—517.

воображеніе, и франко-итальянская рыцарская эпика продолжала пользоваться весьма широкою извѣстностью въ Италіи, интересуя и высшее образованное общество и низшіе слои народа.

Ни одно изъ произведеній этой эпики, вызванныхъ „Неистовымъ Роландомъ“, не только не поравнялось съ поэмой Феррарскаго пѣвца, но даже не приблизилось къ ней. Подобно „Божественной комедіи“, созданіе Аріосто осталось единственнымъ въ своемъ родѣ. Оно отличалось вполнѣ своеобразнымъ и въ высшей степени удачнымъ соединеніемъ серьезности (а по мѣстамъ и трагизма) съ юморомъ въ изображеніи рыцарства. Послѣдующее творчество не представило такого сочетанія этихъ началъ. Литературное теченіе, приведшее къ появленію „Неистоваго Роланда“, вновь раздвоилось. Съ одной стороны началось рѣшительное преобладаніе бурлеска, а съ другой обнаруживалась наклонность къ серьезному и идеалистическому изображенію рыцарства. Болѣе рѣзкія выраженія этихъ направленій для насъ въ особенности интересны, и мы остановимся на нихъ.

Шутливая рыцарская поэма уже въ XV стол. стала крупнымъ явленіемъ итальянской литературы. Въ XVI в. продолжалось карикатурное подражаніе рыцарскимъ романамъ и насмѣшливое отношеніе къ средневѣковому творчеству. Годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Orlando Furioso“ появились 17 пѣсенъ *Macaroneae* Т. Фоленго (въ 1517 г.), который можетъ быть поставленъ во главѣ итальянскихъ сатирическихъ романистовъ XVI в. [1]). Потому Фоленго должно принадлежать первое мѣсто въ нашемъ обзорѣ рыцарской и противорыцарской итальянской эпики XVI в.

Фоленго замыслилъ и началъ свою знаменитую поэму о Бальдѣ еще въ годы студенчества въ Болоньѣ (1511—1512), когда былъ ученикомъ Помпонацци. Молодые пріятели Фоленго встрѣтили весьма сочувственно его первыя произведенія и подали ему идею новой поэмы объ отважномъ Бальдѣ. Поэтъ долженъ былъ изобразить въ ней съ фантастическими преувеличеніями шумный мірокъ ихъ, проказы и приключенія буйныхъ юношей. Начавъ поэму, Фоленго вдохновлялся похожденіями лицъ, дѣйствительно существовавшихъ. Прототипомъ главнаго героя поэмы послужилъ одинъ Мантуанецъ (землякъ Фо-

[1]) Родился въ 1496 г. Новѣйшая монографія о Фоленго, принадлежащая Luzio, помѣщена въ *Giorn. storico della letter. italiana*, vol. XIII (1889), подъ заглавіемъ «Nuove ricerche sul Folengo».

ленго) изъ фамиліи Donesmondi, Болонскій студентъ, силачъ, смѣльчакъ и непосѣда, собравшій около себя толпу подобныхъ же отважныхъ юношей и рано сдѣлавшійся жертвою своей неугомонности [1]). Такъ возникли первыя *Maccheroniche*. Постепенно онѣ разростались и въ 1517 г. явились въ печати безъ вѣдома автора, вступившаго въ декабрѣ 1512 г. въ монастырь послѣ печальной развязки похожденій Donesmondi. Дѣйствительное имя автора поэмы о Бальдѣ было скрыто псевдонимомъ Merlinus Cocajus. Въ 1521 г. поэма вышла въ дополненомъ видѣ—въ 25 пѣсняхъ. На печатаніе этого изданія авторъ долженъ былъ согласиться по неволѣ,—потому, что книгопродавецъ помимо его получилъ одинъ изъ рукописныхъ экземпляровъ, распространившихся по неосторожности насмѣшливаго монаха. Редакція 1521 г. представляетъ значительныя отмѣны по сравненію съ изданіемъ 1517 г. Она отличается большею полнотою и художественностію отдѣлки и не ограничивается воспроизведеніемъ безпорядочнаго житья Болонскаго студенчества, а заключаетъ также язвительнѣйшую сатиру на монашескую братію, въ сонмъ которой вступилъ Фоленго послѣ веселаго студенческаго житья. Авторъ и въ стѣнахъ монастыря видимо съ любовію возвращался къ первому наброску и постоянно передѣлывалъ его и пополнялъ.

Это произведеніе Фоленго представляетъ собою длинную поэму въ макароническихъ стихахъ. Герой ея Baldus—знатнаго рода valenthominus barone,

> Quo non Hectorior, quo non Orlandior, et quo
> Non tulit in spalla portas Sansonior alter [2]).

Бальдъ былъ сынъ храбраго рыцаря (потомка Ринальдо) и дочери французскаго короля, бѣжавшихъ въ Италію. Мать Бальда умерла тотчасъ же послѣ его рожденія, отецъ удалился, и мальчикъ былъ воспитанъ добрымъ поселяниномъ, благородно пріютившимъ бѣглецовъ. Выучившись читать, Бальдъ набросился съ особой охотой на рыцарскія книги и пламенно пожелалъ подражать Роланду, подобно

---

[1]) Ibid., 167—168. Объ этомъ говоритъ самъ Фоленго въ сдѣлавшемся недавно извѣстнымъ изданіи,—единственномъ, которое было имъ одобрено. L. c., 162—163 и 159. Доселѣ это изданіе считалось безслѣдно погибшимъ.

[2]) Подобное выраженіе указываютъ уже въ Carmina Burana, гдѣ нашли *Codro codrior*, напоминающее Плавтово *poenus punior*.

которому держалъ себя въ играхъ и дракахъ съ мальчиками [1]). Онъ оказался необузданнымъ проказникомъ и однажды убилъ бездѣльника пытавшагося сдержать его. Толпа сыщиковъ хочетъ арестовать Бальда, но знаменитый Сордельо Мантуанскій [2]), восхищенный бойкостью мальчика, беретъ его къ себѣ и воспитываетъ въ качествѣ пажа. Сордельо обучаетъ питомца рыцарскимъ искусствамъ, но, выросши, Бальдъ ведетъ себя не по-рыцарски и становится во главѣ забіякъ и бродягъ. Главные члены его шайки великанъ Фракассъ (потомокъ Морганта), Cingar (цыганъ)—воръ и обманщикъ изъ рода Маргутта—и Fraschetto—получеловѣкъ и полусобака, напоминающій Pulicane въ Buovo d'Antona [3]). Продѣлки этой дурачащейся компаніи вынуждаютъ къ принятію мѣръ противъ нея. Бальдъ попадаетъ въ ловушку, мужественно защищается, но все-таки его берутъ и отводятъ въ заключеніе въ Мантую. Вѣрные сподвижники Бальда готовы сдѣлать все для освобожденія его. Наиболѣе сметки проявляетъ плутъ Cingar, который на время выдвигается на первое мѣсто въ поэмѣ. Онъ неистощимъ въ разнаго рода выдумкахъ. Слѣдуетъ разсказъ о шуткахъ, хитростяхъ и изворотахъ, къ которымъ прибѣгалъ Cingar для осмѣянія и одураченія враговъ Бальда, крестьянъ, судей, а также полицейскихъ, солдатъ, монаховъ, и для освобожденія пріятеля. Повѣствованіе обо всемъ этомъ даетъ автору поводъ нарисовать цѣлый рядъ быстро смѣняющихся весьма наглядныхъ и полныхъ сатиризма и выразительной реальности картинъ народной жизни въ разныхъ проявленіяхъ ея. Поэтъ выставляетъ полуживотныя качества виллановъ и отъ лица Cingar-а зло смѣется надъ религіозными корпораціями, которыя стали пріютомъ отребья и тунеядцевъ. Во множествѣ частностей онъ выказываетъ глубокое знакомство съ жизнью

---

[1]) Эта часть поэмы обнаруживаетъ вліяніе принадлежащаго къ Каролингскому циклу сказанія о любви Милона и Берты и о дѣтствѣ Роланда. Существуетъ нѣсколько изданій готическимъ шрифтомъ *Innamoramento de Melone e Berta e come nacque Orlando et de sua pueritia.*

[2]) Очевидно тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Данте,—авторъ *Ensenhamen d'onor*, недавно изданнаго Palazzi [Le poesie inedite di Sordello, Venez. 1887; рец. Schultz-a въ Zeitschr. f. roman. Philologie XII (1888), 270—275]. Впрочемъ, относительно того, кого разумѣть подъ Сордельо, упомянутымъ у Данта, существуетъ разногласіе. См. Rivista di filologia romanza, vol. I, fasc. III, p. 198.

[3]) Русскій Полканъ. См. статью А. Н. Веселовскаго въ Истор. р. словесности *Галахова*, I², 458 и слѣд. Ср. у *А. И. Кирпичникова*: Поэмы Ломбардскаго цикла, М. 1873, стр. 8—9.

своей родины, деревни Cipada и города Мантуи; видимо пишетъ съ натуры и соблюдаетъ мѣстный колоритъ даже въ языкѣ, что сообщало удивительную живость позднѣйшимъ обработкамъ *Maccheroniche*. —Переодѣвшись монахомъ, Cingar успѣваетъ, наконецъ, освободить Бальда. Бальдъ и его дружина садятся на корабль. Начинается продолжительное путешествіе, во время котораго герои Фоленго испытываютъ множество неожиданныхъ приключеній. Въ повѣствованіи объ этихъ приключеніяхъ причудливо смѣшиваются легендарные и романическіе мотивы съ подробностями, характеризующими тогдашнюю современность (пираты, cortigiane). Бальду пришлось побывать на седьмомъ небѣ, дважды выслушать прорицанія о будущемъ, прожить нѣкоторое время на заколдованномъ островѣ, раздѣлываться съ колдуньями—meretrice [1]), сражаться съ дьяволами и пиратами. Поэма заканчивается посѣщеніемъ ада, въ который мужественно проникаютъ наши герои. Въ первой изъ подземныхъ странъ они встрѣчаютъ мудреца и пророка Merlinus Cocajus, имя котораго какъ бы не нарочно совпадаетъ съ именемъ знаменитаго волшебника Артуровскихъ романовъ [2]). Въ одной изъ пещеръ, которая носитъ названіе „phantasiæ domus“, пребываютъ

.....grammaticæ populi, pedagogaque proles:
Argumenta volant dialectica; mille sophistæ
Adsunt bajanæ, pro, contra, negoque proboque.

Затѣмъ въ большой тыквѣ неустрашимые бойцы находятъ поэтовъ и астрологовъ, ложью снискивающихъ себѣ хлѣбъ при дворахъ. Здѣсь авторъ разстается съ Бальдомъ, предоставляя другому поэту воспѣть побѣду Бальда надъ Люциферомъ и возвращеніе витязя изъ ада [3]).

---

[1]) Одна изъ нихъ напоминаетъ древнюю Цирцею.

[2]) Фоленго такъ объясняетъ въ поэмѣ о Бальдѣ этимологію прозвища Merlinus Cocajus:

Mox fuit apparsum toto miracol in orbe,
Quale aiunt magno quondam evenisse Platoni,
Quem pecchiae dulci civabant melle putinum:
Sic quoque quottidie passabat nigra frequenter
Merla Padum, portans infanti pabula becco,
Qua propter nomen Merlini venit ab inde,
Motivumque frequens coepit celebrarier illud,
Merla Padum passat propter nutrire Cocajum.

Merla—черный дроздъ. Интересно сопоставить эти слова Фоленго съ провинціальной поговоркой: la Merla ha passato il Po (миновало время счастья).

[3]) Нисхожденіе въ адъ предпринимали нѣкоторые рыцари задолго до Бальда. См., напр., Storia di Ugone d' Alvernia, изд. Zambrini и Bacchi della Lega (Bol. 1882), Scelta, CLXXXVIII и CXC);

Даже представленное краткое изложеніе исторіи возникновенія поэмы Фоленго и содержанія ея можетъ показать, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ сложилось это бурлескное произведеніе, не ограничивающееся пародированіемъ рыцарства и его повѣствованій. Нельзя не согласиться отчасти съ Canello, который, развивая и дополняя мнѣніе de Sanctis, усматриваетъ въ поэмѣ Фоленго широкую и серьезную тенденцію. Онъ видитъ въ Бальдѣ неукротимый человѣческій духъ, устраняющій всякія стѣсненія, а въ особенности препоны со стороны религіозныхъ суевѣрій, сокрушающій адскія пугала и самый адъ. По мнѣнію Canello, поэма о Бальдѣ—„остроумнѣйшая сатира на условія соціальной и религіозной жизни въ началѣ XVI в., который, въ особенности въ низшихъ слояхъ народа, былъ еще цѣликомъ пропитанъ средневѣковыми недостатками; и въ тоже время *Baldus*—торжественное заявленіе новыхъ, или обновленныхъ, правъ разума, который въ обществѣ и въ современной наиболѣе популярной литературѣ находилъ себѣ наиболѣе пригоднаго представителя въ рыцарѣ, защитникѣ права и свободной мысли, всегда и въ особенности не терпящемъ грубости причудливыхъ мѣстныхъ законовъ“ [1]). Принимая это мнѣніе, мы не находимъ возможнымъ лишь согласиться со взглядомъ Canello на отношеніе Фоленго къ рыцарству и признаемъ долю справедливости и въ мнѣніи другихъ историковъ итальянской литературы, между прочимъ и новѣйшаго [2]), которые, считая существенной нотой поэмы Фоленго пародію и смѣхъ надъ всѣмъ, конечнымъ результатомъ поэмы полагаютъ осмѣяніе рыцарства. Нельзя утверждать вмѣстѣ съ Canello, что произведенію Фоленго присуще лишь въ частностяхъ юмористическое отношеніе къ рыцарству въ лицѣ Бальда и его дружины. Въ поэму Фоленго вошло не мало ска-

---

Renier, La discesa di Ugo d' Alvernia allo Inferno, Bologna 1883 (Sc. di cur. lett., disp. CXCIV), и статью *Graf-a*: «Di un poema inedito di Carlo Martello e di Ugo conte d'Alvernia». Cf. Ztschr. f. rom. Philol., III, 620; XI, 158—159; Romania II, 57; IX, 508. О Падуанскомъ манускриптѣ Ugo di Alvernia—въ приложеніи къ статьѣ Крешини объ Orlando (см. ниже). См. еще Rajna, Le origini etc, 236—237. Поэма *Carlo Martello et Ugo Conte Dalvernia* была напечатана въ 1506 г. въ Венеціи и въ 1507 г. въ Миланѣ.

[1]) Storia della letteratura italiana nel secolo XVI, Milano 1880, p. 178 Рец. на эту книгу: Торраки—въ Giornale di filol. romanza № 8 (vol. IV, 117—122) и въ Ztschr. f. Vergleich. Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur, N. F., I, 116—117.

[2]) *Gaspary*, Gesch. der Italienischen Literatur, Zweiter Band, Berl. 1888, 522, 525.

заній рыцарскихъ поэмъ [1]), и въ передачѣ этихъ эпизодовъ макароническій поэтъ XVI в. возвратился къ той манерѣ, которой придерживался Пульчи въ эпизодѣ о Маргуттѣ. Если Фоленго пользовался пріемами народнаго или полународнаго эпоса [2]), то не спроста: вѣдь онъ такъ не долюбливалъ простонародья! Не даромъ обратился онъ и къ макароническої рѣчи, которая усилила разящій контрастъ напыщеннаго эпическаго тона и несоотвѣтственнаго содержанія: въ предшествовавшей Фоленго макароническої поэзіи также имѣло мѣсто комическое сопоставленіе изображаемыхъ ею лицъ съ героями рыцарскихъ поэмъ [3]). Въ связи со всѣмъ этимъ не надо забывать, что Бальдъ, рыцарь знатнаго происхожденія, не только въ дѣтствѣ и ранней юности витаетъ въ низменной обстановкѣ и чудеситъ (эти юношескія продѣлки не помѣшали бы ему быть истинно доблестнымъ рыцаремъ, какъ не помѣшали и другимъ героямъ считаться истинно доблестными рыцарями [4]); онъ и позднѣе не только рыцарь разума, правды и отечества (campio rationis, iustitiae, fidei, patriae), какъ называетъ его отецъ, но и *tabolae rotundae*; а къ этому братству круглаго стола принадлежатъ не исключительно чистокровные рыцари; къ нему принадлежатъ одновременно и такія личности, какъ симпатичный энтузіастъ, испанецъ Леонардо, и такія какъ плутъ Cingar. Бальдъ—членъ вольницы, не знающей рыцарскаго этикета и рыцарской любви, не уживающейся съ ограниченностію людей, стоящихъ за обычную мораль и законность. Изображеніе этой воль-

---

[1]) Отмѣтимъ, между прочимъ, эпизоды, напоминающіе Guerino il Meschino, знаменитый и весьма популярный народный романъ Andrea dei Magnabotti.

[2]) См., напр., бой Бальда съ дьяволами, во время котораго герой вмѣсто оружія употребилъ Belzebub-a; ср. въ нашихъ былинахъ помахиваніе татариномъ.

[3]) Вспомнимъ, напр., солдата Guiotto, который мужествомъ своимъ напоминаетъ Uggieri il Danese; у него была шпага

Quam Durindane poteris pensare sororem,
Quam vix triginta possent de terra levare.

Фоленго считалъ Odassi самымъ знаменитымъ своимъ предшественникомъ. О началѣ макароническої поэзіи см. въ статьѣ Rossi: «Di un poeta maccheronico e di alcune sue rime italiane» въ Giorn. stor. della lett. ital., vol. XI (1888), fasc. 31—32; въ моногр. *F. Gabotto e D. Barella*, La poesia maccaronica e la storia in Piemonte sulla fine del secolo XV, Torino 1888; въ моногр. *Zannoni*: I precursori di Merlin Cocai. Città di Castello, S. Lapi, 1888; и въ обширной рецензіи на эту монографію, помѣщенной въ Giorn. stor. etc., vol. XII. fasc. 36.—Зародышъ макароническої поэзіи находятъ въ произведеніяхъ голіардовъ, новѣйшая монографія о которыхъ—*Gabrielli*: Su la poesia dei Goliardi, Città di Castello, 1889.

[4]) См., напр., ниже въ изложеніи содержанія англійскаго романа о Red Rose Knight.

ницы введено въ широкія рамки осмѣянія средневѣковой рутины, которую авторъ находитъ всюду, даже въ средѣ представителей интеллигенціи. Наконецъ, истинный смыслъ загадочной поэмы Фоленго освѣщается сопоставленіемъ ея съ однородными и родственными произведеніями другихъ литературъ, въ особенности съ знаменитымъ сатирическимъ романомъ современника Фоленго, Рабле, который, по нашему мнѣнію, выработалъ идею своего произведенія не безъ вліянія Фоленго [1]), сроднаго ему по духу и отчасти также по внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни. Поэма Фоленго представляется намъ смѣлымъ и оригинальнымъ литературнымъ построеніемъ въ родѣ тѣхъ, какими выдается первая половина XVI в. Рыцарь Фоленго, во имя доблести и справедливости смѣло идущій на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ и не мирящійся съ окружающей обстановкою, не Донъ-Кихотъ [2]), не представитель только отживающихъ воззрѣній; отвага его, на которую указываетъ самое имя его,—молодецкая отвага вождя новаго движенія, съ юношескою неопытностью вѣрящаго въ безграничность своихъ силъ, смѣло идущаго на встрѣчу адской тьмѣ, во главѣ которой стоитъ тьма разума.

Если справедливо наше истолкованіе значенія поэмы о Бальдѣ, то слѣдуетъ признать, что Фоленго возвеличивалъ не обычное рыцарство въ личности Бальда, а какое-то иное—рыцарство будущаго. Что Фоленго не удовлетворялся обычнымъ рыцарствомъ, видно и изъ отношенія его къ послѣднему въ другихъ произведеніяхъ. По мнѣнію самого Canello, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній Фоленго имѣлъ въ виду осмѣяніе наклонности къ любовной идилліи и любовной изнѣженности, пародированіе любовныхъ канцонъ (*Zanitonella*) и осмѣяніе рыцарскихъ романовъ (*Moschei-*

---

[1]) Мы пришли къ этому выводу независимо отъ *P. Stapfer*-а, съ книгою котораго о Рабле (Rabelais, sa personne, son génie, son oeuvre, Par. 1889; см. p. 389—392) мы ознакомились потомъ.

[2]) Къ сожалѣнію, мы не могли ознакомиться со статьею *Zumbini*: Folengo precursore del Cervantes, помѣщенною въ Napoli letteraria 3 января 1885 г. Проводя параллель между Фоленго и Сервантесомъ, можно бы указать, между проч., на то, что оба поэта вывели героевъ своихъ изъ деревушки, которая имѣла то или иное значеніе въ ихъ жизни и которую они хотѣли помянуть не добромъ. У Фоленго такою деревушкою является Cipada, у Сервантеса одна деревушка въ Ла-Манчѣ. Предполагаютъ, что Сервантесъ потерпѣлъ однажды непріятность отъ жителей послѣдней и въ знакъ своего негодованія не захотѣлъ ее назвать въ начальныхъ строкахъ своего знаменитаго романа: «En un lugar de la Mancha, *de cuyo nombre no quiero acordarme*, no ha mucho tiempo que vivia un hidalgo»....

de) [1]). Равнымъ образомъ и поэма *Orlandino* [2]) была не притворнымъ лишь, а дѣйствительнымъ осмѣяніемъ какъ Роланда, такъ и рыцарства вообще.

Послѣ Фоленго заслуживаетъ упоминанія въ числѣ поэтовъ, комически изображавшихъ рыцарство, Берни. Онъ обработалъ поэму Боярдо Orlando inammorato (окончилъ обработку въ 1531 г.; въ печати она явилась въ 1541 г.) не съ цѣлью пародированія, хотя вообще имѣлъ охоту къ насмѣшкѣ, а съ цѣлью сообщенія большаго изящества языку. Тотъ юморъ, который присущъ обработкѣ Берни, былъ впервые внесенъ въ изображеніе Роланда еще графомъ Боярдо [3]); Боярдова Роланда считаютъ одною изъ самыхъ смѣшныхъ фигуръ итальянской рыцарской поэзіи. Orlando rifatto Берни соотвѣтствуетъ духу времени, въ которое писалъ послѣдній. Между тѣмъ какъ Боярдо во многомъ близокъ еще къ средневѣковью, Берни въ большей степени выказываетъ себя человѣкомъ новаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ Берни нѣсколько обезцвѣтилъ лица, изображенныя Боярдо. У послѣдняго они тщательно охарактеризованы, Берни же сглаживаетъ отличія и водворяетъ нѣкоторое однообразіе.

Пьетро Аретино, пробовавшій свои силы въ различныхъ родахъ творчества, проявилъ двоякое отношеніе къ рыцарской эпопеѣ [4]) и въ этомъ отношеніи отразилъ двойственность первой половины XVI вѣка и свое индифферентное, спекулянтское отношеніе къ литературѣ.

Вначалѣ онъ признавалъ (Marfisa, canto I)

Bell'onor, che n'acquista il secol nostro
Che rivolga l'istorie di Turpino,
E di lor canti con pregiato inchiostro
Ogni Spirito eccelso e pellegrino....

---

[1]) Оба эти произведенія написаны Фоленго еще въ началѣ его литературной дѣятельности въ Болоньѣ.

[2]) Поэма *Orlandino* написана или вновь обработана въ 1525—1526 гг.; напечатана впервые въ 1527 г.

[3]) Crescini (Orlando nella Chanson de Roland e nei poemi del Bojardo e dell' Ariosto: Propugnatore 1880 и отдѣльный оттискъ) подтвердилъ выводъ Райны, по которому Orlando *inamorato*—лицо комическое, а *furioso* вновь становится героемъ серьезнымъ.

[4]) О произведеніяхъ Аретино, имѣющихъ отношеніе къ рыцарской эпопеѣ, см. въ статьѣ *Luzio*: «L'Orlandino di Pietro Aretino», помѣщенной въ № 6 (t. III) Giornale di filologia romanza.

По примѣру многихъ другихъ, издававшихъ primi canti о какой-нибудь отдѣльной личности поэмы Аріосто, Аретино написалъ три отрывочныхъ эпическихъ наброска, примыкавшихъ къ поэмѣ Аріосто [1]). Въ одномъ изъ нихъ (*Marfisa*) Аретино вдался, между проч., въ фантастическое измышленіе о той кутерьмѣ, которую поднялъ въ преисподней послѣ своей смерти нетерпѣливый и гордый Родомонтъ [2]); явившись туда, онъ вступилъ въ борьбу со всѣмъ адомъ. Въ описаніи этой борьбы встрѣчаемся съ Дантовскимъ Харономъ и съ Плутономъ. Затѣмъ Родомонту предстаетъ печальное зрѣлище: онъ видитъ поруганіе, которому подверглось его бездыханное тѣло, и возвращается дорогою, которою пришелъ, отгоняетъ воронова, глложущихъ останки, наталкивается на Сакрипанта и вступаетъ въ бой съ нимъ.—Отъ такихъ причудливостей было недалеко уже до изображенія рыцарства въ комическомъ видѣ. Аретино въ этомъ случаѣ пошелъ нѣсколько далѣе чѣмъ Аріосто.

Во второмъ отрывкѣ (*De le lagrime d'Angelica*) отмѣчаютъ идиллическій эпизодъ о счастіи, которымъ наслаждаются среди прекрасной природы Медоръ и Анджелика. Аретино, воздержавшійся въ этой картинѣ отъ свойственнаго ему цинизма, восклицаетъ, созерцая блаженство упоенныхъ любовью:

O beati color ch'anno due cori
In un sol core, e due alme in un'alma etc. [3]).

Продолжать въ томъ же тонѣ Аретино не могъ, да и не предвидѣлъ удачи. Онъ ограничился отрывками и не создалъ цѣльной рыцарской поэмы. Рыцарскій идеализмъ не могъ быть ему по душѣ.

Потомъ [4]) Аретино, „Flagello dei principi", какъ съ гордостью

---

[1]) Быть можетъ, Аретино не отказывался отъ мысли довести до конца эти отрывки. Въ предисловіи къ Marfiza издатель говоритъ: «...esser potra che il Diuino auttor dia fuor il resto dell' opra sua a requisitione, et uoto di quelli che piu le gratie d'esso godono». Ср. слова самого Аретино о томъ, что онъ уничтожилъ около 4000 стансовъ романовъ.

[2]) Онъ выступаетъ у Аріосто, какъ Сарацинскій витязь, разочаровавшійся въ концѣ концовъ и въ дѣвушкахъ и въ рыцаряхъ. Его убилъ Ruggero. См. о Родамонтѣ *Regis*, Matteo Maria Bojardo's Verliebter Roland, Berl. 1840, 432—433.

[3]) Потомъ эти стихи очутились въ Ragionamenti (nella nobil citta di Bengodi MDLXXXIV) p. 437!

[4]) Упомянутые отрывки обѣихъ поэмъ напечатаны до 1532 г. Перечень изданій рыцарскихъ поэмъ Аретино у Melzi e Tosi, 20—23. Мы пользовались Венеціанскимъ изданіемъ (Tre primi canti di Marfisa del divino Pietro Aretino. Nouamente stampati et historiati. Venet M. D. XLV), не обозначеннымъ у Melzi e Tosi.

называлъ онъ себя, становится въ иное отношеніе къ рыцарской эпопеѣ. Изъ-подъ его пера выходитъ „ladra storia composta improvviso“, получившая неподходящее названіе *Orlandino* [1]). Въ ней авторъ даетъ волю своему неудержимому смѣху, представляетъ идеальность рыцарскаго міра ложью, а знаменитыя рыцарскія поэмы, рядомъ съ авторами которыхъ безцеремонно называетъ и себя, пустою болтовнею. Турпинъ, виновникъ будто бы всѣхъ причудливыхъ измышленій Аріосто и др., обозванъ „chronichista ignorante nulla tenensis“, его твореніе—болтовней и глупостями [2]); вслѣдъ за Турпиномъ пустились въ лживыя повѣствованія Пульчи, Боярдо, *Furioso divino* (Аріосто) и *gran Pietro Aretino*. Аретино какъ будто раскаивается въ прежнемъ увлеченіи рыцарствомъ и противополагаетъ свое сказаніе повѣствованіямъ Пульчи, Боярдо и Аріосто: онъ не обманываетъ, какъ они, небылицами. Пѣснь его иная, и характеръ ея онъ обозначаетъ въ самомъ началѣ, пародируя извѣстную начальную строфу „Orlando Furioso“: пою, говоритъ онъ,

Le eroiche pazzie, li eroici umori,
Le traditore imprese, il ladro vanto,
Le menzogne de l'armi e de gli amori,
Di che il mondo coglion s'inebria tanto etc.

Аретино предаетъ полному осмѣянію идеальный міръ рыцарей: онъ изображаетъ ихъ въ Orlandino не такими, какими выставилъ въ *Marfisa*; онъ превращаетъ пресловутыхъ паладиновъ въ дрянной сбродъ лѣнтяевъ и остолоповъ, трусливыхъ, но плебейски-хвастливыхъ, а подвиги ихъ въ „ladri gesti“ (гадкія дѣянія).—Дѣйствіе открывается, какъ у Боярдо и вообще въ рыцарскихъ романахъ—собраніемъ при дворѣ Карла, въ Троицынъ день. Дюжина паладиновъ *della tavola rotonda* [3]) стремительно бросаются къ роскошно уставленному столу и жадно поглощаютъ яства и напитки. Къ концу пира Оливье въ шутку ударяетъ по головѣ Гано (Ганелона) лопаткой

---

[1]) Поэма эта перепечатана у Romagnoli въ Scelta di curiosità letterarie № 95.

[2]) О Турпинѣ иронически упоминаетъ уже Аріосто XXX, 49. Въ изданіи поэмы Боярдо 1495 г. прямо говорилось въ началѣ 1-й книги, что она »tratto dalla historia di Turpino Arcivescovo Remense». Въ самомъ текстѣ Боярдо Турпинъ поминается не разъ.

[3]) Авторъ называетъ ихъ такъ, вѣроятно, въ насмѣшку, имѣя въ виду застольные подвиги паладиновъ, и врядъ ли смѣшивалъ ихъ съ рыцарями Артура. Могло быть также, что онъ подражалъ въ данномъ случаѣ Фоленго; см. ниже.

зажареннаго барана; если Ганелонъ промолчалъ при этомъ, то—потому, что уже замыслилъ измѣну и Ронсевальскую катастрофу. Затѣмъ, какъ въ Артуровскихъ романахъ, веселье прерывается неожиданнымъ приключеніемъ—звукомъ рога, заслышавъ который, паладины поблѣднѣли. Оказалось, что паладинамъ сдѣлалъ вызовъ языческій витязь Альманзоръ. Карлъ приглашаетъ Роланда вооружиться и выйти на бой, но Роландъ уклоняется:

Rispose allora il coraggioso conte:
Lasciami andar prima a far un servisio.

Выступить рѣшается Астольфо, но труситъ, и вступаетъ въ бой лишь послѣ насмѣшекъ Альманзора. Онъ палъ на землю при первой же схваткѣ и закричалъ побѣдителю:

..... magnificenza, omnipotenza,
Serenità, majestà e potestate,
Reverendissimo, illustre, eccelenza
Vivo Domeniddio, e sanitate *etc.*

Поэтъ выражаетъ негодованіе на то, что Марсъ позволяетъ носить оружіе такимъ трусливымъ бездѣльникамъ, а государи предпочитаютъ ихъ доблестнымъ людямъ. Затѣмъ онъ подсмѣивается надъ лавровѣнчаными поэтами, которые, можетъ быть, перестанутъ ломать голову надъ подвигами паладиновъ, возвеличивая ихъ,

Mettendoli su in ciel soprai tappeti
E facendoli Dei, nonchè divini.
State di grazia trium vitium cheti
Bojardi, Ariosti ed *Aretini*
Che Astolfo valentuom pietà domanda....

На вопросъ Альманзора, кто онъ, Астольфо отвѣчаетъ:

..... Astolfo sono,
Arma virumque cano in terra a piei...
Non cavar fuor laspada, che perdono,
Signor, ti chiedo; miserere mei.

Этимъ посрамленіемъ паладина и насмѣшкой Альманзора и оканчивается отрывокъ, написанный Аретино.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы ознакомиться съ тономъ этого повѣствованія и видѣть, что оно представляетъ пародію грубую, по мѣстамъ непристойную или, по меньшей мѣрѣ, тривьяльную и скоро надоѣдающую. Въ смѣшномъ видѣ переданъ

лишь одинъ эпизодъ рыцарскихъ романовъ—тотъ, которымъ открываются нѣкоторые романы Круглаго Стола [1]). Написана карикатура во вкусѣ таверны, и не можетъ быть рѣчи о сближеніи ея съ насмѣшкой Пульчи и Фоленго. Мы не видимъ даже оригинальности въ произведеніи Аретино. Повидимому, онъ былъ обязанъ Фоленго идеею и нѣкоторыми подробностями разсмотрѣнныхъ произведеній: на то указываютъ хотя бы такіе внѣшніе признаки, какъ употребленіе макаронической рѣчи по мѣстамъ, недоконченность поэмъ, названіе Орландино. Подвиги Родомонта въ аду напоминаютъ не только удальство Морганте, но и проникновеніе Бальда и его сподвижниковъ въ адъ. Грубоватый тонъ въ пародированіи рыцарства также указываетъ на связь съ Фоленго. Астольфо у Аретино похожъ на Астольфо Боярдо. Ср. поэму Guazzo „Astolfo borioso“ (Venez. 1523).

Поэма Orlandino, какъ и предыдущія, не могла имѣть виднаго успѣха въ образованной публикѣ, но, тѣмъ не менѣе, она не лишена значенія, потому что встрѣтила благосклонный пріемъ у читателей низшаго разряда, являясь въ переработкахъ для народа и въ переложеніяхъ на народный говоръ. Она перепечатывалась еще въ началѣ XVII в. (1616). Въ этихъ народныхъ изданіяхъ то, что имѣло прямое отношеніе къ личности Аретино, было устранено; выраженія Аретино, казавшіяся сомнительными въ моральномъ или религіозномъ отношеніи, были замѣнены другими; самое имя Аретино уступило мѣсто популярному и всюду царившему имени Аріосто, поэма котораго печаталась почти ежегодно (въ нѣкоторые годы даже въ нѣсколькихъ изданіяхъ); вообще проявлялось вольное отношеніе къ подлинному тексту Аретино, но основные мотивы его были подхвачены и пущены въ ходъ съ видимымъ удовольствіемъ. Перы Карла В., какъ и у Аретино, были названы „paladi della tavola retonda“.

Такъ печально начали послѣдній періодъ своего существованія въ Италіи герои Каролингскаго эпоса, постепенно превратившіеся со второй половины XV в. въ „cavalieri erranti“, а въ XVI в. ставшіе даже *malscalzoni*.

Со второй половины XVI в., когда нѣсколько утихло движеніе, произведенное поэмою Аріосто, Каролингская сага въ Италіи уже не проявляла прежнихъ задатковъ развитія и не привлекала выдающихся

---

[1]) Что такова была обычная форма начала нѣкоторыхъ позднѣйшихъ романовъ Круглаго Стола, см. *Gautier*, Les épopées, I², 393.

поэтовъ: они какъ бы чуяли, что въ старомъ эпосѣ, разработанномъ на всевозможные лады, уже не найти новыхъ и свѣжихъ темъ. Каролингскій эпосъ еще долго наполнялъ собою въ значительной степени эпическую литературу Италіи. До 30-хъ годовъ XVII в. довольно часто перепечатывались старыя поэмы, явившіяся въ итальянской литературѣ въ періодъ, предшествовавшій той блестящей обработкѣ, какую получилъ Каролингскій эпосъ въ произведеніяхъ Боярдо и Аріосто [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ царилъ эпосъ Аріосто, и напрасно, какъ увидимъ, пытался затмить его славу Тассо. Продолжалъ пользоваться уваженіямъ и Боярдовъ „Orlando Inammorato“, правда—не въ подлинникѣ, а въ rifacimenti или переработкахъ Берни и Доменики [2]). Время отъ времени вновь переиздавался „Моргантъ“ Пульчи [3]). Выходили въ свѣтъ новыя поэтическія обработки сюжетовъ, затронутыхъ въ поэмахъ Боярдо и Аріосто [4]), по временамъ бурлеск-

---

[1]) Перечислимъ важнѣйшія изъ этихъ и сродныхъ имъ поэмъ и обозначимъ годы, къ которымъ относятся сохранившіяся датованныя изданія ихъ начиная съ половины XVI в.: Libro della regina Ancroja 1551, 1575, 1589. Aspramonte 1553, 1556, 1594, 1615, 1620. Bradiamonte 1551, ок. 1560, 1558, 1601, 1615. Buovo d'Antona 1560, 1562, 1576, 1579, 1580, 1584, 1587, 1599 и др. послѣдующаго времени. Innamoramento di Carlo Magno 1553, 1556. Libro delle battaglie del Danese 1553, 1588, 1599, 1611, 1638. Drusiano dal Leone 1555, 1571, 1575, 1576, 1580, 1587, 1614, 1620, 1627, 1669, 1670. Falconeto 1572, 1605, 1669. Tradimento di Gano contra Rinaldo 1566, 1606, 1639, 1668. Innamoramento de Melone e Berta e come nacque Orlando e de sua pueritia 1558, 1580, 1602, 1612, 1628 и др. *Narcisso*—Il Fortunato 1583, 1597, 1620. *Durante da Gualdo*, Leandra 1550, 1551, 1553, 1556, 1562, 1563, 1563, 1569, 1579, 1587, 1683. Innamoramento di Rinaldo 1553, 1575, 1615, 1625, 1640. Libro chiamato Dama Rovenza 1566, 1580, 1584, 1620, 1625, 1671. Sala de Malagise e Uanto di Paladini 1585, 1606, 1614, 1616. Spagna 1557, 1564, 1568, 1570, 1580, 1610, 1615, 1670, 1783. Trabisonda 1558, 1568, 1576, 1616, 1623, 1672.—Данныя эти извлечены изъ Melzi и Tosi.

[2]) Послѣ 1544 г. поэма Боярдо перепечатывалась въ передѣлкахъ, такъ что во второй половинѣ XVI в. уже трудно было найти изданіе, вѣрно воспроизведшее оригиналъ [Melzi e Tosi, 95].—Orlando, передѣланный Берни, выдержалъ немного изданій: четвертое относится къ 1625 г. О причинѣ немногочисленности изданій этой передѣлки см. у Regis-a, 394. Болѣе вышло изданій обработки Domenichi; съ 1545 до 1623 г. было выпущено не менѣе 20 изданій ея.

[3]) Въ 1550, 1552, 1574, 1606 гг.

[4]) Назвемъ: поэму Angelica innamorata, написанную Brusantino (изд. 1550 и 1553) и составлявшую продолженіе повѣствованія Аріосто; Dell'amor di Marfisa, tredici canti del Danese *Cataneo* de Carrara, 1562 (перепеч. ок. 1680); Doi canti di Daniele Contrario Trivigiano dei successi e delle nozze dell' orgoglioso Rodomonte, dopo la repulsa, ch'egli hebbe da Doralice (1557); Bradamante gelosa di *M. Secondo* Tarentino (1552, 1608 и 1619); поэму *Galuzzo* Il Ruggero (1550, 1558).—Нерѣдко вниманіе поэтовъ, занимавшихся переработкою поэмы Аріосто, привлекали отдѣльныя мѣста и небольшіе эпизоды «Неистоваго Роланда»; оттуда рядъ тякихъ произведеній, какъ «tramutazione», «compendio», «discorsi» изъ отдѣльныхъ мѣстъ поэмы Аріосто, «pianto» «Epistole heroiche», «lettere», усвояемые героямъ и героинямъ этой поэмы.—Одною изъ наиболѣе интересныхъ личностей казался Родомонтъ. Имя его вошло въ пословицу, какъ и имя Galeotto, послѣднее стало нарицательнымъ для означенія сводника какъ будто уже во время Данте. *Regis*, I. c.

ныя [1]), и повторялись изданія прежнихъ продолженій и эпизодическихъ распространеній, которымъ подверглись обѣ ихъ знаменитыя поэмы и „Моргантъ“ Пульчи [2]). Но все это не сообщало прежней жизненности Каролингской сагѣ, успѣвшей нѣкогда стать національно-итальянскою. Тѣ новыя, коренившіяся въ этой сагѣ, произведенія, которыя явились во второй половинѣ XVI в. и въ первыя десятилѣтія XVII в., по справедливости преданы забвенію.

Съ 30-хъ годовъ XVII в. интересъ къ Каролингской рыцарской сагѣ замѣтно слабѣетъ въ итальянской литературѣ: меньше выходитъ новыхъ оригинальныхъ произведеній изъ области ея [3]), да и перепечатки прежнихъ становятся рѣже. До нашихъ дней изъ старой рыцарской литературы Италіи не переставали обращаться въ народѣ лишь два произведенія Andrea dei Magnabotti di Barberino di Val d'Elsa (жилъ до 40-хъ годовъ XV в.): Reali di Francia и Guerino il Meschino [4]), приспособленныя къ народному вкусу.

Итакъ, рыцарская эпика Италіи въ томъ теченіи, которое выражалось въ Каролингской сагѣ, съ половины XVI в. чахла.

Но, съ ослабленіемъ славы паладиновъ, авторитетъ рыцарства и его эпики еще не былъ подорванъ въ Италіи. Напротивъ, вторая половина XVI в. ознаменовалась въ Италіи подъемомъ рыцарской

---

[1]) Отдѣльные эпизоды поэмы Аріосто перелагались на народныя нарѣчія, при чемъ получали комическій характеръ, еще въ началѣ XVII в. (Stanze dell'Ariosto tramudade per el dottor *Partesanon* de Trancolin in lingua gratiana. Uen. 1597.—Pescatoria amorosa in lingua venetiana, con la risposta a certe stanze tramutate dell'Ariosto in laude delle donne etc.; пародируются слова Аріосто: «Donne e voi che le donne avete in pregio». Ср. ст. Luzio объ Orlandino, p. 80).

[2]) *Dragoncino*. Vita del solazzevole Buracchio figliuolo di Margutte e di Tanunago suo compagno M. D. XXXXVII. *Zanetti*, Lodi dell'eccelente sig. Porchetto. Dialogo di Morgante e Margutte etc. In Padova et in Trevisi 1626. И др.

[3]) *Boldoni*, La Caduta dei Longobardi, Bol. 1636 (сюжетъ поэмы заимствованъ изъ Innamoramento di Carlo Magno. 1-е изд. кот. 1481 г.). Поэмы *Chiabrera*: Ruggiero (сюжетъ взятъ изъ Orl. Fur.), La Conquistà di Rabiano (изъ Боярдо), Alcina prigioniera (изъ Аріосто) (1653 и слѣд.). Затѣмъ слѣдуютъ поэмы XVIII в.: *Montefusco*, Le imprese di Carlo Magno e suoi Paladini etc. Mil. 1737; *Gozzi*, La Marfisa bizarra 1772 и др. Въ ряду позднѣйшихъ поэмъ, сюжетъ которыхъ примыкаетъ къ Каролингскому циклу, выдается Il Ricciardetto (1716). Авторъ ея Niccolò *Forteguerri* (1674—1735) достигъ значительнаго успѣха благодаря талантливому и удачному сочетанію стилей Пульчи, Берни и Аріосто. См. предисловіе Рубби къ Венеціанскому изданію въ 3-хъ томахъ, вышедшему въ 1789 г. (Parnasso italiano, tt. XLIII—XLV). Такъ долго держался въ Италіи излюбленный родъ ея эпоса!

[4]) Перечень изданій послѣдняго у Melzi e Tosi, 172—180. Этотъ романъ нѣкоторые относили къ *Tavola Ritonda*. О времени жизни Andrea da Barb. см. Ztschr f. rom. Philol, XII, 485

эпики и развитіемъ ея въ двухъ направленіяхъ, которыя были намѣчены уже Аріосто или нѣкоторыми изъ ближайшихъ его послѣдователей.

Уже Боккаччіо соединилъ въ нѣкоторыхъ романахъ эпизоды рыцарской эпики съ античными сказаніями и съ художественностію формы [1]). У Аріосто усматриваютъ нѣкоторое стремленіе приблизить рыцарскій романъ къ типу античнаго эпоса. Но, при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ, чаровавшихъ читателей „Неистоваго Роланда", послѣдній не считался эпосомъ, который могъ бы поравняться съ древнимъ. Аріосто, умышленно нарушивъ во многомъ кодексъ поэтики, который былъ ему извѣстенъ, не могъ встрѣтить благосклоннаго отношенія со стороны чтителей теоріи и древнихъ образцовъ эпоса: поэму Аріосто не могли признать тѣмъ эпосомъ, въ которомъ Возрожденіе усматривало вѣнецъ литературнаго творчества.

Послѣ Аріосто въ рыцарскую эпику проникаетъ въ большей степени то теченіе, которое проявлялось съ самаго начала Возрожденія въ итальянской литературѣ, но прежде оказывало воздѣйствіе на иные сюжеты. Въ рыцарскій эпосъ вводятъ тѣ пріемы, которые считались обязательными для эпическаго поэта на основаніи изученія древней эпопеи, и обогащаютъ его данными, заимствованными изъ древней литературы. Словомъ, древніе образцы начинаютъ вліять и на рыцарскій эпосъ Италіи. Такой поворотъ находился въ связи съ подъемомъ значенія эллинизма въ Италіи начала XVI в. и съ первыми опытами обстоятельной разработки теоріи поэзіи [2]), отправлявшейся отъ началъ, положенныхъ Аристотелемъ и Гораціемъ [3]). Въ древней же литературѣ—въ поэмѣ Виргилія—нашли образецъ практическаго выполненія той теоріи эпоса, которую выдвигали [4]). Вообще въ разсматриваемое время были оживленно обсуждаемы теоретическіе вопросы, выникавшіе относительно эпоса и романа, который связывали съ эпосомъ [5]).

---

[1]) По вопросу о складѣ *Filocolo* см. ст. Novati: «Sulla compositione del Filocolo» въ Giorn. di filol. romanza № 6.

[2]) *Borinski*, Die Poetik der Renaissance und die Anfänge der litterarischen Kritik in Deutschland, Berl. 1886, 4.

[3]) Къ Аристотелю Возрожденіе относилось сначала недовѣрчиво, да и въ XVI в. І. Ю. Скалигеръ не благоволилъ къ нему.

[4]) Энеида считалась образцомъ эпоса предпочтительно передъ Гомеровскимъ эпосомъ.

[5]) См. ниже.

Авторы поэмъ, сложенныхъ по правиламъ теоріи и примыкавшихъ по содержанію къ древней сагѣ и исторіи, противополагали свои произведенія рыцарскимъ романамъ, написаннымъ безъ соблюденія правилъ, напр.—поэмѣ Аріосто, которая „нравится толпѣ". Поэты, покорно исполнявшіе велѣнія поэтики, какъ бы не полагаясь на собственное сужденіе, придавали большое значеніе совѣтамъ лицъ, авторитетныхъ, по ихъ мнѣнію, въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній.

Однимъ изъ первыхъ выполнителей новой теоріи на практикѣ былъ Триссино, подражавшій преимущественно Виргилію и Гомеру. Онъ готовъ былъ подобно Аріосто осудить любовь, какъ причину недѣятельности (desidia), и восхвалилъ ее вслѣдъ за Боярдо какъ источникъ высшей доблести. Вообще онъ не вполнѣ устранилъ романическій элементъ. Тѣмъ не менѣе, его Italia Liberata da Gotti (первоначально—въ 1547 г.—въ свѣтъ было выпущено 9 книгъ этой поэмы) потерпѣла рѣшительное пораженіе, и потому авторы послѣдующихъ героическихъ поэмъ не слѣдовали примѣру Триссино во всей строгости и примыкали въ большей степени къ рыцарскимъ романамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они поднимали и самое рыцарство до высоты, подобающей героямъ эпоса важнаго характера.

Боярдо и Аріосто относились не безъ улыбки къ подвигамъ фантастическаго рыцарства, о которыхъ повѣствовали. Первая половина XVI в. въ Италіи не могла вселить вѣру въ рыцарскую доблесть: царившій тогда индивидуализмъ былъ не идеалистическаго свойства. Но у нѣкоторыхъ послѣдователей Аріосто уже исчезаетъ шутка и иронія. Во второй половинѣ XVI в. видимъ рѣшительный поворотъ къ вполнѣ серьезному изображенію рыцарства, къ вознесенію его на такой пьедесталъ, на какой оно рѣдко подымалось до той поры, и къ превращенію измышленныхъ героевъ его въ образцы нравственной доблести, благодаря чему въ рыцарскій романъ начинаетъ приходить нравственная тенденція. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ рыцарскій эпосъ взойдетъ даже на ту ступень, на которой давно уже не былъ, на ступень религіознаго воодушевленія [1]): у Тассо совсѣмъ уже нѣтъ мѣста юмору.

---

[1]) Въ 1597 г. была напечатана поэма in ottava rima, написанная Graziano (†1594): Di Orlando santo Vita e Morte con venti mila Cristiani uccisi in Roncisvale, cavata dal Catalogo de' Santi di Giulio Cornelia Gratiano, libri otto. Trevigi, in-12. Перепечатана она была въ Венеціи въ 1609 и 1639 гг.

На ряду съ героями стараго Каролингскаго эпоса, повѣствовавшаго о „Carlo magno imperadore, et de tutti li paladini, et de molte battaglie crudelissime“ и воспринявшаго въ себя множество элементовъ позднѣйшей романтики, вновь получили весьма видное мѣсто и витязи иные, настоящіе cavalieri erranti, тѣ, по образцу которыхъ были разрисованы въ Италіи со второй половины XV в. герои Каролингскаго цикла.

Прежде всего вновь выдвинулись старые рыцари Круглаго Стола. Въ XVI стол. въ Италіи вышло не мало изданій романовъ Артуровскаго цикла въ переводахъ, сдѣланныхъ въ предыдущіе вѣка, но подвергшихся подновленіямъ и вліянію говоровъ Ломбардскаго и Венеціанскаго [1]). Появились и новыя обработки изстари извѣстныхъ въ Ита-

---

1) Отмѣтимъ слѣдующія изданія: *Storia di Merlino*, напечатанная въ гг. 1480, 1495, 1507, 1516, 1529, 1539, 1540, 1554, (въ послѣднемъ изданіи носитъ заглавіе: La vita di Merlino con le sue profetie nuovamente ristampata, et con somma diligentia corette Le quali tratta delle cose che anno a venire). Эта Storia, какъ свидѣтельствуетъ приписка въ концѣ перваго печатнаго изданія, была переведена съ французскаго въ 1379 г. (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ стоитъ ошибочно 1479): «Tracta e questa opera del Libro autentico del Magnifico messer Pietro del Delphino fu del Magnifico messer Zorzi, translatato de lingua francese in lingua italica scripto nel anno del Signore 1379». Новѣйшее изданіе: I Due Primi Libri della Istoria di Merlino, Bol. 1884 (Scelta, 201). Исторія этой книги критически возсоздана акад. Веселовскимъ въ статьѣ: «Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы», Ж. М. Н. Пр. 1873, № 2, стр. 168—187. Г. Веселовскій пришелъ къ выводу, что въ томъ видѣ, въ какомъ явилась старопечатная книга, она сложилась въ Италіи постепенно. Исходнымъ пунктомъ послужилъ французскій текстъ пророчествъ Мерлина, существовавшій уже во второй половинѣ XIII в. и составленный, вѣроятно, по заказу императора Фридриха II, желавшаго воспользоваться пророчествами, какъ удобной формой памфлета для борьбы съ духовенствомъ. Въ 1379 г. Paolino Pieri, извѣстный какъ авторъ Флорентійской хроники, перевелъ во Флоренціи французскій текстъ на Тосканское нарѣчіе. Оригиналомъ могъ послужить одинъ изъ французскихъ сборниковъ, гдѣ за романомъ о Мерлинѣ, составленнымъ по de Boron-у, слѣдовали prophéties. Тосканскій переводчикъ внесъ въ свою книгу хронологическія указанія, относящіяся къ XIV в. Трудомъ его воспользовался Венеціанскій редакторъ Vita di Merlino, жившій къ XV в. и внесшій немало политическихъ намековъ, касающихся Венеціи. Онъ далъ новое распредѣленіе памятнику. Ср. *Fontanini*, II, 191—192; Galfridi de Monemuta Vita Merlini, publ. par Fr. Michel et Th. Wright, Par. 1837, p. LXV—LXVIII.—*Delle magnanime opere de'due Tristani cavalieri invitti della Tavola Ritonda*, Libri due, Vineggia. 1555. Это—старый романъ, составляющій часть Tavola Ritonda и переведенный въ buon secolo. «Egli ci viene dal Provenzale. Non ne trarrebbe gran profitto chi volesse studiare su questa stampa... l'antica semplicità ed eleganza non si presentano se non se a guisa di fantasmi», говоритъ Zambrini (col. 720).—*Dell'illustre e famosa istoria di Lancilotto dal Lago, che fu al tempo del re Artù, nella quale si fa menzione de i gran fatti et alta sua cavalleria, et di molti altri valorosi cavallieri suoi compagni della Tavola Ritonda*. Libri 3. Vinegia 1558—59. Изъ этого романа черпали матеріалъ Пульчи, Боярдо (cf. Rajna въ Scelta, 135, p XXXVI), Аріосто, Valvasone. О новѣйшихъ перепечаткахъ нѣкоторыхъ мѣстъ этого романа—Zambrini, 529.—*Gli egregi fatti del gran re Meliadus, con altre rare prodezze del re Artù, di Palamides ecc.* Ven. 1558—60, voll 2. Этотъ романъ былъ пе-

ліи сказаній о рыцаряхъ Артура, именно о Гаванѣ [1]), о Тристанѣ [2]) и о Ланселотѣ [3]). Опытъ новой обработки сказаній бретонскаго цикла наилучше удался поэту, писавшему къ концу XVI в.,— Erasmo di Valvasone [4]), но этотъ поэтъ не довелъ до конца своей поэмы и ограничился всего четырьмя пѣснями. Видно, время славы древнѣйшихъ героевъ Круглаго Стола и живаго интереса къ ихъ любовнымъ похожденіямъ и страданіямъ проходило. Въ XVII в. итальреведенъ съ французскаго «in lingua Toscana» еще въ XIV в., ma nella presente edizione è stato talmente raffazzonato, e ridotto alla foggia moderna, che non altro dell'antico vi rimane se non se un' ombra, говоритъ Zambrini (col. 402).—Позднѣйшаго времени *Libro de battaglie de Tristano* (во второмъ изд. на оборотѣ 1-го листка: La Bataglia De Tristano e Lancelloto e Galaso e della Raina Isota) въ оттавахъ, изд. въ 1492 и 1523 г.г. Это изданіе воспроизводитъ текстъ, совершенно отличный отъ того, имѣющаго подобное же заглавіе, который изданъ Rajn-ой въ Scelta.—O Girone il Cortese см. ниже.—Наконецъ укажемъ еще на *La dilettevole historia del valorosissimo Parsaforesto Re della gran Brettagna*. Con i gran fatti del valente Gadiffero Re di Scotia, uero esempio di Cavalleria. Novamente translatato di Francese in lingua Italiana. Vinegia, 1558, 6 vol.—Читатель могъ замѣтить изъ этого перечня, что въ 1558—1560 г.г. въ Венеціи явилось въ печати нѣсколько романовъ Круглаго Стола.

[1]) Въ началѣ XVI в. «il laureato poeta» Fossa изъ Кремоны написалъ въ стихахъ «ad instantiam Jo. Ja. de leg. (т. е. Joannis Jacobi de Legnano) et fratribus suis» *Libro nouo de lo Innamoramento de Galuano*. Поэма эта была напечатана дважды въ XVI в. (годъ перваго изд. неизвѣстенъ; второе вышло въ 1508 г).

[2]) За обработку сказанія о Тристанѣ принялся плохой риѳмачъ Niccolo degli Agostini, родомъ Венеціанецъ, которому принадлежитъ также весьма неудачное продолженіе Боярдова Orlando Inammorato въ 3 книгахъ, раздѣленныхъ на 33 пѣсни (1-я книга этого продолженія была прибавлена къ подлинному тексту Боярдо уже въ изданіи 1506 г., потомъ нерѣдко къ поэмѣ Боярдо присоединялось продолженіе Агостини; см. у Melzi e Tosi, 85—94), быть можетъ, наведшее Аріосто на мысль также взяться за продолженіе поэмы Аріосто. Одновременно Агостини занимался Тристаномъ. 1-я книга этого романа, повидимому, не сохранилась въ первомъ изданіи. Библіографіи извѣстны лишь *Il secondo e terzo libro di Tristano, nel quale si tracta come Re Marco di Cornoraglia trovandolo un giorno con Isotta l'uccise a tralimento e come la ditta Isotta vedendolo morto di dolore morì sopra suo corpo*. Venez. 1520. Слѣдующее изданіе, вышедшее въ Венеціи безъ обозначенія года и имени автора, содержитъ уже 20 пѣсенъ въ *Tre libri dello innamoramento di messer Tristano e di madonna Isotta*. Послѣднее изданіе, также Венеціанское, вышло въ 3 книгахъ въ 1588 г. (Innamoramento di Tristano etc.). Съ этой поэмой сходенъ упомянутый выше романъ I due Tristani.

[3]) Тотъ же Агостини, которому принадлежала переработка сказанія о Тристанѣ, предпринялъ потомъ стихотворное изложеніе романа о Ланселотѣ. Первыя двѣ книги поэмы явились въ печати въ Венеціи въ 1521 г. подъ заглавіемъ *Innamoramento di Lancilotto*. 3-я книга извѣстна въ изданіи, вышедшемъ тамъ же въ 1526 г. Окончаніе было прибавлено Guazzo, авторомъ поэмъ «Astolfo borioso» (1-е изданіе 1523; слѣдующія изд. 1532, 1533, 1539, 1549, 1607 и 1623) и «Belisarde fratello del Conte Orlando» [изд. въ 1525 (окончаніе явилось съ особымъ заглавіемъ въ 1528 г.] и 1533 г.). Поэма Guazzo о Ланселотѣ носитъ заглавіе: *Fine di tutti li libri de Lancilotto del strenuo milite Marco Guazzo*, Venez. 1526.

[4]) *I quattro primi canti del Lancilotto*, Venez. 1580.

янцы почти совсѣмъ перестали интересоваться рыцарями Круглаго Стола [1]).

Перечисленныя итальянскія произведенія Артуровскаго цикла не представляли значительныхъ отклоненій отъ общеизвѣстныхъ фабулъ, не вносили новаго духа въ избитые сюжеты и не отличались никакою оригинальностью въ пріемахъ обработки сюжетовъ, завѣщанныхъ вѣками. Быть можетъ, это зависѣло отчасти и отъ слабой талантливости поэтовъ, не умѣвшихъ пролагать новые пути, оживлять новымъ духомъ старыя сказанія и передавать ихъ въ тонѣ, согласовавшемся съ національнымъ характеромъ.—Оттуда слабая удача этихъ поэтовъ.

Изъ итальянскихъ эпиковъ XVI в., воспѣвавшихъ Артура и его рыцарей, нѣсколько выдѣляется лишь Луиджи Аламанни (+1556), авторъ поэмъ *Girone il Cortese* и *Avarchide*, написанныхъ во Франціи.

Первая изъ этихъ поэмъ заключаетъ стихотворную обработку французскаго прозаическаго романа Guiron le Courtois, который приписывался Рустиціану Пизанскому [2]) и входилъ вначалѣ въ болѣе обширное повѣствованіе. Французскій оригиналъ былъ издавна извѣстенъ въ Италіи [3]). Онъ встрѣтилъ здѣсь ту же благосклонность, какою пользовался въ Англіи и во Франціи [4]). Онъ былъ однимъ изъ главныхъ рыцарскихъ романовъ Артуровскаго цикла, изъ сказаній которыхъ соткалъ чудныя узорочья своего вымысла Аріосто [5]). Французскій прозаическій текстъ былъ напечатанъ въ Парижѣ ок.

---

[1]) Изъ поэмъ Артуровскаго цикла, сколько намъ извѣстно, лишь одна была перепечатана въ XVII в. въ Италіи, именно упомянутая выше поэма Фоссы Innamoramento di Galvano, Venez. 1607.

[2]) О немъ см. ниже—въ исторіи романовъ Круглаго Стола, написанныхъ въ Англіи.

[3]) Объ экземплярѣ Паламидеса, полученномъ импер. Фридрихомъ II, см. въ ст. А. Н. Веселовскаго, Журн. мин. нар. пр. 1873, 2, стр. 186. Въ числѣ французскихъ рукописей Гонзагъ былъ и Guronus (Romania IX, 510 и 501), а равно и въ библіотекѣ Эсте былъ Liber Guroni (Romania II, 55).

[4]) Къ XIV в., быть можетъ, относится фрагментъ прозаической редакціи, отличной отъ текста, усвояемаго Рустиціану Пизанскому; объ этомъ фрагментѣ см. у Zambrini, 433. Когда и кѣмъ былъ переведенъ текстъ Рустиціана, неизвѣстно. Rajna, I cantari di Carduino etc., LI—LII; cf. Zambrini 889—890. Gaspary принялъ мнѣніе Райны.

[5]) На заимствованія Аріосто изъ Guiron-а указывалъ уже Ранке въ своей доселѣ не потерявшей значенія статьѣ: «Zur Geschichte der italienischen Poesie», помѣщенной въ «Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Aus dem Jahre 1835, Philos.—hist. Classe, s. 439, 441.

1501 г. и въ 1519 г. По желанію французскаго королевскаго дома, Аламанни переложилъ этотъ текстъ въ итальянскіе стихи. Первое изданіе его поэмы явилось въ Парижѣ въ 1548 г. [1]).

Въ началѣ поэмы авторъ вспоминаетъ о литературныхъ трудахъ своей молодости, относившихся къ поэзіи легкой любовной, пастушеской и дидактической, и затѣмъ такъ переходитъ къ своему повѣствованію:

Or de i miei giorni alle stagion mature
Narrerò di Gyron l'alte avventure.
Il qual di Gallia, errante cavaliero,
Del gran Re Pandragon passato in corte,
D'esso e d'Artù sotto 'l famoso impero
Ebbe fermo il valor, varia la sorte,
Allor, che gli Angli di Sassonia fero
Al Britanno terren mal fide scorte;
Or qui mi presti Apollo ogni favore,
Che non ebbe amor mai più degno onore,
Perchè l'alto Francesco, il grande Enrico,
La real Caterina et Margherita
Con benigna udienza e core amico,
Con dolci Sproni, a ragionar m'invita,
Qui dove lieta stampa il lito aprico
La chiara Senna, et fa così gradita
La riva intorno, che farebbe il cielo
Lasciare a Febo, non pur Delfo e Delo.

Во французскомъ романѣ возвеличивались вѣрность въ дружбѣ и самообладаніе героя, обуздавшаго влеченіе, которое могло привести его къ нарушенію вѣрности товарищу по оружію и другу чрезъ сближеніе съ его женой. Другъ этотъ оказался потомъ неблагодарнымъ и похитилъ дѣвушку, которую любилъ Гиронъ, но Гиронъ,— разыскавши и побѣдивши его, пощадилъ его. Въ этомъ романѣ въ особенности интересенъ трепетъ Гирона предъ оскорбленіемъ святости брака, представляющій противоположность легкой морали романовъ о Ланселотѣ и Тристанѣ. Неженатому рыцарю, по морали романа, возможно

---

[1]) Gyrone il Cortese. Parigi 1548. Въ слѣдующемъ году романъ былъ перепечатанъ въ Венеціи и послѣ того не являлся въ печати до 1757 года.

питать любовь только къ дѣвушкѣ, но отношеніе къ послѣдней довольно далеко отъ почтенія, какое провозглашала любовная поэзія трубадуровъ и ихъ послѣдователей. Аламанни сообщилъ еще болѣе видное значеніе моральной тенденціи въ романѣ о Гиронѣ. Онъ желалъ представить въ своемъ героѣ образецъ рыцарской доблести [1]). Онъ мало отступилъ отъ французскаго романа, но постарался внести болѣе единства въ повѣствованіе, не вполнѣ связанное въ оригиналѣ единствомъ господствующей мысли; онъ сосредоточилъ дѣйствіе своего романа около совершенной по его представленію личности Гирона, долженствовавшей служить для читателя примѣромъ добродѣтели. Признаніе семейнаго начала, характеризующее французскій романъ, выступаетъ еще яснѣе въ итальянской поэмѣ. Girone въ тотъ моментъ, когда былъ близокъ къ паденію, возобладалъ надъ собою, прочитавъ на своей шпагѣ девизъ:

Lealtà reca honor, vittoria et fama;
Falsitade honta et duol dona a ciascuno [2]).

Затѣмъ онъ разитъ себя мечемъ за то, что даже въ мысли позволилъ себѣ преступное увлеченіе. То была мораль, которую признавали не всѣ рыцари и которой не раздѣляла и жена Гиронова друга; послѣдняя является представительницею женщины той поры, когда бракъ весьма часто заключался не по взаимной склонности.

Моральное направленіе, которому послѣдовалъ Аламанни, можетъ быть приведено въ связь съ проявлявшимися въ Италіи второй

---

[1]) Юноши изъ примѣра Гирона должны были выучиться переносить голодъ и безсонницу, холодъ и жаръ, владѣть оружіемъ, въ отношеніи къ каждому соблюдать справедливость, кротость и прощать обиды. Въ посвященіи своего произведенія французскому королю Генриху II Аламанни сообщаетъ содержаніе той клятвы, которую должны были давать рыцари, принимаемые въ братство Круглаго Стола. Оказывается, что обѣтъ ихъ долженъ былъ превращать ихъ въ доблестнѣйшихъ и христіаннѣйшихъ витязей и идеальнѣйшихъ гражданъ. Между проч., читаемъ: «Ch'egli esporebbe beni e vita per l'onor del suo Signore e *della sua patria. Che l'util no'l movesso* ad atto alcuno, ma sol la gloria e la virtude. Che diligentemente riverirebbe Dio, udendo una messa per giorno, o visitando la chiesa farebbe orazione, o per mancamento di essa davanti una croce, delle quali molte per tale ufficio affisse n'erano sopra tutti i cammini della gran Bretagna. Ch'ei non prenderebbe prezzo di servigio fatto, e nei suoi paesi proprj non farebbe danno a persona, quantunque a lui nemicissima, anzi con la sua vita la guarderebbe di ogni danno. Che ritornando alla Corte dalle avventure e dall'inchieste, direbbe tutta la verità (e si fuss'ella a sua gran vergogna) a chei ch'eran ordinati per descriver le pruove dei compagni della tavola: tonda, e cio sotto pena di privazion di Cavalleria».

[2]) Кажется, соотвѣтственный девизъ французскаго текста, по распоряженію Иннокентія VIII, былъ начертанъ на мечѣ, подаренномъ папою ландграфу Гессенскому. *Ranke*, l. c., 452.

половины XVI в. попытками возстановить святость и чистоту брака, попранныя временемъ Возрожденія, дошедшаго до ужасающей безнравственности. Безспорно, примѣръ Гирона могъ быть весьма поучителенъ для итальянской знати, дошедшей до страшной распущенности [1]). Но, къ сожалѣнію, романъ не могъ привлечь многихъ читателей, такъ какъ довольно скученъ, вслѣдствіе устраненія многихъ характерныхъ подробностей оригинала, и тѣ стилистическія прикрасы, какія внесъ Аламанни подъ вліяніемъ классическихъ реминисценцій, не послужили ему въ пользу.

Во второй своей поэмѣ [2]) Аламанни попытался приблизить Артуровскій эпосъ къ классическому эпосу, но этотъ опытъ совсѣмъ не удался. Аламанни избралъ исходнымъ пунктомъ начало романа о Ланселотѣ и затѣмъ ввелъ Артура и его рыцарей въ положеніе грековъ, осаждающихъ Трою, хотя врагами бриттовъ оказываются франки, бургунды, готы и вандалы. Дѣйствіе романа сосредоточивается около осады города *Avarco* (Буржъ во Франціи). Артуру приписывается подвигъ, весьма важный съ романской точки зрѣнія—защита свободы европейскаго Запада отъ наступавшихъ на него варваровъ—германцевъ. Въ эту общую схему вплетена романическая исторія любви Ланселота и Гавана къ молодой дочери Clodasso, находящейся въ Avaricum. Въ такого рода издѣліи рыцарскій романъ превращался въ довольно уродливое сочетаніе трудно совмѣстимыхъ элементовъ. Герои Круглаго Стола у Аламанни не занимаютъ такъ читателя, какъ рыцари романовъ, и съ другой стороны не стали чисто эпическими героями [3]). Единственное обстоятельство, нѣсколько возвышающее цѣну поэмы,

---

[1]) Нигдѣ распущенность Возрожденія не сказалась такъ ярко, какъ въ произведеніяхъ Пьетро Аретино, переносящихъ читателя во весь омутъ тогдашняго порока. Лишь простонародье, повидимому, было менѣе поражено этой язвой. Въ Giornata seconda de Ragionamenti Nanna говоритъ (p. 122): «son ciancie quelle, che ti hò conto, le cose stupende sono fra le signore, e fra le grandi: e se non che non uoglio esser tenuta mala lingua, ti direi chi è quella, che si dà in preda al Fattore, e lo Staffiere, al Famiglio di stalla, al Cuoco, et al Guattaro».

[2]) *L'Avarchide*. Fir. 1570. Второе изданіе было выпущено извѣстнымъ изслѣдователемъ итальянской литературы XVI в., аббатомъ Serassi въ Бергамо въ 1761 г. Такимъ образомъ, Avarchide понравилась читателямъ еще менѣе, чѣмъ Girone.

[3]) Содержаніе и стиль поэмы (между прочимъ, подражаніе Иліадѣ) характеризуются тремя первыми октавами ея:

Canta, o Musa lo sdegno e l'ira ardente
Di Lancilotto, del Re Ban figliuolo,
Contra 'l re Arturo; onde si amaramente
Il Britannico pianse e 'l Franco stuolo,

можно найти въ той политической мысли, которую Канелло приписываетъ Аламанни: по словамъ Канелло, авторъ Avarchide, говоря о событіяхъ V-го в., имѣлъ будто бы въ виду Европу XVI стол. и предпринялъ не удавшійся опытъ поэмы, въ которой выступаетъ идея противодѣйствія германству и стремленія къ независимому національному существованію [1]).

Такіе поэты, какъ Аламанни, не могли поддержать старой романтики Круглаго Стола въ Италіи,—тѣмъ болѣе, что надвигалась волна испанско-португальской романтики, всюду на западно-европейскомъ материкѣ покрывавшая собою болѣе древніе романы Артуровскаго цикла.

Испанскіе рыцарскіе романы начали проникать въ Италію съ конца 30-хъ годовъ XVI вѣка [2]), и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли успѣхъ гораздо большій, чѣмъ романы Круглаго Стола, перенесенные изъ Франціи [3]). Во второй половинѣ XVI в. и въ пер-

---

E tante anime chiare, afflitte e spente
Lasciar le membra in sanguinoso duolo,
D'empi uccelli e di can rapina indegna,
Come piacque a colui, che move e regna.
Or chi fu cagion di tanta lite?
Gaven, che dell'Arcania era Signore,
Che portò invidia alle virtù gradite
Di Lancilotto, e gli pungeva il core,
Che per opra di lui fosser fallite,
Le nozze, ch'ei bramò con troppo ardore
Di Claudiana di Clodasso figlia,
Che fu bella e leggiadra a maraviglia.
Ma, temendo di lui, gran tempro tenne
L'uno e l'altro dolor nel petto ascoso,
Finchè Tristan con le sue genti venne;
All' arrivar del quale il Re Famoso
Fè 'l consiglio adunare, ove convenne
Ogni Duce maggior, onde fu oso
Di dar principio alle dannose risse;
E, drizzatosi in piedi, così disse.

[1]) Canello, Storia della letter. it. nel sec. XVI, p. 136. Этотъ ученый преувеличилъ значеніе Avarchide.

[2]) Старѣйшій изъ извѣстныхъ намъ испанскихъ романовъ, переведенныхъ на итальянскій языкъ,—Tirante il bianco, valorosissimo cavaliere: nel quale sontiensi del principio della cavalleria..... Di lingua spagnola nello idioma nostro per Messer Lelio di Manfredi tradotto. Vinegia, 1538. Этотъ романъ былъ перепечатанъ въ 1566 и 1611 г.г.

[3]) Перечислимъ изданія испанскихъ романовъ, имѣвшихъ особый успѣхъ въ Италіи. *Cavalier della Croce* былъ напечатанъ въ 1544, 1550, 1559, 1560, 1562, 1580, 1581, 1592

выя десятилѣтія XVII в. испанскіе романы нравились итальянцамъ болѣе другихъ, за исключеніемъ, конечно, популярныхъ романовъ, основанныхъ на Каролингской сагѣ. Такимъ образомъ, въ Италіи французское вліяніе столкнулось съ испанскимъ, и въ этомъ отношеніи итальянская эпика того времени представляла аналогію съ политическими отношеніями.

Какъ Аламанни написалъ Girone по совѣту Франсуа I и включилъ въ свое произведеніе прославленіе этого короля и французскаго двора, такъ и Бернардо Тассо задумалъ переложеніе въ стихи популярнѣйшаго изъ испанскихъ романовъ [1]), Amadis de Gaula, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нѣсколькими испанцами, и посвятилъ свою поэму *all'invitissimo e catolico Re Filippo*. Оба поэта почти одновременно начали работу [2]), но поэма Б. Тассо *L'Amadigi* вышла въ свѣтъ 12 лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати Girone il Cortese, именно въ 1560 г.

Вначалѣ, въ первыхъ 10 пѣсняхъ, Б. Тассо пытался подобно Аламанни внести болѣе единства въ распорядокъ матеріала, который подвергъ переработкѣ, и желалъ подражать Виргилію и Гомеру. Б. Тассо началъ свою поэму самымъ возвышеннымъ стилемъ и громкими притязаніями:

L'eccelse imprese e gli amorosi affanni
Del Prencipe Amadigi e d'Oriana,
Il cui valor, dopo tanti e tanti anni,
Ammira e 'nchina ancor l'Austro e la Tana:

в 1606 г.г. *Florisello*—1551, 1564, 1565, 1575, 1582, 1593, 1594, 1599, 1606, 1608, 1619. 1-я книга *Lisuarte di Grecia*—1550, 1557, 1559, 1567, 1570, 1573, 1578, 1581, 1599, 1610. 2-я книга—1564, 1599, 1610, 1630. *Silves de la Selva* 1558, 1561—68, 1581, 1592, 1607, 1629; *Splandiano* 1550, 1554, 1557, 1560, 1564, 1573, 1582, 1592, 1599, 1609 и 1612; II-я книга 1564, 1582, 1592, 1599, 1609, 1613. Изъ этого перечня видно, что въ особенности были въ ходу романы цикла Амадисовъ. См. еще ниже перечень изданій Амадиса Галльскаго, Пальмерина и Прималеона.

[1]) Прозаическій переводъ *I quattro libri di Amadis di Gaula*, Venezia, явился въ 1546 г. и былъ перепечатанъ въ 1552, 1558 и 1559 г.г. *Aggiunta al quarto libro dell'historia di Amadis di Gaula* была напечатана въ 1563, 1594, 1609 и 1624 г.г. О раннемъ знакомствѣ итальянцевъ съ Амадисомъ см. Gaspary II, 692.

[2]) Въ литературномъ мірѣ знали о работѣ, начатой Б. Тассо, задолго до выхода ея въ свѣтъ. См., напр., письмо Аретино къ Бернарн. Тассо, относящееся къ 1549 г. (Il quinto libro delle lettere di M. Pietro Aretino. In Parigi, M. D. C. IX, car. 187).

E d'altri Cavalier, ch'illustri inganni
Fecero al tempo e la sua rabbia vana,
Cantar vorrei, con si sonoro stile,
Che l'udisse Ebro, Idaspe e Battro e Thile.

Пѣвецъ Амадиса желалъ бы, чтобы слава его творенія была вѣчна. Кто превратитъ меня, спрашиваетъ онъ, въ бѣлаго сладкогласнаго лебедя,

Tal, che furor del tempo invido e rio
Romper non possa il mio gentil lavoro;
Ma, tratto a forza da l'oscuro oblio,
Lo serbi eternità nel suo tesoro;
E viva sempre in bocca de le genti,
Mentre durerà il Cielo e gli elementi?

Гордая мечта Б. Тассо не сбылась. Стихъ его довольно текучъ, но поэмѣ недостаетъ художественной пропорціональности, и размѣръ ея разросся безъ надобности. Поэтъ не выдержалъ до конца свое намѣреніе соблюдать строгое единство и перешелъ потомъ на сторону Аріосто, порѣшивъ подражать классикамъ только въ реторической внѣшности. Б. Тассо послѣдовалъ мнѣніямъ теоретиковъ, которые какъ разъ въ то время, когда онъ работалъ надъ Амадисомъ, высказались за поэму Аріосто, считая ее образцовымъ романомъ, и за возможность, но не обязательность сочетанія *романическаго* творчества съ формальною обработкою по образцу древняго эпоса, такъ какъ романъ—новый родъ творчества, неизвѣстный древнимъ[1]).

---

[1]) Разумѣемъ Giraldi, автора романической поэмы *Ercole*, и Pigna-у. Перемѣна во взглядѣ Б. Тассо на эпосъ новаго времени была вызвана появленіемъ въ 1554 г. трактатовъ этихъ писателей. Giraldi Cintio въ *Discorso intorno al comporre dei Romanzi e delle Commedie, delle tragedie e di altre maniere di Poesie* (Vin.) выступилъ въ защиту пріемовъ Аріосто и указалъ на то, что романическая поэзія новаго времени отлична отъ античнаго эпоса; романъ, по мнѣнію Джиральди, повѣствуетъ о многихъ дѣяніяхъ многихъ героевъ, эпосъ—о единичномъ дѣяніи одного героя; Джиральди указываетъ на то, что въ новое время въ большей степени, чѣмъ классическая эпопея, можетъ нравиться третій родъ творчества, приближающійся къ романамъ своимъ разнообразіемъ, именно повѣствованіе о многихъ событіяхъ въ жизни одного героя. Говоря о такомъ біографическомъ повѣствованіи, Giraldi имѣлъ въ виду своего Ercole. Ученикъ Giraldi, Pigna издалъ въ томъ же году *I romanzi, divisi in tre libri nei quali della poesia, et della vita di Ariosto con nuovo modo si tratta.* Въ этомъ произведеніи сообщены интересныя данныя объ Orlando Furioso, на котораго обращено особое вниманіе во второй книгѣ, и вообще о рыцарскихъ романахъ. Giraldi обвинилъ своего ученика въ литературной кражѣ, а Пигна отвѣтилъ своему учителю тѣмъ же обвиненіемъ. См. однако

Б. Тассо отнесся довольно свободно къ своему оригиналу, рядомъ съ главною исторіею выдвинулъ другія (о Мириндѣ и Флориданте), началъ заботиться о разнообразіи и частой смѣнѣ эпизодовъ, но остался ниже своего образца—Аріосто. Въ противоположность изящной простотѣ послѣдняго Б. Тассо впадаетъ въ напыщенность и шаблонность въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ, прибѣгаетъ къ реторизму и классическимъ реминисценціямъ. Главныя личности поэмы вполнѣ добродѣтельны и, по мысли автора, могутъ быть не только занимательны, къ чему Б. Тассо особенно стремился, но и поучительны. Герои Тассо совершаютъ чудеса храбрости и вмѣстѣ съ тѣмъ они—образцы вѣрной и истинной любви; они стараются соблюдать вѣрность своимъ дамамъ. Любовь прилична, томна и приторно сентиментальна. Вѣроятно, въ силу такого общаго направленія романа объ Амадисѣ, о послѣднемъ былъ хорошаго мнѣнія и сынъ Бернардо Тассо, знаменитый Торквато [1]); онъ продолжилъ творчество отца.

Б. Тассо началъ перерабатывать въ новой поэмѣ Floridante одинъ изъ трехъ главныхъ эпизодовъ, которые сведены въ Amadigi, именно повѣсть о любви Кастильскаго королевича Флориданта,

---

Canello, 306. Кое-какія совпаденія есть, о полномъ же плагіатѣ не можетъ быть рѣчи. Характеръ Пигны заставляетъ думать, что онъ могъ поступить не совсѣмъ честно со своимъ учителемъ. См. ст. Solerti: «Torquato Tasso e Lucrezia Bendidio» въ Giorn. stor. etc., X (1887), 125—130; Тассо былъ знакомъ и съ Джиральди и съ Пигной. — Въ послѣдней пѣснѣ Amadigi въ числѣ другихъ лицъ, находящихся у *Meta della gloria*, названъ и Пигна,

.....le cui carte alta memoria
Fanno del suo saver, con laudi immense
Dal giudicio comun, in prosa e in verso,
Tenuto per scrittor polito e terso.

[1]) Торквато Тассо выразился такъ: «Qualunque fosse colui che ci descrisse Amadigi amante d'Oriana merita maggior lode che alcuno degli scrittori Francesi» (Т. Т. разумѣлъ, между проч., Ланселота). Въ діалогѣ «Il Porzio ovvero delle virtù» читаемъ слѣдующее замѣчаніе о романѣ Б. Тассо: «Ne' poeti ancora sono stati descritti il mezzo e gli estremi con molta leggriadria, e con gran giovamento di chi legge, per farsi esempio dell'altrui virtù: e particolarmente il Tasso, nostro amico, ed al nostro secolo poeta di molta stima e di molta erudizione, nel suo Amadigi ha voluto far vergognar questa età della soverchia intemperanza: perchè, oltre all'altre sue belle invenzioni della selva delle maraviglie, finge che Galaoro per una incontinenza simile a quella, dimostrata de Ruggiero con Angelica, perdesse la spada vermiglia, da lui per valore acquistata, senza la quale non si poteva dar fine all'incanto delle selve; ma Floridante, disprezzando la Fata, che ignuda lo invitava all'amorosa lutta, usò virtù maravigliosa, somigliante a quella di Anassagora; laonde al fine non solo si conservò la spada vermiglia, ma superò gl'incanti della selva, e condusse a fine molte altre maravigliose avventure». T. Tasso, Dialoghi scelti, Milano 1878 (Bibl. class. econom., № 58), p. 337.

[2]) Первыя восемь пѣсенъ Floridante какъ бы цѣликомъ извлечены изъ Amadigi.

желая какъ будто въ этотъ разъ соблюсти единство дѣйствія. Поэтъ хотѣлъ воспѣть

.....l'alte fatiche e i lunghi errori
Di Floridante, gran principe Ibero,
All'or, che per desio d'eterni onori
Si diparti dal suo paterno impero;
E, 'n pregio asceso, agli amorosi ardori
Aperse il petto giovinetto e fiero,
E, da l'Atlante ai regni de l'Aurora,
Cercando andò l'amata Filidora.

Б. Тассо не окончилъ этой поэмы; заключилъ ее, и издалъ въ свѣтъ въ 1587 г. сынъ Бернардо, Торквато.

Одновременно съ Бернардо Тассо другъ его Лодовико Дольче, подражавшій Аріосто и разработавшій нѣсколько эпизодовъ Каролингскаго цикла [1]), также принялся за переложеніе въ стихи двухъ испанскихъ романовъ и выпустилъ свои поэмы въ свѣтъ въ 1561 и 1562 гг. [2]).

Итальянцы XVI в., читая произведеніе Бернардо Тассо, не предъявляли роману тѣхъ требованій, какія предъявляемъ мы. Тѣмъ не менѣе, сдѣланныя Б. Тассо и другими попытки возсоздать рыцарскій эпосъ въ новомъ направленіи не имѣли значительнаго успѣха [3]), и не безъ основанія называютъ Amadigi могильной плитой чисто рыцарскаго романа въ Италіи.

---

[1]) *Cinque primi canti di Sacripante*, Vin. 1535 и Per. 1536; *Il Sacripante* (въ 10 пѣсняхъ) 1536, 1537, 1539, 1541, 1545, 1548, 1587, 1604, 1608, 1611 и 1625.—*Le prime imprese del conte Orlando* 1572, 1716 и др.

[2]) *Il Palmerino* In Ven. 1561.—*Primaleone figliuolo di Palmerino* Ven. 1562.—Прозаическій переводъ 1-й книги испанскаго романа *Palmerino d'Oliva* былъ напечатанъ въ 1544 и 1552 гг., а *Il secondo libro di Palmerino d'Oliva Imperatore di Constantinopoli* въ 1560 г.; затѣмъ обѣ книги были напечатаны въ 1573, 1581, 1585, 1591—92, 1597, 1603, 1611 и 1620. *Primaleone* (первыя 3 части) 1548, 1556, 1559, 1563, 1573, 1579; *La quarta parte del Libro di Primaleone* была напечатана въ 1560 г.; вмѣстѣ всѣ четыре книги были изданы въ 1584, 1597 и 1608 гг.

[3]) Количество изданій поэмъ, составленныхъ Б. Тассо и Дольче по испанскимъ романамъ, незначительно въ сравненіи съ количествомъ изданій поэмъ Каролингскаго цикла. L'Amadigi, напр., былъ изданъ въ XVI стол. всего три раза (1560, 1581 и 1583), Il Floridante-четыре (3 изданія 1587 г. и одно 1588 г.). Il Palmerino и Primaleone Dolce не разошлись даже въ первомъ изданіи и были выпущены въ 1597 г. лишь въ новой обложкѣ.

Такимъ образомъ, новый притокъ иноземныхъ литературныхъ вліяній, подкрѣплявшій въ XVI в. рыцарскую литературу Италіи, возникшую ранѣе, поддержалъ ее лишь на время, и ни одно изъ вѣяній, притекавшихъ извнѣ, не достигло рѣшительнаго господства надъ отношеніемъ къ рыцарству, издстари укоренившимся въ итальянской литературѣ.

Усилія поднять падавшее обаяніе рыцарства увѣнчались значительнымъ успѣхомъ только въ знаменитомъ произведеніи сына Бернардо Тассо, Торквато (род. 1544). „Освобожденный Іерусалимъ“ послѣдняго явился завершеніемъ попытокъ итальянскаго Возрожденія создать новый эпосъ, достойный древняго, и вмѣстѣ соблюсти самобытность, присущую новому времени, возвеличивъ героизмъ средневѣковаго рыцарства, не переставшій манить и чаровать воображеніе западно-европейскаго міра и послѣ того, какъ рыцарство пережило дни своего блеска и славы.

Первымъ опытомъ Торквато Тассо [1]) въ области рыцарской эпики была поэма *Rinaldo* въ 12 пѣсняхъ, написанная, когда поэту было 18 лѣтъ, и изданная въ 1562 г. [2]). Герой поэмы—Renaud, одинъ изъ *Quatre Fils Aimon* и двоюродный братъ Роланда. Поэтъ отнесся довольно свободно къ эпизоду старой chanson de geste, положенному въ основу поэмы. Ринальдо полюбилъ красавицу Clarice, сестру Гасконскаго короля. Чтобы по достоинству получить ея руку, Ринальдо совершаетъ рядъ весьма трудныхъ подвиговъ и въ концѣ со-

---

[1]) Двѣ общія, отдѣльно вышедшія и довольно значительныя, монографіи о Тассо принадлежатъ *Cecchi*: Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI. Fir 1877.—Torquato Tasso. Il pensiero e le belle lettere italiane nel secolo XVI. Fir. 1877. По нѣмецкому переводу перваго изъ этихъ сочиненій составлены двѣ изъ трехъ статей М. Корелина, помѣщенныхъ въ №№ 7—9 «Историческаго Вѣстника» 1883 г. Перечень новѣйшихъ монографій о Тассо см. въ библіографическихъ указателяхъ, которые помѣщаются при журналѣ «Zeitschrift für romanische Philologie». Лучшими біографіями Тассо считаются старыя, написанныя Manso (въ тонѣ не вполнѣ безпристрастномъ и не всегда заслуживаетъ довѣрія), Serassi (La vita di T. Tasso, 3a ediz. Firenze, 1858) и болѣе новая—Giovanni Zuccala (Della vita di Torquato Tasso). Новѣйшая монографія о Тассо *Di Niscia* «La Gerusalemme Conquistata e l'arte poetica di T. Tasso»—въ Il Propugnatore 1889 Теперь Т. Тассомъ много занимаются въ Италіи, и новѣйшія изслѣдованія представляютъ жизнь его и характеръ въ совершенно новомъ освѣщеніи. Важнѣйшія изъ изданій и монографій о Тассо указаны въ популярной книжкѣ *Piumati*: La vita e le opere di Torquato Tasso, Tor. 1889.

[2]) Перепечатана была эта поэма въ 1570, 1581 и 1582 гг. и затѣмъ много разъ печаталась совмѣстно съ Rime, Prose и др. произведеніями Т. Тассо. Новое изданіе редактировано Mazzoni и выпущено Sansoni.

чётается бракомъ со своею милой. Ясно, что по основному содержанію поэма Тассо не отличается отъ тѣхъ итальянскихъ сказаній Каролингскаго цикла, которыя восприняли въ себя схему Артуровскихъ романовъ и романовъ приключеній. Тассо воспользовался готовыми романтическими мотивами [1]) и съ удивительною ловкостью усвоилъ романическія измышленія. Онъ завершилъ литературную обработку сюжета, которому были посвящены въ Италіи поэмы [2]), пріобрѣвшія, повидимому, значительную извѣстность. Юный поэтъ сообщилъ особую привлекательность этому сюжету, надѣливъ молодого героя и избранницу его сердца благородствомъ помысловъ, изяществомъ и вмѣстѣ душевною чистотою, которыми, совмѣстно съ возвышенностію настроенія, самъ отличался. Обрисовывая такъ Ринальдо и Клариче, Тассо сумѣлъ избѣжать сухости и пошлости и далъ образчикъ занимательной рыцарской поэмы. Въ разсматриваемой поэмѣ для насъ въ особенности интересна попытка юнаго поэта занять независимое положеніе среди эстетическихъ споровъ, которые велись тогда строгими поборниками теоріи Аристотеля и древнихъ образцовъ съ одной стороны и приверженцами Аріосто съ другой. У Тассо находимъ стремленіе обработать романтическую тему въ формѣ античной героической поэмы съ соблюденіемъ единства разсказа, вплетеніе фабулъ древней литературы въ рыцарскую поэму, перенесеніе эпизода послѣдней въ античный буколическо-классическій пейзажъ, примѣръ чего показалъ уже Боккаччіо, и сведеніе во-едино чертъ рыцарскаго быта и подробностей, напоминающихъ древній міръ. [3]). Заслужи-

---

[1]) Подвигъ укрощенія коня Боярда, усвояемый обыкновенно Maugis-у (Malagigi), Тассо приписалъ Ринальдо. Мерлинъ помянутъ у Тассо какъ создатель статуй Ланселота и Тристана. Заколдованная могила, въ которой лежала Clizia, и источникъ, повергавшій въ сѣтованія, напоминаютъ подобныя измышленія бретонскихъ романовъ. О параллеляхъ къ другимъ подробностямъ повѣствованія Тассо см. *Dunlop-Liebrecht*, 101, 174.

[2]) Поэма *Innamoramento di Rinaldo da Monte Albano*, сообщившая, быть мож., идею *Ринальдо*, составлена въ половинѣ XV в.; годъ и мѣсто перваго изданія неизвѣстны; слѣд. изданія—1494, 1517, 1533, 1537, 1540, 1547, 1553 и др. (см. выше). Существуютъ еще два изданія (1540 и 1521) съ подобнымъ же заглавіемъ и, повидимому, того же содержанія (отличія усмотрѣны лишь въ количествѣ пѣсенъ и въ стилѣ), въ которыхъ названъ авторъ—Miser Dino Poeta Fiorentino (Melzi e Tosi, 254—258 и 134—136).—Носитъ то же заглавіе, что и предыдущая, но совершенно отлична по содержанію поэма, напечатанная въ Туринѣ въ 1503 г. Была также весьма распространена поэма *Rinaldo appassionato*, напечатанная въ 1528, 1538, 1554, 1576, 1578, 1582, 1586, 1613, 1628, 1683 гг. и д., и нѣсколько разъ—безъ обозначенія года и мѣста изданія; имя автора (Baldovinetti) названо только въ изданіи 1533 г. У Фоленго Ринальдо согласно съ *Trebisonda Istoriata* оказывается «ferus».

[3]) Многія прикрасы взяты Тассо изъ Виргилія. Въ V и VI пѣсняхъ эпизодъ о пастухѣ Флориндѣ составленъ подъ вліяніемъ одного намека Ѳеокрита. См. замѣтку Cotroneï: «Il Rinaldo» del Tasso ed il «Pastor fido» del Guarini въ Giorn. stor., vol XI, 166—176.

ваетъ вниманія, далѣе, взглядъ поэта на любовь, по которому это чувство путеводствуетъ къ подвигамъ, совершаемымъ также по внушенію стремленія къ славѣ. Любовь увѣнчивается бракомъ, но при этомъ ставится выше родительскаго авторитета, соизволенія котораго ожидаетъ лишь простонародье (le vulgari gente); равнымъ образомъ она не получаетъ и религіознаго освященія у Тассо, какъ бы не нуждаясь въ немъ. По мѣстамъ чувство любви пріобрѣтаетъ сентиментальный характеръ, какимъ отличалось потомъ въ пастушеской поэзіи. Наконецъ, поражаетъ въ устахъ юнаго поэта сѣтованіе на то, что

. . . . . or è l'antica norma
E quel buon uso e que' bei modi spenti! [1]).

Дальнѣйшее развитіе всѣхъ этихъ начатковъ мы встрѣтимъ въ той поэмѣ, грандіозный планъ которой Тассо началъ вырабатывать вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Ринальдо, ободренный значительнымъ успѣхомъ перваго опыта [2]). Тассо возымѣлъ гордый замыселъ дать послѣднему вѣку Rinascimento поэтическое произведеніе, котораго Возрожденіе добивалось такъ долго и страстно, но безуспѣшно [3]). Тассо задумалъ героическую поэму, которая обновила бы искусство и чувство, одушевляющее творчество, которая совмѣстила бы въ себѣ красоты поэзіи древней и новой. Этотъ планъ занималъ Тассо во всю послѣдующую жизнь его. Къ выполненію его юный поэтъ готовился тщательно и затѣмъ долго работалъ надъ своею поэмою [4]). Результатъ однако не вполнѣ соотвѣтствовалъ затратѣ труда и энергіи.

Приступая къ созданію „Освобожденнаго Іерусалима“, Тассо подпалъ прежде всего вліянію не совсѣмъ правильныхъ теоретическихъ воззрѣній на эпопею, выработанныхъ эпохою Возрожденія. Онъ считался подобно Триссино съ теоріей эпоса, хотя и не вполъ-

---

[1]) Тассо говоритъ также о maggior libertà dei *secoli miglior*, что соотвѣтствуетъ прославленію «bella età de l'oro» въ Аминтѣ.

[2]) Въ письмѣ къ Филиппу II Ruscelli назвалъ 17-лѣтняго Торквато «giovine di rara speranza per la vivacita dell'ingegno e affezione agli studi».

[3]) См. статью Боринскаго: «Das Epos der Renaissance» въ Vierteljahrsshrift für Kultur und Litteratur der Renaissance, I Jahrg. 2. Heft, 187—215.

[4]) Окончательная обработка ея относится къ августу 1574 г. Тассо употребилъ на этотъ трудъ 10 лѣтъ, работая съ перерывами.

нѣ [1]). О томъ свидѣтельствуютъ его литературныя бесѣды съ Mazzone и Pino въ Pesaro въ 1574 г. [2]) и *Discorsi del poema heroico*, написанные въ то самое время, когда поэтъ устанавливалъ планъ своей поэмы,—въ 1564 г. [3]) Тассо, поработавъ надъ вопросомъ о героической поэмѣ, сообщилъ дальнѣйшее развитіе мыслямъ Джиральди и Пигны (послѣдній, какъ и Тассо, жилъ при Феррарскомъ дворѣ; Тассо старался выказывать постоянное вниманіе къ его авторитету) и пришелъ къ мысли о возможности примиренія обѣихъ споривших сторонъ (чтителей древнихъ образцовъ согласно поэтикѣ, основанной на Аристотелѣ, и приверженцевъ романа): по мнѣнію Тассо, вполнѣ достижимо сліяніе эпоса съ романомъ и соединеніе классичности съ тѣмъ содержаніемъ, которое наполняетъ произведенія romanzator-овъ; наряду съ изображеніемъ военныхъ подвиговъ въ героической поэмѣ могутъ имѣть мѣсто разсказы о странствованіяхъ, приключеніяхъ, колдовствѣ, куртуазіи, благородствѣ, счастливой и несчастной любви. Говоря это, Тассо имѣлъ въ виду различные образцы въ древней и новой литературѣ, достоинства и равный успѣхъ которыхъ подкрѣпляли заключенія, выведенныя теоретически. Древній эпосъ оказывалъ на Тассо подавляющее вліяніе, и Тассо не могъ отрѣшиться отъ производимаго имъ обаянія, признавая эпосъ Виргилія созданіемъ, образцовымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ [4]). Древняя же литература доставила образецъ романа, который казался весьма привлекательнымъ въ XVI в. и изъ котораго Тассо заимствовалъ подробности, на-

---

[1]) Въ діалогѣ «Della poesia toscana» Forestiero (Tacco) говоритъ: «molte cose, che son fatte per arte, e per intelligenza, son fatte ancora a caso. E quantunque non tutte l'arti partecipino della fortuna egualmente, pur quasi tutte ne partecipano, chi più, e chi meno» (p. 165). «Jo non son tale, che possa dar le regole, se non per avventura a me stesso; ma delle regole dateci dagli altri, molte volte ho dubitato, se fosse, o non fosse convenevole osservarle intieramente» (p. 170).

[2]) Объ этихъ бесѣдахъ см. въ письмѣ Almerici, напечатанномъ въ Giorn. stor. d. l. it., XII, 414.

[3]) Ему былъ тогда 21-й годъ. Первые три discorsi были напечатаны въ 1587 г.

[4]) Въ эпоху Возрожденія продолжалась отчасти средневѣковая слава Виргилія, и многіе отдавали послѣднему предпочтеніе передъ Гомеромъ. См. *Sabbadini*, Storia del Ciceronismo e di altre questioni letterarie nell'età della Rinascenza, Torino 1886, p. 87, 98—99 и 103—111 (Sull'allegoria dei poeti, specialmente di Virgilio). Какъ хорошо былъ знакомъ Тассо съ древними литературами и какъ хорошо онъ ихъ усвоилъ, видно изъ тѣхъ цитатъ, которыя онъ приводилъ по памяти въ діалогахъ, написанныхъ во время заключенія въ S. Anna.

полняющія описаніе рожденія и дѣтства Клоринды [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ предъ Тассо было множество новыхъ поэмъ, достигшихъ громкой славы. Мы видѣли, что въ юности онъ поэтически изложилъ въ духѣ Аріосто, но не поравнявшись съ нимъ, исторію одного изъ героевъ французскаго національнаго эпоса [2]). Потомъ французскій эпосъ утратилъ привлекательность въ глазахъ Тассо. Предъ тѣми героями, которые заняли воображеніе Тассо, должна была померкнуть также слава Артура и его витязей:

. . . . . taccia Artù que' suoi
Erranti, che di sogni empion le carte;
Ch'ogni antica memoria appo costoro
Perde . . . . . [3]).

Изъ романовъ о cavalieri erranti Тассо нравились испанскіе романы [4]), и въ особенности тотъ, который былъ переработанъ отцомъ его, Бернардомъ Тассо. Торквато переписывалъ въ юности для отца нѣкоторые отдѣлы Amadigi, а потомъ, какъ мы видѣли, закончилъ Floridante. Изъ произведеній новой эпики Тассо уважалъ въ особенности нѣкоторыя созданія родной литературы. Наравнѣ съ Гомеромъ и Виргиліемъ Т. Тассо чтилъ Данте [5]) и не остался также безъ вліянія лиризма Петрарки, съ произведеніями котораго былъ хорошо знакомъ, какъ видно изъ повторенія его стиховъ въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ и изъ частыхъ цитатъ. Тассо ви-

---

[1]) *Dunlop*, History of prose fiction. A new edition revised with notes, appendices, and index, by Henry *Wilson*, Lond. 1888, t. I, p. 35. По словамъ Тассо, читатель слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за содержаніемъ этого романа, и искусство его автора напоминаетъ искусство Виргилія.

[2]) Clarice упоминается и у Аріосто: Orl. Fur. XLIII, 66.

[3]) *Gerusalemme liberata*, I, 52. Слова: «(erranti), che di sogni empion le carte»... буквально совпадаютъ съ приведенными выше въ выдержкѣ изъ поэмы *Troiano*. Авторы обѣихъ поэмъ заимствовали это выраженіе изъ Trionfo d'Amore (cap. III, 79—81) Петрарки (см. выше).

[4]) Въ указанномъ выше діалогѣ «delle virtù» читаемъ: «I poeti spagnuoli sono maravigliosi in descrivere la lealtà de'cavalieri; perchè questa virtù che voi chiamate temperanza, è lealtà piuttosto e fede inviolabilmente osservata alla sua donna; essendo per altro i cavalieri da loro descritti simili piuttosto agl'intemperanti, o agl'incontinenti; i quali sono vinti dalle passioni amorose; come avvenne ad Amadigi, che per un picciolo ed ingiusto sdegno di Oriana, si lasciò in preda alla disperazione».

[5]) Второе изданіе статьи Grosso: «Sulle postille del Tasso alla Divina Commedia» помѣщено въ № 1 журнала *L'Aligieri* 1889.

дѣлъ, какую неудачу встрѣтили издѣлія Bolognetti, Giraldi, Триссино, и съ другой стороны былъ свидѣтелемъ популярности поэмъ Пульчи, Боярдо и въ особенности Аріосто, имя котораго было славно не только въ Италіи, но и за предѣлами ея [1]). Тассо не могъ не признать великихъ достоинствъ поэмы Аріосто, тѣхъ достоинствъ, которыми пѣвецъ неистоваго Роланда очаровываетъ читателя, которыми онъ, по словамъ Тассо, вознесся превыше всѣхъ новыхъ писателей, и въ которыхъ съ Аріосто могли поравняться лишь немногіе древніе поэты. По мнѣнію Тассо, Аріосто обладалъ способностію понимать красоту; выработавъ вкусъ, Аріосто умѣлъ выбирать изъ прекраснаго наиболѣе прекрасное и великое и влагать въ изображеніе того и другого разнообразіе, силу и страсть [2]).

Такимъ образомъ, Тассо чтилъ достоинства и древнихъ и новыхъ поэтовъ и не соглашался съ тѣми, которые признавали право на существованіе лишь за произведеніями, написанными на латинскомъ языкѣ. Онъ не думалъ подражать лишь древнимъ поэтамъ, какъ не подражали имъ вполнѣ и лучшіе изъ его предшественниковъ. Онъ мечталъ о созданіи поэмы болѣе совершенной, чѣмъ всѣ предыдущія, не находя вмѣстѣ съ педантами единства въ „Неистовомъ Роландѣ“. Видя, что героическія поэмы въ родѣ написанныхъ Аламанни и Триссино обречены на неуспѣхъ, Тассо попытался слить чистый эпосъ въ духѣ Иліады съ тѣмъ романомъ, который развился изъ средневѣковаго Каролингскаго и бретонскаго эпоса и уже завладѣлъ симпатіею публики [3]); онъ хотѣлъ соединить эпическія картины, подобныя древнимъ, съ чувствованіями новаго времени. Тассо, слѣдовательно, имѣлъ въ виду не чисто романтическую поэму. Онъ хотѣлъ совмѣстить поэтическій вымыселъ съ исторіею, которая вообще начала входить въ то время въ созданія искусства. Далѣе, Тассо заявлялъ притязаніе на введеніе соотношенія причинности въ произведеніе своего творчества. Наконецъ, онъ хо-

---

[1]) О переводахъ поэмы Аріосто на французскій языкъ въ XVI в. см. *J. Blanc*, Bibliographie italico-française universelle, II, Mil. 1886, col. 1271—1272. Тассо пробылъ во Франціи шесть мѣсяцевъ (1570—1571).

[2]) Ср. однако мнѣніе собесѣдниковъ въ діалогѣ »Il Minturno ovvero della bellezza“.

[3]) Уже въ вѣкъ Тассо указывали у Аріосто соединеніе поэмы и романа, и то же сочетаніе признаютъ и теперь въ «Неистовомъ Роландѣ».

тѣмъ вложитъ въ него глубокій смыслъ, зная, какъ манятъ людей поэтическія прикрасы:

Sai che là corre il mondo, ove più versi
Di sue dolcezze il lusinghier Parnaso;
E che il vero condito in molli versi,
I più schivi allettando ha persuaso;
Così all'egro fanciul porgiamo aspersi
Di soave licor gli orli del vaso:
Succhi amari ingannato intanto ei beve,
E dall'inganno suo vita riceve [1]).

Затѣя была широка и въ высшей степени трудна. Она была выполнена лишь отчасти. Тассо удалось избѣжать запутанности средневѣковыхъ романовъ и героическихъ поэмъ Возрожденія: онъ расположилъ свой матеріалъ въ той системѣ, которая казалась ему необходимою при изложеніи дѣйствія, хорошо построеннаго, онъ сообщилъ своей поэмѣ цѣлостность, какой не было до того времени ни въ одномъ эпическомъ [2]) произведеніи итальянцевъ, и за то хвалили его нѣкоторые изъ его современниковъ [3]). Тѣмъ не менѣе, даже не

[1]) *Gerus. liber.*, I, 3. Въ переводѣ Раича (М. 1828, I, стр. 2):

Волшебны вымыслы манятъ
Людей къ себѣ толпами;
Имъ истина милѣй стократъ,
Когда её цвѣтами
Холмовъ Парнасскихъ уберутъ.
Такъ часто мы больному
Младенцу подаемъ сосудъ,
По краю золотому
Распрыскавъ сладкій ароматъ,
И—чуждымъ подозрѣнья—
Въ сосудѣ горькій сокъ пріятъ,
Въ обманѣ—даръ спасенья.

Комментаторы приводятъ къ этимъ словамъ параллели изъ древнихъ поэтовъ и изъ Виды, а также изъ писемъ Тассо. Укажемъ еще на слова Тассо въ діалогѣ «Della poesia toscana»: «l'arte è abito, e quasi forma: e le cose, delle quali è arte, sono quasi materia» (p. 169); «i poeti oratori simili a'medici, che volendo, che sia presa la medicina, ungono di mele i labbri del vaso e dopo che la medicina è stata presa, porgono sempre o confetto, o narancio, o altra cosa, per la quale l'odore della medicina non offenda l'infermo» (p. 171). Ср. у Cecchi, Torqu. Tasso, Il pensiero etc., p. 391. Подобнымъ же образомъ опредѣлялъ поэзію Данте, выразившійся такъ: «La Poesia è una finzione rettorica, posta in musica». О томъ, какъ передавался этотъ взглядъ по традиціи, см. у Dunlop-а въ главѣ о Gesta Romanorum.

[2]) Если искать внѣшняго единства, то не окажется его и въ поэмѣ Аріосто. У Тассо орудіемъ такого внѣшняго единства являются Годфредо и общее предпріятіе, въ вожди котораго Годфредо избранъ, но на дѣлѣ Годфредо часто остается въ тѣни, и первенствующее мѣсто занимаетъ Ринальдо.

[3]) Vassalini, напр., назвалъ поэму Тассо *ben ordinato*. Нѣкоторыя данныя для рѣшенія вопроса о единствѣ «Освобожденнаго Іерусалима» можно найти въ монографіи *Wedewer*-а: Homer, Virgil, Tasso, oder Das befreite Jerusalem in seinem Verhältniss zur Ilias, Odyssee und Aeneis, Münster, 1843, s. 257—304.

нужно глубоко вникать, чтобы открыть довольно слабую связь съ цѣлымъ такихъ эпизодовъ, какъ эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи, который d'Ancona называетъ перломъ поэмы и который опущенъ въ Gerusalemme Conquistata. Еще замѣтнѣе отсутствіе внутренней связи событій тамъ, гдѣ дѣйствуетъ deus ex machina,—въ тѣхъ мѣстахъ поэмы, гдѣ Тассо прибѣгалъ къ помощи чудеснаго, заимствованнаго у Гомера и Виргилія, и во многихъ др. Самъ Тассо призналъ слабо мотивированною связь нѣкоторыхъ эпизодовъ (напр., о Gernando и Rinaldo) и пытался исправить погрѣшности 1-й редакціи. Новѣйшіе критики вслѣдъ за старыми продолжаютъ указывать крупные недостатки [1]) въ построеніи поэмы Тассо и не находятъ въ ней органическаго сліянія тѣхъ разнородныхъ элементовъ, которые поэтъ пытался сплавить въ горнилѣ своего творчества. Общій ходъ дѣйствія не увлекаетъ читателя. Словомъ, Тассо не представилъ поэмы, какую обѣщалъ дать: его „Освобожденный Іерусалимъ“ не имѣетъ объективнаго единства внѣ идеальныхъ влеченій самого поэта; это поэма, которая не можетъ назваться ни религіозною, ни историческою, ни эпосомъ классической техники. Это по преимуществу поэма рыцарско-романтическая [2]). Религіозное воодушевленіе, котораго исполнены нѣкоторыя ея части, не противорѣчитъ такому опредѣленію: оно являлось составною частью рыцарскаго настроенія даже въ нѣкоторыхъ романахъ Круглаго Стола. Но съ другой стороны „Освобожденный Іерусалимъ“ заключаетъ весьма замѣтную примѣсь отголосковъ классическаго эпоса, чѣмъ значительно отличается отъ „Неистоваго Роланда“ [3]), и вообще содержитъ много частностей, производящихъ диссонансы, такъ что читатель выноситъ въ общемъ неопредѣленное впечатлѣніе.

Такое отсутствіе гармоніи въ поэмѣ, въ которой авторъ хотѣлъ соблюсти строгое единство, зависѣло отъ неправильной теоретической

---

[1]) См., напр., Canello p. 141.

[2]) Ср. у Wedewer-a, 248—257: «die Gerusalemme liberata ein romantisch-klassisches Epos.» Ведеверъ пришелъ къ выводу, что поэма Тассо—«ein romantisches Gemälde in einem klassischen Rahmen».

[3]) И у Аріосто издавна уже указывали множество заимствованій изъ древняго эпоса (см., напр., *P. Bini*, Comparatione di Homero, Virgilio e Torquato. Et a chi di loro si debba la Palma hell' Heroico Poema.... Et in particolare si fà giuditio dell' Ariosto, In Padova, 1607, p. 304—306), но у него эти заимствованія претворены и прикрыты романтическою оболочкою. Ср. Dini 429. Райна отмѣтилъ quasi—плагіаты Аріосто изъ Овидія, Стація и Виргилія; Furioso, по его словамъ, родился «di padre italiano, ma di madre latina».

постановки задачъ поэмы, отъ подчиненія творчества предвзятой теоріи [1]), отъ характера творчества Тассо и отъ разорванности въ духѣ самого поэта: въ годы, въ которые Тассо писалъ „Освоб. Іерус.“, онъ видимо еще не пришелъ къ тому примиренію противоположныхъ началъ, какое видимъ въ послѣдній моментъ его жизни, въ который, по выраженію Guasti, „прозвучалъ послѣдній вопль человѣческой скорби, и засіяла первая улыбка небесной надежды“. Въ годы юности въ душѣ Тассо боролись противоположные порывы, и ни одинъ изъ нихъ не достигалъ полнаго верховенства.

Это находилось въ связи съ характеромъ времени, въ которое жилъ Тассо, и съ общею чертою личности Тассо: онъ былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей того Возрожденія, въ которомъ усматриваютъ цѣлый рядъ „противорѣчій“ [2]). Врядъ ли кто другой изъ великихъ мыслителей и художниковъ итальянскаго Возрожденія отражаетъ въ такой мѣрѣ, какъ Тассо, характерныя особенности эпохи, въ которую легко могли переходить отъ глубоко философскихъ разсужденій къ такимъ произведеніямъ какъ *Ragionamenti* Аретино, отъ занятій поэзіею и философіею къ самымъ грязнымъ и постыднымъ утѣхамъ; врядъ ли кто другой испытывалъ въ такой мѣрѣ, какъ Тассо, всю горечь шаткости и своего неполнаго соотвѣтствія боровшимся направленіямъ времени.

Тассо жилъ въ переходную пору, когда карнавалъ Возрожденія проходилъ и повергъ въ утомленіе участниковъ его, когда вступили въ борьбу противоположныя стремленія времени оканчивавшагося и времени наступавшаго, когда подъ вліяніемъ реформаціи начался усиленный поворотъ къ религіознымъ вопросамъ, когда вольнодумство въ Италіи подвергалось преслѣдованіямъ, матеріализмъ, внесенный итальянскимъ Возрожденіемъ, сохраняя свою силу, уже прикрывался набожностію, и когда, съ другой стороны, вѣра все еще была колеблема сомнѣніями, порождаемыми усиліемъ согласовать ея истины съ авторитетомъ древнегреческой мудрости, предъ которымъ преклонялось Возрожденіе. Все еще держались средневѣковыя схоластическія доктрины, но слышался также голосъ скептицизма, возникшаго подъ вліяніемъ греческой философіи.

---

[1]) Теорія героической поэмы Тассо на русскомъ языкѣ довольно подробно изложена и разобрана въ книгѣ *Шевырева:* Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ, М. 1836, стр. 125—137.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, № 12, статья: «Противорѣчія италіанскаго Возрожденія» акад. А. Н. Веселовскаго.

Надѣленный отъ природы организаціей, въ которой ключемъ била жизнь, которая потому развилась быстро и рано, обладая весьма богатыми дарованіями, способностью къ философскому вниканію, поэтическою воспріимчивостью, пылкою фантазіею, тонкою чувствительностью и изящнымъ вкусомъ, Тассо испытывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ страстное влеченіе къ знанію: l'amor del sapere, говоритъ онъ,

.....m'ha si acceso,
Che l'opra è ritardata dal desio [1]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тассо говоритъ, что его умъ былъ „per se stesso curioso e vago de l'alte e sovrane investigazioni". Онъ пріобрѣлъ основательныя, обширныя и разносторонніе познанія и пытался взойти къ цѣльному міровоззрѣнію. Пламенную вѣру, которую старались развить въ своемъ воспитанникѣ іезуиты и которая ослабѣла въ годы студенчества его въ Падуѣ и веселаго житья въ Феррарѣ, Тассо пытался примирить съ философіею [2]), въ которой чтилъ особливо Платона [3]). Тассо надѣялся обойти противорѣчія „scrivendo come filosofo e credendo come cristiano"; онъ не отрѣшился отъ схоластическихъ умствованій и даже о любви *разсуждалъ* на средневѣковой ладъ. Его занимала тайна сущаго, вопросы морали, религіи и эстетики, и онъ рѣшалъ ихъ, постоянно вращаясь между крайностями, силясь постигнуть безконечное и согласить противорѣчія философскихъ системъ, живо занимавшія его, какъ показываютъ нѣкоторые діалоги [4]). Даже въ часы болѣе радостнаго состоянія духа его посѣщали грезы о неизвѣстномъ и таинственномъ

---

[1]) Dial., 247.

[2]) Въ письмѣ 15 апрѣля 1579 г., вспоминая о грѣхахъ своей юности, Тассо въ обращеніи къ Богу, говоритъ: «Andava io pensando di Te non altramente di quel che solessi talvolta pensare a l'idee di Platone e agli atomi di Democrito, a la mente di Anassagora... a la materia prima d'Aristotile... o ad altre sì fattre cose de' filosofi»....

[3]) Въ діалогѣ «Il Malpiglio secondo ovvero del fuggir la moltitudine» Forestiero на вопросъ Malpiglio: «in qual vogliamo entrare; in quell' antico di Platone?» отвѣчаетъ: «In quello, per l'antichita, poche navi, e pochi peregrini oggi si riparano, e quelli per la maggior parte, son Greci, che per l'autorità del cardinal Bessarione possono farlo sicuramente; e degli Italici alcuni Gentili, più vaghi di mercare onore e chiara fama, che altra merce». Dial., 203.

[4]) Въ діал. «Il Malp. sec.» Forestiero говоритъ: «Noi dicemmo nel principio che gli affetti agli affetti son contrarj, e l'immagini all'immagini, e l'opinioni all'opinioni; ma che fra le scienze non è contrarietà perchè la scienza inferiore serve alla superiore quasi ministra, e piglia da lei principj; nondimeno volendo ripararci in questo porto, abbiam ritrovato una gran maltitudine di opinioni, che il rendono men tranquillo». Dial., 220—221.

и погружали его въ меланхолическое созерцаніе, къ которому онъ вообще былъ склоненъ [1]). Когда же миновало свѣтлое настроеніе молодости, порожденное ранними и блестящими удачами, въ душѣ поэта при первомъ серьезномъ столкновеніи съ житейскими невзгодами выникла съ полною силою борьба, которая прорывалась въ немъ уже во дни юности. Какъ въ философскомъ умозрѣніи, такъ и въ жизни своей Тассо съ той поры не находилъ покоя и радости: онъ испытывалъ умственное раздвоеніе и нравственныя муки; его тяготило чувство человѣка, не достигшаго гармоніи сознанія, и недовольство людьми. Онъ хотѣлъ бы идти, не разъединяясь со своимъ временемъ, и не могъ. Наступилъ періодъ въ его жизни, когда онъ подвергался припадкамъ неистовства и душевной болѣзни [2]). Тассо доходилъ до скептицизма, среди котораго въ немъ уцѣлѣвала лишь инстинктивная вѣра въ возможность милосердія Божія и подъ вліяніемъ котораго онъ готовъ былъ усомниться въ своемъ правовѣріи и отдать себя въ руки инквизиціи [3]), и затѣмъ впадалъ въ противоположную крайность—мистицизмъ. Отъ моральнаго самобичеванія въ припадкахъ крайняго аскетизма онъ восходилъ къ религіозному энтузіазму и экстазу видѣній. Поэтъ жизнерадостнаго настроенія, рыцарской любви и любви Возрожденія превратился въ аскета, окончившаго чуть не самоотрицаніемъ. Полный вѣры въ людей и постоянно возлагавшій надежды на нихъ, Тассо терпѣлъ разочарованія, потому что съ дѣтства привыкъ много думать о себѣ и ожидалъ лишь поклоненія. Словомъ, онъ представлялъ собою глубоко трагическую личность, которая не переставала внушать участіе и постепенно стала идоломъ итальянскаго народа. Поэтъ, критикъ и философъ постоянно оставались непримиренными въ Тассо, да и въ частности въ каждой изъ этихъ трехъ сферъ дѣятельности Тассо испытывалъ колебанія.

Оттуда-то эклектизмъ и отсутствіе полной гармоніи и въ главномъ поэтическомъ созданіи Тассо,—„Освобожденномъ Іерусалимѣ“.

---

[1]) См. упомянутое письмо 1579 г.: «Spesso mi suonavano orribilmente ne l'imaginazione l'angeliche trombe del gran giorno» etc.

[2]) Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ фактъ помѣшательства Тассо не подлежащимъ сомнѣнію и въ значительной мѣрѣ снимаютъ съ Феррарскаго герцога Альфонса обвиненіе въ тиранскомъ заключеніи поэта въ госпиталь св. Анны.

[3]) Саннацаро въ своихъ письмахъ также высказывалъ сомнѣніе въ своемъ правовѣріи, и Geiger сближаетъ это сомнѣніе съ мучительнымъ самоистязаніемъ Тассо.

Коренясь отчасти въ сравнительно слабой способности Тассо къ изобрѣтенію и въ теоретическомъ положеніи о томъ, что поэтъ долженъ выбирать наиболѣе эффектный матеріалъ, они были усилены характеромъ душевной жизни Тассо и внутреннимъ разладомъ, который онъ испытывалъ. Въ поэмѣ Тассо находимъ сплавъ самыхъ разнородныхъ матеріаловъ, классическихъ и романтическихъ [1]), и зачатки романтики

---

[1]) *D'Ancona* (въ статьѣ: «Di alcune fonti della Gerusalemme liberata», помѣщенной въ Varietà storiche e Letterarie, (I-a ser., Mil. 1883, 99—108) различаетъ двоякіе источники Тассо: классическіе и античные съ одной стороны и относящіеся къ средневѣковой рыцарской и легендарной литературѣ съ другой. Къ этимъ двумъ разрядамъ слѣдуетъ прибавить третій—романтическія поэмы итальянскаго Возрожденія. Наиболѣе обстоятельно выяснено отношеніе «Освобожденнаго Іерусалима» къ классическимъ поэмамъ. Въ подражаніи Гомеру сознался самъ Тассо въ своемъ Giudizio della Gerusalemme, да и сверхъ того найденъ экземпляръ Иліады, принадлежавшій Тассо и сохранившій на полѣ противъ описанія пояса Афродиты приблизительно слѣдующую приписку: Ricordarsene per il Cinto d'Armida». При сравненіи «Gerus. lib.» съ Иліадой оказалось, что Тассо подражалъ Гомеру въ общемъ построеніи своего эпоса, въ характеристикѣ цѣлаго ряда лицъ «Освоб. Іерус.», соотвѣтствующихъ героямъ Иліады, а равно въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, обусловливающихъ завязку и развязку дѣйствія, и въ длинныхъ описаніяхъ сраженій. О заимствованіи нѣкоторыхъ изреченій у Гомера нечего и говорить. Потому основательно называютъ поэму Тассо романтическою Иліадою. На ряду съ Гомеромъ еще болѣе видная доля воздѣйствія на складъ «Освобожд. Іерусалима» принадлежитъ Виргилію. *Colagrosso* въ Studii sul Tasso e sul Leopardi, Forlì 1883, старался доказать огромную зависимость Ger. lib. отъ Энеиды въ общей схемѣ. По мѣстамъ Тассо почти буквально воспроизводилъ нѣкоторые стихи Виргилія; у послѣдняго онъ заимствовалъ черты для обрисовки Гоффредо, эпизодъ о пораненіи его и исцѣленіи, о смерти Дудона и др. (см. ниже) и множество отдѣльныхъ оборотовъ, сравненій, описаній и сентенцій. Обстоятельное указаніе отношенія «Освобожденнаго Іерусалима» къ Иліадѣ и Энеидѣ см. также у Wedewer-a. Что до сентенцій Тассо, то параллели къ нимъ изъ разныхъ поэтовъ приведены въ сборничкѣ *Coda*, La filosofia di Torquato Tasso nella Gerusalemme Liberata, 1885. Кромѣ Гомера и Виргилія изъ древнихъ поэтовъ оказали вліяніе на Тассо еще Луканъ (изъ него взяты нѣкоторыя ситуаціи) и Стацій. См. Ranke, l. c., 466 fgde (статья Ранке перепечатана въ 1889 г. въ его Abhandlungen und Versuchen, hrsg. v. Dove und Wiedemann, Leipz.) и Dunlop-Liebrecht, 175; см. также ниже объ очарованномъ лѣсѣ. У Геліодора заимствовано чудо происхожденія бѣлолицей Клоринды отъ чернокожихъ родителей (см. выше; исторію спасенія Клоринды и ея юности сближаютъ также съ исторіею Камиллы у Виргилія).—Изъ этого перечня можно видѣть, какою значительною частью содержанія «Освобожденнаго Іерусалима» былъ обязанъ Тассо древнимъ писателямъ, въ особенности латинскимъ, съ которыми былъ превосходно знакомъ: общій складъ фабулы Освоб. Іер. и многія частности ея возникли подъ вліяніемъ древней поэзіи. Романтическая поэзія, зародившаяся въ средніе вѣка, вдохнула преимущественно душу въ остовъ, составившійся изъ припоминаній античной эпики,—тѣ чувствованія, которыми оживился этотъ остовъ; но она надѣлила Тассо также и нѣкоторыми изъ своихъ сказаній. По мнѣнію d'Ancon-ы, изъ Каролингскаго эпоса почерпнуты подробности эпизода о первомъ боѣ Танкреди съ Клориндой; для эпизода же послѣднемъ ихъ боѣ и о крещеніи Клоринды доставилъ матеріалъ циклъ сказаній о Рыцарѣ Лебедя; эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи, имена которыхъ встрѣчаются въ Amadigi (Олинду соотвѣтствуетъ Galindo), представляетъ передѣлку религіозной легенды. Ср. указаніе Michaud на историческій фактъ, переданный Вильгельмомъ Тирскимъ. *Graf* (Gior. stor. d. l. it., II, 419—420; ср. Canello p. 142) отнесся скептически къ этимъ указаніямъ на средневѣковыя произведенія, которыми могъ воспользоваться Тассо: Graf находитъ, что «si corra troppo

новой, слагавшейся въ Италіи въ вѣка Возрожденія и перенесенной оттуда въ XVI и XVII вв. въ другія страны Запада, преимущественно въ Испанію, Англію и во Францію. Главное значеніе въ этомъ сплавѣ

---

di leggieri a dir fonte quello che forse non è altro se non un luogo parallelo, o una fortuita corrispondenza». Онъ принимаетъ за вѣроятное лишь сближеніе эпизода о крещеніи Клориды съ однимъ мѣстомъ поэмы Chétifs. Сомнѣнія Graf-a преувеличиваютъ слабую доказательность сближеній, сдѣланныхъ d'Ancon-ой. Тассо съ юныхъ лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ рыцарской эпикой, да и въ библіотекѣ Феррарскихъ Эсте было много рыцарскихъ поэмъ и романовъ. См. цитованную ужс статью Райны: «Ricordi di codici francesi posseduti dagli Estensi nel sec XV» въ Romania II (см. также Romania XVIII, 296 и слѣд.) и статью *Cappelli*: «La biblioteca Estense nella prima metà del secolo XV» въ Giorn. stor. d. l. it., XIV, 22 и слѣд. Приведенное выше выраженіе: «condusse a fine molte altre maravigliose avventure» представляетъ повтореніе типичной фразы бретонскихъ романовъ и свидѣтельствуетъ о знакомствѣ Тассо съ послѣдними. На заимствованіе изъ Perceforest указано у Dunlop-Liebrecht 101; см. еще ib. 129 и 478.—Родные поэты, въ особенности поэты времени Возрожденія, также доставили вкладъ въ поэму Тассо. Не разъ у него можно найти отголоски поэзіи Данте, напр., въ аллегорическомъ значеніи нѣкоторыхъ образовъ (мага, котораго обратилъ въ христіанство Петръ пустынникъ; въ *Gerus. Conquist.* этотъ Veglio носитъ имя *Filaliteo*) и цѣлыхъ эпизодовъ (о пребываніи Ринальдо у Армиды). Подъ конецъ Тассо готовъ былъ свести къ аллегоріи всю свою поэму). 6-я новелла 5-го дня Декамерона помогла закончить эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи (Dunlop-Liebrecht, 205). Повѣствованіе Чьеко Феррарскаго (въ «Mambriano») о пребываніи Ринальдо въ плѣну у феи Карандины представляетъ нѣкоторое сходство съ разсказомъ Тассо о житьѣ Ринальдо въ плѣну у Армиды (впрочемъ, подобный же эпизодъ есть и у Аріосто). Вліяніе Боярдо на Тассо неоднократно отмѣчается у Panizzi въ изданіи, доселѣ не утратившемъ цѣны: Orlando inammorato di Bojardo: Orlando furioso di Ariosto: with an Essay on the romantic narrative poetry of the Italians: memoirs and notes by Antonio Panizzi: Lond. 1830. 9 vols), но указанія его не всегда убѣдительны. Гораздо замѣтнѣе вліяніе Аріосто. Оно сказывается отчасти въ общей схемѣ (см. ниже о вліяніи любви на ходъ дѣйствія у Аріосто и Тассо), а также въ частностяхъ. Такъ, напр., сады Армиды уподобляются очаровательнымъ рощамъ Альчины; начало XV-й пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима» (о путешествіи рыцарей Карла и Убальда, посланныхъ для отысканія Ринальдо) напоминаетъ соотвѣтственный эпизодъ въ поэмѣ Аріосто о путешествіи Астольфо (см. примѣч. Camerini къ его изданію Gerus. Lib., p. 386). Видимо оставили слѣдъ въ воображеніи Тассо и другія измышленія Аріосто. Аргантъ напоминаетъ Родомонта (и Турна), Солиманъ-Мандрикарда. Прославленіе Феррарскаго дома и пророчества касательно Эсте также вставлены въ поэму Тассо по образцу такихъ отступленій въ поэмѣ Аріосто. Нѣкоторыя изъ подробностей поэмы Тассо, напоминающихъ поэму Аріосто, указаны Wedewer-омъ.—Какъ поэма Тассо въ общемъ представляетъ сліяніе разнородныхъ вымысловъ въ болѣе или менѣе цѣльное повѣствованіе, такъ въ отдѣльныхъ наполняющихъ ее фикціяхъ процессъ творчества поэта состоялъ въ сплавѣ образовъ, отпечатлѣвшихся въ его представленіи при чтеніи цѣлаго ряда произведеній. О различныхъ составныхъ частяхъ исторіи Олинда и Софроніи см. выше. Армида, по Валентину Шмидту, заимствована изъ Florisel de Niquea, но Т. Тассо привнесъ также частности изъ повѣствованія объ Анжеликѣ у Боярдо и объ Альчинѣ у Аріосто; сѣтованія и угрозы Армиды по оставленіи ея Ринальдомъ напоминаютъ сѣтованія Дидоны.—Мозаическій подборъ матеріаловъ и перенесеніе въ поэму цѣликомъ нѣкоторыхъ чужихъ подробностей напоминаютъ процессъ творчества средневѣковыхъ поэтовъ и поэтовъ предшествовавшаго—переходнаго—времени. Тассо въ этомъ отношеніи отклоняется отъ творчества новѣйшаго времени, которое отличается оригинальностью фабулъ. Поэма Тассо искуственное реторическое произведеніе, составленное по правиламъ и въ значительной степени подражательное. Ср. у Dini 297—298 и 427—429.

принадлежало рыцарско-романтическому духу, котораго былъ исполненъ творецъ „Освобожденнаго Іерусалима“.

Въ тѣ годы, когда слагались его поэтическія наклонности, рыцарскій духъ не вполнѣ еще исчезъ, и все еще были въ ходу чисто рыцарскія увеселенія, часто имѣвшія мѣсто при блестящей обстановкѣ [1]). Юность свою, самое радостное время своей жизни (съ октября 1565 г.), Тассо [2]) провелъ въ Феррарѣ, въ герцогскомъ замкѣ которой, расписанномъ Тиціаномъ и др., пріютились феодальныя преданія, держались средневѣковой аристократизмъ и cortesia и процвѣтала дворская жизнь. Одновременно съ испорченностію нравовъ [3]) тамъ было много блеска и утонченности. Развлеченія смѣнялись развлеченіями, и въ пестромъ чередованіи ихъ поперемѣнно выступали то обычныя увеселенія времени Возрожденія, то переживанія старинныхъ, средневѣковыхъ забавъ. Ставились на сцену комедіи, эклоги, пасторали, давались грандіозные концерты, и одновременно держалась легкая лирика во вкусѣ, унаслѣдованномъ отъ среднихъ вѣковъ: придворные поэты писали мадригалы, канцоны (для музыкальнаго аккомпанимана) и сонеты въ честь принцессъ и выдававшихся красотою дамъ двора; дамы восхвалялись и любовь прославлялась все по одному и тому же образцу пѣсенъ блистательнаго эпигона и завершителя поэзіи трубадуровъ—Петрарки. Прибывъ къ Феррарскому двору, Тассо былъ ослѣпленъ блескомъ этого самаго пышнаго изъ итальянскихъ дворовъ, и отголосокъ такого впечатлѣнія указываютъ въ слѣдующихъ стихахъ его „Аминты“, написанной позже (зимою 1574 г.):

Oh che sentii? che vidi allora? I'vidi
Celesti Dee, ninfe leggiadre e belle
Nuovi Lini ed Orfei...

Рыцарскій міръ, воспѣтый въ Rinaldo, теперь былъ на яву передъ поэтомъ и очаровалъ его навсегда такъ, что Тассо почти во всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ обаянія блестящей дворской жизни,

---

[1]) Ranke, 465.

[2]) Ему былъ тогда 21-й годъ.

[3]) Тамъ царило правило, увѣковѣченное въ пѣснѣ хора, заканчивающей 1-й актъ Аминты, царилъ legge aurea e felice

Che natura scolpi: *S'ei piace, ei lice.*

хотя послѣ нѣсколькихъ лѣтъ легкаго и радостнаго житья въ ея атмосферѣ, испыталъ и тѣ огорченія, какія она можетъ приносить, и узналъ, что въ его время „l'infingere è una delle maggiori virtù". Тассо доводилось присутствовать и въ другихъ мѣстахъ при увеселеніяхъ, носившихъ рыцарскій характеръ, и принимать участіе въ состязаніяхъ въ родѣ тѣхъ, какія были столь обычны въ средніе вѣка при дворахъ знатныхъ господъ и владѣтелей [1]).

Такимъ образомъ, уже среда, въ которой пришлось вращаться нашему поэту, направляла его къ поэтическому культу преданій и завѣтовъ рыцарства. Это вліяніе окружающаго общества сходилось съ предрасположеніями въ характерѣ Тассо. Ему были присущи рыцарскіе инстинкты, мечтательность и унаслѣдованное отъ отца рыцарское благородство. Какъ сынъ человѣка высшаго круга, Торквато былъ обученъ всему, что входило въ дворское воспитаніе того времени, т. е. верховой ѣздѣ, фехтованію, и выказалъ однажды въ Феррарѣ свое рыцарское мужество. Тассо не раздѣлялъ всѣхъ феодальныхъ предразсудковъ, напр. касательно благородства по рожденію,—предразсудковъ, которые были всего менѣе умѣстны въ Италіи, но, ставъ въ Феррарѣ въ значительной степени дворскимъ поэтомъ, Тассо приблизился въ области поэзіи къ средневѣковымъ поэтамъ рыцарства: онъ чтилъ завѣты рыцарства (въ томъ числѣ и завѣтъ о любви и воспѣваніи дамъ) и чувствовалъ красоту средневѣковой доблести. Къ ней онъ долженъ былъ переноситься своею мечтою, не находя въ родной современности крѣпкой опоры для эпической идеализаціи, заключившись въ кругу своей учености и поэтическаго фантазированія и не привыкши входить въ новые интересы и потребности современности, серьезно вдохновляться ею.

---

[1]) Укажемъ на празднество въ Пезаро въ 1574 г. Тамъ выступили «cavaglieri combattenti», носившіе названіе «il cavaglier della Luce», «il cavaglier della Selva Amorosa», «il cavaglier Costante», «il cavaglier della Fiamma amorosa». См. письмо Almerici, напечатанное въ Giorn. stor. d. l. it., XII, 406—411. Тамъ же и сюжетъ одного изъ театральныхъ представленій былъ заимствованъ изъ рыцарской романтики: «L'altro intermedio è stato l'arco de' leali amanti e della camera incantata, dell'historia d'Amadis di Gaula e d'Oriana, et è comparso benissimo et ancora che quegli che non sapevano l'historia non ne godessero così bene ha però fatta bellissima vista poichè c'intervenivano cavaglieri e dame, et incantaggioni, et combattimenti et altre cose che mirabilmente compariscono in scena» (ib. 412). Отголосками средневѣковыхъ диспутовъ и вмѣстѣ античныхъ философскихъ собесѣдованій являлись «ragionamenti» «fra molti begli intelletti». Предметомъ одного ragionamento было рѣшеніе вопроса, «se l'odio era contrario dell'amore»; въ другой разъ разсуждали о томъ, «qual fosse maggiore cortesia» (ib., 414—415).

Потому-то, задумавъ поэму, Тассо, несмотря на то, что хорошо изучилъ классическую древность и порѣшилъ оставить въ сторонѣ чисто романтическія измышленія, обратился къ исторіи среднихъ вѣковъ, къ крупнѣйшему изъ событій ея, въ которыхъ вспыхнулъ было яркимъ пламенемъ средневѣковой героизмъ идеалистическаго пошиба,—къ тому изъ крестовыхъ походовъ, въ которомъ наименѣе заправляли побужденія своекорыстія и который могъ быть представленъ въ эпосѣ повтореніемъ похода Карла В. въ Палестину [1]). Тассо уловилъ въ исторіи среднихъ вѣковъ моментъ всемірно-историческаго значенія, въ который наияснѣе сказалась идея среднихъ вѣковъ и въ который рыцарство достигло своего апогея. Этотъ моментъ доставилъ поэту возможность войти такъ глубоко въ душу средневѣковаго рыцарства, какъ не входилъ до Тассо ни одинъ изъ итальянскихъ эпиковъ, обращавшихъ вниманіе преимущественно на фантастику рыцарскихъ грезъ [2]). Рыцарство, подвизавшееся въ первой борьбѣ за гробъ Господень, представало воображенію поэта и читателей времени католической реакціи въ особомъ ореолѣ, подобнаго которому не имѣли рыцари ни одной изъ поэмъ, читавшихся въ Италіи XVI в. [3]), хотя, съ другой стороны, оно было лишено ореола національнаго героизма, которымъ славились паладины Карла. Тассо могъ оставить въ сторонѣ всѣ романтическія измышленія, наполнявшія исторію рыцарскихъ подвиговъ въ романахъ и поэмахъ, и возвеличить рыцарство, опираясь на дѣйствительный фактъ, на крупное дѣяніе, которое могло возбуждать участіе и въ читателяхъ вѣка религіозныхъ войнъ, какими

---

[1]) Такъ и представленъ походъ Гоффредо въ *Gerus. Conquistata*. Франкъ Giovanni, находящійся въ ополченіи Гоффредо, былъ во св. землѣ также съ Карломъ. Тассо послѣдовалъ въ этомъ вымыслѣ за Каролингскою легендою, которая знала оруженосца, служившаго Роланду или Оливье и дожившаго до времени импер. Фридриха II (до 1223, 1234 или 1231 г. См. G. *Paris* Histoire poétique de Charlemagne, Par. 1865, p. 323, n. 4; Romania X, 214 (письмо d'Ancon-ы). замѣтка того же *d'Ancon'ы*: Tradizioni carolingie in Italia, Roma 1889, и Romania XVIII, 251

[2]) Нѣкоторые готовы думать, что «dopo l'Ariosto, che con insolita comprensione aveva adunato intiero nel suo poema il concetto della Cavalleria, non era più possibile trattare quella materia»... Dini, 296; ср. однако p. 302. Съ ультра-католической точки зрѣнія также не удовлетворялись Тассовымъ изображеніемъ перваго крестоваго похода. Фр. Шлегель (Ист. древней и новой литературы, перев. съ нѣмецкаго, ч. вторая, Спб. 1830, стр. 101) говоритъ что Тассо «совсѣмъ не достигъ до всей высоты своего предмета, и не умѣлъ исчерпать все богатство онаго, но такъ сказать прикоснулся только поверхности его».

[3]) Вѣдь образъ Роланда, какъ онъ рисовался воображенію итальянцевъ XVI в., весьма мало походилъ на ликъ древняго Роланда, причтеннаго церковью къ сонму святыхъ.

было наполнено XVI-е столѣтіе, бывшихъ свидѣтелями грозной борьбы христіанскаго міра съ турками, участвовавшихъ въ знаменитой Лепантской битвѣ или слышавшихъ о ней. Для этихъ читателей борьба крестоносцевъ съ невѣрными въ Палестинѣ была исполнена какъ бы современнаго интереса: въ Лепантской битвѣ противъ невѣрныхъ также ополчился почти весь католическій западъ. То былъ сюжетъ одновременно историческій и романтическій, и остановившись на немъ, Тассо превзошелъ своихъ предшественниковъ, воспѣвавшихъ въ серьезномъ тонѣ доблесть средневѣковаго рыцарства [1]). Благодаря широтѣ темы, Тассо могъ нарисовать грандіозную картину, въ которой могло найти мѣсто все возвышенное и трогательное въ дѣлахъ, помышленіяхъ и чувствованіяхъ рыцарства какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его представителяхъ.

Тассо принялся за разрисовку и отдѣлку этой картины со всѣмъ воодушевленіемъ, къ которому былъ способенъ. Его окрыляло вдохновеніе сродное тому, которое за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ одушевляло поэтовъ, разрабатывавшихъ ту же тему о борьбѣ христіанъ съ сарацинами,—поэтовъ, воспѣвшихъ первый крестовый походъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ событій, ознаменовавшихъ это предпріятіе; былъ не чуждъ Тассо и того вдохновенія, которое создало нѣкогда поэмы о борьбѣ христіанъ съ Сарацинами на материкѣ Европы и которое согрѣвало сердца пѣвцовъ, восхвалявшихъ славный подвигъ Роланда и его сподвижниковъ, павшихъ въ борьбѣ за „crestiëntét“ и за „France dolce la bele“.

Подобно тѣмъ древнимъ пѣвцамъ и историку, котораго разсказомъ постоянно руководился [2]), Тассо готовъ былъ вѣрить, что сражавшіеся съ невѣрными витязи были подкрѣпляемы помощію свыше (впрочемъ, его религіозныя представленія оказываются иногда неясными даже въ поэмѣ [3]). Какъ въ пѣснѣ о Роландѣ архангелъ Гавріилъ является обычнымъ посломъ

---

[1]) Нѣкоторые изъ критиковъ XIX в. не одобряютъ сюжета, обработаннаго Тассо.

[2]) Разумѣемъ Вильгельма Тирскаго. См. Ранке, стр. 463. Итальянскій переводъ Вильгельма былъ напечатанъ въ 1562 г. Къ сказанному Ранке надо прибавить, что Тассо ввелъ въ свое повѣствованіе разсказы Вильгельма о чудесахъ, имѣвшихъ мѣсто во время перваго крестоваго похода, и многое другое. См. вкратцѣ въ статейкѣ *Burgtorf*-а: «Ueber einige ästhetische Eigenthümlichkeiten und Werth des «befreiten Ierusalem», von Torqu. Tasso» въ «Programm der höheren Bürgerschule zu Northeim» 1875, s. 9

[3]) Ib., 17.

отъ Бога къ рыцарямъ, защищающимъ Его народъ [1]), такъ и у Тассо нерѣдко видимъ нисхожденіе Гавріила съ небесъ къ Гоффредо [2]). Мало того: Тассо ввелъ битвы подъ стѣнами Іерусалима въ рамку общей исконной борьбы царствъ свѣта и тьмы. Тассо примкнулъ, такимъ образомъ, къ древнему дуалистическому представленію, вошедшему и въ романъ о Мерлинѣ [3]); онъ выставилъ рядомъ два царства, царство Божіе и царство сатаны. Борьба ихъ составляетъ одну изъ главныхъ пружинъ дѣйствія въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“. Не допускавшіе христіанъ въ Іерусалимъ—союзники діавола. Духъ гуманности, который былъ присущъ Тассо [4]), заставилъ его смягчить рѣзкость красокъ въ изображеніи мусульманъ, но, тѣмъ не менѣе, Тассо былъ всею душею на сторонѣ христіанъ въ этой борьбѣ, считая ихъ дѣло вполнѣ Богоугоднымъ [5]) и желая новаго крестоваго похода, который, какъ надѣялся поэтъ, могъ состояться подъ водительствомъ мнимаго потомка Ринальдо, Альфонса II Феррарскаго, покровителя поэта [6]). Тассо видимо сочувствовалъ средневѣковой антиимператорской идеѣ обширнаго религіознаго царства Божія на землѣ съ центромъ въ Римѣ, воспѣвъ подвиги рати изъ разныхъ народовъ, собравшейся подъ общимъ католическимъ знаменемъ [7]). Словомъ, общая окраска поэмы—католическая, сообщающая произведенію Тассо въ значительной степени средневѣковой колоритъ.

---

[1]) Въ моментъ смерти Роландъ, какъ мы видѣли,

Son destre guant a Dieu en porofrit,
E de sa main sainz Gabriëls l'at pris.

Затѣмъ ангелы перенесли душу Роланда «en paredis».

[2]) См., напр., Gerus. lib., I, 11 и слѣд.; XVIII, 92 и др.

[3]) Разумѣемъ знаменитое начало этого романа. Тассо могъ заимствовать сцену совѣщанія демоновъ изъ поэмы Виды.

[4]) Нѣкоторые критики обвиняютъ Тассо въ католической нетерпимости, но намъ кажется болѣе убѣдительнымъ взглядъ Cecchi.

[5]) См., напр., Gerus. lib. III. 68, гдѣ Гоффредо, стоя надъ тѣломъ Дудона, называетъ его святымъ и говоритъ:

. . . . . or godi e pasci
In Dio gli occhi bramosi, o felice alma,
Ed hai del ben oprar corona e palma.

[6]) Ib.. I, 5; XVII, 93—94.

[7]) Въ Gerus. Conquist. Тассо уже не заявляетъ себя противникомъ императорской идеи.

Настоящее изслѣдованіе, написанное на тему, предложенную въ январѣ 1888 года историко-филологическимъ факультетомъ для конкурснаго соисканія наградъ, и удостоенное въ факультетскомъ засѣданіи 20-го декабря того-же года награды золотою медалью, выходитъ нынѣ въ свѣтъ въ томъ почти видѣ, какъ было представлено, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что авторъ не располагаетъ достаточнымъ количествомъ времени для пополненія и расширенія его.

Рѣшившись представить свое изслѣдованіе на судъ ученой критики, авторъ не утѣшаетъ себя надеждою, что ему удалось окончательно разрѣшить нѣкоторые спорные вопросы царствованія Іоанна Грознаго, но сочтетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за потраченные имъ трудъ и время, если признаютъ, что его изслѣдованіе хотя немного способствуетъ рѣшенію ихъ.

Заканчивая свой трудъ, авторъ считаетъ пріятною обязанностью выразить глубокую и искреннюю благодарность проф. Владиміру Степановичу Иконникову, всегда и съ величайшею предупредительностью дававшему многочисленныя библіографическія указанія по вопросамъ, входившимъ въ составъ настоящаго изслѣдованія, а также засвидѣтельствовать признательность тѣмъ членамъ историко-филологическаго факультета, которые содѣйствовали труду автора, предоставляя въ его распоряженіе свои собственныя книги.

25-го ноября 1889 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
52	10 сн.	Юрію,	Юрію
55	13 „	Афанасія	Аѳанасія
59	8 „	львовская	Львовская
60	14 „	но	но,
61	1 св.	печерскаго	Печерскаго
„	11—12 „	взгляды.	взгляды,
66	6 „	Михайлорича	Михайловича
67	15 „	приминулъ	преминулъ
70	6 „	боярами,	боярами;
71	2 и 3 св.	Сказанія	Сказанія,
72	1 св.	не смотря	несмотря
84	6 сн.	Levenclavii	Leveclavii
96	7 св.	tribatum	tributum
106	11 „	Хоткѣвичемъ	Ходкѣвичемъ
111	1 сн.	новый	Новый
112	16 „	такъ-то	такъ то
119	8 „	Литвѣ;	Литвѣ:
125	5 „	Тамъ же	Тамъ же,
127	19 св.	Троицо	Троицко
133	2 „	но когда,	но, когда
134	6 сн.	узости	узкости
139	16—17 „	время провожденіе	времяпровожденіе
148	5 св.	слуховъ,	слуховъ
150	15 сн.	когда“ вслѣдствіе	когда „вслѣдствіе
160	16 „	такъ	такъ,
181	4 „	1886	1889
182	7 св.	совѣтъ	совѣтѣ
188	16 „	утѣшить	утѣшить,
192	2 „	правъ	правъ:
196	5 сн.	году и	году; и
198	5 св.	Кириловскаго	Кирилловскаго
199	1 сн.	Соловьевъ	Соловьевъ,
200	10 „	событіи	событіи,
205	16 св.	года.	года,
221	11 „	228).	228),
225	21 сн.	выставляютъ	выставляются
228	6 „	Курлятевымъ	съ Курлятевымъ
232	8 „	всяхомъ	взяхомъ
256	3 св.	книгами;	книгами:

Примѣчаніе къ стр. 212.

Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, извѣстная сенатору К. Бороздину по рукописи, хранившейся въ библіотекѣ этого монастыря, была издана Ив. Сахаровымъ по рукописи Новгородской Софійской библіотеки (№ 464) въ 1 томѣ „Зап. отд. рус. и слав. археол. Имп Арх. Общ.“ (отд. II, стр. 46—89). Торжественныя панихиды и кормы по опальныхъ царя Іоанна Грознаго, какъ видно изъ кормовой книги, совершались въ Кирилловѣ монастырѣ въ сырную субботу и 30 января „за Государево жалованье, за милостыню, что по опальныхъ давалъ по Щенятевѣ, и по Кубенскомъ и по иныхъ, которые *въ памяти* написаны“ (стр. 68—69, 71).

V.

Разборъ 2-ой половины историческаго труда Курбскаго.

Вторая половина „Исторіи Князя Великаго Московскаго“, какъ мы говорили выше, посвящена разсказу о казняхъ, совершенныхъ Іоанномъ во вторую несчастную половину царствованія. Сказавъ о погибели друзей и родственниковъ Адашева, Курбскій послѣдовательно обозрѣваетъ казни лицъ княжескихъ (шестая глава сочиненія), боярскихъ и дворянскихъ родовъ (седьмая глава), присоединяетъ восьмую главу „о страданіи священномучениковъ“, вскользь упоминая о новгородскомъ разгромѣ и подробно останавливаясь на житіи своего духовника, архимандрита Ѳеодорита, и заканчиваетъ свое сочиненіе маленькою девятою главою, въ которой сравниваетъ Іоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними. Къ сожалѣнію, Курбскій не указываетъ годовъ казни различныхъ лицъ и, разбивая свое изложеніе на нѣсколько главъ, лишаетъ насъ возможности установить хотя приблизительную хронологическую послѣдовательность, какую находимъ у него въ отдѣльныхъ главахъ.

I. Для провѣрки этихъ извѣстій Курбскаго у насъ, кромѣ ничтожнаго обрывка недошедшей въ цѣломъ составѣ оффиціальной лѣтописи (Александро-Невская лѣтопись), имѣются слѣдующіе источники: „Послужной списокъ старинныхъ чиновниковъ“, напечатанный Новиковымъ въ XX части его Вивліоѳики, синодики царя Іоанна, „Описаніе Московіи“ Александра Гваньини, „Жизнь Іоанна“ Павла Одерборна, письмо Таубе и Крузе къ Готтарту Кетлеру; но достовѣрность всѣхъ этихъ источниковъ, исключая Послужного списка, заподозрѣна, вслѣдствіе чего необходимо, приступая къ разбору и про-

вѣркѣ этой части сочиненія Курбскаго, хотя нѣсколько остановиться на характеристикѣ этихъ источниковъ и разсмотрѣть, насколько они заслуживаютъ довѣрія безпристрастнаго изслѣдователя.

Въ Послужномъ спискѣ отмѣчаются по годамъ пожалованные въ бояре и окольничіе, такъ что возможно, на основаніи этого акта, возстановить составъ боярской думы за любой годъ; здѣсь же отмѣчается, кто и когда умеръ, кто бѣжалъ въ Литву, и кто выбылъ.

Пожалованные въ бояре или окольничіе оставались въ составѣ боярской думы до своей смерти, и годъ послѣдней отмѣчался въ Послужномъ спискѣ.

Помѣта о нѣкоторыхъ членахъ этого высшаго московскаго государственнаго учрежденія, что они *выбыли*, а не умерли, имѣла, разумѣется, особенное значеніе.

Просматривая Послужной списокъ за время царствованія Іоанна III, мы видимъ, что выбывшими отмѣчены слѣдующія лица: Дмитрій Исааковичъ Борецкій—подъ 1472 годомъ и Семенъ Ивановичъ Ряполовскій—подъ 1499 [1]). Принимая во вниманіе, что въ Русѣ 20 іюля 1472 года была отсѣчена голова взятаго въ плѣнъ Дмитрія Исааковича Борецкаго, сына извѣстной Марѳы — посадницы, а 5 февр. 1499 года отрубили голову князю Семену Ряполовскому на рѣкѣ Москвѣ, ниже моста [2]), приходимъ къ заключенію, что выбывшими отмѣчались всѣ казненные.

Этотъ выводъ подтвердится во всей своей полнотѣ, если припомнимъ, что казненные и погибшіе насильственною смертью до 1548 года (Иванъ Бѣльскій, Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, Иванъ Кубенскій, Ѳеодоръ Степановичъ Воронцовъ и Василій Михайловичъ Воронцовъ) отмѣчены въ Послужномъ спискѣ также выбывшими [3]).

Если, съ одной стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ лица, отмѣченныя въ Послужномъ спискѣ выбывшими за время отъ 1564 до 1577 года, погибли насильственною смертью, подвергнувшись царской опалѣ [4]), то, съ другой стороны, мы не имѣемъ

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 3, 9.

[2]) Арцыбашевъ, кн. IV, отд. I, стр. 17, 71.

[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 30, 33.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46—55. Алексѣй Адашевъ (стр. 44) отмѣченъ также выбывшимъ, хотя достовѣрно знаемъ, что онъ умеръ своею смертью, но это отступленіе отъ обыч-

основанія утверждать, что только эти 29 человѣкъ были казнены во вторую половину царствованія Іоанна, такъ какъ казненные не всегда обозначались выбывшими: такъ, напр., князь Андрей Шуйскій, отданный царемъ псарямъ на растерзаніе, отмѣченъ не выбывшимъ, а умершимъ [1]). Слѣдовательно, основываясь на томъ, что какой-либо бояринъ или окольничій отмѣченъ умершимъ, нельзя видѣть въ этомъ доказательства, что онъ умеръ естественною смертью, и опровергать съ Послужнымъ списокомъ [2]) въ рукахъ другіе наши источники тѣмъ болѣе, что иногда даже годы смерти обозначаются неправильно: такъ, напр., бояринъ Михаилъ Васильевичъ Тучковъ, согласно съ Послужнымъ списокомъ, умеръ въ 1535 году [3]), а лѣтопись разсказываетъ, какъ мы видѣли, что въ 1538 году онъ былъ ревностнымъ союзникомъ Ивана Бѣльскаго; Иванъ большой Шереметевъ умеръ, по свидѣтельству Послужного списка, въ 1570 году [4]), а между тѣмъ царь въ посланіи, писанномъ около 1578 года въ Кириллo-Бѣлозерскій монастырь къ игумену Козьмѣ, приказываетъ не докучать о Шереметевѣ: „а впередъ бы есте о Шереметевѣ, пишетъ онъ, намъ не докучали: намъ въ томъ отвѣту никако не давати“ [5]).

Заручившись этими выводами, перейдемъ къ разсмотрѣнію синодика, внимательное изученіе котораго укажетъ истинное значеніе Послужного списка.

Сенаторъ К. М. Бороздинъ, осматривая въ 1809 году ветхія книги и бумаги Кирилло—Бѣлозерскаго монастыря, отыскалъ двѣ рукописи въ 16-ю долю листа, писанныя уставомъ съ киноварными заглавіями, съ замасленными краями, закапанныя воскомъ; рукописи эти, оказавшіяся синодиками, онъ передалъ въ распоряженіе Устрялова, издавшаго ихъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, съ примѣчаніями въ своей книгѣ: „Сказанія князя Курбскаго“ (стр. 373—391).

наго обозначенія объясняется тѣмъ, что, вѣроятно, Іоаннъ намѣтилъ его какъ жертву, и только смерть естественная избавила его отъ насильственной: недаромъ же, какъ знаемъ, объ его смерти производилось разслѣдованіе.

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 32.

[2]) Въ этомъ Е. Вѣловъ найдетъ отвѣтъ на свой вопросъ (стр. 267): «На какомъ основаніи это оффиціальное извѣстіе (Послужного списка объ умершихъ въ 1565 г.) оставлено историками безъ вниманія?».

[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 28.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50.

[5]) Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 394.

Одна изъ рукописей была озаглавлена: „Лѣта седмь тысящь девятьдесять перваго Царь и Государь и великій Князь Иванъ Васильевичь Всеарусіи прислалъ в' Кириловъ монастырь сіе поминаніе и велѣлъ поминати на литіяхъ и на литоргіяхъ и на понахидахъ по вся дни въ церкви Божіи", а другая рукопись начиналась такъ: „помяни Господи душа усопшихъ рабъ своихъ и рабынь, прежде почившихъ отъ Адама и до сего дни". Слѣдуетъ замѣтить, что первое заглавіе есть общее для обѣихъ рукописей, такъ какъ и въ первой рукописи послѣ поминанія удѣльной княгини иноки Евдокіи, инокинь Маріи и Александры, также повторяются тѣ же слова, которыми начиналась вторая [1]), такъ что, на основаніи уже этихъ внѣшнихъ признаковъ, можно прійти къ заключенію, что Устряловъ издалъ одинъ только синодикъ, и не было никакой надобности вторую рукопись, въ которой продолжался даже счетъ страницъ первой, издавать раздѣльно, обозначая римской цифрою II это продолженіе синодика.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ поименованныя въ синодикѣ лица были казнены Іоанномъ, такъ какъ въ кормовыхъ книгахъ Кириллова монастыря было отмѣчено: „въ субботу сыропустную, по опальныхъ, избіенныхъ, потопленныхъ и созженныхъ, съ жены ихъ, и чады и домочадцы *(а имена ихъ писаны въ синодикѣ)* панихиды поютъ соборомъ" [2]). Крайне предосудительно, по нашему мнѣнію, поступаетъ Е. Бѣловъ, когда старается, вопреки этому ясному свидѣтельству кормовыхъ книгъ, увѣрить читателя, что въ синодикѣ „объ убіенныхъ нѣтъ ни слова". Равнымъ образомъ, если онъ, приведя замѣтку вкладной книги, гдѣ дѣйствительно говорится только объ опальныхъ, записанныхъ въ синодикѣ, съ торжествомъ заявляетъ: „и опять ни слова о томъ, что всѣ писанные суть убитые" [3]), такъ этимъ обнаруживается его желаніе во что бы то ни стало подорвать значеніе синодика. Только этой преднамѣренностью можно объяснить, почему Е. Бѣловъ не приводитъ замѣтки изъ кормовыхъ книгъ, гдѣ говорится, что имена убитыхъ, потопленныхъ и сожжен-

---

[1]) Синодикъ Кирилловскій, стр. 3 и 40 (страницы рукописей).

[2]) Сказанія, стр. 371.

[3]) Въ статьѣ «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства». См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 2, стр. 268.

ныхъ записаны въ синодикѣ, замѣтки, которая не могла быть ему неизвѣстною, такъ какъ помѣщена Устряловымъ рядомъ съ той замѣткой изъ вкладной книги, которою онъ пользуется.

Если не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, что въ томъ синодикѣ, о которомъ упоминаютъ кормовыя книги Кириллова монастыря, были записаны имена жертвъ Іоаннова гнѣва, то можетъ явиться основательное сомнѣніе, были ли рукописи, изданныя Устряловымъ, этими синодиками, такъ какъ 1) въ кормовыхъ книгахъ говорится о *синодикахъ*, а рукопись, отысканная сенаторомъ К. М. Бороздинымъ, названа, какъ мы видѣли, *поминаньемъ*, и 2) днемъ поминовенія въ кормовыхъ книгахъ указана *суббота сыропустная*, когда „панихиды поютъ и литургію служатъ соборомъ", а въ рукописи К. Бороздина сказано, что царь приказалъ *ежедневно* поминать на литіяхъ, литургіяхъ и панихидахъ лицъ, отмѣченныхъ въ присланномъ поминаньѣ.

Это сомнѣніе и нѣкоторое какъ бы противорѣчіе блистательно устраняется, если сравнимъ текстъ рукописей, отысканныхъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и изданныхъ Устряловымъ въ „Сказаніяхъ", съ текстомъ записи Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, изданой Н. Суворовымъ [1]).

Эта запись носила заглавіе: „Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всеа Росіи". Издатель этой рукописи пишетъ: „замѣчательно сходство одного мѣста записи съ тою замѣткою, какая сдѣлана въ записи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а именно: и въ Кирилловскомъ, и въ Прилуцкомъ синодикахъ число казненныхъ въ извѣстное время Новгородцевъ показано одно: 1505 человѣкъ" (стр. 89). Отмѣчая это частное сходство, Н. Суворовъ не подмѣтилъ тождественности этихъ записей. Между тѣмъ, внимательное изученіе этихъ записей Кирилловской, изданной Устряловымъ, и Спасоприлуцкой, изданной Суворовымъ, приводитъ къ убѣжденію въ тождественности ихъ. Чтобы сходство этихъ записей представлялось нагляднѣе, приведемъ то мѣсто изъ Кирилловской, гдѣ кончается одна рукопись и начинается другая, и соотвѣтствующее мѣсто изъ Спасоприлуцкой, потому что это вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить доказательствомъ того нашего мнѣ-

[1]) См. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859, № 3, стр. 89—100.

нія, что Устряловъ издалъ одинъ только синодикъ, такъ какъ вторая рукопись, обозначенная въ его изданіи римскою цифрою II и начинающаяся словами: „помяни Господи....“, служила простымъ продолженіемъ первой рукописи, на что̀ даже указывалъ счетъ страницъ этихъ рукописей:

Палицынъ Серебреникъ Несторовъ
38. Пятово. Родиона. Обиду.
Ямской Новгородцы вы
Димитрія. Феодора. зженою. дѣти
Подь ячей
его Стефана. Никиту. Иріну. Іван-
на зженою. дѣти его. Ананію.
Анъдрѣевъ
Екатерину. Кирила зженою. дѣти
Игнатьевъ
его Василія. Марѳу. Харитона.
Ре-
39. зженою. Стефаниду. Пе-
заньцовъ Шаховъ
телю зженою. Карпа Селянина
зженою. дѣти ихъ. Петра. Пелагію.

II.

40. Помяни Гди душа оусопшихъ рабъ своихъ, ірабынь. прежде почившихъ вѣка сего отъ Адама ідосего дни. Помяни гди.
Ершовъ
41. Глѣба зженою. Матроны.
Борода Ворыпаевъ
Феодора зженою. Іванна зженою.
Палицынъ
Григорія зженою. Симеона зже-
ною. дѣти его. Феодора. Даніила.
Зворыкинъ
Алексія зженою. Василія зженою.
Савуровы
Андрея зженою. сына его.

42. Лазаря. Болобана зженою.
Бутурлин Ігнатьевъ
Неждана зженою. Богдана зженою.
Алексія зженою. Маріи. Григорія...

(Кирилловское поминанье. См. Сказанія, стр. 384).

Помяни, Господи, души: Серебряника Родіона Обиды, Димитрія Ямского, подъячихъ Новгородцкихъ: Ѳеодора Маслова съ женою и дѣтей ихъ—Никиты, Ирины, Іоанна Лукина съ женою, да ихъ дѣтей—Стефана, Ананіи, Екатерины, Кирила и дѣтей его—Василія, Марѳы, Харитона съ женою и дщери его Стефаниды, Пятелю съ женою и сына его Карпа Селянина, Шахова съ женою и дѣтей его—Пелагіи, Глѣба, Ершова съ женою и дочь ихъ Матроны, Ѳеодора съ женою, Іоанна съ женою, Симеона съ женою и дѣтей ихъ Ѳеодора, Даніила, Алексія съ женою, Василія, Андрея съ женою и сына ихъ Лазаря, Болабана съ женою, Неждана съ женою, Богдана съ женою, Алексія съ женою и дочери ихъ Маріи, Григорія.....

(Спасоприлуцкая запись. См. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ. 1859 г. № 3, стр. 96).

Такое сходство, не исключающее, правда, нѣкоторыхъ различій и дополненій въ текстѣ то той, то другой записи, оказывается не въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, но на всемъ протяженіи ихъ [1]).

Текстъ этихъ записей дошелъ въ неисправномъ видѣ, такъ что надъ многими именами пропущены родовыя прозванія или переданы неправильно. Устряловъ, издавая рукописи, отысканныя сенаторомъ К. Бороздинымъ, нѣкоторыя неправильности исправилъ: напр., онъ отмѣтилъ, что 1) чтеніе Коменскихъ (стр. рукописи 6) есть описка, а нужно Коломенскихъ, 2) что родовое прозваніе надъ именемъ князя Іосифа—Григорьяновъ также описка, потому что такихъ князей не было (стр. 20), 3) что вмѣсто Алексѣй Масмановъ (стр. 78) слѣдуетъ читать—Алексѣй Басмановъ и т. д. Всѣ эти поправки подтверждаются текстомъ Спасоприлуцкой записи, за исключеніемъ одной. Въ Кирилловскомъ поминаньѣ стоитъ: „князя Юрія, князя Іванна Шашины“ (стр. 78), и Устряловъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчаетъ, что „вѣроятнѣе князья Шамины, потомки князей Ярославскихъ“, но эту поправку слѣдуетъ отвергнуть, такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Спасоприлуцкой записи (стр. 99) читаемъ: „князя Юрія, князя Іоанна Кашина“.

Какъ извѣстно, Спасоприлуцкая запись начиналась такъ: „По выписи Государскихъ книгъ, имена и прозванія представившихся православныхъ христіанъ, мужей, женъ и дѣтей, разныхъ городовъ людей. По цареву государеву велѣнію великаго князя Іоанна Васильевича всеа Россіи, поминать тѣхъ христіанъ, по его государственнымъ книгамъ, по именамъ и прозваніямъ; ихъ же имена чти ниже сего“, и имѣла заглавіе: „тетрадь, а въ ней имена писаны *опальныхъ*“ [2]). Все это приводитъ къ заключенію, что „Спасоприлудкая запись“ и тождественное ей „Кирилловское поминанье“ представляютъ выпись изъ государевыхъ книгъ и содержатъ въ себѣ *исключительно имена опальныхъ*.

Далѣе, припомнимъ, что кормовыя книги Кириллова монастыря

---

[1]) Такимъ образомъ, соотвѣтствіе страницъ печатнаго изданія Спасоприлуцкой записи и страницъ рукописи Кирилловскаго поминанья слѣдующее: 91 (печатная первой)=3—6 (рукописнымъ второго); 92=6—8, 14—16; 93=16—22; 94=23, 10—13; 95=14, 27—33; 96=33—39, 41—43; 97=44, 55—63, 24—26, 51—52; 98=53—55, 64—71, 45—48, 72—78; 99=74—83, 100=83—84.

[2]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г., № 3, стр. 91, 89.

говорятъ, что въ синодикѣ были поименованы опальные, одни изъ которыхъ были потоплены, другіе побиты, а третьи сожжены. Разумѣется, если Спасоприлуцкая запись свидѣтельствуетъ, что лица, въ ней переименованныя, подвергались „отсѣченію рукъ, ручному усѣченію, отдѣлыванію и застрѣливанію изъ пищалей и сожженію“ (стр. 92—95), а тождественное Спасоприлуцкой записи Кирилловское поминаніе указываетъ, кромѣ того, на потопленіе (стр. по рук. 2), такъ это доказываетъ, что Кирилловское поминаніе и было тѣмъ синодикомъ, о которомъ говорятъ кормовыя книги Кириллова монастыря, а слѣдовательно на это поминаніе и на Спасоприлуцкую запись распространяется все, что̀ говорятъ кормовыя книги о синодикѣ.

Мы доказали, что Спасоприлуцкій и Кирилловскій синодики представляютъ выпись изъ государевыхъ книгъ, въ которыхъ, какъ говорится въ концѣ Спасоприлуцкаго, были написаны опальные именами, чинами и прозваніями. Это даетъ намъ основаніе утверждать, что хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ синодикъ, совершенно сходственный, по замѣчанію Устрялова [1]), и наружнымъ видомъ, и содержаніемъ съ Кирилловскимъ, представлялъ собою также выпись изъ государевыхъ книгъ, а все это наводитъ на догадку, что незадолго до смерти (Кирилловскій синодикъ былъ присланъ въ 1583 году) во всѣ монастыри царь приказалъ разослать синодики, т. е. выписи изъ тѣхъ книгъ, куда онъ записывалъ имена, чины и прозванія казненныхъ.

Этимъ происхожденіемъ синодиковъ объясняются тѣ междустрочныя надписи, благодаря которымъ мы знаемъ прозванія и чины, а иногда подробности казни отдѣльныхъ лицъ, надписи, которымъ изслѣдователь имѣетъ основаніе оказывать полное довѣріе [2]).

Чтобы окончательно исчерпать вопросъ о синодикахъ и устранить всякія возраженія противъ исторической ихъ достовѣрности, необходимо указать, какъ содержаніе ихъ подтверждается другими нашими достовѣрными источниками.

Сенаторъ К. Бороздинъ, отыскавъ рукописи поминанья, препроводилъ ихъ Устрялову съ замѣчаніями, которыя, по мнѣнію по-

---

[1]) Сказанія, стр. 372.

[2]) Какъ кажется, наше изложеніе является отвѣтомъ на вопросъ Е. Бѣлова: «зачѣмъ было ему (т. е. Іоанну) приказывать дѣлать междустрочныя надписи, безъ сомнѣнія, затруднявшія чтеніе?».

слѣдняго, неоспоримо доказывали, что всѣ поименованныя въ нихъ лица были жертвами Іоаннова гнѣва, и о содержаніи ихъ писалъ: „какъ въ первой, такъ и во второй означены по большей части именно тѣ лица, которыя по другимъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ погибли въ несчастное время Грознаго“ [1]).

Е. Бѣловъ, приведя послѣднее соображеніе К. Бороздина, ставитъ при словѣ „достовѣрнымъ“ вопросительный знакъ и продолжаетъ: „кто же далъ право заключить, что если тутъ и есть убитые, то и всѣ поминаемые убиты?“ [2]).

Выше уже мы указывали, что̀ даетъ право заключать, что всѣ поминаемые погибли, а теперь остается указать на достовѣрные источники, подтверждающіе показанія синодика. Такими достовѣрными свидѣтельствами безспорно признаются лѣтописи, наказныя рѣчи посламъ и Послужной списокъ. Какъ извѣстно, въ синодикѣ встрѣчаются имена Ивана Кашина, Александра Горбатаго и его сына Петра, Петра Головина и Владиміра Старицкаго (стр. 29 и 78), насильственная смерть которыхъ засвидѣтельствована лѣтописями [3]); о казни князя Петра Горенскаго, печатника Висковатаго и казначея Никиты Фуникова, упоминаемыхъ въ синодикѣ (стр. 65 и 83), сказано было въ наказахъ посламъ, отправляемымъ въ Литву [4]); наконецъ, въ синодикѣ находятся имена Алексѣя Басманова (стр. 78), Андрея Шеина (стр. 14), Петра Серебрянаго (стр. 55), Михаила Черкасскаго (стр. 78), Каллиста (неправильно—Каллиника) Собакина (стр. 81), Петра Куракина (стр. 79) и Бориса Тулупова (стр. 81), которые въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими [5]), т. е., какъ мы доказали, были казнены.

[1]) Предисловіе Устрялова въ Сказаніяхъ, стр. 371—372.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 2, стр. 268.

[3]) О смерти первыхъ четырехъ см. Александро-Невскую лѣтопись (стр. 258). О погибели послѣдняго читаемъ въ Новгородской третьей лѣтописи: «Въ лѣто 7077 (1569), генваря въ 6 день, на Крещеніе Господне, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Росіи уби брата своего... князя Владиміра Старицкаго» (П. С. Р. Л. т. III, стр. 253).

[4]) Въ одномъ наказѣ читаемъ: «А нѣчто вспросятъ про князя Петра Горенскаго, чего для его царь и великій князь казнилъ, и Ѳедору Ивановичу молвити»..., а въ другомъ: «А нѣчто вспросятъ, почему государь вашъ казнилъ казначея Микиту Фуникова, печатника Ивана Михайловича (Висковатаго).... и князю Ивану и князю Григорью съ товарищи говорити».... Карамзинъ, прим. 143 и 299 къ IX тому.

[5]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50—51, 53—54.

Можно было бы, пожалуй, согласиться съ Е. Бѣловымъ, что „синодикамъ оказано излишнее довѣріе“, если бы онъ, на основаніи другихъ заслуживающихъ довѣрія (исключаемъ отсюда Послужной списокъ, о неисправностяхъ котораго выше говорили) источниковъ, доказалъ, что не погибъ насильственной смертью хотя одинъ человѣкъ изъ тѣхъ опальныхъ, которые переименованы въ синодикѣ, но, какъ мы видѣли, другіе достовѣрные источники подтверждаютъ показанія синодика; и безпристрастный изслѣдователь только можетъ пожалѣть, что синодикъ Іоанновъ, представлявшій собою выпись изъ подлинныхъ государевыхъ книгъ, гдѣ были записаны имена опальныхъ именами, прозваніями и чинами, не дошелъ до насъ въ вполнѣ исправномъ видѣ.

Достовѣрность показаній иностранныхъ источниковъ, какъ оказывается, еще въ бо́льшей степени заподозрѣна нашими изслѣдователями.

Называя Гваньини, Одерборна, Таубе и Крузе явными врагами и недоброжелателями Іоанна, Арцыбашевъ отказывается придавать ихъ сообщеніямъ какую-либо достовѣрность [1]). Относительно этихъ же писателей Кн. Бестужевъ-Рюминъ высказывается такъ: „Двое слугъ Грознаго царя въ Александровской слободѣ Елертъ Крузе и Іоганъ Таубе, измѣнивъ и перешедши на службу польскую, представили записку Курляндскому Герцогу Кетлеру въ 1572 году. Въ этой запискѣ они старались, сколько могли, очернить Русскаго царя. Видѣли они, конечно, много, но зная, что они переходили отъ одной стороны къ другой, едва ли можно придавать ихъ разсказамъ значеніе несомнѣннаго документа. Также мало значенія можно придавать разсказамъ итальянца Александра Гваньини (р. 1538 † 1614), бывшаго на службѣ у Стефана Баторія и въ своихъ объемистыхъ компиляціяхъ помѣстившаго свѣдѣнія о Москвѣ. Они послужили источникомъ для „Жизни Іоанна Васильевича“, написанной пасторомъ Одерборномъ, жившимъ сначала въ Ковно, а потомъ въ Ригѣ и Митавѣ“ [1]). Е. Бѣловъ въ своей статьѣ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“, замѣчая, что необходимо историкамъ „строже разобрать иностранные источники, касающіеся исторіи Грозн-

---

[1]) Арцыбашевъ, кн. IV, отд. I, прим. 1855, 1898, 1912.

[2]) «Русская Исторія», т. I, стр. 183—184.

наго", довольствуется лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями: Гваньини „писалъ явно, по его словамъ, въ угоду Баторію, у котораго служилъ"; памфлетнаго характера книжечка Одерборна не заслуживаетъ также особеннаго вниманія, потому что онъ былъ „большой поклонникъ Баторія и, конечно, писалъ съ такою же цѣлью, какъ и Гваньини, то-есть, съ цѣлью вооружить общественное мнѣніе въ Европѣ противъ врага польскаго короля"; относительно Таубе и Крузе онъ, со словъ Эверса, издателя ихъ письма, повторяетъ, что, „желая извинить себя или совсѣмъ оправдаться въ глазахъ Кетлера, они грѣхами царя, которому измѣнили, старались прикрыть свой собственный позоръ" [1]).

Однако, необходимо замѣтить, что, если пристрастіе писателя неопровержимо доказано, то это обстоятельство даетъ право изслѣдователю подозрѣвать въ его сообщеніяхъ только извѣстную долю преувеличенія и неправильную окраску фактовъ, но отвергать его сообщенія и признавать ихъ незаслуживающими довѣрія безпристрастный изслѣдователь рѣшится только послѣ тщательной провѣрки и разбора.

Между тѣмъ, какъ оказывается, наши изслѣдователи удовлетворялись только тѣмъ, что подчеркивали пристрастіе къ Баторію Гваньини и Одерборна и вражду Таубе и Крузе къ Іоанну, но никто не взялъ на себя труда провѣрить сообщенія этихъ писателей.

Мы также не беремъ на себя труда восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, такъ какъ подобная работа можетъ служить темой для отдѣльной монографіи и завела бы насъ слишкомъ далеко; наша задача гораздо скромнѣе: мы провѣримъ указанія Гваньини, Одерборна, Таубе и Крузе относительно того, кто былъ казненъ Іоанномъ, свидѣтельствами нашихъ достовѣрныхъ источниковъ и этимъ покажемъ, въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія историка.

Въ сочиненіи Гваньини [2]) говорится о казни Ивана Петровича Челяднина и Владиміра Морозова, дерзнувшаго похоронить трупъ казненнаго слуги Курбскаго (pp. 30, 38); и мы знаемъ, что эти лица

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 2, стр. 258, 260—261.

[2]) Сочиненіе Александра Гваньини изъ Вероны (Veronіensis), озаглавленное Omnium regionum Moscoviae Descriptio, помѣщено въ 1 томѣ сборника Старчевскаго (pp. 48) Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri.

дѣйствительно погибли насильственной смертью, такъ какъ отмѣчены въ Послужномъ спискѣ выбывшими [1]). Гваньини также указываетъ, что были казнены Казаринъ Дубровскій съ двумя сыновьями и Петръ Серебряный (pp. 31, 41); и тотъ и другой поименованы въ синодикѣ, а значитъ, какъ мы доказывали, дѣйствительно были казнены царемъ [2]). Согласіе Гваньини съ синодикомъ не ограничивается только этимъ, такъ какъ въ описаніи казней 1570 года онъ буквально какъ будто повторяетъ синодикъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго сопоставленія этихъ нашихъ источниковъ:

„appellabatur *Ioannes Michaelovicz Viskovaty*... Iussit secundo loco produci in Theatrum suum Thesaurarium, cui nomen erat *Michael Funichow*... Deinde jussit adduci quendam *Georgium Czapkin cum uxore et liberis*... Deinde productus est alter secretarius, cui nomen *Ioannes Bulhakow*, qui fuit una *cum uxore et liberis* capite truncatus... Tunc jubet educi et secretarium suum *Basilium Stepanow*... (Moscoviae Descriptio, pp. 43—45).

„Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго, Василія Стефанова съ женою и двема сыны, Ивана съ женою и дочерью, Григорія Шапкина съ женою, дочерью и съ двема сыны“... (Кирилловскій Синодикъ, стр. 65).

Это замѣчательное сходство столь различныхъ источниковъ, какъ разсказы иностранца и показанія оффиціальнаго синодика, бывшаго выписью изъ государевыхъ книгъ, служитъ не только къ полному удостовѣренію факта казни тѣхъ или другихъ лицъ, но, что̀ для насъ теперь важнѣе, позволяетъ рѣшительно не согласиться съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, что „также мало значенія можно придавать разсказамъ итальянца Александра Гваньини“.

Все сказанное относительно Гваньини имѣетъ приложеніе къ Одерборну [3]), такъ какъ изложеніе казней Іоанновыхъ у послѣдняго не только сходится въ подробностяхъ и мелочахъ съ разсказомъ Гваньини, но даже идетъ въ той же послѣдовательности.

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46, 48.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 3, 55.

[3]) Сочиненіе Павла Одерборна, озаглавленное Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita, помѣщено у Старчевскаго см. Scriptores Exteri, t. II, pp. 189—267.

Основываясь, вѣроятно, на этомъ сходствѣ, К. Бестужевъ-Рюминъ высказываетъ предположеніе, что сочиненіе Гваньини послужило для Одерборна источникомъ, но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ при всемъ сходствѣ замѣчаются важныя отличія, не допускающія мысли о томъ, что Одерборнъ списывалъ Гваньини: 1) послѣдній разсказываетъ объ одновременной казни двоюроднаго брата царя и его жены, не называя ихъ по имени (p. 40), но Одерборнъ, называя неправильно этого брата Юріемъ, говоритъ, что сначала онъ былъ казненъ, а потомъ уже его жена (pp. 232—233); 2) Одерборнъ менѣе подробно разсказываетъ о казни Дмитрія Овчинина, князя Ростовскаго, Ивана Петровича Ѳедорова (pp. 227—228). Висковатаго и Фуникова (p. 231), чѣмъ Гваньини (см. pp. 28—30, 43—45); 3) совершенно не упоминаетъ о казни какого-то Василія Дмитріевича и Владиміра Морозова (Гваньини, p. 38); 4) называетъ Владиміромъ Казаринымъ (p. 234) того знатнаго человѣка, о которомъ Гваньини разсказываетъ (p. 32), что онъ хотѣлъ истолкованіемъ своего сна добиться у Іоанна освобожденія изъ тюрьмы, и 5) подробно разсказываетъ о протестѣ знатныхъ лицъ съ бояриномъ Телятевскимъ во главѣ противъ безжалостнаго преслѣдованія лицъ высшаго сословія (pp. 233—234), тогда какъ Гваньини упоминаетъ только о фактѣ протеста, не указывая даже главнаго дѣйствующаго лица (p. 33).

Какъ бы ни были ничтожны эти отличія, но они указываютъ скорѣе на то, что у Одерборна и Гваньини былъ общій источникъ, котораго они держались довольно близко, но все же въ результатѣ получились нѣкоторыя отличія субъективнаго характера: одному компилятору показалось интереснымъ распространиться объ одномъ болѣе подробно, другому же о другомъ; гдѣ одинъ счелъ лишнимъ приводить имена дѣйствующихъ лицъ, другой тамъ нашелъ нужнымъ ихъ назвать.

Это объясненіе сходства въ изложеніи Одерборна и Гваньини находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что мы знаемъ объ Одерборнѣ изъ его собственнаго сочиненія.

Какъ оказывается, Одерборнъ былъ знакомъ съ славяно-русскимъ языкомъ настолько, что могъ перевести съ этого языка на латинскій трактатъ Рокиты, представленный этимъ лютеранскимъ проповѣдни-

комъ Іоанну [1]); ему королевскій секретарь показывалъ письма царя къ Стефану Баторію [2]); о смерти Іоанна онъ разсказывалъ со словъ заслуживающихъ вѣры людей [3]); въ Гроднѣ, куда онъ пріѣзжалъ для переговоровъ съ королемъ о важныхъ дѣлахъ, ему показывали письмо Сапѣги въ которомъ обсуждался вопросъ о средствахъ и способахъ борьбы съ московскимъ царемъ [4]), а въ своемъ домѣ Одерборнъ пріютилъ нѣсколькихъ человѣкъ, бывшихъ въ плѣну московскомъ [5]).

Такимъ образомъ, какая была надобность Одерборну списывать у Гваньини, когда онъ владѣлъ русскимъ языкомъ, когда ему были доступны тайныя оффиціальныя бумаги, когда притомъ разсказы пріютившихся у него лицъ, бывшихъ въ московскомъ плѣну, могли служить для него добавочнымъ матеріаломъ! Гораздо естественнѣе, въ виду всего вышесказаннаго, прійти къ заключенію, что въ основу разсказа Гваньини и Одерборна о казняхъ Іоанновыхъ легло какое-то неизвѣстное намъ сочиненіе, написанное или на русскомъ, или на латинскомъ языкѣ, сочиненіе, которымъ пользовались эти писатели каждый по своему.

Весьма можетъ быть, что въ основу изложенія Гваньини и Одерборна легла оффиціальнаго характера записка, представленная Стефану Баторію, въ которой канцлеръ Сапѣга, по словамъ Одерборна, подробно и точно описывалъ нравы московскаго царя (barbari Principis mores exacte delineabat) и говорилъ о средствахъ успѣшной съ нимъ борьбы [6]).

Какъ бы то ни было, но замѣчательное сходство, которое мы подмѣтили между царскимъ синодикомъ и сообщеніями Гваньини, и,

[1]) reique adeo omnem in longa disputatione tractatum scripto comprehendi jussit (Іоаннъ), quod nos (Одерборнъ) *de Slavonico sermone conversum* Latina civitate donavimus (p. 213).

[2]) Literas ad Stephanum Regem... quas Paulus Oderbornius, qui haec conscripsit, a regio secretario acceptus recitari etiam audivit (p. 255).

[3]) ego certe haud obscuris ex relatione prestantium hominum innixus testimoniis, rem quidem rarissime auditam, sed veram me commemorare scio (p. 260).

[4]) Sapieha deinde litteras ad Regem fecit, quas ego Grodnae vidi et quibus ille *barbari Principis mores exacte delineabat*, docebatque simul quibus modis esset enitendum, ut Mosci in tanto cardine omni imperio et dominatione exsuerentur. Cum haec a Moscovia in Lithuaniam nuntiarentur, Grodnam profectus eram, ut *gravibus quibusdam de rebus Serenissimi Regis nostri sententiam* coram intelligerem, a quo cum *clementissime auditus et dimissus* essem... (p. 265).

[5]) Captivos vinculis solvit, quorum non paucos nobili etiam genere natos et stipem rogantes mea in domo habui (p. 267).

[6]) Одерборнъ, p. 265.

слѣдовательно, Одерборна, должно заставить нашихъ изслѣдователей, какъ смѣемъ надѣяться, относиться къ этимъ писателямъ снисходительнѣе и съ бо́льшимъ довѣріемъ.

Что же касается письма Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру [1]), то слѣдуетъ замѣтить, что казнь князя Александра Горбатаго и его 15-лѣтняго сына, князя Петра Горенскаго (SS. 196—197), Ивана Петровича Ѳедорова (S. 206), князя Петра Серебрянаго (S. 207), Владиміра Старицкаго (SS. 213—218), Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго (S. 225), Ивана Петровича Яковлева (S. 230) засвидѣтельствована лѣтописями, наказными рѣчами и Послужнымъ спискомъ [2]); затѣмъ, казнь Никиты и Василія Оболенскихъ (S. 197), Хозяина Тютина съ женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми (S. 206), Петра Щенятева, Владиміра Курлятева (S. 207), Ѳеодора Салтыкова (S. 230), о которыхъ упоминается въ томъ же письмѣ, не подлежитъ сомнѣнію, ибо имена всѣхъ этихъ лицъ встрѣчаются въ синодикѣ [3]), такъ что непровѣренной и неподтвержденной достовѣрными источниками остается только казнь нѣсколькихъ лицъ, имена которыхъ переданы въ нѣмецкой транскрипціи такъ плохо, что трудно догадаться объ ихъ русскомъ наименованіи.

Итакъ, послѣ краткаго разбора этихъ иностранныхъ писателей, болѣе или менѣе подробно останавливающихся на описаніи эпохи казней Іоанновыхъ, мы приходимъ къ заключенію, что они заслуживаютъ гораздо бо́льшаго довѣрія со стороны безпристрастнаго изслѣдователя, и несправедливо, основываясь лишь на томъ, что они враги или враждебно къ Іоанну относятся, не придавать ихъ словамъ никакого значенія, а ихъ сочиненія выключать почти совершенно изъ числа заслуживающихъ довѣрія источниковъ исторіи Іоанна тѣмъ болѣе, что послѣдняя богатствомъ таковыхъ не отличается и необходимо поэтому воспользоваться всякимъ скуднымъ словомъ, дошедшимъ до насъ отъ той отдаленной поры, всякимъ звукомъ, долетѣвшимъ до насъ изъ той, къ счастью, давноминувшей жизни.

---

[1]) Полное заглавіе этого письма слѣдующее: Zar' Iwan der Grausame Sendschreiben an Gothard Kettler Herzog zu Kurland und Semgallen, von Iohann Taube und Elert Kruse (1572). Оно было издано Эверсомъ въ 1816 г. въ сборникѣ (SS. 187—238) Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte.

[2]) Алекс.-Нев. Лѣт. стр. 258; Новг. Третья Лѣт. стр. 253; Карамзинъ, т. IX, прим. 143 и 299; Древн. Вивл. т. XX, стр. 47—48, 50.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 84, 8, 64, 14, 84.

Разумѣется, изслѣдователь, для котораго дорога историческая истина сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тому, пріятна ли она или непріятна его самосознанію, согласуется ли она или нѣтъ съ его взглядомъ, сложившимся какъ-либо подъ вліяніемъ обстоятельствъ побочныхъ и неимѣющихъ ничего общаго съ наукою, долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы ложныя слова врага не провозгласить исторической дѣйствительностью и не отвергнуть въ то же время правдиваго показанія только потому, что оно передано врагомъ. Чтобы сохранить равновѣсіе и не впасть ни въ ту, ни въ другую ошибку, необходимо руководиться такими, какъ кажется, основательными пріемами: 1) провѣрять показанія Курбскаго о казняхъ и лицахъ казненныхъ по возможности только вполнѣ достовѣрными источниками (лѣтописи, наказныя рѣчи, синодикъ и оффиціальные акты), пользуясь иностранными источниками только какъ дополнительнымъ матеріаломъ; 2) если же какое-либо свидѣтельство Курбскаго будетъ подтверждаться лишь однимъ изъ вышеуказанныхъ иностранныхъ писателей, то можно принимать его за достовѣрное и доказанное, основываясь не только на томъ, что эти писатели, какъ мы доказывали, заслуживаютъ гораздо бо́льшаго довѣрія, чѣмъ сколько имъ оказывается, но главнымъ образомъ—на томъ соображеніи, что свидѣтельство, переданное согласно двумя источниками, между которыми, какъ въ этомъ случаѣ, невозможно установить никакого взаимодѣйствія и—вліянія, пріобрѣтаетъ въ свою пользу значительную долю несомнѣнности.

II. Какъ мы упоминали, изложеніе Курбскаго не даетъ возможности опредѣлить послѣдовательность казней и указать время ихъ совершенія.

Между тѣмъ, необходимость вести обозрѣніе историческихъ событій въ хронологической послѣдовательности и желаніе объяснить мотивы отдѣльныхъ казней связью съ современными событіями и отношеніями побудили Карамзина, а вслѣдъ за нимъ Соловьева, распредѣлить главнѣйшія казни, о которыхъ говорятъ наши источники, извѣстными группами.

Карамзинъ указываетъ 6 эпохъ казней; это дѣленіе и распредѣленіе усвоено было и Соловьевымъ съ той только разницей, что его изложеніе менѣе подробно, такъ какъ онъ не упоминаетъ о многихъ казняхъ, о которыхъ говоритъ Карамзинъ, и сокращаетъ по возможности самый обзоръ ихъ.

Положивъ въ основаніе нашего изложенія распредѣленіе казней, введенное Карамзинымъ и принятое Соловьевымъ, возможно будетъ не только представить разборъ этой части сочиненія Курбскаго, но и указать слабыя стороны и неправильности какъ въ распредѣленіи казней, такъ и въ объясненіи ихъ мотивовъ.

Разсказывая о казни одной вдовы Маріи съ пятью сыновьями, Данила Адашева съ сыномъ, трехъ Сатиныхъ, Ивана Шишкина, князя Михаила Репнина, князя Юрія Кашина, князя Димитрія Курлятева съ семействомъ, Никиты Шереметева и преслѣдованіи Ивана большого Шереметева со словъ Курбскаго, а о погибели князя Дмитрія Овчинина со словъ Гваньини и Одерборна [1]), Карамзинъ всѣ эти событія относитъ къ эпохѣ первыхъ казней, совершенныхъ будто въ періодъ времени 1560—1561 гг. (эти годы стоятъ вверху страницы) [2]). Соловьевъ поступаетъ правильнѣе, хотя также о всѣхъ этихъ казняхъ разсказываетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и Карамзинъ: разсказавъ о казни и преслѣдованіяхъ родственниковъ Алексѣя Адашева, онъ говоритъ объ умерщвленіи Репнина, Юрія Кашина и Овчинина какъ о примѣрахъ, которые выставляютъ въ доказательство нравственной порчи Іоанна, упоминаетъ о постриженіи Дмитрія Курлятева съ семействомъ и ихъ удавленіи и заканчиваетъ это обозрѣніе, выражая сомнѣніе относительно насильственной смерти Никиты Шереметева [3]).

Мы говоримъ—правильнѣе, потому что нельзя относить къ эпохѣ первыхъ казней гибель боярина Михаила Репнина, Юрія Кашина и Никиты Шереметева, которые, по свидѣтельству Послужного списка, скончались въ 1565 году [4]), но все-же напрасно Соловьевъ, слѣдуя Карамзину, сгруппировалъ вмѣстѣ всѣ эти казни, совершенныя въ различное время [5]).

---

[1]) Гваньини, p. 28; Одерборнъ, p. 227.

[2]) Карамзинъ, т. IX, стр. 11—12.

[3]) Соловьевъ, т. VI, стр. 198—202.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46 - 47.

[5]) Самъ Соловьевъ чувствовалъ эту неловкость, какъ видно изъ того, что, разсказавъ о казни Репнина и Кашина, онъ прибавилъ: «Мы сочли себя въ правѣ упомянуть здѣсь объ этихъ казняхъ потому, что Курбскій въ первомъ посланіи своемъ къ царю уже говоритъ: «Зачѣмъ ты святую кровь воеводъ своихъ въ церквахъ Божіихъ пролилъ, зачѣмъ мученическою ихъ кровью пороги церковные обагрилъ?» Іоаннъ, въ отвѣтъ на это, не отрицая казней, говоритъ однако: «Крови въ церквахъ никакой мы не проливали и пороговъ церковныхъ кровью не

Въ основу разсказа Карамзина и Соловьева о первой эпохѣ казней легло изложеніе нашего писателя.

Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Адашева и удаленіи Сильвестра „воскурилось, по словамъ Курбскаго, гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся“: была казнена Марія Магдалина съ пятью своими сыновьями, оклеветанная передъ царемъ, какъ „чаровница и Алексѣева согласница“, казненъ былъ Иванъ Шишкинъ, родственникъ Адашева, а два-три года спустя той же участи подвергнулись Данило Адашевъ съ 12-лѣтнимъ сыномъ, тесть Данила, Петръ Туровъ, также Ѳедоръ, Алексѣй и Андрей Сатины, на сестрѣ которыхъ былъ женатъ Алексѣй Адашевъ (стр. 79—80).

О смерти всѣхъ этихъ лицъ мы не имѣемъ никакихъ рѣшительно извѣстій; знаемъ только, что въ 1562 году въ Стародубѣ былъ воеводою какой-то Иванъ Ѳедоровичъ Шишкинъ [1]), что Алексѣй Сатинъ въ 1560 году былъ воеводою въ Мценскѣ [2]), что Данило Адашевъ, у котораго былъ сынъ Торхъ [3]), былъ въ 1559 г. пожалованъ въ окольничіе [4]), и что въ синодикѣ упоминаются, т. е. казнены были Андрей Шишкинъ съ женою и Петръ Шишкинъ [5]), но, какъ совершенно основательно замѣчаетъ Соловьевъ, мы имѣемъ право принять показаніе Курбскаго, потому что „Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія (?) совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ“ [6]).

Казнь молодого князя Димитрія Овчинина, упоминаемаго въ по-

обагряли» (стр. 200). Однако, эта оговорка не устраняетъ неловкости, такъ какъ царь отвѣчалъ Курбскому въ іюлѣ 1564 года и не могъ имѣть въ виду Репнина и Кашина, которые погибли въ 1565 году.

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 324.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 304.

[3]) Прим. 118 Устрялова къ Сказаніямъ.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 43.

[5]) Кирилловскій синодикъ, стр. 36 и 84.

[6]) Соловьевъ, т. VI, стр. 198. Здѣсь авторъ «Исторіи Россіи» имѣетъ въ виду, вѣроятно, слѣдующія слова Іоанна въ первомъ письмѣ къ Курбскому: «исперва же убо казнію конечною ни единому коснухомся; всѣмъ же убо, иже къ нимъ не приставши, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися... и понеже убо имъ наша заповѣдь ни во чтожъ положиша и крестное цѣлованіе преступивше, не токмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша имъ помогати и всячески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити... сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ пріяли... сего ради повинные пріяша казнь по своимъ винамъ»... (Сказанія, стр. 167—168), а также слова изъ того же письма: «избіенные и заточенные вси пріяша по своимъ винностемъ» (Тамъ же, стр. 189).

слѣдній разъ въ разрядахъ 1563 года, когда царь шелъ на Полоцкъ, въ числѣ придворныхъ („за государемъ ѣздилъ“) [1]), казнь, о которой говоритъ Курбскій (стр. 80—81), находитъ себѣ подтвержденіе у Гваньини и Одерборна [2]). Казнь Михаила Репнина и Юрія Кашина не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ ихъ имена стоятъ рядомъ въ синодикѣ [3]).

Желая привлечь и расположить къ себѣ Михаила Репнина, царь, по словамъ Курбскаго, пригласилъ его на пиръ. Когда, отуманенные винными парами, царь и всѣ его гости надѣли маски и принялись плясать, Репнинъ началъ со слезами говорить, что христіанскому государю это не приличествуетъ; въ отвѣтъ на это, Іоаннъ шутливо пригласилъ его принять участіе въ общемъ веселіи и сталъ прилаживать къ его лицу маску; воспитанный въ старозавѣтныхъ правилахъ, бояринъ сорвалъ маску и растопталъ ее ногами: „не буди ми, сказалъ онъ, се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину сущу мужу“; разгнѣванный царь прогналъ Репнина, а черезъ нѣсколько дней приказалъ заколоть въ церкви, возлѣ алтаря, во время чтенія евангелія на всенощномъ бдѣніи. Князя же Юрія Кашина, по словамъ Курбскаго, царь приказалъ умертвить въ ту же ночь: его убили на церковной паперти, когда онъ шелъ на утреннюю молитву (стр. 81).

Князя Димитрія Курлятева, по словамъ Курбскаго, царь приказалъ съ женою и дѣтьми постричь насильно въ монашество, а черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ удавить (стр. 82). Насильственное постриженіе Курлятева и его всей семьи только правдоподобно: правда, въ ящикѣ 214 царскаго архива хранились „отписки о князѣ Дмитріи Курлятевѣ, его княгинѣ и дочеряхъ въ Каргополь, въ Челмскій монастырь“ [4]), но извѣстно, что монастыри тогда служили мѣстами ссылки. Хотя въ Послужномъ спискѣ Курлятевъ показанъ умершимъ въ 1562 году [5]), но мы имѣли случай замѣтить, что

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 332.

[2]) Гваньини, p. 28; Одерборнъ, p. 227.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 78; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 99.

[4]) Акт. Арх. Эксп. I, № 289. См. также (Карамзинъ, т. IX, прим. 36) выписку изъ Архивной Переписной книги, № 2, л. 420—425, гдѣ сказано: «Столпикъ, а въ немъ Государева грамота... о князѣ Дмитреѣ Курлятевѣ, какъ велѣно его везти въ монастырь къ Спасу на Волокъ»...

[5]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 44.

такъ сплошь и рядомъ обозначаются казненные; разсказъ же о насильственной смерти Курлятева и его семьи заслуживаетъ полнаго довѣрія: Іоаннъ считалъ его главнымъ приверженцемъ Сильвестра и не упускалъ случая попрекнуть его поведеніемъ въ своихъ письмахъ къ Курбскому [1]).

Еще въ началѣ своихъ преслѣдованій и казней Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, посадилъ Ивана большого Шереметева въ узкую тюрьму и приказалъ оковать его цѣпями, а къ бедрамъ придѣлать желѣзный обручъ, съ привѣсомъ 10 пуд. желѣза; когда въ эту тюрьму пришелъ Іоаннъ и допытывался съ угрозами, гдѣ его богатства, бояринъ отвѣтилъ, что они руками нищихъ перенесены въ небесную сокровищницу, и продолжалъ, какъ разсказываетъ Курбскій, мудро и основательно бесѣдовать; смягчившись подъ вліяніемъ этой бесѣды, царь облегчилъ тяжесть заточенія, но все-же въ тотъ день велѣлъ удавить его брата, боярина Никиту Шереметева; поживши еще нѣсколько лѣтъ при дворѣ (Курбскій, однако, не говоритъ объ его освобожденіи изъ тюрьмы, полагая, вѣроятно, что это само собою вытекаетъ изъ разсказа), Иванъ Шереметевъ раздалъ послѣднее свое имущество, удалился въ одинъ изъ монастырей и принялъ постриженіе (стр. 92—93).

О Никитѣ Шереметевѣ знаемъ, что въ 1562 году онъ начальствовалъ лѣвой рукой въ походѣ изъ Дерпта къ Тарвасу и отмѣченъ въ Послужномъ спискѣ умершимъ въ 1565 году [2]), но извѣстіе Курбскаго о насильственной его смерти не находитъ подтвержденія въ другихъ источникахъ. Что же касается Ивана большого Шереметева, то источники даютъ почти полное подтвержденіе свидѣтельства нашего писателя: 8 марта 1564 года съ него была взята поручная запись за ручательствомъ многихъ лицъ, обязавшихся внести 10 тыс. рублей на случай его отъѣзда или побѣга, а въ апрѣлѣ того же года онъ былъ на берегу Оки первымъ воеводою правой руки [3]); участвовалъ въ засѣданіяхъ земскаго собора, приго-

---

[1]) См. отзывы царя въ его письмахъ: 1) «единомышленника своего, князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сигклитію припустилъ»; 2) «явлено, еже Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго» и 3) «А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой!» См. Сказанія, стр. 164, 166, 195.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 320; т. XX, стр. 46.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I, №№ 180, 181; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 350.

ворившаго не уступать Лифляндіи и стоять за нее, и его подпись видимъ на этомъ приговорѣ, писанномъ 2-го іюля 1566 года [1]), неправильно отмѣченъ въ Послужномъ спискѣ умершимъ въ 1570 г., такъ какъ изъ грамоты Іоанна къ Козьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, грамоты, писанной около 1578 года, видно, что Шереметевъ, въ монашествѣ принявшій имя Іоны, былъ тогда еще живъ: „а Іону Шереметева, пишетъ царь, никто въ зашеекъ не билъ: зачѣмъ же безчинствуетъ?“ [2]).

Вторая эпоха казней, по словамъ Карамзина, открылась при введеніи опричнины, послѣ знаменитаго отъѣзда Іоанна въ Александровскую слободу. Тогда, по его словамъ, 4 февраля 1565 года были казнены: князь Александръ Горбатый-Шуйскій съ сыномъ Петромъ, шуринъ Горбатаго Петръ Ховринъ, окольничій Головинъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Петръ Горенскій и князь Дмитрій Шевыревъ. Извѣстно, что въ наказѣ Колычеву, отправляемому къ польскому королю въ 1565 году, было приказано на разспросы о послѣднихъ казняхъ отвѣчать, что казнены совѣтники Курбскаго, такъ какъ они вмѣстѣ съ послѣднимъ „умышляли всякое лихое дѣло“ противъ царскаго семейства, а Петра Горенскаго будто-бы поймали на отъѣздѣ въ Литву [3]).

Карамзинъ не придаетъ значенія этимъ оправданіямъ и заявленіямъ Іоанна, но Соловьевъ, упоминая о казни этихъ же лицъ, говоритъ, что они были казнены „какъ совѣтники Курбскаго, умышлявшіе съ нимъ на государя, жену и дѣтей его всякія лихія дѣла, и что князь Горенскій былъ пойманъ на отъѣздѣ“ [4]).

Зная истинную причину опалы на Курбскаго и другихъ приверженцевъ Сильвестра и Адашева, слѣдуетъ признать, что Соловьевъ оказалъ слишкомъ много довѣрія оффиціальнымъ заявленіямъ, о характерѣ которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить далѣе.

Казнь всѣхъ этихъ, кромѣ Ховриныхъ, лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію: 1) о казни Александра Горбатаго съ сыномъ Петромъ, Петра Головина, князя Ивана Кашина, князя Дмитрія Ше-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I, № 192, стр. 547, 556.
[2]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50; Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 384, 394.
[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 141, 143.
[4]) Карамзинъ, т. IX, стр. 47—48; Соловьевъ, т. VI, стр. 217.

вырева говоритъ лѣтопись [1]), 2) казнь князя Петра Горенскаго, какъ мы видѣли, удостовѣрена въ наказной рѣчи Колычеву; 3) имена Александра Горбатаго и сына его Петра, Петра Головина, Ивана Кашина, Петра Горенскаго стоятъ въ синодикѣ [2]); 4) въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими Александръ Горбатый и Петръ Горенскій [3]); 5) Таубе и Крузе пишутъ, что князь Александръ Горбатый и его 15-лѣтній сынъ были обезглавлены, а князь Петръ Горенскій повѣшенъ [4]).

Совсѣмъ не упоминая о казни князя Петра Горенскаго и Петра Головина, Курбскій говоритъ, что князь Иванъ Кашинъ былъ убитъ, князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ и скончался, распѣвая псалмы, а князю Александру Горбатому и его 17-лѣтнему сыну отсѣкли головы (Курбскій, со словъ очевидцевъ, передаетъ трогательный разговоръ между отцемъ и сыномъ, который первымъ хотѣлъ лечь на плаху, но уступилъ очередь своему отцу, непожелавшему видѣть его казни), а въ одинъ день съ ними были казнены Петръ Ховринъ, шуринъ Горбатаго, и Михаилъ Петровичъ, братъ Петра Ховрина (стр. 81—83).

Какъ мы видѣли, насильственная смерть всѣхъ этихъ лицъ, исключая Ховриныхъ, удостовѣрена и подтверждается нашими источниками; весьма правдоподобно извѣстіе и о казни Ховриныхъ въ виду того, что они были родственниками князя Александра Горбатаго, самаго выдающагося лица изъ числа казненныхъ въ февр. 1565 г.

Разсказъ о „третьей эпохѣ убійствъ“ Карамзинъ начинаетъ изложеніемъ существеннаго содержанія отвѣтныхъ грамотъ князей Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго и конюшаго Ивана Петровича Ѳедорова на тѣ листы короля польскаго, которые были вручены тайно этимъ боярамъ [5]).

Эти грамоты, изданныя Новиковымъ подъ заглавіемъ: „Отвѣтныя грамоты къ польскому королю Сигизмунду—Августу и къ гетману литовскому Хоткевичу отъ четырехъ главнѣйшихъ россійскихъ

---

[1]) Алекс.-Невск. Лѣт. стр. 258.
[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 78, 83; Спасоприлуцкій синод. стр. 99.
[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 47.
[4]) Таубе и Крузе, стр. 196—197.
[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 57—58.

бояръ“ [1]), всѣ помѣчены 1567 годомъ (іюлемъ и августомъ) и буквально тождественнаго содержанія въ главныхъ своихъ частяхъ.

Какъ оказывается, королевскія грамоты были вручены боярамъ бывшимъ слугою князей Воротынскихъ, какимъ-то Иваномъ Петровичемъ Козловымъ [2]). Издѣвался надъ королемъ, котораго бояре называютъ „прокураторомъ, фальшеромъ и лотромъ“ [3]), князь Михаилъ Воротынскій въ отвѣтной грамотѣ изъявляетъ желаніе перейти съ своими товарищами на его службу, если онъ ему дастъ Новгородокъ Литовскій, Витебскъ, Минскъ, Могилевъ и всѣ города по Днѣпру, кромѣ Кіевскаго повѣта, Волынскую и Подольскую земли, князю Бѣльскому—великое княжество Литовское и русскія земли, князю Мстиславскому—Трокскую, Берестейскую, Прусскую и Жмудскую земли, а себѣ оставитъ только Польское королевство, и далѣе рисуетъ съ самой злой ироніей такую картину: „мы всѣ, соединяясь такъ съ тобою, нашимъ братомъ, будемъ пребывать между собою въ братствѣ и любви, находясь подъ высшимъ покровительствомъ (голдомъ) великаго царскаго самодержства, а царь милостивъ къ христіанству, для своихъ подданныхъ противъ недруговъ не щадитъ своей жизни, въ силахъ оборонить тебя и насъ отъ турокъ, крымскаго хана, цесаря и другихъ иноземцевъ, и будетъ блюсти надъ нашимъ покоемъ и безопасностью“ [4]).

Карамзинъ сомнѣвается въ подлинности королевскихъ грамотъ и предполагаетъ, что Іоаннъ самъ составилъ ихъ для испытанія вѣрности бояръ: „если государь, пишетъ историографъ, составленіемъ мнимыхъ королевскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность бояръ своихъ, то она симъ случаемъ была доказана въ его глазахъ“ [5]).

Съ этимъ предположеніемъ Карамзина нельзя согласиться. Тождественность содержанія во всѣхъ отвѣтныхъ грамотахъ указываетъ на то, что онѣ писались боярами совмѣстно и съ вѣдома царя, но сверхъ того имѣются другія данныя, неопровержимо, какъ намъ кажется, доказывающія, что авторомъ этихъ отвѣтовъ былъ самъ Іоаннъ. Злая иронія и сильныя выраженія въ этихъ отвѣтныхъ письмахъ наводятъ

---

[1]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 20—76.
[2]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 21, 35, 42—43.
[3]) Древн. Вивл. стр. 23, 30, 34, 40, 46, 54, 70.
[4]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 52—53.
[5]) Карамзинъ, т. IX, стр 58.

невольно на эту мысль, которая подтверждается нижеприводимымъ параллельнымъ сравненіемъ излюбленныхъ общихъ мыслей Іоанна въ несомнѣнно принадлежащихъ ему письмахъ съ такими же выраженіями въ отвѣтныхъ грамотахъ бояръ польскому королю:

1) „а государство свое бережетъ крѣпко отъ всякаго лиха, а виноватыхъ и израдецъ (т. е. измѣнниковъ) вездѣ казнятъ".
(Грамоты, стр. 24, 36).

1) „а измѣнникамъ вездѣ казнь и опала бываетъ"... „а въ иныхъ земляхъ израдецъ не любятъ: казнятъ ихъ"... „подвластнымъ своимъ благимъ убо благая подаемъ, такожде и злымъ злая"...
(Сказанія, стр. 180, 157, 189).

2) „а гдѣ государской воли надъ собою не имѣютъ, тутъ яко пьяны шатаются".
(Грамоты, стр. 27, 38).

2) „тогда убо еже отъ тебѣ нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ".
(Сказанія, стр. 166).

3) „наши государи отъ Великаго Владиміра, просвѣтившаго сю землю русскую святымъ крещеніемъ, и до нынѣшняго государя нашего ихъ вольное царское самодержство николи непремѣнно, а на государствѣ и никѣмъ не посажены и необдержимы, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ государи самодержствуютъ".
(Грамоты, стр. 47—48).

3) „самодержство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ... дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержавія русскаго царствія... не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства... воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое всяхомъ...
(Сказанія, стр. 136—136).

4) „нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство, а нашимъ великимъ государемъ не указываетъ никто".
(Грамоты, стр. 47).

4) россійское самодержство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи".
(Сказанія, стр. 141).

5) „могъ ли ты малую волю свою мимо пановъ радъ твоихъ волю сотворити, и коли ты самъ въ себѣ неволенъ, какъ же тобѣ вольну быти въ своемъ государствѣ, а то про красу собѣ притворяешь, что будто ты милостію волю даешь, а ты неволенъ ни въ чемъ".
(Грамоты, стр. 49).

5) „сего ради такова государя искалъ еси по своему злобѣсному хотѣнію, еже ни чимъ же собою владѣюща, но паче худѣйша отъ худѣйшихъ рабъ суща, понеже отъ всѣхъ повелѣваемъ есть, а не самъ повелѣвая".
(Сказанія, стр. 190).

Разумѣется, подобная тождественность въ мысляхъ и въ способѣ ихъ выраженія, какую мы видимъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, не можетъ быть объясняема случайнымъ совпаденіемъ, такъ какъ это не какія-либо малозначительныя мысли, но основныя и коренныя воззрѣнія Іоанна, его излюбленныя общія мѣста.

Если не можетъ подлежать, какъ кажется, сомнѣнію, что отвѣтныя грамоты королю польскому писалъ царь, то само собою падаетъ предположеніе Карамзина, что боярамъ были доставлены мнимыя королевскія грамоты, писанныя для испытанія ихъ вѣрности, такъ какъ не было бы въ такомъ случаѣ никакого смысла царю изощрять свою иронію по адрессу Сигизмунда—Августа, составляя эти отвѣтныя грамоты. Такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что въ 1567 году вышеупомянутымъ боярамъ были доставлены отъ польскаго короля листы съ заманчивыми обѣщаніями.

Бѣльскій разсказываетъ, что 1568 году Сигизмундъ-Августъ собралъ огромное войско подъ Радосковицами, за Вильною, и стоялъ въ ожиданіи,ославъ какого-то Козлова съ грамотами къ боярамъ, изъявившимъ черезъ Козлова желаніе не только поддаться королю, когда тотъ покажется съ войскомъ, но выдать въ его руки царя связаннымъ; однако, царь будто бы узналъ объ этомъ заговорѣ и велѣлъ посадить Козлова на колъ [1]).

Арцыбашевъ принимаетъ на вѣру весь этотъ разсказъ польскаго историка и съ его словъ говоритъ о заговорѣ и измѣнѣ

[1]) У Карамзина (т. IX, прим. 183) приводится подобный же разсказъ Кельха (Liefl. Gesch. 280).

бояръ [1]). Между тѣмъ, разсказъ Бѣльскаго не заслуживаетъ довѣрія: 1) войско польское собралось будто бы въ 1568 году, и тогда же были отправлены грамоты боярамъ черезъ Козлова, но мы видѣли, что уже даже отвѣтныя грамоты помѣчены лѣтними мѣсяцами 1567 года; 2) король, говоритъ Бѣльскій, распустилъ войско, потому что не удался заговоръ бояръ, но мы знаемъ, что сильное московское войско во главѣ съ Іоанномъ стояло на литовской границѣ [2]), и въ этомъ видимъ причину нерѣшительнаго образа дѣйствій Сигизмунда-Августа; 3) Козлова, по словамъ Бѣльскаго, посадили на колъ, но это неправда: „а иное есьми, читаемъ въ концѣ каждой отвѣтной грамоты, всказали тебѣ брату своему словомъ молвити твоему вѣрному слугѣ Ивашку Козлову, и что онъ учнетъ тебѣ говорити, и ты въ ему вѣрилъ, бо суть наши рѣчи“ [3]).

Пристрастіе къ Іоанну и желаніе по возможности обѣлить его память не остановили строгій критическій умъ Арцыбашева на разборѣ этихъ подробностей, которыя лишаютъ разсказъ Бѣльскаго нашего довѣрія. Довѣрившись свидѣтельству Бѣльскаго, что въ Москвѣ былъ заговоръ, и главными заговорщиками были князь Бѣльскій, князь Мстиславскій, князь Воротынскій и конюшій Ѳедоровъ, Арцыбашевъ проглядѣлъ невольно при этомъ возникающее противорѣчіе: если бы заговоръ дѣйствительно существовалъ, и было бы открыто намѣреніе заговорщиковъ выдать царя связаннымъ въ руки Сигизмунда, то голову сложилъ бы не одинъ Ѳедоровъ, но и его три товарища.

Конечно, была связь между казнью Ивана Петровича Ѳедорова и присылкою грамотъ отъ польскаго короля, но только иного рода: наклонный къ подозрительности Іоаннъ въ этомъ увидѣлъ новое доказательство, что измѣна гнѣздится въ средѣ бояръ, что, какъ (по словамъ Курбскаго) говорили ласкатели и новые царскіе любимцы, „Сильвестровъ или Адашевъ духъ не вышелъ изъ нихъ“ [4]); и достаточно было какого-либо ничтожнаго обстоятельства, чтобы чаша гнѣва Іоаннова переполнилась, и начались казни.

По словамъ Карамзина и Соловьева, въ эту „третью эпоху

---

[1]) Арцыбашевъ, кн. II, отд. I, стр. 308 и прим. 1854; Бѣльскій, р. 566.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 389—394.
[3]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 29, 40, 55.
[4]) Сказанія, стр. 73.

убійствъ" были казнены слѣдующія лица: конюшій Ѳедоровъ, князь Иванъ Куракинъ—Булгаковъ, князь Дмитрій Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, князь Петръ Щенятевъ, князь Иванъ Турунтай-Пронскій, казначей Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ и думный дьякъ Казаринъ Дубровскій [1]).

Однако, ставить въ связь всѣ эти казни едва ли позволительно, потому что онѣ совершались не въ одно время: конюшій Ѳедоровъ, князь Семенъ Ростовскій и князь Иванъ Куракинъ выбыли, какъ отмѣчено въ Послужномъ спискѣ, въ 1567 году, но князь Щенятевъ умеръ въ 1568 г., а Пронскій въ слѣдующемъ году [2]).

Курбскій разсказываетъ о казни всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, исключая князя Ивана Куракина, отмѣченнаго въ Послужномъ спискѣ выбывшимъ, и Казарина Дубровскаго [3]). Царь, по его словамъ: 1) казнивъ Ивана Петровича Ѳедорова съ женою (Маріей), приказалъ перебить всѣхъ его слугъ и, не довольствуясь этимъ, съ толпой опричниковъ выжегъ всѣ его вотчины и помѣстья, истребивъ въ нихъ, не щадя ни женъ, ни грудныхъ младенцевъ, все населеніе и все живое (а ни скота единаго живити повелѣлъ), что только тамъ было, причемъ люди загонялись въ хоромы и ихъ взрывали порохомъ (стр. 91—92, 95); 2) князя Петра Щенятева, принявшаго монашество, замучилъ, приказавъ жечь его на раскаленной желѣзной сковородѣ и подъ ногти забивать иглы, а его родственниковъ Петра и Іоанна казнилъ (стр. 84); 3) казнилъ также князя Димитрія Ряполовскаго и князей Семена, Андрея и Василія Ростовскихъ (стр. 83—84); 4) Ивана Пронскаго приказалъ утопить (стр. 85), а 5) своего казначея Хозяина Тютина казнилъ съ женою, дѣтьми и родственниками (стр. 93).

Наши источники подтверждаютъ свидѣтельство Курбскаго о всѣхъ этихъ казняхъ, исключая казни князя Димитрія Ряполовскаго: 1) въ Послужномъ спискѣ конюшій Ѳедоровъ и князь Семенъ Ростовскій отмѣчены выбывшими [4]); 2) въ синодикѣ упоминаются слуги Ивана Петро-

---

[1]) Карамзинъ, т. IX, стр. 58—59; Соловьевъ, т. VI, стр. 221.

[2]) Древн. Вивл, т. XX, стр. 48—50.

[3]) Казнь Казарина, о которой говорятъ Гваньини (р. 31) и Одерборнъ (р. 228), несомнѣнно произошла, такъ какъ имя его встрѣчаемъ въ Кирилловскомъ синодикѣ (стр. 3): «Казарина Дубровскаго и двухъ сыновъ его».

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 48.

вича и стоятъ имена князя Василія и Андрея Ростовскихъ, инока Пимена Нероцкаго монастыря (въ Обиходникѣ Кириллова монастыря князь Петръ Михайловичъ Щенятевъ названъ инокомъ Пименомъ) [1]), князя Петра Щенятева, Адріана Щенятева и его сына Ивана, Хозяина съ женою, братомъ и пятью сыновьями [2]); 3) Одерборнъ и Гваньини говорятъ объ опустошеніи помѣстій и вотчинъ Ивана Петровича и уничтоженіи въ нихъ всего живого, казни его самого и князя Ростовскаго [3]); 4) въ письмѣ Таубе и Крузе засвидѣтельствована казнь Ивана Петровича Хозяина (Kasçan Jurgiowitz) съ семействомъ, князя Петра Щенятева (knese Petter Schemuetrow) и князя Ивана Турунтая—Пронскаго (Turentri Prausky) [4]).

Къ этой же третьей эпохѣ убійствъ Карамзинъ относитъ гоненіе на митрополита Филиппа и казнь князя Василія Рыбина—Пронскаго [5]).

Курбскій говоритъ, что Іоаннъ приказалъ казнить князя Василія Рыбина—Пронскаго и въ одинъ день съ нимъ около двухъ-сотъ знатныхъ лицъ и дѣтей боярскихъ (стр. 85).

Въ письмѣ Таубе и Крузе находитъ себѣ подтвержденіе это сообщеніе Курбскаго: на другой день послѣ обличенія царя митрополитомъ Филиппомъ многіе, по словамъ авторовъ письма, были казнены и заключены въ тюрьму, а въ числѣ другихъ былъ обезглавленъ князь Василій Пронскій (Wassili Brantzki) [6]).

Митрополитъ Филиппъ, по словамъ Курбскаго, видя злыя дѣйствія царя, началъ „первѣе молити благовременнѣ“, а „потомъ претити страшнымъ судомъ Христовымъ“; вознегодовавъ за это на митрополита, Іоаннъ повсюду разослалъ своихъ ласкателей искать на Филиппа „изметныхъ вещей“ и подкупилъ лжесвидѣтелей; приготовившись такимъ образомъ, царь „собираетъ... іереевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сомнище согласниковъ Кайяфиныхъ“ въ церковь; туда привели и митрополита въ его одеждахъ; сорвали съ него святительскія ризы и отдали его въ руки палачей, а тѣ вы-

---

[1]) Прим. 135 Устрялова къ Сказаніямъ.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 6, 4, 60, 56; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 95; Кирилловскій синодикъ, стр. 8.

[3]) Гваньини, pp. 30–31, 29; Одерборнъ, p. 228.

[4]) Таубе и Крузе, SS. 206—207.

[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 60–63.

[6]) Таубе и Крузе, S. 110. Кромѣ князя Пронскаго, они называютъ какихъ-то двухъ другихъ князей: Iwan Karmissin und Cristian Budna, но трудно догадаться, о комъ они говорятъ.

волокли святителя изъ церкви, посадили на вола и нещадно бичевали; онъ хвалилъ Бога и благословлялъ народъ, горько плакавшій и рыдавшій вокругъ него; оковавъ руки, ноги и все тѣло тяжкими оковами, посадили страдальца въ узкую и мрачную тюрьму съ твердыми заклепами и замками; когда явились черезъ два дня посмотрѣть, не умеръ ли заключенный, то увидѣли его молящимся безъ оковъ; усматривая въ этомъ чародѣйство („чары творитъ епископъ"), царь приказалъ впустить въ тюрьму голоднаго медвѣдя, но звѣрь не тронулъ святителя. Свой разсказъ о Филиппѣ Курбскій заключаетъ приведеніемъ двухъ версій объ его кончинѣ: по разсказамъ однихъ, митрополитъ былъ сосланъ въ Отрочъ монастырь, находящійся въ Тверской землѣ, и тамъ спустя годъ былъ удавленъ однимъ опричникомъ послѣ того, какъ, въ отвѣтъ на просьбу царя возвратиться на митрополію, потребовалъ уничтоженія опричнины и произнесъ проклятіе на Іоанна, если онъ не захочетъ исполнить это требованіе; по разсказамъ другихъ, митрополитъ былъ сожженъ на горящихъ угольяхъ (стр. 102—105).

Весь этотъ разсказъ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, внушенныхъ благочестивымъ чувствомъ лицъ, разсказывавшихъ Курбскому (чудеса въ тюрьмѣ, о которыхъ молчитъ житіе святого Филиппа), подтверждается свидѣтельствами другихъ нашихъ источниковъ: 1) лѣтопись указываетъ, что 22 марта 1568 г., въ воскресенье средокрестной недѣли, „началъ митрополитъ Филиппъ съ государемъ враждовать объ опричнинѣ", а въ четвергъ, 4 ноября того же года, свергли его съ святительскаго сана [1]); 2) указывая ту же причину вражды между царемъ и митрополитомъ и называя пособниковъ Іоанна (Пимена, архіепископа Новгородскаго, Пафнутія Суздальскаго, Филоѳея Рязанскаго, Благовѣщенскаго протопопа Евстафія), житіе св. Филиппа передаетъ, что царь отправилъ въ Соловки епископа суздальскаго Пафнутія, архимандрита Ѳеодосія и князя Василія Темкина искать клеветниковъ на митрополита и они привезли оттуда игумена Паисія, сыгравшаго роль главнаго обвинителя [2]); 3) по словамъ Таубе и Крузе, когда Филиппа поставили на судъ и привели лжесвидѣтелей, принявшихся клеветать на него, ми-

[1]) Нов. Вт. Лѣт. см. П. С. Р. Л. т. III, стр. 162.

[2]) Карамзинъ, т. IX, стр. 62 и прим. 197.

трополитъ, снявъ ризы и ничего не отвѣчая на клеветы, хотѣлъ удалиться, но царь дружественно обратился къ нему и просилъ служить на Михайловъ день (8 ноября) обѣдню, во время которой его схватили и, посадивъ на сани, отвезли въ монастырь [1]); 4) житіе подробнѣе разсказываетъ о сценѣ изгнанія митрополита изъ собора: на него надѣли монашеское разодранное платье, посадили на дровни, отвезли въ монастырь Богоявленія и, издѣваясь надъ нимъ по дорогѣ, били его метлами [2]); 5) изъ Пролога же узнаемъ, что митрополита задушилъ Малюта Скуратовъ подушкою въ Отрочѣ монастырѣ [3]).

По словамъ Курбскаго, вмѣстѣ съ Филиппомъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ, проживавшихъ на церковной землѣ (стр. 106). Хотя въ письмѣ Таубе и Крузе говорится о казняхъ, послѣдовавшихъ около времени столкновенія митрополита и царя, но, можетъ быть, сообщеніе Курбскаго есть отголосокъ тѣхъ убійствъ, которыя опричники произвели въ Торжкѣ, замучивъ около 200 человѣкъ разными способами [4]).

Окончивъ разсказъ о митрополитѣ Филиппѣ, Курбскій сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ архіепископѣ Казанскомъ Германѣ, котораго Іоаннъ хотѣлъ видѣть на митрополіи послѣ удаленія митрополита Аѳанасія [5]).

Когда Германъ, по словамъ Курбскаго, уже прожилъ на митрополичьемъ дворѣ около двухъ дней, царь вступилъ съ нимъ въ бесѣду; разговоръ этотъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе; возвратившись къ себѣ, Іоаннъ сообщилъ обо всемъ своимъ приближеннымъ и Басманову; послѣдніе стали высказывать царю свои опасенія, чтобы онъ не попалъ еще въ болѣе горькую неволю, чѣмъ во время господства Сильвестра и Адашева, если потерпитъ Германа на митрополіи. Эти навѣты подѣйствовали на царя, и онъ приказалъ изгнать Германа изъ митрополичьяго двора, а черезъ два

---

[1]) Таубе и Крузе, SS. 211—212.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 200, 204.

[3]) См. слова Пролога у Арцыбашева, прим. 1893.

[4]) Таубе и Крузе, S. 213.

[5]) Аѳанасій, Благовѣщенскій протопопъ и духовникъ Іоанна, былъ хиротонисованъ 5 марта 1564 года, а 19 мая 1566 года оставилъ митрополію «за немощію велiей» и поселился въ Чудовѣ монастырѣ. См. Алекс.-Невск. Лѣт. стр. 215, 275.

дня нашли архіепископа мертвымъ на его же дворѣ; по словамъ однихъ, какъ передаетъ Курбскій, Германъ былъ удушенъ, по словамъ же другихъ—отравленъ (стр. 106—107).

Но этотъ разсказъ не подтверждается другими нашими источниками: какъ извѣстно, Германъ былъ живъ 25 іюня 1566 г. и участвовалъ въ возведеніи на митрополію св. Филиппа; его подписи нѣтъ на грамотѣ, въ силу которой Филиппъ обязывался не вмѣшиваться въ опричнину и домовый обиходъ царя, но, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, онъ умеръ въ Москвѣ 6 ноября 1567 года отъ моровой язвы [1]).

Описаніемъ казни Владиміра Старицкаго и разсказомъ о новгородскомъ разгромѣ Карамзинъ начинаетъ повѣствованіе о „четвертой ужаснѣйшей эпохѣ мучительства".

По словамъ Курбскаго, Іоаннъ приказалъ убить князя Владиміра, своего двоюроднаго брата, съ матерью Евфросиніей, а жену его Евдокію и двухъ сыновей, старшаго изъ которыхъ звали Василіемъ, разстрѣлять; одновременно съ княземъ Владиміромъ, какъ утверждаетъ Курбскій, погибло много его вѣрныхъ слугъ (стр. 85—86).

Правда, въ письмѣ Таубе и Крузе, гдѣ подробно описываются обстоятельства казни князя Владиміра, сказано, что царь заставилъ своего двоюроднаго брата съ женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми выпить ядъ [2]); Гейденштейнъ пишетъ, что царь своего брата казнилъ, по подозрѣнію въ стремленіи къ перевороту, со всѣми дѣтьми и слугами, пощадивъ одну лишь дочь [3]); Лаврентій же Миллеръ въ своихъ запискахъ объясняетъ, почему эту молоденькую дочь князя Владиміра царь пощадилъ: ему сказали, что она на него

---

[1]) Карамзинъ, т. IX, прим. 170; Устряловъ, прим. 189 къ Сказаніямъ.

[2]) Таубе и Крузе, SS. 213—218. Датскій посолъ Ульфельдъ говоритъ, что, подозрѣвая своего брата въ измѣнѣ и козняхъ, царь приказалъ ему выпить аду (Hodoporicon Ruthenicum, p. 8 въ сборникѣ Старчевскаго Scrip. Ext. t. 1).

[3]) Reinholdi Heidensteinii, De bello Moscovitico, p. 95. (См. Script. Ext. t. II). По словамъ Гваньини, двоюроднаго брата Іоаннова оклеветалъ какой-то дьякъ Третьякъ Висковатый, и царь, подвергнувъ оклеветаннаго пыткѣ, приказалъ отсѣчь ему голову, а его жену утопить (p. 40). Одерборнъ, неправильно называя этого брата Юріемъ, разсказываетъ почти тоже, вставляя еще рѣчь, сказанную несчастнымъ передъ самой казнью (pp. 232—233). Рюссовъ говоритъ, что царь казнилъ Владиміра съ женою и дѣтьми (Приб. Сбор. т. III, стр. 185).

похожа [1]). Однако, въ этихъ разсказахъ далеко не все заслуживаетъ вѣры: такъ, напр., мы знаемъ, что Василій, сынъ Владиміра Старицкаго, не только остался живъ, но въ 1573 году на свадьбѣ своей сестры Маріи, выданной замужъ за Магнуса, игралъ значительную роль [2]). Согласно свидѣтельству синодика, достовѣрно знаемъ, что мать князя Владиміра (Евфросинія, а въ иночествѣ Евдокія) съ инокинями, бывшими при ней, и съ 12 человѣкъ была потоплена въ Шекснѣ, а князь Владиміръ съ женою и дочерью былъ умерщвленъ въ деревнѣ Боганѣ, недалеко отъ Александровской слободы [3]).

„Не безъ связи съ дѣломъ Владиміра стоитъ Новгородскій погромъ“—замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ [4]). Слѣдуетъ помнить, что это предположеніе, и мы увидимъ ниже, насколько твердо оно обосновано.

По словамъ Курбскаго, явившись въ Новгородъ, Іоаннъ приказалъ утопить въ рѣкѣ Новгородскаго архіепископа Пимена („бо глаголютъ его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на митрополита Филиппа“—свидѣтельство, какъ выше мы видѣли, вполнѣ справедливое) и въ одинъ день погубилъ различными муками болѣе 15 тысячъ. Во время тогдашняго „прелютаго пожара“ погибло, по словамъ нашего писателя, много знатныхъ лицъ и въ числѣ ихъ Андрей Тулуповъ и Неудача Цыплятевъ съ женою и дѣтьми [5]), а также много священниковъ и монаховъ. Два же года спустя, по приказанію царя, былъ казненъ и преемникъ архіепископа Пимена (стр. 107—108).

Всѣ эти сообщенія, кромѣ извѣстія о Пименѣ, о которомъ мы знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ Веневъ и тамъ въ монастырѣ

---

[1]) Приб. Сборн. т. IV, стр. 184—185.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 97.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 2, 10, 30 и прим. Устрялова къ этимъ страницахъ; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 94—95.

[4]) «Русская исторія», т. II, стр. 269.

[5]) Они, по словамъ Курбскаго, были «даны на послуженіе великія церкви Софіи». Дѣйствительно, изъ грамоты, данной архіепископомъ Леонидомъ 13 мая 1574 г. своему боярину Василію Ѳомину, узнаемъ, что этому послѣднему было пожаловано то село съ деревнями, которое было «прежъ того въ помѣстьѣ за архіепископля дворецкаго за Неудачинымъ сыномъ Цыплятева за Никитою». См. Акт. Ист. т. I, № 190.

св. Николая скончался [1]), вполнѣ достовѣрны и подтверждаются свидѣтельствами нашихъ источниковъ.

По свидѣтельству Таубе и Крузе, перебито было въ Новгородѣ болѣе 27 тысячъ народу (12 тысячъ человѣкъ болѣе знатныхъ и зажиточныхъ, а болѣе 15 тысячъ ремесленниковъ и простонародья) [2]); новгородская третья лѣтопись говоритъ, что убійства продолжались болѣе 5 недѣль, и всякій день топили тысячу или полторы тысячи человѣкъ, такъ что счастливымъ днемъ считался тотъ день, когда погибало 500—600 человѣкъ [3]); по свидѣтельству же псковской первой лѣтописи, число погибшихъ въ Новгородѣ простиралось до 60 тысячъ [4]). Основываясь на показаніяхъ этихъ источниковъ, можно прійти къ выводу, что въ новгородскій знаменитый погромъ погибло около 40 тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ, въ кирилловскомъ синодикѣ, которому отказывать въ довѣріи мы не имѣемъ никакихъ основаній, означено 1505 новгородцевъ. Это противорѣчіе между показаніями (кирилловскаго синодика и другихъ источниковъ) относительно числа убитыхъ уничтожается помѣтою спасоприлуцкаго синодика: „по Малютинскіе Ноугороцкіе посылки, читаемъ тамъ, отдѣлано скончавшихся православныхъ христіанъ тысяща четыреста девятдесять человѣкъ, да изъ пищалей пятнадцать человѣкъ“. Такимъ образомъ, оказывается, что отмѣченное въ синодикѣ число убитыхъ въ Новгородѣ относится только къ дѣяніямъ передового отряда, предводимаго Малютою Скуратовымъ, а вовсе не обозначаетъ собою числа всѣхъ побитыхъ въ извѣстный новгородскій разгромъ. Послѣ этого объясненія нельзя, кажется, будетъ съ синодикомъ въ рукахъ опровергать свидѣтельства нашихъ лѣтописей и съ призрачнымъ безпристрастіемъ заявлять: „лучше десяти страннымъ увѣдомленіямъ не повѣрить, нежели одинъ поклепъ счесть истиною“ [5]).

Какъ извѣстно, передовой отрядъ опричниковъ оцѣпилъ городъ 2 января 1570 года; свезли съ окрестностей 500 духовныхъ лицъ, поставили ихъ на правежъ, требуя съ каждаго по 20 руб. новгородскихъ; кромѣ того, похватали всѣхъ богатыхъ и именитыхъ лю-

[1]) Крат. лѣт. Новг. Вл. и Нов. Вт. лѣт. см. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 186, 252.
[2]) Таубе и Крузе, S. 222.
[3]) П. С. Р. Л. т. III, стр. 258, 261.
[4]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 343.
[5]) Арцыбашевъ, т. IV, прим. 1898.

дей, опечатавъ предварительно ихъ имущество; 6 же января подошелъ самъ царь и велѣлъ на слѣдующій день побить палицами стоявшихъ на правежѣ [1]). Вотъ объясненіе, что значатъ слова синодика: „по Малютинскія посылки отдѣлано“.

Имѣя въ виду всѣ вышеприведенныя соображенія, слѣдуетъ признать, что число побитаго простонародья не удостоилось быть записаннымъ ни „въ царевы государевы книги“, ни въ представляющій выпись изъ этихъ книгъ синодикъ, гдѣ обозначено только число знатныхъ и нарочитыхъ людей. Это заключеніе, вытекающее само собою при внимательномъ изученіи синодика и лѣтописей, подтверждается нѣкоторыми иностранными писателями: Гваньини и Одерборнъ единогласно утверждаютъ, что Іоаннъ умертвилъ въ Новгородѣ 2770 гражданъ, если не считать простонародья [2]).

Итакъ, въ показаніяхъ о числѣ убитыхъ въ Новгородѣ нѣтъ въ источникахъ разногласія, какъ хотятъ увѣрить въ этомъ нѣкоторые изслѣдователи.

Далѣе, казнь князя Андрея Тулупова, Неудачи Цыплятева съ женою и дѣтьми не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ имена всѣхъ ихъ встрѣчаемъ въ синодикѣ [3]). Что же касается казни преемника архіепископа Пимена, то дѣйствительно знаемъ, что Леонидъ, поставленный въ архіепископы Новгорода изъ архимандритовъ Чудова монастыря, пробылъ на владычествѣ два года и, по свидѣтельству одной лѣтописи, былъ удаленъ „кзенью“ (?) въ Москвѣ, куда пріѣхалъ на соборъ, по свидѣтельству же другой лѣтописи, царь приказалъ его зашить въ медвѣжью шкуру и затравилъ собаками [4]).

Ко времени новгородскаго разгрома Курбскій относитъ мученическую смерть Корнилія, игумена Псково-Печерскаго монастыря, и его ученика Вассіана Муромцева, которые, по его словамъ, были раздавлены какимъ-то „орудіемъ мучительскимъ“, а также грабежъ и кровопролитія въ Ивангородѣ, Псковѣ и въ другихъ городахъ той страны (стр. 108—109).

[1]) Новгор. третья лѣт. см. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 255—258.

[2]) Гваньини, p. 34: «2770 civium, *excepto paupere vulgo, sexuque femineo* trucidati, et aquis obruti fuerint». Одерборнъ, p. 230: «Caesi sunt homines bis mille, septingenti et septuaginta, si ignobiliorem hominum turbam excipias».

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 66, 71, 77.

[4]) П. С. Р. Л. т. III, стр. 262 (Новг. Тр. лѣт.); Тамъ же, т. IV, стр. 319 (Пск. Пер. лѣт.).

Дѣйствительно, имена Корнилія и Вассіана Муромцева встрѣчаются въ синодикѣ [1]), а въ одномъ изъ краткихъ лѣтописцевъ отмѣчено, что 20 фев. 1570 года Корнилій былъ „земнымъ царемъ посланъ къ небесному царю“ [2]).

Хотя въ лѣтописяхъ ничего не говорится о кровопролитіяхъ въ Псковѣ, но въ синодикѣ мы находимъ указаніе, что было казнено 190 псковичей съ женами и дѣтьми, а тридцать изъ нихъ сожжено [3]). Что же касается грабежей и кровопролитія въ Нарвѣ, то Рюссовъ сообщаетъ, что въ этомъ городѣ не былъ пощаженъ ни одинъ русскій, а всѣ ихъ товары и имущество сжигали или, изрубивъ въ куски, бросали въ прорубь [4]).

Что же побудило Іоанна къ этимъ ужаснымъ неистовствамъ въ новгородской и псковской области, и можно ли ставить эти событія въ связь съ казнью Владиміра Старицкаго?

По одному извѣстію, какой-то бродяга Петръ Волынецъ, наказанный въ Новгородѣ за худыя дѣла, изъ мести составилъ отъ имени архіепископа и всѣхъ именитыхъ людей грамоту, въ которой они писали польскому королю о своемъ желаніи перейти въ его подданство, поддѣлался подъ ихъ подписи и скрылъ ее въ Софіевскомъ соборѣ, за образомъ Богородицы, а самъ бѣжалъ въ Москву и донесъ царю о намѣреніи новгородцевъ измѣнить; довѣренные люди, посланные Іоанномъ съ Волынцемъ, нашли въ указанномъ этимъ послѣднимъ мѣстѣ грамоту и представили царю [5]). Аббатъ Джеріо, бывшій съ польскими послами въ то время въ Москвѣ, въ своемъ донесеніи венеціанскому дожу подтверждаетъ это извѣстіе о грамотѣ: по его словамъ, царь казнилъ въ Новгородѣ 18 тыс. человѣкъ, чтобы окончательно вывести измѣну (per eradicar quella linea di detti malfattori), потому что была отыскана грамота, доказывающая измѣну (per haver trovato un correro con lettere di ribellarsi) [6]).

[1]) Кирилловскій синодикъ, стр. 24.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 485. Карамзинъ опровергаетъ дату этого лѣтописца, основываясь на словахъ Курбскаго и относя слова его «тогдажъ убіенъ» ко времени смерти Леонида, но неосновательно, какъ можно видѣть изъ связи разсказа нашего писателя.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 33; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 95.

[4]) Приб. Сборн. т. III, стр. 186.

[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 85 и прим. 263, гдѣ ссылка на «Ядро Рос. Ист.» Хилкова, стр. 242; Арцыбашевъ, ч. IV, прим. 1891 (приведена выписка изъ Хилкова).

[6]) Тургеневъ, Rus. Mon. p. 214. Аббатъ Джеріо называетъ Іоанна величайшимъ тираномъ: подданные, по его словамъ, оказываютъ ему величайшее повиновеніе и боятся его, какъ Бога, а онъ казнитъ не только провинившагося, но и всю семью.

Одни иностранные писатели говорятъ, что Іоаннъ казнилъ новгородцевъ, псковичей и тверянъ, подозрѣвая ихъ въ желаніи поддаться польскому королю [1]), а другіе пишутъ, что царь подозрѣвалъ новгородцевъ въ сочувствіи Владиміру Старицкому [2]). Дѣйствительно, какъ оказывается изъ Переписной книги посольскаго приказа и наказа князьямъ Канбарову и Мещерскому, отправляемымъ въ 1571 году въ Литву, царь какъ будто былъ убѣжденъ, что измѣнники хотѣли посадить на престолъ князя Владиміра Старицкаго, а Новгородъ и Псковъ отдать польскому королю. Въ томъ же примѣчаніи, въ которомъ приведена выписка изъ Переписной книги и наказа посламъ, Карамзинъ по поводу этихъ подозрѣній справедливо высказывается такъ: „Замѣтимъ, что Іоаннъ не упрекалъ симъ мнимымъ ковомъ ни Сигизмунда, ни Курбскаго въ новой съ нимъ перепискѣ... Если Пименъ, Фуниковъ, Висковатый, Басмановы, Вяземскій хотѣли *тайно извести* Іоанна, то какую нужду имѣли они въ содѣйствіи Литвы? для чего было имъ отдавать Новгородъ Сигизмунду?“ [3]).

Если же допустить, что новгородцы съ своимъ архіепископомъ во главѣ дѣйствительно замышляли поддаться польскому королю, то трудно представить, чтобы подобный замыселъ, подобная тайна была извѣстна всякому проходимцу; далѣе, если бы она была извѣстна бродягѣ Петру, то невозможно допустить, чтобы власти рѣшились наказать его за какой-бы то ни было проступокъ, а, наказавъ его, дали возможность бѣжать въ Москву.

Если на это можно отвѣтить, что возможное не всегда есть дѣйствительность, то заявленіе лѣтописца, что злые люди оклеветали архіепископа и новгородцевъ, что всѣ эти горестныя событія произошли „наущеніемъ и злоумышленіемъ богоотступниковъ, злыхъ и буявыхъ человѣкъ, хищниковъ, влагающихъ во уши царевы непріязненныя глаголы“,—нельзя не считать основательнымъ доказательствомъ невинности новгородцевъ, такъ какъ у лѣтописца мы не видимъ ни пристрастія въ пользу новгородцевъ, ни злобы противъ царя: 1) въ бѣдствіяхъ Новгорода онъ видитъ грозную десницу Все-

---

[1]) Таубе и Крузе, стр. 218; Гваньини, p. 34; Одерборнъ, p. 229; Рюссовъ, стр. 185—186 (Приб. Сборн. т. III).

[2]) Ульфельдъ, pp. 8, 13; Гейденштейнъ, p. 95.

[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 299.

держителя, карающаго „за злая и непріязненная дѣла и беззаконія“, 2) царя же постоянно называетъ благочестивымъ и благовѣрнымъ [1]). При такомъ своемъ отношеніи къ царю и новгородцамъ лѣтописецъ не сталъ бы скрывать измѣны, если бы она была; но если лѣтописецъ молчитъ, а только въ тонѣ, обычномъ въ лѣтописяхъ, говоритъ о гнѣвѣ Бога, грѣхахъ людей, навлекшихъ на себя грозную десницу Вседержителя, и навѣтахъ злыхъ и хищниковъ, то это наилучшее доказательство невинности новгородцевъ и архіепископа Пимена; объяснить же молчаніе невѣдѣніемъ нельзя, такъ какъ невозможно себѣ представить, чтобы то, что̀ зналъ всякій проходимецъ и многіе новгородцы, оставалось бы тайною для лѣтописца, лица образованнаго и духовнаго, слѣдовательно принадлежащаго къ классу наиболѣе при разгромѣ пострадавшему.

Итакъ, навѣты клеветниковъ, а въ частности подложная грамота Петра Волынца навлекли на новгородцевъ, псковичей и тверичей всѣ ужасы кровопролитія и грабежа, такъ что, если возможно новгородскій погромъ ставить въ связь съ дѣломъ Владиміра Старицкаго, то слѣдуетъ прибавить, что эта связь была плодомъ подозрительности Іоанна, а не есть реальный историческій фактъ.

Къ этой же „четвертой эпохѣ мучительства“ Карамзинъ относитъ дѣло, о которомъ знаемъ изъ вышеупоминаемой Переписной книги посольскаго приказа, дѣло о сношеніяхъ новгородскихъ измѣнниковъ съ боярами Алексѣемъ Басмановымъ и его сыномъ Ѳедоромъ, Семеномъ Васильевичемъ Яковлевымъ, казначеемъ Фуниковымъ, печатникомъ Висковатымъ, дьякомъ Василіемъ Степановымъ, Андреемъ Васильевымъ и княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ; всѣхъ ихъ обвиняли въ томъ, что они хотѣли сдать Новгородъ и Псковъ польскому королю, извести самого Іоанна, а на государство посадить князя Владиміра Андреевича [2]). По словамъ Соловьева, „это сыскное измѣнное дѣло до насъ не дошло, а потому историкъ не имѣетъ права произнести свое сужденіе о событіи“, но, не придавая значенія дѣйствительности обвиненію въ измѣнѣ новгородцевъ, тѣмъ менѣе можно вѣрить измѣнѣ московскихъ бояръ и приказныхъ: Іоаннъ отъ одного подозрѣнія переходилъ къ другому. Свое изложеніе Со-

[1]) Новг. Тр. лѣт. стр. 254—262.
[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 299.

ловьевъ продолжаетъ такъ: „Извѣстны слѣдствія: казнены были князь Петръ Оболенскій—Серебряный, Висковатый, Фуниковъ, Очинъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцевъ, сынъ извѣстнаго намъ Ѳедора, и многіе другіе; всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ—Басмановыхъ и Вяземскаго; Вяземскій умеръ отъ пытокъ, Алексѣй Басмановъ, какъ говорятъ, былъ убитъ сыномъ Ѳеодоромъ“ [1]).

Курбскій говоритъ, что царь заставилъ Ѳедора Басманова убить отца своего Алексѣя, имя котораго стоитъ въ синодикѣ [2]), а Никиту Прозоровскаго—своего брата Василія (стр. 98, 126); и это извѣстіе подтверждается рукописью Синодальной Библіотеки подъ № 364, л. 851: „Царь Іоаннъ принуди Ѳедора Басманова отца своего убити и Никиту Прозоровскаго брата своего Василія“ [3]). Однако, во всякомъ случаѣ невозможно погибель Алексѣя Басманова ставить въ зависимость отъ сыскного дѣла новгородскаго, такъ какъ онъ въ Послужномъ спискѣ отмѣченъ выбывшимъ въ 1569 году, т. е. погибъ еще до новгородскаго разгрома [4]).

Какъ мы видѣли, Соловьевъ довольствуется тѣмъ, что отмѣчаетъ лишь нѣкоторыхъ изъ казненныхъ, прибавляя послѣ имени Ивана Воронцова—„и многіе другіе“. Карамзинъ, называя тѣхъ же лицъ, что и Соловьевъ, говоритъ, что казнены были тогда также слѣдующія лица: Хабаровъ-Добрынскій, Василій Разладинъ, Крикъ-Тыртовъ, Андрей Кашкаровъ, Михаилъ Лыковъ, Никита Казариновъ-Голохвостовъ, Мясоѣдъ Вислой [5]).

Курбскій, ничего не упоминая о насильственной смерти Фуникова, Висковатаго, Василія Степанова, Захарія Плещеева, Ѳеодора Басманова, Вяземскаго и Мясоѣда Вислаго [6]), говоритъ, что князь

[1]) Соловьевъ, т. VI, стр. 229—230.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 78.

[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 307.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50.

[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 91.

[6]) Данныя, подтверждающія насильственную смерть этихъ лицъ, слѣдующія: 1) въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими Захарій Ивановичъ Овчинъ-Плещеевъ, кравчій Ѳедоръ Басмановъ и казначей Никита Аѳанасьевичъ Курцовъ-Фуниковъ (Древн. Вивл. т. XX, стр. 51—52); 2) въ Кирилловскомъ синодикѣ встрѣчаемъ имена Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго, Василія Степанова (стр. 64) и Константина Мясоѣдова Вислаго (стр. 63); 3) Гваньини говоритъ, что Иванъ Висковатый, Фуниковъ, Василій Степановъ (рр. 44—45) и Мясоѣдовъ (р. 42) были казнены, а Аѳанасій Вяземскій замученъ въ пыткахъ (рр. 36—37); 4) Одерборнъ разсказываетъ

Петръ Оболенскій (стр. 82), Семенъ Яковлевъ съ женою и сыномъ (стр. 93), Иванъ Хабаровъ-Добрынскій съ сыномъ (стр. 93), Михаилъ Лыковъ съ родственникомъ (стр. 93), Василій Разладинъ съ матерью Ѳеодосіей, Крикъ-Тыртовъ (стр. 96), Иванъ Воронцовъ (стр. 97), Андрей и Азарій Кашкаровы (стр. 98) были казнены, а Никиту Казаринова, который постригся въ одномъ за-окскомъ монастырѣ, Іоаннъ приказалъ взорвать порохомъ, сына его же Ѳедора казнить (стр. 100).

Казнь только трехъ изъ всѣхъ этихъ лицъ подтверждается нашими источниками: князь Петръ Серебряный, о казни котораго говорятъ Гваньини, Одерборнъ, Таубе и Крузе, отмѣченъ въ Послужномъ спискѣ выбывшимъ въ 1571 году [1]), а имена его, Ѳеодора Казаринова и инока Никиты Казаринова стоятъ въ синодикѣ [2]).

Что касается прочихъ лицъ, упоминаемыхъ Курбскимъ, то приходится удовлетвориться приведеніемъ обстоятельствъ, косвенно подтверждающихъ свидѣтельство о насильственной ихъ смерти или относящихся къ послѣднимъ годамъ ихъ жизни: Семенъ Яковлевъ обвинялся въ сношеніяхъ съ новгородскими измѣнниками [3]); Иванъ Хабаровъ (въ монашествѣ Іоасафъ) былъ инокомъ въ Кирилловѣ монастырѣ и водилъ, по словамъ царя, дружбу съ Іоною Шереметевымъ [4]); окольничій Михаилъ Лыковъ, отмѣченный умершимъ въ 1571 году, былъ въ этомъ же году воеводою въ одномъ изъ городовъ (въ Копьѣ) на литовской границѣ, а въ синодикѣ встрѣчается имя Ивана Лыкова [5]); въ синодикѣ встрѣчаются также имена Андрея и Ивана Квашниныхъ, а Василій Разладинъ-Квашнинъ въ 1572 г. былъ воеводою въ Орѣшкѣ и 27 іюня того же года постригали его жену въ монахини [6]); Квашнины и Крикъ-Тыртовъ были новгородскими по-

---

о казни Ивана Висковатаго, Фуникова и Аѳанасія Вяземскаго (р. 231); 5) въ письмѣ Таубе и Крузе сказано, что казначей Никита Фуниковъ и Иванъ Висковатый были четвертованы (SS. 224—225).

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 51; Гваньини, р. 41; Одерборнъ, р. 233; Таубе и Крузе, S. 207.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 55, 7.

[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 299. Переписная книга Посольскаго приказа.

[4]) Акт. Ист. т. I, стр. 376, 394. Посланіе царя въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

[5]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 51; Тамъ же, т. XIII, стр. 419; Кирилловскій синодикъ, стр. 8.

[6]) Спасоприлуцкій синод. стр. 92; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 440; Новг. Вт. лѣт. (П. С. Р. Л. т. III), стр. 171.

мѣщиками [1]); Иванъ Воронцовъ состоялъ въ числѣ дворянъ стана царскаго въ 1570 году (имя его стоитъ въ разрядѣ этого года рядомъ съ именемъ Малюты Скуратова) [2]).

Курбскій пишетъ, что Іоаннъ казнилъ десять Колычевыхъ, голову одного изъ которыхъ (Ивана Борисовича) приказалъ зашить въ мѣшокъ и отправить митрополиту Филиппу (стр. 94—96), Ѳедора Львова и Ивана Шаховскаго, котораго убилъ булавою собственноручно въ Невлѣ (стр. 84—85), князей Василія, Александра и Михаила Прозоровскихъ, князей Ушатыхъ (стр. 85), Игнатія, Богдана и Ѳеодосія Заболоцкихъ, Василія и другихъ Бутурлиныхъ (стр. 97), и прибавляетъ, что князья Никита и Андрей Мещерскіе, а также князь Андрей Аленкинъ избавились отъ казни потому только, что палачи, явившіеся привести надъ ними въ исполненіе приговоръ, нашли всѣхъ ихъ мертвыми: они пали при защитѣ какого-то новопоставленнаго города отъ татаръ (стр. 99).

Всѣ эти казни и преслѣдованія Карамзинъ относитъ къ „четвертой эпохѣ мучительства“ [3]).

Мы имѣемъ право принять свидѣтельство Курбскаго объ этихъ казняхъ, потому что оно подтверждается другими нашими источниками: 1) въ Послужномъ спискѣ отмѣченъ выбывшимъ окольничій Михаилъ Ивановичъ Колычевъ въ 1571 г., а бояринъ Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ—въ 1575 году [4]); 2) въ синодикѣ встрѣчаемъ имена—Андрея, Василія, Тимофея и Венедикта Колычевыхъ [5]), князя Ѳедора Львова-Троекурова съ племянникомъ [6]), князя Василія Шаховскаго [7]), князя Даніила Чулкова-Ушатаго [8]), Богдана, Ѳеодосія и Ѳедора Заболоцкихъ [9]), Василія, Дмитрія, Григорія, Леонтія, Неждана и Стефана Бутурлиныхъ [10]); 3) въ житіи же св. Филиппа упоминается о присылкѣ головы убитаго Колычева въ тюрьму къ святителю [11]).

[1]) Древн. Вивл. т. VIII, стр. 18; Тамъ же, т. XIII, стр. 291.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 410.
[3]) Карамзинъ, т. IX, стр. 96.
[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 51, 54.
[5]) Кирилловскій синодикъ, стр. 31, 18, 83.
[6]) Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 93.
[7]) Кирилловскій синодикъ, стр. 66.
[8]) Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 93.
[9]) Кирилловскій синод. стр. 31, 19; Спасоприлуцкій синод. стр. 93.
[10]) Кирилловскій синодикъ, стр. 24, 79, 59, 62, 42, 31.
[11]) Карамзинъ, т. IX, прим. 203.

Что же касается князей Прозоровскихъ, то извѣстіе о казни ихъ не подтверждается нашими источниками. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что въ разрядахъ послѣдній разъ встрѣчаемъ Александра Прозоровскаго воеводою въ Полоцкѣ въ 1567 году, Василія—воеводою въ Серпуховѣ въ 1566 и Михаила—въ Свіажскомъ городѣ въ 1565 году [1]), а это обстоятельство даетъ основаніе предположить, что въ исходѣ 60-хъ годовъ они, по крайней мѣрѣ, подвергнулись опалѣ царя, если не были казнены.

Эпизодъ съ князьями Мещерскими и Аленкинымъ мы лишены возможности провѣрить другими источниками; знаемъ только, что въ 1567 году послѣдній былъ воеводою въ Шатскомъ городѣ [2]).

Болѣе или менѣе слѣдуя за Карамзинымъ въ его распредѣленіи казней по эпохамъ, Соловьевъ на обозрѣніи четвертой эпохи обрываетъ свой разсказъ о казняхъ, удовлетворяясь лишь такимъ замѣчаніемъ: „между тѣмъ казни продолжались по разнымъ поводамъ: по поводу нашествія Крымскаго хана, когда Мстиславскій признался, что онъ съ товарищами привелъ его: по поводу болѣзни и смерти невѣсты царской“ [3]).

Между тѣмъ, Курбскій не только молчитъ объ измѣнѣ Мстиславскаго и его товарищей, но и укоряетъ царя за сожженіе Москвы и погибель христіанскаго населенія (стр. 74). Молчаніе Курбскаго могло произойти или вслѣдствіе желанія избѣгнуть всего, что̀ можетъ бросить тѣнь подозрѣнія на боярское сословіе, или вслѣдствіе того, что никакой измѣны со стороны Мстиславскаго и его товарищей въ дѣйствительности не происходило.

Какъ извѣстно, въ степи (на Злынскомъ полѣ) встрѣтили Девлеть-Гирея, шедшаго съ огромными силами на московскія украйны, дѣти боярскіе—двое изъ Бѣлева (Кудеяръ Тишенковъ и Окулъ Семеновъ), двое изъ Калуги (Жданъ и Иванъ Юдинковы), одинъ изъ Каширы (Ѳедоръ Лихаревъ) и одинъ изъ Серпухова (Русинъ), и объявили ему, что въ Москвѣ и во всѣхъ московскихъ городахъ два года меженина (голодъ) и моръ, много людей вымерло, многихъ царь въ опалѣ побилъ, а остальные воинскіе люди и всѣ татары въ нѣ-

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 385, 381, 361.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 384.
[3]) Соловьевъ, т. VI, стр. 236.

мецкой землѣ, государя же ждутъ съ опричниками въ Серпуховѣ, но людей съ нимъ мало: „Ты иди, прибавляли они, прямо на Москву; мы переведемъ тебя черезъ Оку и доведемъ до Москвы; если же до Москвы встрѣтитъ тебя войско, то вели насъ казнить“ [1]).

Ханъ, руководимый этими измѣнниками, переправился черезъ Оку (неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ) и бросился на Москву. Узнавъ, что ханъ за рѣкою, воеводы поспѣшно двинулись къ столицѣ, куда прибыли 23 мая [2]). По одному извѣстію, Бѣльскій, Мстиславскій и Воротынскій съ 50 тысячами дали подъ Москвою хану сраженіе, но были разбиты и отступили [3]); по другому же, князь Иванъ Бѣльскій и Михаилъ Морозовъ съ большимъ полкомъ стали на большой Варламовской улицѣ, князь Иванъ Мстиславскій и Иванъ меньшой Шереметевъ съ правой рукою—на Якимовской улицѣ; князь Михаилъ Воротынскій и князь Петръ Татевъ на Таганскомъ лугу, противъ Крутицъ, а князь Василій Темкинъ съ отрядомъ опричниковъ за Неглинною [4]). Въ день Вознесенья (24 мая) къ Москвѣ подошелъ ханъ; татары зажгли посады, и пожаръ охватилъ весь городъ, кромѣ Кремля; „людей погорѣло, говоритъ лѣтописецъ, многое множество“: горѣли и задыхались въ каменныхъ церквахъ и погребахъ; рѣка Москва была запружена трупами; а на своемъ дворѣ, въ каменномъ погребѣ, задохся князь Иванъ Бѣльскій. Зрѣлище народнаго бѣдствія и сильный жаръ заставили хана отступить въ село Коломенское [5]). По словамъ Таубе и Крузе, опустошивъ окрестности Москвы и захвативъ 100-тысячный полонъ, ханъ поторопился уйти въ Крымъ, такъ какъ получилъ извѣстіе о движеніи изъ Ливоніи герцога Магнуса и не желалъ подвергать испытанію свое счастье (dem Gluck nicht weiter vertrauen) [6]).

Е. Бѣловъ въ статьѣ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ старается доказать, что въ 1571 году бояре измѣнили царю. Доводы его слѣдующіе: 1) „Воеводы, говоритъ онъ, запрудивъ

[1]) Карамзинъ, т. IX, прим. 352; Дѣла крымскія, № 14, л. 25.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 353; Разряды. Кн.

[3]) Тургеневъ, Monum. Rus. I, p. 220.

[4]) Князь Щербатовъ, «Исторія Россійская», т. IV, ч. II, стр. 278—279. Щербатовъ пользовался лѣтописцемъ своей библіотеки, сгорѣвшимъ въ 1812 году, когда погибли всѣ рукописи библіотеки графа Мусина—Пушкина (Карамзинъ, т. IX. прим. 354).

[5]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 313.

[6]) Таубе и Крузе, стр. 229.

Кремль и улицы предмѣстій народомъ, рѣшились защищаться среди этихъ бренныхъ улицъ. Безуміе этого распоряженія бросается въ глаза всякому"; 2) „Боярскій сынъ Кудеяръ Тишенковъ.... зналъ, равно какъ и его товарищи, что хану на походѣ къ Москвѣ препятствія не будетъ. Откуда же они могли знать? Всякій догадается, что только воеводы могли дать хану такое ручательство. Не должно при этомъ забывать, что князь Мстиславскій признался послѣ, что онъ навелъ хана"; 3) „Въ то время, когда политическія страсти дошли до такого ожесточенія, что люди потеряли всякую нравственную сдержку, нельзя не обратить вниманія на то, что въ сторожевомъ полку начальникомъ былъ сынъ князя Андрея, растерзаннаго псарями" [1]).

Всѣ эти доводы, кромѣ ссылки на признаніе князя Мстиславскаго, основаны на различныхъ предположеніяхъ и догадкахъ, а слѣдовательно, не заслуживаютъ особеннаго вниманія и опроверженія.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что измѣнники всѣ были изъ украйныхъ городовъ: прекрасно зная всѣ пути и перевозы черезъ Оку, они знали также расположеніе полковъ и малочисленность русскихъ войскъ, вслѣдствіе чего могли поручиться хану головою, что онъ не встрѣтитъ препятствій до самой Москвы. Далѣе, что касается характера дѣйствій воеводъ, то никакого безумія мы въ немъ не усматриваемъ: явившись къ Москвѣ ранѣе хана, значительно уступая численностью татарскимъ ордамъ и ожидая ихъ прибытія съ часа на часъ, воеводы не могли рѣшиться вступить въ открытый бой съ непріятельскимъ войскомъ, не имѣли времени соорудить подъ городомъ окоповъ, а имъ оставалось сдѣлать то, что они и сдѣлали: расположиться подъ защитою городскихъ укрѣпленій, въ разсчетѣ отсидѣться [2]).

Признаніе князя Ивана Мстиславскаго въ клятвенной записи, данной въ 1571 году, дѣйствительно навлекаетъ на воеводъ подозрѣніе въ измѣнѣ: „Я, князь Иванъ Мстиславскій, читаемъ въ этой записи, Богу, святымъ Божьимъ церквамъ и всему православному

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1886 г. № 2, стр. 263—264.

[2]) Третье соображеніе Е. Бѣлова логически несостоятельно, такъ какъ основано на доказываемомъ положеніи (idem per idem): по мнѣнію автора, то обстоятельство, что въ сторожевомъ полку былъ начальникомъ сынъ князя Андрея, растерзаннаго псарями, важно потому, что тогда «люди потеряли всякую нравственную сдержку», т. е. были склонны навести хана, а всякую сдержку нравственную потеряли потому, что навели хана.

христіанству вѣры не сохранилъ, а государю своему, его землямъ, всему православному христіанству и *всей русской землѣ измѣнилъ*; *навелъ съ моими товарищами* безбожнаго Девлетъ-Гирея: святыя мѣста *моею и моихъ товарищей измѣною* ниспровергнуты, христіанская кровь пролита, а многое множество христіанъ погребенья не удостоилось“ [1]). Такимъ образомъ, князь Иванъ Мстиславскій признавался, что онъ и его товарищи измѣнили и навели хана на русскую землю.

Какъ извѣстно, князь Мстиславскій начальствовалъ правой рукой, князь Бѣльскій—большимъ полкомъ, а передовымъ полкомъ—князь Михаилъ Воротынскій [2]). Въ силу признанія Мстиславскаго, онъ самъ и эти два главнѣйшіе воеводы русскаго войска, стоявшаго въ 1571 году на берегу Оки, измѣнили царю и навели хана на русскую землю. Какъ же согласовать съ этимъ то обстоятельство, что въ слѣдующемъ году князю Михаилу Воротынскому ввѣряется главное начальствованіе войсками, которымъ было поручено охранять южныя украйны отъ набѣга того же хана [3]). Если невозможно себѣ представить, чтобы царь рѣшился ввѣрить главное начальствованіе силами, предназначенными для отраженія Девлетъ-Гирея, воеводѣ, который въ предшествующемъ году измѣнилъ и навелъ на русскую землю того-же хана, то сама собою устраняется всякая мысль объ измѣнѣ воеводъ, а это указываетъ на необходимость иного объясненія признанія князя Мстиславскаго.

Ключъ къ правильному истолкованію словъ князя Мстиславскаго объ измѣнѣ даетъ самъ Іоаннъ; при отправленіи польско-литовскаго уполномоченнаго, Ѳедора Воропая, царь говорилъ такъ о набѣгѣ 1571 года: „Мои подданные подвели меня подъ Крымскаго, подъ татаръ. Тѣхъ было сорокъ тысячъ, а у меня только шесть, ровно-ли это. И я о томъ не вѣдалъ: шестеро воеводъ, что шли передо мной съ сильными отрядами, не дали мнѣ знать. Правда они *не могли выиграть дѣло противъ многочисленнаго врага*, но я поблагодарилъ бы ихъ, если бы, погубивъ нѣсколько тысячъ своихъ, они *принесли мнѣ хоть татарскій бичъ, либо плеть*. Но и тогда я ни крошечки не боялся татарской силы.

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Договор., т. I, № 196, стр. 561—562.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 416.
[3]) Тамъ-же, стр. 433.

Я отступилъ немного передъ нею только тогда, когда увидѣлъ коварство и измѣну собственныхъ людей..... И уже Москва была сожжена, а *меня не увѣдомили о томъ*. Пойми же, какова тутъ была измѣна мнѣ отъ людей моихъ!" [1]). Такимъ образомъ, царь ни слова не говоритъ объ измѣнѣ въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ понимается измѣна всѣми; вся вина воеводъ, которые, по собственному его признанію, не могли выиграть дѣла противъ сильнаго непріятельскаго войска,—или измѣна, какъ онъ выражается, заключалась въ томъ, что они ему не дали своевременно знать о движеніи хана и сожженіи Москвы.

Правда, въ январѣ 1574 года Іоаннъ говорилъ татарскому послу: „Братъ нашъ (Девлетъ-Гирей), сославшись съ боярами нашими измѣнниками, пошелъ на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали къ нему съ вѣстью на встрѣчу разбойника Кудеяра Тишенкова" [2]), но въ 1572 году онъ говорилъ совершенно иное и только первое его заявленіе заслуживаетъ нашего вниманія: въ самомъ дѣлѣ, если бы Іоаннъ зналъ или даже подозрѣвалъ, что воеводы—бояре были въ сношеніяхъ съ Девлетъ-Гиреемъ и выслали ему на встрѣчу Кудеяра, то навѣрно князь Мстиславскій не отдѣлался бы выдачей проклятой грамоты и поручной записи, а князя Воротынскаго, подвергавшагося еще въ 60-хъ годахъ опалѣ и бывшаго въ ссылкѣ на Бѣлоозерѣ, онъ не назначилъ бы главнымъ воеводою войскъ, отправляемыхъ въ слѣдующемъ году на берегъ Оки противъ того-же Девлетъ-Гирея. Послѣднее заявленіе Іоанна принадлежитъ къ числу тѣхъ оффиціальныхъ оправданій и выгораживаній себя, въ которыхъ нѣтъ и тѣни правды. Изслѣдователь долженъ относиться съ большою осторожностью къ заявленіямъ самого Іоанна, такъ какъ въ нихъ онъ не затруднялся ложь выдавать за истину: 1) напр., какъ мы видѣли выше, въ письмѣ къ Курбскому Іоаннъ обвинялъ приверженцевъ Адашева и Сильвестра въ нерадѣніи о здоровьи Анастасіи, но въ 1572 году, желая добиться отъ собора разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ, онъ объявлялъ, что „злыхъ людей чародѣйствомъ и отравленіемъ царицу Анастасію изведоша", повторяя тоже относительно двухъ другихъ своихъ женъ (Маріи Черкасской и Марѳы Со-

[1]) Monum. Rus. I, № 163, p. 230. Вмѣсто подлиннаго польскаго текста мы приводимъ переводъ проф. А. Трачевскаго («Польское безкоролевье», стр. 254—255).

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 404. Крымскія дѣла, № 14, л. 153 и слѣд.

бакиной) [1]); 2) въ 1563 г. Іоаннъ наказывалъ отправляемому въ Крымъ Аѳанасію Нагому говорить Сулешу, московскому благопріятелю: „которые, господине, люди ближніе были при государѣ, Иванъ Шереметевъ, Алексѣй Адашевъ, Иванъ Михайловъ и иные люди государя нашего съ *царемъ ссорили*, и государь нашъ *того сыскалъ, и опалу свою на нихъ положилъ*“ [2]), а въ письмѣ своемъ къ Козьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, писалъ: „потому ли вамъ добрѣ жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что *братія его и нынѣ не перестанутъ въ Крымъ посылати*, да бесерменьство на христіяньство наводити“ [3]).

Такимъ образомъ, объясняя и послѣдующія казни, кратко отмѣченныя у Соловьева и раздѣляемыя Карамзинымъ на двѣ эпохи (пятую и шестую), изслѣдователь долженъ или отыскать, если только это возможно [4]), иные мотивы, а не указывать на измѣну князя Мстиславскаго и смерть женъ царскихъ, или прійти къ заключенію, что эти казни, какъ и предшествующія, произошли вслѣдствіе чрезмѣрной жестокости и подозрительности Іоанна.

Въ „пятую эпоху душегубства“, по словамъ Карамзина, были казнены—князь Михаилъ Черкасскій, Иванъ Петровичъ Яковлевъ и его братъ Василій, Замятня Сабуровъ, Левъ Салтыковъ, Григорій Грязный и князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что относить казнь всѣхъ этихъ лицъ къ одному времени мы не имѣемъ основанія, зная изъ Послужнаго списка, что бояринъ Иванъ Яковлевъ выбылъ въ 1570, князь

---

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 104—105. Правъ ли былъ Іоаннъ, когда обвинялъ «злыхъ людей» въ отравленіи Анастасіи, можно судить изъ слѣдующихъ данныхъ: въ октябрѣ царь поѣхалъ въ Можайскъ «въ монастыри помолиться и по селамъ прохладиться» съ женою и дѣтьми; царица заболѣла въ ноябрѣ и по отвратительной дорогѣ царь съ больной женой возвратился только 30 декабря изъ Можайска въ Москву; 17 іюля былъ страшный въ столицѣ пожаръ, и Іоаннъ тяжко-больную жену отвезъ въ Коломенское село, а скончалась она 7 августа (Льв. лѣт. т. V, стр. 298—299, 303; Карамзинъ, т. VIII, прим. 586. Продолж. Царств. Кн. листъ 486). Итакъ, если болѣзнь, сведшая Анастасію въ могилу, тянулась почти 10 мѣсяцевъ, то ие можетъ быть рѣчи объ отравленіи. Обстоятельства смерти двухъ другихъ женъ намъ неизвѣстны, но въ виду этого ложнаго заявленія о смерти Анастасіи, мы имѣемъ основаніе сомнѣваться и въ ихъ «очарованіи».

[2]) Карамзинъ. т. IX, прим. 76; Дѣла Крымскія, № 10, л. 98.

[3]) Акты Ист. т. I, № 204, стр. 396.

[4]) Оставаясь въ предѣлахъ этого изслѣдованія, едва ли позволительно пересматривать понапрасно длинную нить тогдашнихъ отношеній московскаго государства къ польско-литовскому, въ разсчетѣ отыскать здѣсь слѣды измѣны и заговора боярскаго класса.

Черкасскій—въ 1572 году, а смерть Василія Яковлева и Льва Салтыкова послѣдовала въ 1573 году [1]).

Не упоминая о насильственной смерти всѣхъ этихъ лицъ [2]), Курбскій говоритъ, что Левъ Салтыковъ былъ казненъ съ 4 или 5 сыновьями, а Замятня Сабуровъ съ женою и малолѣткою—сыномъ (стр. 97).

Дѣйствительно, изъ письма Таубе и Крузе знаемъ, что Иванъ Замятня (Zathania) Сабуровъ былъ засѣченъ, Левъ же Салтыковъ сначала отосланъ въ Троицкій монастырь и потомъ умерщвленъ; въ синодикѣ же встрѣчаемъ имена Никиты и Ѳедора Салтыковыхъ [3]).

Къ „шестой эпохѣ казней“ Карамзинъ относитъ казнь князя Михаила Воротынскаго, князя Никиты Одоевскаго и Михаила Яковлевича Морозова, а также насильственную смерть всѣхъ погибшихъ въ послѣдніе годы царствованія Іоанна [4]).

Князь Никита Одоевскій, по словамъ Курбскаго, былъ замученъ съ женою и малолѣтними двумя сыновьями: пронзивъ насквозь его грудь, палачи продѣли въ сквозную рану сорочку и, раздражая рану дерганіемъ этой сорочки, замучили несчастнаго. Князь Михаилъ Воротынскій, оклеветанный своимъ слугою въ чародѣйствѣ, былъ связанъ и положенъ, по словамъ Курбскаго, между двумя кострами, а самъ Іоаннъ подгребалъ жезломъ пылающія уголья подъ его тѣло; замученнаго и почти бездыханнаго шестидесятилѣтняго старца повезли въ ссылку и заточеніе на Бѣлоозеро, но едва успѣли провезти три мили, какъ онъ скончался (стр. 86—88) [5]). Михаила Морозова, по словамъ Курбскаго, Іоаннъ казнилъ вмѣстѣ съ его женою и двумя сыновьями (стр. 101).

---

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50—52.

[2]) Данныя, подтверждающія ихъ казнь, слѣдующія: 1) въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими—Иванъ Петровичъ Яковлевъ, Михаилъ Черкасскій (Древн. Вивл. т. XX, стр. 50—51); 2) въ Кирилловскомъ синодикѣ встрѣчаемъ имя князя Михаила Черкасскаго (стр. 78); 3) Таубе и Крузе говорятъ о казни Ивана Петровича Яковлева, его брата Василія и Григорія Грязнаго (S. 230); 4) Гваньини разсказываетъ объ умерщвленіи князя Гвоздева (pp. 31—32).

[3]) Таубе и Крузе, S. 230; Кирилловскій синодикъ, стр. 80, 84.

[4]) Карамзинъ, т. IX, стр. 157—158. Въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими за время отъ 1575 до 1577 г. слѣдующія лица: князь Петръ Куракинъ, Иванъ Бутурлинъ, Петръ Зайцовъ, Григорій Собакинъ, князь Борисъ Тулуповъ, Никита Борисовъ, князь Иванъ Девятелевичъ (Древн. Вивл. т. XX, стр. 54—55).

[5]) Разсказывая о казни князя Воротынскаго, Курбскій вспоминаетъ о побѣдѣ его надъ татарами въ 1572 г.: по его словамъ, битва съ непріятельскими силами продолжалась нѣсколько дней; пали два сына хана, а Дивій Мурза и третій сынъ были взяты въ плѣнъ (стр. 86—87).

Казнь всѣхъ этихъ трехъ воеводъ не подлежитъ сомнѣнію. Они отмѣчены въ Послужномъ спискѣ выбывшими въ 1573 году [1]), и насильственная смерть ихъ засвидѣтельствована разрядными книгами; какъ читаемъ тамъ, царь „положилъ опалу свою“ на Воротынскаго, Морозова и Одоевскаго и „велѣлъ ихъ казнити смертною казнью“ [2]).

Списокъ жертвъ гнѣва Іоаннова у Курбскаго далеко не отличается полнотою, такъ какъ о казни многихъ бояръ и воеводъ, какъ мы видѣли, онъ совершенно не упоминаетъ, но и этотъ неполный перечень не вошелъ въ изложеніе Карамзина.

По словамъ Курбскаго, были казнены слѣдующія лица, о насильственной смерти которыхъ не упоминаетъ нашъ историографъ: князь Александъ Ярославскій, князь Владиміръ Курлятевъ (стр. 82, 98), князь Василій Темкинъ съ сыномъ (стр. 84), Димитрій Пушкинъ (стр. 96), Андрей Шеинъ-Морозовъ, Владиміръ Морозовъ (стр. 97), Василій и Григорій Тетерины, Данило Чулковъ, Ѳеодоръ Булгаковъ съ родственниками, Григорій Сидоровъ (стр. 98), Сабуровы и Сарыхозины (стр. 100).

Казнь почти всѣхъ этихъ лицъ подтверждается нашими источниками: 1) въ Послужномъ спискѣ Владиміръ Морозовъ отмѣченъ выбывшимъ въ 1564, а Андрей Шеинъ—въ 1569 году [3]); 2) въ синодикѣ встрѣчаемъ имена князя Александра Ярославскаго, князя Владиміра Курлятева, князя Василія Темкина съ сыномъ, Андрея Шеина, Григорія, Василія и другихъ Тетериныхъ, Булгаковыхъ, Пушкиныхъ, Сидоровыхъ и Сабуровыхъ [4]); 3) въ письмѣ Таубе и Крузе говорится о казни Владиміра Курлятева (Waldmer Kurbatau [5]); 4) Гваньини говоритъ о казни Владиміра Морозова [6]).

Дѣйствительно, «Повѣсть о бою воеводъ московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ», отысканная Карамзинымъ въ «Книгѣ о древностяхъ рос. государства» (Син. Библ. № 52, т. I, л. 98), подтверждаетъ свидѣтельство Курбскаго о томъ, что битва или схватки съ татарами тянулись нѣсколько дней, прибавляя также, что въ бою «убили царева Калгина сына, царевича, и многихъ мурзъ и татаръ живыхъ поимали» (Карамзинъ, т. IX, прим. 391). Новгородская вторая лѣтопись говоритъ, что 9 августа въ Новгородъ, гдѣ тогда былъ царь, привезли взятаго въ плѣнъ мурзу Дивія (П. С. Р. Л. т. III, стр. 173).

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 52—53.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 478; Архивн. Разрядн. Кн. л. 482.

[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46, 50.

[4]) Кирилловскій синодикъ, стр. 63, 14, 80, 14, 7, 47, 81, 10, 26, 13, 24.

[5]) Таубе и Крузе, S. 207.

[6]) Гваньини, p. 38.

Представивъ довольно все-таки длинный перечень казненныхъ, Курбскій счелъ нужнымъ сказать объ орудіяхъ казней и родахъ ихъ, а въ разныхъ мѣстахъ своего изложенія пытался объяснить, что побуждало Іоанна къ казнямъ.

По словамъ его, Іоаннъ употреблялъ при казняхъ разженныя сковороды, печи и клещи, а роды мученія были слѣдующіе: бичеваніе, разрываніе на части, забиваніе иголъ за ногти, рѣзаніе по составамъ и распиливаніе пополамъ (стр. 127).

Нѣтъ надобности приводить ужасающихъ и омерзительныхъ подробностей казней Іоанна, подробностей, встрѣчаемыхъ въ изобиліи у иностранныхъ писателей и подтверждающихъ это свидѣтельство Курбскаго, а достаточно, въ подтвержденіе его, сослаться на буквально тождественное свидѣтельство одной рукописи синодальной библіотеки [1]) и на приводимое уже выше свидѣтельство Спасоприлуцкаго синодика.

По словамъ Курбскаго, Іоаннъ казнилъ родственниковъ и друзей Адашева „ихъ богатствъ ради и стяжанія“ (стр. 79), князей Ярославскихъ и Хабарова погубилъ, потому что они „имѣли отчины великія“ (стр. 85, 93), а князя Воротынскаго, потому что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ князей, которые „были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли“ (стр. 87).

Однако, съ подобнымъ объясненіемъ нашего автора нельзя согласиться, такъ какъ мы достовѣрно знаемъ, что Іоаннъ былъ убѣжденъ въ измѣнѣ бояръ и въ необходимости бороться съ ними: „А что, читаемъ въ его духовномъ завѣщаніи, по множеству беззаконій моихъ, распростерся Божій гнѣвъ, *изгнанъ я отъ бояръ*, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія, и скитаюсь по странамъ, и вамъ (т. е. сыновьямъ) моими грѣхами многія бѣды нанесены: то Бога ради не изнемогайте въ скорбяхъ“, и не былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ этой борьбы для своей семьи: „насъ, родителей своихъ и прародителей, пишетъ царь въ своемъ завѣщаніи, не только въ государствующемъ градѣ Москвѣ или гдѣ будете въ другомъ мѣстѣ, но если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете, въ божественныхъ

[1]) Карамзинъ, т. IX, прим. 321; Рукопись библіот. синод. № 364 л. 851. Въ Новгородской третьей лѣтописи читаемъ: «и повелѣ государь ихъ (новгородцевъ) предъ собою горцѣ и безчеловѣчнѣ различными муками мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ различныхъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ» (П. С. Р. Л. т. III, стр. 260).

литургіяхъ, панихидахъ и литіяхъ, въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, сколько возможно, не забывайте“ [1]).

Какъ извѣстно, Курбскій къ концу своего сочиненія присоединяетъ житіе Ѳеодорита. Несмотря на скудость нашихъ источниковъ, главнѣйшіе моменты его разсказа находятъ подтвержденіе въ нихъ.

Такъ, Курбскій говоритъ, что Ѳеодоритъ, около 20 лѣтъ проживъ среди Лопарей въ строгой отшельнической жизни, съ своимъ товарищемъ, какимъ-то старцемъ Митрофаномъ, прибылъ въ Новгородъ, гдѣ архіепископъ Макарій посвятилъ его въ священники и сдѣлалъ своимъ духовникомъ; но, проживъ тамъ недолго (около 2-хъ лѣтъ), Ѳеодоритъ отправился съ богатыми пожертвованіями и нѣсколькими спутниками въ землю Лопарей, къ устьямъ рѣки Колы, гдѣ основалъ монастырь и съ успѣхомъ распространялъ христіанство среди туземцевъ (стр. 114—115).

Дѣйствительно, мы знаемъ, что зимою 1532 года прибыли въ Новгородъ отъ Мурманскаго берега, съ береговъ рѣки Колы, Лопари и просили архіепископа отправить въ ихъ страну проповѣдниковъ и поставить церкви, и Макарій вслѣдствіе этого отправилъ къ нимъ священника и діакона Софіевскаго собора [2]).

Монахи основаннаго въ землѣ Лопарей монастыря, какъ разсказываетъ Курбскій, не взлюбивъ Ѳеодорита за строгій уставъ монастырской жизни, введенный имъ въ своемъ монастырѣ, изгнали его; и нѣкоторое время онъ былъ игуменомъ въ какомъ-то небольшомъ монастырѣ новгородской земли, но вскорѣ царь назначилъ его архимандритомъ Евфиміева монастыря; управляя этимъ послѣднимъ, Ѳеодоритъ навлекъ на себя своей строгостью нерасположеніе монаховъ, а ненависть суздальскаго епископа обличеніями въ сребролюбіи; когда возникло дѣло о неправовѣріи бывшаго Троицкаго игумена Артемія [3]), то суздальскій епископъ объявилъ, что Ѳеодоритъ также ере-

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 220, стр. 372, 378. Эти тексты мы приводимъ въ переводѣ Соловьева (т. VI, стр. 231, 234).

[2]) Отр. Рус. лѣт.; П. С. Р. Л. т. VI, стр. 289.

[3]) По словамъ Курбскаго, однимъ изъ главныхъ «навѣтчиковъ» на Артемія и Савву Шабылъ Нектарій, но ихъ клеветы были опровергнуты Ѳеодоритомъ и Іоасафомъ Бѣлобаевымъ, на которыхъ они сослались, въ подтвержденіе своихъ словъ (стр. 117—118). Дѣйствительно, изъ соборной грамоты въ Соловецкій монастырь (отъ 24 янв. 1554 года) извѣстно, что бывшій Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій въ своихъ обвиненіяхъ Артемія и Перфила (онъ же Савва—Шахъ см. Ник. лѣт. т. VII, стр. 204) сослался на Іоасафа Бѣлобаева и другихъ старцевъ Ниловой пустыни, «и на соборѣ старцы сказали, что они отъ Артемья хулы на божественное пи-

тикъ; Ѳеодорита отставили отъ игуменства и послали въ Кирилловъ монастырь, но черезъ полтора года онъ былъ, по просьбѣ Курбскаго и другихъ бояръ, освобожденъ и поселился въ одномъ изъ монастырей (св. Спаса) города Ярославля, гдѣ покоились мощи св. Ѳеодора Ростиславича; вскорѣ затѣмъ Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, отправилъ его въ Константинополь просить у патріарха благословенія на вѣнчаніе тѣмъ же чиномъ, какимъ вѣнчались византійскіе императоры; и Ѳеодоритъ выполнилъ это порученіе (стр. 116—121).

Дѣйствительно, какъ извѣстно, въ январѣ 1557 года царь отправлялъ на Аѳонскую гору „бывшаго архимандрита Евфимьева монастыря Ѳеодорита“ [1]), а въ ноябрѣ 1564 года, отпуская Кизицкаго митрополита, вручилъ ему милостыню для передачи тѣмъ епископамъ, которые „писали ко царю и великому князю благословеніе о его государскомъ поставленіи на царство“ [2]); въ архивѣ же царскомъ сохранялись грамоты восточныхъ патріарховъ „и отписки къ тѣмъ патріархамъ съ архимандритомъ Ѳеодоритомъ и архимандритомъ Геннадіемъ“; наконецъ, какъ выше мы доказали, Ѳеодоритъ былъ духовникомъ нашего писателя, подвергался допросу по случаю его бѣгства въ Литву и жилъ въ монастырѣ св. Спаса [3]).

Итакъ, изложеніе Курбскаго о казняхъ Іоанна Грознаго подтверждается, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ такими заслуживающими нашего полнаго довѣрія источниками, какъ Послужной списокъ, лѣтописи, синодикъ, и наказныя рѣчи посламъ, и отчасти свидѣтельствами иностранныхъ писателей, которымъ, по нашему убѣжденію, несправедливо оказывалось слишкомъ мало довѣрія; но его изложеніе нельзя считать полнымъ, такъ какъ, составляя эту часть сочиненія на чужбинѣ, куда доходили не всѣ свѣдѣнія, онъ вовсе не упоминаетъ о насильственной смерти весьма многихъ лицъ.

А. Ясинскій.

саніе и на христіанскій законъ не слыхали ничего»; изъ той же грамоты знаемъ, что Артемія послали на заточеніе въ Соловки (Акт. Арх. Эксп. т. I, № 239, стр. 253—254), а изъ описи царскаго архива (ящикъ 202), что онъ оттуда убѣжалъ (Акт. Арх. Эксп. т. I, № 289).

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 279; Льв. лѣт. т. V, стр. 161—162.

[2]) Алек.-Невск. лѣт. стр. 244.

[3]) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 289; Опись царскаго архива (ящикъ 176 и 191).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ первый годъ моей преподавательской дѣятельности въ Нѣжинскомъ Лицеѣ князя Безбородко, гдѣ я тогда читалъ курсъ Финансоваго Права, мнѣ предстояло, по порученію Совѣта Лицея, произнести рѣчь на актѣ 4 сентября 1873 года. Желая познакомить присутствовавшую на торжествѣ публику съ какимъ нибудь живымъ вопросомъ изъ области финансовой спеціальности, я остановился на такомъ, который, по моему мнѣнію, касался серьезныхъ жизненныхъ интересовъ провинціальнаго общества, а именно, я старался выяснить разнообразное значеніе, какое имѣла одна и та же русская финансовая система для различныхъ мѣстностей нашего отечества. Конечно, по весьма понятнымъ причинамъ, въ актовой рѣчи я могъ изложить избранный предметъ только въ бѣгломъ очеркѣ, по возможности наглядно и популярно, не прибѣгая къ документальнымъ доказательствамъ своихъ соображеній. Но и тогда уже главнѣйшимъ основаніемъ моихъ выводовъ послужили тѣ таблички изъ Отчетовъ Государственнаго Контроля, которыя начали появляться въ приложеніяхъ къ этимъ важнымъ документамъ финансовой жизни Россіи съ 1868 года и по своей достовѣрности были совершенно пригодны для серьезной научной разработки. Это-то важное качество избраннаго мною матеріала—возможно полная достовѣрность, которою, къ сожалѣнію, не отличаются многія русскія статистическія данныя, а также новизна предмета, можно даже сказать—непочатость его разработки, побуждаютъ меня и теперь—16 лѣтъ спустя—обратиться вновь къ темѣ, которую я уже намѣтилъ давно. Какъ ни странно это можетъ показаться, однако несомнѣнно, что за 20 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, когда впервые появились въ Приложеніяхъ къ Отчетамъ Го-

сударственнаго Контроля таблицы распредѣленія по мѣстностямъ поступленія государственныхъ доходовъ и производства расходовъ,— въ русской литературѣ не появилось ни одного отдѣльнаго изслѣдованія, которое разрабатывало бы этотъ интересный матеріалъ. Правда, можно указать на работу, посвященную совершенно другой темѣ,— коммерческимъ операціямъ Государственнаго Банка [1]), гдѣ для характеристики экономическаго состоянія различныхъ раіоновъ Россіи, какъ иллюстрація, приводятся изъ Отчетовъ Государственнаго Контроля и данныя о государственныхъ доходахъ за 1873 г., а также указывается на постоянные громадные дефициты Петербургской губерніи. Вотъ и все, что могъ я найти въ русской литературѣ по занимающему меня вопросу. (Конечно, кромѣ сырыхъ матеріаловъ).

Изъ иностранной же литературы мнѣ не удалось имѣть подъ рукою ничего, кромѣ неудобосравнимыхъ по отрывочности, отчасти и по устарѣлости [2]), свѣдѣній о нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ и краткихъ замѣчаній, сдѣланныхъ мимоходомъ въ учебныхъ пособіяхъ, составленныхъ выдающимися авторитетами финансовой науки [3]). Поэтому я вынужденъ теперь совершенно отказаться, какъ отъ сравнительнаго сопоставленія русскихъ данныхъ съ иностранными, какъ бы желательно это ни было, такъ и отъ приведенія литературы теоретической разработки этого вопроса. Не имѣя же въ виду послѣдней, нельзя было рѣшиться принять на себя и задачу оцѣнки изображаемыхъ фактовъ финансовой жизни Россіи и эмпирическихъ ихъ обобщеній съ точки зрѣнія требованій теоретической доктрины, которая по настоящему вопросу, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, совершенно еще не разработана. Оставляя же въ сторонѣ эту послѣднюю, болѣе широкую задачу, пришлось ограничиться разработкою при помощи статистическаго метода только русскихъ финансово-статистическихъ данныхъ

---

[1]) Коммерческія операціи Государственнаго Банка Д. И. Пихно 1876 г. Кіевъ. Таблица къ стр. 86 и стр. 118.

[2]) Leonce de Lavergne. De la repartition des dépenses publiques (Journal des economistes 1853. Avril p. 1, 1857. Juillet p. 32—6. Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1878. Heft VII Abtheilung 1. Wien.

[3]) W. Roscher. System der Finanzwissenschaft § 152 (S. 637—9). A. Wagner. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Abtheilung 1, § 38 a (S. 49—51). § 38 b (S. 52) 1 Ausgabe. Даже эти авторитетные ученые, внимательно слѣдящіе за спеціальною литературою предмета, своими ссылками на ученыя сочиненія не помогли мнѣ найти изслѣдованій, посвященныхъ избранной мною темѣ, которыя выяснили бы теорію вопроса.

о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Но какъ ни скромна эта задача, однако мнѣ, въ положеніи провинціальнаго изслѣдователя и частнаго человѣка, многолѣтнимъ опытомъ пришлось убѣдиться въ томъ, какъ затруднительно полученіе обыкновеннымъ путемъ матеріаловъ, заключающихся въ оффиціальныхъ изданіяхъ.

Только въ послѣднее время, благодаря просвѣщенному содѣйствію нѣсколькихъ лицъ [1]), отъ распоряженія которыхъ зависѣло снабженіе меня необходимыми для моего изслѣдованія данными, мнѣ удалось, наконецъ, получить матеріалъ, недостававшій для завершенія хотя небольшой части давно задуманнаго, но по необходимости прерваннаго труда. Впрочемъ, не весь полученный оффиціально-статистическій матеріалъ подходитъ къ темѣ настоящаго выпуска предпринимаемаго изслѣдованія: часть этого матеріала можетъ послужить къ продолженію начатаго сочиненія, если удастся пополнить пробѣлы, все-таки представляемые имѣющимися пока у меня данными.

Однако, не смотря на столь цѣнное для меня содѣйствіе въ пріобрѣтеніи матеріаловъ, при разработкѣ послѣднихъ оказались препятствія иного рода, заключающіяся уже въ самомъ качествѣ русскихъ статистическихъ данныхъ. Главнѣйшія изъ нихъ для нашей темы, Отчеты Государственнаго Контроля, давая наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія, по формѣ своихъ таблицъ о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ, все таки представляютъ неудобства для разработки: послѣ 1881 г. въ этихъ таблицахъ показаны слитно всѣ суммы государственнаго казначейства, обращавшіяся въ кассахъ, а не отдѣляются смѣтные доходы отъ прочихъ кассовыхъ оборотовъ, какъ это было до 1882 г., и потому нѣтъ возможности выяснить, сколько изъ показанныхъ доходовъ относится по происхожденію къ данной мѣстности и сколько переведено изъ другихъ кассъ. Эта разнородность показаній вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ изслѣдователя возможности сравнивать въ этомъ отношеніи Отчеты за послѣдующіе года 1882—7 съ предыдущими 1868—81 и включить послѣднее шестилѣтіе въ общіе итоги. За то съ 1882 г. сдѣлано улуч-

[1]) Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить имъ печатно мою почтительную признательность.

шеніе въ томъ отношеніи, что показаны размѣры и главнѣйшихъ *неокладныхъ* сборовъ, сверхъ *окладныхъ*, по мѣстностямъ ихъ поступленія, тогда какъ до 1882 года показанія относились только къ однимъ окладнымъ сборамъ. Это дѣлаетъ данныя *до* и *послѣ* 1881 г. неудобосравнимыми. До 1882 г. не публиковалось всѣхъ данныхъ, провѣренныхъ контролемъ, объ элементахъ, изъ которыхъ состояли государственные доходы. Объ отдѣльныхъ статьяхъ государственныхъ расходовъ по мѣстностямъ производства ихъ ни до 1881 г., ни послѣ него въ Отчетахъ Государственнаго Контроля совершенно не помѣщено свѣдѣній, хотя послѣднія и доставляются Контрольными Палатами въ Государственный Контроль. Нельзя было совершенно пополнить эти пробѣлы тѣми свѣдѣніями, которыя помѣщены были въ Ежегодникѣ Министерства Финансовъ, какъ по неполнотѣ послѣднихъ, такъ и по несогласію ихъ съ данными, провѣренными контролемъ. Послѣднее особенно слѣдуетъ замѣтить о данныхъ относительно таможенныхъ доходовъ, помѣщенныхъ какъ въ этомъ изданіи, такъ и въ Обзорахъ Внѣшней торговли: цифры обоихъ этихъ источниковъ не согласны съ означенными въ отчетахъ Государственнаго Контроля; даже въ самыхъ этихъ Отчетахъ цифры таможеннаго дохода за одинъ и тотъ же годъ въ разныхъ мѣстахъ изданія показаны различно, вѣроятно по неодинаковости вексельнаго курса, принятаго для перевода металлической валюты на кредитную [1]). Если такими недостатками, недопускающими вполнѣ точныхъ выводовъ, страдаютъ наши даже самые достовѣрные статистическіе матеріалы—финансовые, то что же сказать о другихъ, не финансовыхъ, данныхъ русской экономической статистики? А между тѣмъ этими послѣдними придется воспользоваться и въ настоящей финансово-статистической работѣ съ цѣлью освѣщенія собственно финансовыхъ данныхъ. Напр. для введенія желательной поправки принятіемъ въ разсчетъ тѣхъ измѣненій въ платежѣ налоговъ, которыя производитъ переложеніе податей, слѣдовало бы констатировать распредѣленіе по мѣстностямъ потребленія обложенныхъ продуктовъ. Но въ большинствѣ случаевъ этого рода имѣющіяся въ русской

---

[1]) См. Объяснительныя Записки къ Отчетамъ Государственнаго Контроля: за 1880 г., стр. 5 и за 1882 г., стр. 15, гдѣ показаны цифры дѣйствительнаго поступленія таможеннаго дохода за одинъ и тотъ же 1880 годъ.

статистической литературѣ изданія не даютъ достаточно полныхъ и точныхъ данныхъ для выясненія этого распредѣленія потребленія по мѣстностямъ. Исключеніе изъ этого представляютъ только тѣ данныя о потребленіи водки, которыя заключаются въ Отчетахъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ: свѣдѣнія эти собираются акцизнымъ вѣдомствомъ въ фискальныхъ интересахъ, а потому, вообще говоря, по своей достовѣрности они пригодны для выясненія географическаго распредѣленія потребленія этого важнѣйшаго изъ обложенныхъ налогомъ предметовъ, доставляющаго треть всѣхъ государственныхъ доходовъ Россіи. То-же, что мы можемъ извлечь изъ Статистическаго Сборника Министерства Путей Сообщенія, далеко недостаточно пригодно для пользованія при выясненіи распредѣленія по мѣстностямъ размѣровъ потребленія обложенныхъ налогомъ товаровъ. Въ этомъ сборникѣ помѣщены свѣдѣнія только о главнѣйшихъ грузахъ малой скорости; поэтому совершенно нѣтъ свѣдѣній о перевозкѣ, напр., чая, дающаго наибольшій доходъ изъ предметовъ, обложенныхъ таможенною пошлиною, а именно около $^1/_4$ всего дохода. То же слѣдуетъ сказать и о перевозкѣ обработанныхъ табачныхъ издѣлій; свѣдѣнія же о перевозкѣ сыраго табаку не могутъ еще дать достаточныхъ указаній о потребленіи обработаннаго продукта. Подобнаго же замѣчанія нельзя не сдѣлать, напр., о желѣзѣ, каменномъ углѣ и нѣкоторыхъ другихъ матеріалахъ промышленности, подати съ которыхъ (таможенныя) перелагаются заводчиками на потребителей окончательныхъ продуктовъ. Потребленіе же напр. соли представляется такимъ раздробленнымъ, что по даннымъ о перевозкѣ ея по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ сообщенія намъ было очень трудно вычислить, сколько именно приходилось на каждую губернію до отмѣны соляного акциза: для этого потребовался бы трудъ не единичныхъ усилій частнаго изслѣдователя, а работа цѣлаго статистическаго бюро, что отчасти и произведено (только относительно хлѣба [1]) и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ) Статистиче-

[1]) Уже во время печатанія настоящаго сочиненія мы узнали, что въ 3-мъ и 4-мъ выпускахъ дополненій къ Статистическому Сборнику Министерства Путей Сообщенія имѣются данныя о ввозѣ и вывозѣ соли по губерніямъ, но намъ не удалось достать этихъ выпусковъ; къ тому же помѣщенныя въ нихъ свѣдѣнія относятся къ 1884 и 1885 гг., когда уже не существовалъ акцизъ съ соли, а подобныхъ же вычисленій по губерніямъ для времени существованія упомянутаго акциза не опубликовано.

скимъ Отдѣленіемъ Министерства Путей Сообщенія и издано въ особыхъ дополненіяхъ къ Сборнику. Мнѣ же удалось вычислить по даннымъ Статистическаго Сборника Министерства Путей Сообщенія только распредѣленіе потребленія сахару не по отдѣльнымъ губерніямъ, а по цѣлымъ группамъ ихъ, да и то приблизительно, принявъ предположеніе, что количество полученнаго товара по желѣзнымъ дорогамъ (притомъ малою скоростью) показываетъ и размѣры потребленія этого продукта въ окрестномъ раіонѣ. Достовѣрныя данныя о движеніи суммъ Государственнаго Казначейства оказались между прочимъ въ Ежегодникѣ Русскихъ Кредитныхъ учрежденій, которыми я не премину воспользоваться со временемъ.

Мнѣ необходимо было сдѣлать предыдущій критическій разборъ изданій, послужившихъ главнѣйшими матеріалами для моей работы, такъ какъ указанные недостатки данныхъ неизбѣжно должны были вызвать нѣкоторую неполноту изслѣдованія и притомъ допускали не вполнѣ точные, а только приблизительные выводы. Ко всему уже сказанному необходимо присоединить еще одну оговорку: полагаю, всякій, хоть сколько нибудь знакомый съ утомительною и кропотливою статистическою работою надъ массою цифроваго матеріала, согласится, что при ней не только возможны, но почти неизбѣжны нѣкоторыя, чисто ариѳметическія, погрѣшности въ вычисленіяхъ; но надѣюсь, что подобнаго рода недостатки, возможные и въ моей настоящей работѣ, окажутся такъ малы, что отнюдь не будутъ въ состояніи существенно повліять на окончательные выводы.

ВВЕДЕНІЕ.

Нынѣ миновала уже пора вѣры въ такія будто бы непреложныя правила экономической жизни, которыя примѣнимы ко всѣмъ временамъ и мѣстностямъ. Напротивъ, въ настоящее время сдѣлалось чуть-ли не общимъ мѣстомъ даже экономической науки, а не только практики—признаніе необходимости примѣняться къ условіямъ мѣста и времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль, что сравнительно точное и объективное выраженіе этихъ условій хозяйственной жизни населенія слѣдуетъ искать въ достовѣрной статистикѣ. Отсюда—важное практическое значеніе собственно экономической статистики. И въ Россіи сознаніе этой ея важности вызвало тѣ несомнѣнно большіе успѣхи, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, которые обнаружились за послѣднія 30 лѣтъ въ административной статистикѣ. Значитъ, потребности самой жизни государственной доказали необходимость обращаться за справками къ статистическимъ свѣдѣніямъ, даже не смотря на недостатки послѣднихъ. Всякій, кто не ограничился знакомствомъ только съ общими для всей Россіи статистическими данными, а останавливалъ свое вниманіе и на расчлененіи этихъ данныхъ по отдѣльнымъ частямъ государства, не могъ не убѣдиться въ томъ, что общая для всей Россійской Имперіи средняя величина, обыкновенно принимаемая за характеристику даннаго явленія всей страны, выводится изъ слишкомъ ужъ несходныхъ между собою элементовъ, и что во многихъ случаяхъ основанные на ней выводы будутъ очень удаляться отъ дѣйствительности. Собственно говоря, вычисленіе среднихъ, происшедшихъ изъ такихъ чрезвычайно уклоняющихся другъ отъ друга данныхъ, противорѣчитъ строгимъ требованіямъ статисти-

ческаго метода, а между тѣмъ такую именно среднюю приходится нерѣдко имѣть въ виду при рѣшеніи разныхъ вопросовъ экономической и финансовой политики. Даже и такой средней, при неполнотѣ русскихъ статистическихъ данныхъ, иногда не оказывается, и тогда поневолѣ вынуждены бываютъ довольствоваться приблизительными обобщеніями случайныхъ наблюденій. Если бы мы захотѣли подтверждать фактами только что сказанное относительно качествъ среднихъ для всей Россійской Имперіи, то пришлось бы изложить здѣсь чуть-ли не большую часть русской экономической статистики. Но мы ограничимся здѣсь приведеніемъ только такихъ данныхъ ея, которыя наиболѣе характеризуютъ степень экономическаго развитія и особенности мѣстныхъ потребностей. Напр. можно указать хотя бы на среднюю плотность населенія, отъ которой находится въ тѣсной зависимости вся экономическая культура страны. Для всей Имперіи средняя плотность населенія представляется цифрою въ 5,72 человѣка на квадратную версту, что оказывается ужъ слишкомъ общимъ выраженіемъ, до нельзя маскирующимъ дѣйствительность, часто чрезвычайно уклоняющуюся отъ этой средней. Такъ, есть въ Россіи мѣстности довольно обширныя, но совершенно пустынныя: напр., въ Енисейской губерніи приходится жителей на одну квадратную версту 0,2 человѣка, въ Якутской Области даже только 0,07 жителей, въ Колымскомъ же округѣ Якутской Области и въ Туруханскомъ краѣ Енисейской губ. всего 0,01 ж., т. е. въ 572 раза менѣе средней для всей Россійской Имперіи. Противоположность этой пустынности встрѣчаемъ, напр., въ Московской губерніи, гдѣ около 75 человѣкъ на кв. версту, далѣе въ Варшавской губ., гдѣ 108 ч. на 1 кв. версту, въ Петроковской—98 ч., а во всемъ Привислянскомъ краѣ 71,47; если же возьмемъ меньшія административныя дѣленія страны, то въ тѣхъ уѣздахъ Россіи, гдѣ столицы, напр. въ Петербургскомъ, окажется —577, (т. е. въ 100 разъ болѣе средней для Имперіи), въ Московскомъ уѣздѣ—366, даже въ нестоличномъ Лодзинскомъ у.—274 на 1 квад. версту [1]). Сопоставляя эту населенность съ иностранною, найдемъ что Варшавская губ., напр., нѣсколько плотнѣе населена, чѣмъ вся (въ среднемъ) Германія, а Московская—прибли-

[1]) Статистика Россійской Имперіи. Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884—5 гг. (стр. 1—15).

жается въ этомъ отношеніи къ Австро-Венгріи; съ другой стороны Енисейская губ. (не говоря уже о Якутской Области и Туруханскомъ краѣ) превосходитъ по рѣдкости населенія даже неорганизованныя территоріи дальняго Запада Соединенныхъ Штатовъ С. Америки съ ихъ дѣвственною почвою. Если же взять для сравненія населенность нѣкоторыхъ русскихъ уѣздовъ, то напр. Петербургскій плотнѣе населенъ чѣмъ Дублинскій Округъ Ирландіи и Глазговскій—Шотландіи, Московскій же уѣздъ превосходитъ Бельгійскій Брабантъ и Дюссельдорфскій Округъ, одинъ изъ самыхъ населенныхъ въ Германіи; Лодзинскій уѣздъ населенъ плотнѣе королевства Саксоніи и только нѣсколько уступаетъ Южно-Голландской провинціи; Колымскій же Округъ Якутской Области и Туруханскій край населены почти въ пятьдесятъ разъ слабѣе Канады [1]). Таковы то противоположности (по густотѣ населенія), встрѣчаемыя на обширномъ пространствѣ Россійской Имперіи. Не мудрено послѣ этого, что въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ Сѣвера и Востока Имперіи мы встрѣчаемъ очень низкія степени экономической культуры: звѣроловство, кочевое скотоводство и рыболовство, тогда какъ подъ столицами и въ Привислянскомъ краѣ, именно въ указанныхъ выше мѣстностяхъ, обрабатывающая промышленность, а значитъ, и вообще экономическая культура, уже достигла довольно высокаго развитія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи одна Европейская Россія представляетъ большое разнообразіе: тогда какъ среднимъ числомъ на 1 жителя въ Европейской Россіи съ Привислянскимъ краемъ (по приблизительнымъ оффиціальнымъ даннымъ 1885 г.) [2]) приходится произведеній всей обрабатывающей (безъ кустарной) промышленности цѣнностью на 14 р. 71 к., въ Московской губ. свыше $78\frac{1}{2}$ руб., а въ Бессарабіи напр. только по 79 к., т. е. почти во сто разъ менѣе, чѣмъ въ Московской [3]). Даже земледѣліе, коренной промыселъ русскаго населенія, въ предѣлахъ одной Европейской Россіи представляетъ очень уклоняющіяся отъ среднихъ статистическія данныя [4]). Состояніе земледѣльческой культуры хорошо характеризуется тою долею пустующей земли, которая выражена въ статистикѣ процентомъ

[1]) См. Приложеніе I.

[2]) Сборникъ свѣдѣній (статистическихъ) по Россіи за 1884—5 г. (стр. 1—15 и 128—139).

[3]) см. Приложеніе II.

[4]) см. Приложеніе III.

пара и залежи въ общей массѣ воздѣлываемыхъ земель. Не смотря на извѣстное преобладаніе въ Россіи вообще трехпольной системы, что выражается въ достаточной равномѣрности доли пара и залежей по многимъ обширнымъ областямъ Европейской Россіи, не слишкомъ далеко удаляющейся отъ средней въ $39,_4\%$ [1]), все таки встрѣчаются очень большія группы губерній, представляющія сильное уклоненіе отъ этой средней: такъ въ нижневолжской группѣ почти $^2/_3$ ($64,_3\%$) всѣхъ воздѣлываемыхъ земель занято паромъ и залежью, въ Прибалтійскихъ же—всего $24,_3\%$. Но по уѣздамъ противоположность еще большая: такъ на крестьянскихъ и казачьихъ земляхъ Орскаго уѣзда Оренбургской губерніи $86,_3\%$ всей пахати подъ залежью и паромъ, а на крестьянскихъ земляхъ Вольмарскаго уѣзда Лифляндской губерніи только $17,_9\%$, т. е. почти въ 5 разъ меньше. Разнообразіе посѣвовъ также свидѣтельствуетъ о большемъ развитіи земледѣлія; а въ этомъ отношеніи Прибалтійскія и Нижневолжскія губерніи представляютъ собою противоположность: тогда какъ въ послѣднихъ только $1,_8\%$ всѣхъ находящихся подъ посѣвами земель занято стручковыми, корнеплодными и другими незерновыми растеніями, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ—$21,_3\%$, и даже въ Литовскихъ $10,_3\%$; въ остальныхъ же губерніяхъ значительно меньше [2]). Также характерными признаками состоянія земледѣлія представляются данныя о количествѣ посѣяннаго и собраннаго хлѣба съ данной единицы занятаго подъ посѣвы пространства. И въ этомъ отношеніи даже въ Европейской Россіи (не говоря уже объ Азіатской) большое разнообразіе: во всей Европейской Россіи въ среднемъ за 1883—6 гг. собрано было съ 1 десятины земли, находившейся подъ посѣвами, всякаго зерноваго хлѣба—$4,_{55}$ четвертей; въ южныхъ степныхъ губерніяхъ $3,_{26}$ ч. (а, напр., въ Астраханской губ. ржи и яровой пшеницы $1,_3$ чет.), тогда какъ въ Прибалтійскихъ $7,_{14}$ четв. [3]). Размѣры густоты посѣвовъ также очень разнообразны: такъ на 1 десятину высѣвалось ржи въ Московской губерніи $12,_5$ четвериковъ, во Владимірской $10,_7$, въ Ярославской $10,_9$ четв., въ Лифлянской

---

[1]) Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Серія III, Выпускъ 4-й. Предисловія стр. XXVII и стр. 147 и 405.

[2]) Статистическій Временникъ. Серія III. Выпускъ 4-й стр. XXVII.

[3]) Изданія объ урожаяхъ 1883—6 гг. Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

$10,_1$, между тѣмъ какъ въ степныхъ губ.—Таврической только $4,_6$ четв., а въ З. В. Донского $4,_7$ четв. [1]). Если бы имѣлись подобныя же данныя объ Азіатской Россіи, то, вѣроятно, тамъ оказалась бы еще большая рѣдкость посѣва, характеризующая экстенсивность земледѣлія. Густота посѣвовъ зависитъ не отъ одной интенсивности культуры, но и отъ качества почвы, а въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ и вообще по природнымъ условіямъ, Россія представляетъ чрезвычайное разнообразіе. Конечно, мы не будемъ здѣсь повторять извѣстнаго на этотъ счетъ изъ географіи Россіи, ограничимся только ближайшими по связи со статистикою земледѣлія примѣрами. Тогда какъ на Югѣ Европейской Россіи, напр. въ Херсонскоій губ., продолжительность полевыхъ работъ простирается до 9 мѣсяцевъ, въ центральной Россіи—во Владимірской губ.—только до 5 мѣсяцевъ, а на сѣверѣ—въ Вологодской и Пермской губ.—4 мѣсяца [2]). Такое сокращеніе на сѣверѣ періода полевыхъ работъ вызываетъ меньшую успѣшность урожаевъ, мѣшаетъ равномѣрности занятій населенія въ теченіе всего года, спеціализаціи его труда, вызывая побочные промыслы, вліяетъ на колебанія заработчей платы сельскихъ рабочихъ и проч.

Столь же разнообразны условія скотоводства въ Россіи: тогда какъ въ южномъ русскомъ Туркестанѣ, въ юго-восточныхъ степяхъ Россіи и въ Бессарабіи скотъ можетъ круглый годъ питаться подножнымъ кормомъ,—въ центральной Россіи приходится кормить скотъ запасами въ теченіе 5 мѣсяцевъ, далѣе же на сѣверѣ—въ теченіе 7 и даже 8 мѣсяцевъ. Какая масса лишняго труда должна быть затрачиваема въ послѣднихъ мѣстностяхъ на скотоводство, въ добавокъ столь необходимое для удобренія неблагодарной тамъ почвы! [3]). Наконецъ, въ той отрасли сельскаго хозяйства, гдѣ еще болѣе, чѣмъ въ земледѣліи, преобладаетъ факторъ природы,—въ лѣсоводствѣ едва ли не нагляднѣе всего представляется подтвержденіе того нашего замѣчанія, что по однѣмъ среднимъ для всей Россіи даннымъ нельзя еще вывести правильнаго заключенія о дѣйствительномъ положеніи вещей. Такъ, изъ общихъ по цѣлымъ государствамъ свѣдѣній оказывает-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», «Херсонская губ.» и «Донская область». «Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу» Вильсона, стр. 25.

[3]) Смотри приложеніе IV.

ся, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Россія (безъ Финляндіи) богаче всѣхъ лѣсомъ: въ ней 38% общаго пространства занято лѣсною площадью, тогда какъ въ обильнѣйшемъ послѣ нея лѣсомъ государствѣ—Швеціи все таки меньшій процентъ—37,8%, въ Австріи 31%, въ Венгріи 28,8%, въ Германіи 25,7%, въ Норвегіи 24%, въ Испаніи 20,8%, въ Швейцаріи 18,7%, въ Румыніи 16,9%, во Франціи 15,8%, въ Италіи 15,7%, въ Бельгіи 15,1%, въ Греціи 11,9%, въ Португаліи 8%, въ Нидерландахъ 6,5%, въ Даніи 4,6%, въ Великобританіи и Ирландіи 3,6%. Лѣсомъ богаче Россіи только Финляндія, имѣющая 57% лѣсной площади, и Канада, гдѣ 50% подъ лѣсомъ [1]). Но если бы мы ограничились этими общими для Россіи данными, то впали бы въ большое заблужденіе: разсматривая уже крупныя области Европейской Россіи, мы найдемъ, что изъ общаго пространства занято лѣсомъ въ Пріуральской области 62,1%, на крайнемъ Сѣверѣ 59,2%, въ Пріозерной области 52,7% (болѣе Канады), въ средне-промышленной 42%, въ Бѣлорусской 37%, въ Средневолжской 27,1%, въ Прибалтійской 26,2%, въ Литовской 25,4%, въ Юго-Западной 23,9%, въ центральной земледѣльческой Россіи всего 14,6%, (процентъ приближающійся къ Франціи, Бельгіи и Италіи), въ Малороссіи 11,9%, (близкій къ Греціи), въ Нижневолжской области 10,7%, наконецъ въ Новороссійской 3,3% [2]), т. е. менѣе, чѣмъ въ Великобританіи, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ бѣднѣйшей лѣсомъ! Уже изъ этого сопоставленія среднихъ процентовъ лѣсной площади по крупнымъ областямъ Россіи, равняющимся по величинѣ цѣлымъ З. Европейскимъ государствамъ, обнаруживается крайняя недостаточность для основательныхъ научныхъ и практическихъ заключеній одной, общей для всего государства, средней процентной величины. Это послѣднее положеніе еще рѣзче выступаетъ при разсмотрѣніи тѣхъ же величинъ по уѣздамъ, гдѣ обнаружатся еще большія противоположности: такъ въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губ. 94% поверхности подъ лѣсомъ, въ Яренскомъ у. Вологодской губ. 97,6%, тогда какъ на Югѣ Россіи, напр. въ Таврической губ., въ Евпаторійскомъ уѣздѣ 0,02%, въ Перекопскомъ 0,01; въ Калмыцкомъ же округѣ Донской

---

[1]) Das wirthschaftliche Leben der völker von K. Scherzer (s. 282).

[2]) Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Серія Ш. Выпускъ 4-й, XIX страница Предисловія.

Области $0_{,00}$! [1]), [2]). Изъ этихъ сопоставленій ясно видно между прочимъ то, какъ неодинаково было бы значеніе равномѣрнаго только повидимому лѣсного закона для столь противоположныхъ мѣстностей. Иллюстрируя чрезвычайное разнообразіе природныхъ и культурно-экономическихъ условій разныхъ частей Россійской Имперіи, мы отнюдь и не думаемъ утверждать, что это явленіе есть исключительная принадлежность только нашего отечества: если сопоставить нѣкоторыя западно-европейскія государства съ ихъ заморскими колоніями, то противоположности обнаружатся никакъ не меньшія, чѣмъ указанныя нами въ Россіи; вотъ потому-то эти колоніи западно-европейскихъ государствъ и составляютъ объектъ совершенно особыхъ мѣропріятій экономической политики, непримѣняемыхъ къ провинціямъ метрополій. Между тѣмъ даже такія географически несходныя части нашего государства, какъ Азіатская и Европейская Россія, составляютъ одно слитное и все болѣе и болѣе сливающееся во многихъ отношеніяхъ цѣлое. Но, во всякомъ случаѣ, ни западно-европейскіе, ни русскіе государственные люди, полагаемъ, не пожелали бы упускать изъ виду этого разнообразія степени развитія и экономическихъ потребностей различныхъ частей каждаго государства, принимая всѣ ихъ, по возможности, въ соображеніе въ своихъ мѣропріятіяхъ экономической и финансовой политики и отнюдь не останавливаясь на однѣхъ общихъ для всего государства статистическихъ среднихъ, какъ на характеристикахъ страны, составляющей предметъ ихъ попеченій. И если невозможно совершенно устранить неоднородность мѣстныхъ вліяній какой-нибудь общей для всего государства мѣры экономической политики, то совершенно цѣлесообразно, по крайней мѣрѣ, стремиться къ тому, чтобы всею совокупностью отдѣльныхъ мѣръ парализовались неравномѣрности мѣстныхъ вліяній каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Вотъ на этой-то уравнительности цѣлой экономической системы (а не каждой мѣры въ отдѣльности) по отношенію ко всѣмъ частямъ страны, намъ казалось бы возможнымъ и справедливымъ настаивать, а отнюдь не закрывать глаза на разнообразіе мѣстныхъ условій и особенностей, встрѣчающихся болѣе или менѣе въ каждомъ значительномъ государствѣ, а тѣмъ бо-

[1]) Статистическій Временникъ Серія III Выпускъ 4-й, стр. 17, 19 и 33.
[2]) См. приложеніе V.

лѣе въ такомъ громадномъ, какъ Россійская Имперія. Хотя эти особенности хозяйственной жизни разныхъ частей государства происходятъ отъ различія природныхъ, историческихъ, этнографическихъ и современныхъ общественныхъ условій не финансоваго характера, но и финансовые законы могутъ также усиливать своимъ вліяніемъ эти особенности, даже при одинаковости ихъ для всей страны (не говоря ужъ о привилегіяхъ). Болѣе благопріятные для однѣхъ областей, могущихъ по своимъ мѣстнымъ условіямъ лучше воспользоваться для своего экономическаго развитія равными только повидимому для всей страны постановленіями, законы, вообще регулирующіе хозяйственную жизнь народонаселенія, оказываются далеко не столь удобными для другихъ частей государства: послѣднія не въ состояніи по инымъ своимъ мѣстнымъ условіямъ воспользоваться ими въ такой степени, или же и никакъ, а потому еще болѣе можетъ пострадать ихъ экономическое положеніе. Впрочемъ, полное примѣненіе только что высказанной основной нашей идеи къ общей совокупности экономическихъ мѣръ или даже къ какой-нибудь отдѣльной части цѣлой системы не составляетъ задачи настоящаго изслѣдованія, посвященнаго примѣненію этой общей, такъ сказать, географической точки зрѣнія на предметъ къ болѣе частному случаю— *количественному распредѣленію русскихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ между отдѣльными частями Имперіи;* качественная же сторона русской финансовой системы, т. е. вліяніе на экономическое состояніе отдѣльныхъ мѣстностей разныхъ формъ обложенія, усвоенныхъ русскимъ финансовымъ законодательствомъ, будетъ нами, надѣемся, разсмотрѣна впослѣдствіи, въ связи съ разнообразнымъ вліяніемъ на отдѣльныя части нашего отечества русскаго таможеннаго тарифа. Въ этой-то предположенной части задуманной нами работы болѣе наглядно должны будутъ выясниться приведенныя нами выше общія соображенія. Въ этомъ же введеніи къ настоящей, чисто финансовой, части нашей работы мы только хотѣли намѣтить свою основную точку зрѣнія на предметъ въ полномъ его объемѣ и тѣмъ показать значеніе, какое можетъ имѣть географическая, такъ сказать, точка зрѣнія и на финансовую систему. Къ этой послѣдней системѣ, при избираемой нами въ этомъ изслѣдованіи точкѣ зрѣнія, также совершенно возможно примѣнить тѣ общія соображенія, которыя мы развивали выше, говоря вообще о мѣрахъ экономической

политики государства: *большое разнообразіе экономическихъ и иныхъ условій разныхъ частей государства вызываетъ въ нихъ совершенно неодинаковыя послѣдствія отъ одной и той же обще-государственной финансовой мѣры*. Нечего и говорить, что если существуютъ привилегированныя въ финансовомъ отношеніи мѣстности, то неодинаковость вліянія въ разныхъ мѣстахъ такой неравномѣрной финансовой системы сама собою очевидна; но эта неравномѣрность далеко не всегда и не для всѣхъ бываетъ замѣтна тогда, когда дѣйствуютъ въ разныхъ частяхъ государства одни и тѣ же финансовые законы, хотя послѣдствія ихъ тѣмъ не менѣе все таки могутъ быть чрезвычайно разнообразны, какъ и самыя условія ихъ примѣненія. Географическое распредѣленіе въ предѣлахъ государства объектовъ обложенія нерѣдко бываетъ очень разнообразно и неравномѣрно, а соотвѣтственно этому и доходы, доставляемые разными частями государства, неодинаковы; переложеніемъ же тѣхъ налоговъ, которые представляютъ къ этому возможность, далеко еще не возстановляется равномѣрность, потому что, напр., потребленіе предметовъ, обложенныхъ косвенными налогами, бываетъ очень неодинаково по мѣстностямъ, не говоря уже о томъ, что самое осуществленіе стремленія къ переложенію встрѣчаетъ большія препятствія и реализуется далеко не всегда и не вполнѣ. Для поясненія сказаннаго, мы позволимъ себѣ сослаться на примѣръ, представляемый русскою же финансовою статистикою. Такъ, принимая согласно толкованію финансовой теоріи за правило, что обложеніе косвенными налогами въ окончательномъ результатѣ распредѣляется сообразно потребленію обложеннаго продукта, мы получимъ, что и обложеніе акцизомъ спирта и хлѣбнаго вина, соотвѣтственно потребленію послѣднихъ напитковъ представляется очень неравномѣрнымъ между разными губерніями: а именно, среднее (за 1882—7 года) количество приходящагося на каждаго жителя потребляемаго спирта равнялось, напр., въ Петербургской губ. 83 градусамъ, въ Московской 68^0, въ Кіевской 44^0, тогда какъ въ нѣкоторыхъ Привислянскихъ губерніяхъ оно опускалось по оффиціальнымъ даннымъ акцизнаго вѣдомства до $13—11^0$, а въ Уфимской также равнялось только 11^0, т. е. въ четыре раза менѣе, чѣмъ въ Кіевской и въ $7^1/_2$ разъ слабѣе, чѣмъ въ Петербургской губ. Можно, пожалуй, допустить для объясненія этихъ различій нѣкоторую неполноту оффиціальныхъ свѣдѣній для близкихъ къ границѣ привислянскихъ губерній, потребляющихъ иностран-

ное корчемное вино. Въ Уфимской же губ. при этомъ слѣдуетъ указать на значительный процентъ магометанскаго населенія (которому коранъ строго воспрещаетъ пить водку). Но и за всѣмъ тѣмъ едвали возможно весь остатокъ дальнѣйшаго различія отнести къ одному только неравенству имущественныхъ средствъ потребителей Уфимской и, напр., Кіевской губ.; все таки, вѣроятно, останется нѣкоторая разница, объясняемая различіемъ привычекъ и нравовъ немагометанскаго населенія, отчего будетъ проявляться неравномѣрность обложенія даже одного и того же православнаго населенія одинаковой состоятельности въ разныхъ губерніяхъ. Эта послѣдняя причина неравномѣрности по всей вѣроятности дѣйствуетъ съ большею силою въ отношеніи распредѣленія потребленія табаку: извѣстно всѣмъ, что наши раскольники воздерживаются отъ куренія табаку такъ же, какъ магометане отъ водки. На этихъ примѣрахъ, кажется, достаточно наглядно представляется вся неравномѣрность обложенія однимъ и тѣмъ же повсемѣстно дѣйствующимъ въ государствѣ налогомъ, происходящая отъ различія нравовъ и другихъ мѣстныхъ условій, упускать которыя изъ виду при обсужденіи равномѣрности обложенія не слѣдовало бы. Также обнаруживается неодинаковость послѣдствій одного и того же для разныхъ частей государства финансоваго законодательства по отношенію, напр., къ производству, которое благодаря формальностямъ и требованіямъ контроля съ фискальною цѣлью ставится въ исключительно стѣсненное положеніе, а это отражается на занятіяхъ и заработкахъ не всего населенія государства, а только тѣхъ частей его, гдѣ благодаря инымъ мѣстнымъ благопріятнымъ условіямъ сконцентрировалось производство обложеннаго налогомъ продукта. Это сосредоточеніе иногда достигаетъ большой степени и тѣмъ увеличивается неравномѣрность подобнаго рода мѣстныхъ вліяній финансовыхъ законовъ. Такъ, напр., строго регламентированное русское винокуреніе распредѣлено довольно неравномѣрно по разнымъ областямъ Россійской Имперіи: главнѣйшимъ образомъ оно сосредоточено въ западной и средне-земледѣльческой Россіи, гдѣ въ сложности сконцентрировано приблизительно свыше $^3/_4$ производимаго спирта и $^5/_6$ числа заводовъ. Это видно изъ ниже слѣдующей таблицы. Изъ общаго въ Имперіи числа заводовъ было:

Въ Сѣверныхъ губ. $2,_{66}{}^0/_0$ (съ Петерб.) и безъ Петерб. $2,_{26}$:

Въ средне-промышленныхъ $5,_{76}$ (съ Моск.) и безъ Моск. $5,_{67}$.

Если соединить обѣ столичныя, то въ нихъ $0,_{49}$.

Въ восточныхъ	$3,_{47}\%$		
— сибирскихъ и въ Туркестанѣ	$2,_{38}\%$		
— Закавказьѣ	$0,_{04}\%$		
— южныхъ	$2,_{38}\%$		
— юго-западныхъ	$12,_{28}\%$	$64,_{88}\%$	$83,_{58}\%$, а съ восточными даже $87,_{05}\%$.
— сѣверо-западныхъ	$17,_{90}\%$		
— прибалтійскихъ	$15,_{70}\%$		
— польскихъ	$19,_{20}\%$		
— средне-черноземныхъ	$11,_{80}\%$	$18,_{70}\%$	[1]
— малороссійскихъ	$6,_{90}\%$		

А изъ всего выкуреннаго спирта было:

Въ сѣверныхъ губ. $1,_{48}\%$ (съ Петерб.), безъ Петерб. $1,_{29}\%$.

Въ средне-промышленныхъ $5,_{19}\%$ (съ Моск.), безъ Моск. $4,_{39}\%$.

Если соединить обѣ столичныя, то въ нихъ	$0,_{99}\%$		
Въ восточныхъ	$7,_{77}\%$		
— сибирскихъ и въ Туркестанѣ	$3,_{50}\%$		
— Закавказьѣ	$0,_{20}\%$		
— южныхъ	$4,_{50}\%$		
— юго-западныхъ	$10,_{70}\%$	$42,_{10}\%$	$76,_{69}\%$ и съ восточными $84,_{46}\%$
— сѣверо-западныхъ	$6,_{50}\%$		
— прибалтійскихъ	$12,_{60}\%$		
— польскихъ	$12,_{30}\%$		
— средне-черноземныхъ	$27,_{30}\%$	$34,_{59}\%$ [1]	
— малороссійскихъ	$7,_{29}\%$		

Еще гораздо болѣе, чѣмъ винокуреніе, сосредоточено наше свеклосахарное производство. Такъ изъ всего дѣйствительно выдѣланнаго сахара приходится на Кіевскую губ. 28%, на Подольскую $20,_{3}\%$, на Волынскую $5,_{6}\%$, итого на три юго-западныя губ. около 54% всего производства Имперіи; на польскія губ. приходится $15,_{82}\%$, на Харьковскую $14,_{4}\%$ и на Курскую $7,_{9}\%$; всего же всѣ перечисленныя мѣстности въ сложности производятъ 92% всего дѣйствительно добываемаго въ Россіи сахара, а остальныя 8% даютъ тѣ 9 губ., въ которыхъ еще встрѣчается это производство, но въ небольшихъ сравнительно размѣрахъ [2]. Хотя меньшею чѣмъ сахарное, но все таки довольно значительною неравномѣрностію географическаго распредѣленія отличается и русская табачная фабрикація, съ которою въ Россіи соединено взиманіе акциза въ видѣ

---

[1] Приложеніе къ отчету Департамента Неокладныхъ сборовъ за 1887 г. часть II.

[2] Въ томъ же приложеніи къ Отчету Д. Н. С. за 1887 г.

оплаты бандеролей. Такъ, изъ общаго вѣса приготовленныхъ въ Россіи табачныхъ издѣлій, подлежащихъ обложенію общими бандеролями, приходится на 2 столичныя губерніи $33,_4\%$ (а изъ нихъ на одну Петербургскую $29,_6\%$), на южныя губ. $32,_6\%$ (а на одну Екатеринославскую изъ нихъ $21,_7\%$), на юго-западныя $10,_2\%$, на польскія $4,_6\%$, на прибалтійскія $2,_5\%$, на сѣверо-западныя $5,_1\%$ [1]), значитъ, $^2/_3$ этого производства приходится на 2 столичныя и южныя губерніи. Относительно обработки махорки замѣчается то же явленіе, хотя и въ меньшей степени, а именно: изъ всей прошедшей чрезъ фабрики махорки приходится на средне-черноземныя $19,_9\%$, на сѣверо-западныя $15,_8\%$, на малороссійскія $11,_6\%$, на прибалтійскія 6%, на юго-западныя $5,_2\%$, на польскія $4,_4\%$, на южныя $4,_4\%$ [2]), значитъ, около $^1/_3$ ($31,_4\%$) приходится на Западъ Россіи и болѣе $^1/_3$ ($35,_9\%$) на южныя и средне-земледѣльческія губ. Но такъ какъ регламентація, вызываемая фискальными интересами, касается не одной фабрикаціи, но и торговли сырымъ табакомъ и даже выразилась въ послѣднее время (1888 г.) надзоромъ и за производствомъ (въ видѣ собиранія свѣдѣній) сыраго матеріала, то вліяніе нѣкоторыхъ постановленій 80-хъ годовъ, относящихся ко взиманію налога съ табака, косвенно, но тѣмъ не менѣе сильно отразилось и на русскомъ табаководствѣ, почему мы и позволимъ себѣ привести здѣсь указанія на географическое его распредѣленіе въ Россіи. Изъ всего необработаннаго табака низшихъ сортовъ производилось: въ Малороссійскихъ губ. $65,_2\%$, а въ средне-черноземныхъ губерніяхъ—$21,_6\%$; итого эти двѣ области Россіи—даютъ $86,_8\%$ всего табаку низшихъ сортовъ; высшіе же сорта производятся преимущественно нашими южными губерніями со включеніемъ Сѣвернаго Кавказа, гдѣ произрастаетъ $69,_9\%$ всего табаку этого рода [3]). Добыча предметовъ горнаго промысла, подлежащихъ нынѣ или прежде облагавшихся налогомъ, также чрезвычайно неравномѣрно распредѣлена между частями нашего государства и сосредоточена главнымъ образомъ на Востокѣ и Югѣ Имперіи. Такъ $^3/_4$ русскаго золота добывается въ Сибири, почти $^1/_4$ на Уралѣ и только $0,_{75}\%$ въ Финляндіи. Серебра добывается въ Сибири $90,_6\%$, на Кавказѣ 5%, въ Финлян-

[1]) Приложеніе къ отчету Департамента Неоклад. Сборовъ за 1887 г.
[2]) Въ томъ же приложеніи къ Отчету Д. Н. Сб. за 1887 г.
[3]) «1886 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи». Выпускъ III. Общій Обзоръ года. Изданіе Департамента земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государств. Имущ., стр. 134, 135.

діи 4,4%. Платина вся добывается на Уралѣ (въ Пермской губ.). Мѣди добывается на Уралѣ 50,8%, на Кавказѣ 28,2%, въ Алтаѣ 8,6%, въ Киргизскихъ степяхъ 8,4%, въ Финляндіи 4%. Чугуна получается на Уралѣ 67%, на замосковныхъ заводахъ 11,5%, въ Польшѣ 8,3%, отчасти въ Западной и преимущественно въ Южной Россіи 6,7%, на Сѣверѣ Е. Россіи 0,5%, въ Сибири 1,4%, въ Финляндіи 4,2%. Нефти получается въ Закавказьи 98,95%, въ губер. Сѣвернаго Кавказа 0,97%, въ Ферганской и Закаспійской областяхъ—0,5%, въ Таврической губ.—0,025% [1]). Наконецъ не безинтересно сопоставить географическое распредѣленіе современной добычи соли, свободной отъ акциза, съ тѣмъ распредѣленіемъ, которое было до отмѣны налога, напр. въ 1879 г. Такъ, изъ всего добытаго количества всякой соли приходилось на губерніи:

	[2]) 1879 г.		[3]) 1885 г.	
Астраханскую	37,00%	91,70%	21,00%	71,70%
Таврическую	26,00%		23,80%	
Пермскую	25,00%		23,80%	
Оренбургскую	3,70%		3,00%	
Херсонскую	1,90%	4,70%	2,80%	19,80%
Екатеринославскую	1,60%		12,00%	
Харьковскую	1,20%		5,00%	
Архангельскую и Вологодскую	1,20%		0,24%	
Сибирь	2,10%		5,76%	
Ставропольскую	0,30%		0,14%	2,54%
Закавказье			2,00%	
Кубанскую			2,02%	
Бессарабскую			0,29%	
Донскую Область			0,09%	
Варшавскую			0,06%	

И добыча соли, подобно другимъ продуктамъ горнаго промысла, сосредоточивается на Югѣ и Востокѣ Имперіи, причемъ со времени отмѣны солянаго акциза усиливается значеніе многихъ мѣстностей Юга Европейской Россіи, Кавказа и Сибири, а уменьшается—Юго-Востока, Востока и Сѣвера: въ Астраханской, Пермской и Оренбургской губерніяхъ было не возрастаніе, а убыль, которая въ

[1]) Кулибинъ. Горная производительность Россіи въ 1885 г. (Части I и II).

[2]) Ежегодникъ Министерства Финансовъ. Выпускъ XI (стр. 354).

[3]) Кулибинъ. Горная производительность Россіи за 1885 годъ. (Части I и II).

сложности достигла 28% [1]) (съ 65,7%—до 47,8%); участіе въ добываніи соли Архангельской и Вологодской губерній понизилось въ пять разъ (съ 1,2% на 0,24%); въ Сибири добыча соли увеличивалась въ 2,7 раза; во всей же совокупности южныхъ мѣстностей Имперіи съ присоединеніемъ Харьковской губ. и Кавказа возрастаніе участія въ добычѣ соли простиралось отъ 31% до 46,14% всей полученной въ Россіи соли, т. е. въ полтора раза. Но несмотря на всѣ эти частныя перемѣны преобладающее значеніе сохранилось за Востокомъ и Югомъ Европейской Россіи. Въ этомъ географическомъ распредѣленіи производствъ, продукты которыхъ послужили объектами обложенія, нельзя не увидѣть большой неравномѣрности: не только каждое изъ нихъ болѣе или менѣе сосредоточено въ нѣкоторыхъ только частяхъ Имперіи, тогда какъ другія принимаютъ или слабое участіе, или же и совсѣмъ его не принимаютъ, но и самое *несовпаденіе между географическимъ распредѣленіемъ того или другаго изъ обложенныхъ производствъ отнюдь не такого рода, чтобы частныя неравномѣрности взаимно выравнивались и въ общемъ результатѣ все таки достигалась бы нѣкоторая уравнительность.* А такъ какъ каждое изъ производствъ, продукты которыхъ обложены внутренними (а не таможенными) налогами, непремѣнно подвергалось въ большей или меньшей степени стѣснительнымъ формальностямъ контроля, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ и *неравномѣрное вліяніе въ географическомъ отношеніи нашихъ финансовыхъ постановленій на производительность различныхъ мѣстностей Россіи: одни изъ послѣднихъ являются главнымъ образомъ только потребительницами обложенныхъ продуктовъ, другія же сверхъ своего потребительнаго участія несутъ на себѣ всѣ послѣдствія финансовыхъ законовъ и какъ производительницы обложенныхъ продуктовъ* [2]). По плану этой работы теперь мы ограничимся только этимъ указаніемъ на качественную сторону русской финансовой системы; настоящее же наше изслѣдованіе мы посвящаемъ количественной ея сторонѣ, а именно, мы имѣемъ въ виду постепенно выяснить, сколько каждая изъ мѣстностей нашего отечества доставляетъ дохода русскому государственному казначейству, сколько вызываетъ государственныхъ расходовъ, и каково количественное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.

---

[1]) Первоначальной величины процента.

[2]) См. Приложеніе VI.

Какъ ни желательно было бы соединить въ одной книгѣ разсмотрѣніе всѣхъ трехъ только-что перечисленныхъ частей поставленной нами себѣ задачи, но при разработкѣ опубликованныхъ статистическихъ данныхъ о географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ выяснилось, что неполнота ихъ имѣетъ существенное значеніе для достиженія намѣченной цѣли, не допуская прямыхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы и препятствуя полученію даже такихъ выводовъ, къ которымъ оказалась возможность прійти относительно географическаго распредѣленія государственныхъ доходовъ; косвенныя же указанія въ данномъ случаѣ давали бы недостаточно надёжные результаты: не имѣя свѣдѣній о распредѣленіи мѣстныхъ итоговъ государственныхъ расходовъ по статьямъ, нельзя было получить желательныхъ прямыхъ указаній на причины сосредоточенія расходовъ въ однихъ мѣстностяхъ Россіи и малаго расходованія въ другихъ. Мы уже и не распространяемся о совершенной невозможности выдѣлить мѣстные итоги смѣтныхъ расходовъ изъ общей суммы всѣхъ кассовыхъ оборотовъ для новѣйшаго времени послѣ 1881 года, а неимѣніе данныхъ за этотъ періодъ для расходовъ, аналогичныхъ опубликованнымъ въ Отчетахъ Государственнаго Контроля свѣдѣніямъ о поступленіи главнѣйшихъ доходовъ по мѣстностямъ, не позволяло сдѣлать даже и такой поправки нашихъ выводовъ, какую мы рѣшились позволить себѣ относительно распредѣленія государственныхъ доходовъ для выясненія характера его въ 1887 году. Между тѣмъ уже во время печатанія настоящаго изслѣдованія выяснились для насъ нѣкоторыя основанія надежды пополнить упомянутые пробѣлы въ матеріалахъ, почему мы сочли за лучшее воздержаться на время отъ сообщенія литературной формы результатамъ разработки имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ о географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ, надѣясь осуществить это послѣ полученія недостающихъ намъ свѣдѣній. Эта задержка въ довершеніи предпринятаго труда, по нашему мнѣнію, не должна была помѣшать появленію теперь же въ свѣтъ результатовъ уже по возможности законченной разработки опубликованныхъ данныхъ о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ, такъ какъ въ финансовой наукѣ ученіе о доходахъ государства является настолько самостоятельнымъ отъ ученія о расходахъ, что нѣкоторые авторитетные уче-

ные не считаютъ отдѣлъ о расходахъ государства существенною принадлежностью финансовой науки. И на самомъ дѣлѣ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе географическаго распредѣленія государственныхъ доходовъ, основываются на данныхъ, совершенно независимыхъ отъ свѣдѣній о расходахъ. Правда сопоставленіе полученныхъ заключеній о географическомъ распредѣленіи доходовъ Россіи съ аналогичными же выводами о расходахъ представляетъ большой, но въ то же время достаточно самостоятельный интересъ, дозволяя выяснить движеніе финансовыхъ средствъ Имперіи изъ одной мѣстности въ другую, начертать, такъ сказать, финансовую физіологію нашего отечества, что и составитъ послѣднюю часть задачи настоящаго нашего изслѣдованія. Но достиженіе только что упомянутой цѣли невозможно ранѣе полнаго окончанія разработки вопроса о географическомъ распредѣленіи расходовъ. Между тѣмъ еслибы мы неизбѣжную по неполнотѣ данныхъ въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ задержку печатанія результатовъ разработки распространили и на 1-й отдѣлъ, то она могла бы неблагопріятно отозваться на свѣжести статистическихъ цифръ этой достаточно уже законченной части нашей работы, для которой однако упомянутое только-что качество данныхъ важнѣе еще, чѣмъ для 2-й части вслѣдствіе ближайшаго практическаго интереса, какой имѣетъ самый предметъ настоящаго выпуска нашего изслѣдованія. Всѣ только-что приведенныя соображенія побудили насъ рѣшиться на печатаніе первой части предпринятаго труда, не ожидая окончанія слѣдующихъ частей, намѣченныхъ нами выше.

Все содержаніе выпускаемой нынѣ въ свѣтъ первой части нашего изслѣдованія мы расположили по слѣдующему плану. Прежде всего (въ § 1-мъ) мы сочли необходимымъ сдѣлать общую характеристику русской финансовой системы и тѣхъ измѣненій въ ней, которыя произошли въ послѣднее двадцатипятилѣтіе (1863—87 гг.) вообще и въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (1881—7 гг.) въ частности. Къ этому мы прибавили сравненіе современной русской финансовой системы (1887 г.) съ бюджетами (того же времени) нѣкоторыхъ важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ, надѣясь такимъ двойнымъ—историческимъ и географическимъ сопоставленіемъ настоящей системы русскихъ финансовъ яснѣе опредѣлить то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ историческомъ ходѣ новѣйшаго развитія

финансовыхъ системъ вообще, если не во всѣхъ отношеніяхъ, то по крайней мѣрѣ въ одномъ, на государственную важность котораго мы указали въ этомъ же 1-мъ §. Послѣ такого вступленія мы переходимъ во 2-мъ § къ разсмотрѣнію вопроса, который естественно прежде всего слѣдуетъ поставить въ изслѣдованіи географическаго распредѣленія доходовъ государства съ точки зрѣнія фискальнаго интереса, а именно: какое значеніе для государственнаго казначейства имѣетъ та или иная часть страны? Въ 3-мъ § мы обращаемся къ разсмотрѣнію другаго вопроса, входящаго въ задачу нашего изслѣдованія: каково отношеніе каждаго изъ мѣстныхъ итоговъ всѣхъ государственныхъ доходовъ къ числу жителей той же мѣстности? Сопоставленіе географическаго распредѣленія государственныхъ доходовъ съ такимъ же распредѣленіемъ цѣнности произведеній и торговыхъ оборотовъ составило ближайшую нашу задачу въ § 4-мъ, насколько позволяло исполнить это несовершенство данныхъ русской экономической статистики.

Результаты нашей попытки вычислить размѣры желательной поправки отъ принятія въ разсчетъ переложенія податей мы изложили въ общемъ сводѣ въ § 5-мъ, а въ Приложеніи IX—въ частности для каждаго изъ важнѣйшихъ перелагаемыхъ налоговъ. Сообразно полученному нами размѣру измѣненій первоначальной величины мѣстныхъ итоговъ государственныхъ доходовъ отъ переложенія налоговъ мы видоизмѣнили прежніе наши выводы о географическомъ распредѣленіи доходовъ, полученные до опредѣленія размѣровъ этой поправки. Въ концѣ того же § 5 мы позволили себѣ также въ другомъ отношеніи измѣнить наши выводы, хотя уже исправленные принятіемъ въ разсчетъ послѣдней поправки, но вычисленные на основаніи данныхъ 1879—81 гг. А именно: мы видоизмѣнили ихъ сообразно результатамъ сравненія географическаго распредѣленія главнѣйшихъ доходовъ въ 1887 и 1880 гг., имѣя въ виду такимъ способомъ дать болѣе опредѣленное и наглядное, хотя и приблизительное представленіе о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ въ 1887 г.

Наконецъ въ § 6-мъ мы сдѣлали попытку объяснить полученные нами путемъ статистическаго метода выводы сопоставленіемъ логическаго слѣдствія для географическаго распредѣленія государственныхъ доходовъ, вытекающаго изъ достовѣрнаго свойства всей

системы русскихъ финансовъ—неравномѣрности обложенія, съ мѣстными особенностями областей Россіи въ отношеніи процента болѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Въ заключеніи мы сгруппировали выводы нашего изслѣдованія, освѣтивъ ихъ полнѣе. Въ приложенія мы отнесли болѣе подробныя финансово-статистическія таблицы, пригодныя для справокъ, а также нѣкоторыя вспомогательныя свѣдѣнія преимущественно изъ экономической статистики, казавшіяся намъ весьма полезными для лучшаго освѣщенія собственно финансовыхъ данныхъ о географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ Россіи.

Изъ всѣхъ предыдущихъ разъясненій, надѣемся, достаточно выяснилось содержаніе первой печатаемой нынѣ части нашего труда, а также значеніе, какое имѣетъ для финансовой науки и практики изслѣдованіе географическаго распредѣленія государственныхъ доходовъ. Это только и было цѣлью настоящаго введенія. Разрабатывать же этотъ вопросъ теоретически во всей его полнотѣ мы и не беремся теперь за недостаткомъ литературы, которая облегчила бы и наши шаги по этому пути. Нашъ трудъ по избранной темѣ мы сосредоточили на разработкѣ наличнаго русскаго финансово-статистическаго матеріала, что поможетъ намъ выяснить только фактическое состояніе этой стороны финансовой жизни нашего отечества, даже безъ сравненія его съ другими государствами за недостаткомъ у насъ подъ рукою иностранныхъ документовъ, аналочичныхъ русскимъ Отчетамъ Государственнаго Контроля. Наша работа чисто финансово-статистическая, и мы оставляемъ другимъ дѣлать дальнѣйшія практическія заключенія изъ нашихъ выводовъ. При всей скромности этой задачи статистическая разработка вопроса, продолженная сравнительными изслѣдованіями, можетъ послужить прочнымъ индуктивнымъ базисомъ и для дальнѣйшей теоретической части всего ученія по этому предмету. Правда, это путь болѣе медленный, но за то и болѣе надежный. Вотъ и еще причина почему вмѣсто теоріи мы остановились прежде всего на изслѣдованіи фактовъ финансовой жизни, въ добавокъ болѣе близкой и знакомой намъ—отечественной.

ЧАСТЬ I.

О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ въ Россіи.

§ 1. Не задаваясь обширною задачею—исторіею географическаго распредѣленія финансовъ Россіи, для чего до 1868 года у насъ совершенно не имѣется опубликованныхъ данныхъ, намъ естественнѣе всего было бы сосредоточить свое изслѣдованіе только на географической сторонѣ настоящей, нынѣ дѣйствующей русской финансовой системы. Такъ бы мы и поступили, еслибы этому не препятствовало то качество главнаго нашего матеріала (Отчетовъ Государственнаго Контроля), на которое мы указали еще въ предисловіи: послѣ 1881 г. въ относящихся къ нашей темѣ таблицахъ отчетовъ не показаны отдѣльно *смѣтныя* поступленія кассъ данной губерніи отъ *прочихъ* ихъ *кассовыхъ оборотовъ*, почему и нельзя опредѣлить, сколько именно доходовъ относится по своему происхожденію къ данной мѣстности и сколько суммъ переведено изъ кассъ другихъ губерній. Этотъ недостатокъ матеріала заставляетъ насъ избрать періодъ около 1880 г. за главный базисъ для нашего изслѣдованія и потомъ уже сдѣлать такія поправки нашихъ выводовъ, которыя обусловятся сравненіемъ главнѣйшихъ доходовъ 1887 г. съ такими же 1880 г., такъ какъ для годовъ, слѣдующихъ за 1881-мъ, можно найти подходящія для нашего изслѣдованія данныя о географическомъ распредѣленіи только главнѣйшихъ, а не всѣхъ доходовъ. Еще и другое основаніе побуждаетъ насъ сопоставить именно 1880 и 1887 гг.: 1880-й былъ послѣднимъ годомъ, предшествовавшимъ оживленной эпохѣ финансовыхъ реформъ начала 80-хъ г.г., а 1887 г. былъ первымъ, когда подушная подать уже не фигурировала какъ постоян-

ный источникъ государственныхъ доходовъ, покрайней мѣрѣ для Европейской Россіи, если не считать недоимокъ предыдущихъ лѣтъ; значитъ, къ этому времени была завершена реформа подушнаго налога, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы окончился оживленный періодъ финансовыхъ реформъ первой половины 80-хъ г.г. съ его опредѣленнаго характера программою. 1887 годъ—это послѣдній, за который имѣли мы Отчетъ Государственнаго Контроля, Отчетъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ и тому подобные цѣнные сборники оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ. Результатъ, такъ сказать, обновленной русской финансовой системы съ тѣмъ характеромъ, который ей приданъ реформами первой половины 80-хъ г.г., еще только начинаетъ выясняться въ оффиціальныхъ финансово-статистическихъ данныхъ, и, конечно, далеко еще не выяснились въ опубликованной отчетности всѣ дальнѣйшія послѣдствія сдѣланныхъ въ настоящее десятилѣтіе реформъ. Между тѣмъ та финансовая система, которая у насъ господствовала въ теченіи долгаго времени до 80-хъ г.г., претерпѣвая только болѣе частныя измѣненія, уже вполнѣ успѣла выясниться, и, подъ вліяніемъ именно этой прежней финансовой системы въ соединеніи съ ея предшественницами въ русской финансовой исторіи, сложились тѣ особенныя отношенія отдѣльныхъ частей государства къ русской финансовой системѣ, которыя надѣемся выяснить. Поэтому-то мы еще болѣе считаемъ себя въ правѣ сосредоточить прежде всего наше вниманіе на выясненіи характера географичесчаго распредѣленія государственныхъ доходовъ, выработавшагося при системѣ, господствовавшей до реформъ 80-хъ г.г. Такимъ образомъ входитъ историческій моментъ въ наше изслѣдованіе въ очень удобной формѣ сравненія разныхъ системъ, господствовавшихъ въ русскихъ финансахъ за послѣднія 3 десятилѣтія.

Прежде чѣмъ выразить статистически географическое распредѣленіе доходовъ, обусловленное прежнею дореформенною и обновленною системою русскихъ финансовъ, намъ кажется умѣстнымъ охарактеризовать здѣсь вкратцѣ эти системы напоминаніемъ нѣкоторыхъ болѣе характеристическихъ финансовыхъ реформъ послѣднихъ 25 лѣтъ 1863—87 г.г.

Извѣстно, что установленныя при Петрѣ Великомъ подушные сборы заняли выдающееся мѣсто въ финансовыхъ системахъ, господствовавшихъ въ Россіи въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ.

Относясь только къ податнымъ классамъ, эти подушные сборы наложили печать сословнаго характера на всю систему финансовъ Россіи этого длиннаго періода ея исторіи. Такъ какъ другой значительнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ Россіи—питейный налогъ, хотя не по буквѣ закона, но фактически, упадалъ главнѣйшимъ образомъ также на тѣ же самые податные классы населенія, то совмѣстное существованіе этихъ налоговъ, аналогическихъ по своимъ экономическимъ результатамъ для распредѣленія податнаго бремени среди населенія, дѣлало всю русскую финансовую систему долгое время одностороннею въ этомъ отношеніи, ложившеюся своею тяжестью преимущественно на массу населенія, значитъ и на бѣднѣйшую часть ея. Для большей наглядности количественнаго выраженія этого именно характера русской дореформенной финансовой системы Высочайше учрежденная въ 1859 г. при Министерствѣ Финансовъ Коммиссія для пересмотра системы податей и сборовъ сдѣлала приблизительный разсчетъ того, какая часть государственныхъ доходовъ приходится на высшіе и какая на низшіе въ имущественномъ отношеніи классы населенія въ Россіи и въ другихъ 4 западноевропейскихъ государствахъ: Великобританіи, Франціи, Бельгіи и Пруссіи. Въ результатѣ этого разсчета получилась такая таблица: [1]).

Государственный доходъ взимается путемъ налоговъ:	Великобрит. 44% средній для 4 запад.-европ. государ.	Франція.	Бельгія.	Пруссія.	Россія.
съ высшихъ классовъ	52%	49%	45%	30%	17%
	32% средній для 4 запад.-европ. государ.				
съ низшихъ классовъ	40%	30%	29%	29%	76%
Взимается съ друг. источниковъ:					
регалій, государ. имуществъ . .	8%	21%	26%	41%	7%

Изъ этой таблицы видно, что въ эпоху, къ которой относится разсчетъ, т. е. въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ г.г., въ Россіи бремя низшихъ классовъ было почти въ $4^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ высшихъ, а въ приведенныхъ западноевропейскихъ государствахъ въ

[1]) Она приведена въ Приложеніи къ Трудамъ Коммиссіи для пересмотра Податей и Сборовъ, и подъ этимъ приложеніемъ значатся подписи такихъ почтенныхъ лицъ, какъ Помощника Предсѣдателя этой Коммиссіи А. Гирса и Управлявшаго дѣлами Коммиссіи бывшаго Профессора Петербургскаго Университета, а нынѣ Товарища Министра Финансовъ Ѳ. Г. Тернера. (Т. III. ч. I, приложеніе I, 1863 г. стр. 12).

среднемъ оказался противоположный результатъ: почти въ $1\frac{1}{4}$ раза тягость налоговъ для высшихъ классовъ была значительнѣе податнаго бремени низшихъ. Конечно, это только крайне приблизительное вычисленіе, основанное на численномъ преобладаніи и общемъ характерѣ [1]) въ отношеніи распредѣленія между платящими классами того или другаго налога; но несмотря даже на совершенно возможную недостаточную точность этого разсчета, все-таки онъ лучше, нагляднѣе общихъ словесныхъ выраженій представляетъ дѣло. Во всякомъ случаѣ вѣрность его мы всецѣло оставляемъ на отвѣтственности составителей таблицы.

Этотъ же только что указанный характеръ русской финансовой системы ставилъ трудно преоборимыя преграды легкому, безъ чувствительнаго обремененія бѣднѣйшей части населенія, численному возрастанію всей суммы государственныхъ доходовъ, между тѣмъ какъ западно-европейскіе выше указанные бюджеты, черпая свои средства изъ доходовъ болѣе зажиточныхъ классовъ населенія, не встрѣчались съ такими препятствіями. Однихъ этихъ двухъ характерныхъ свойствъ нашей прежней финансовой системы, имѣвшихъ несомнѣнную государственную важность, совершенно достаточно, чтобы объяснить намъ то реформаціонное движеніе, которое началось еще съ конца 50-хъ г.г., особенно же съ учрежденіемъ выше названной Коммиссіи для пересмотра податей и сборовъ, но достигло болѣе полнаго осуществленія и яснаго въ принципіальномъ отношеніи выраженія главнымъ образомъ только въ реформахъ уже 80-хъ годовъ. Еще съ 1863 г. началась частичная отмѣна подушной подати (если не упоминать здѣсь о подобномъ же по своему характеру законодательномъ актѣ замѣны еще въ 1775 г. подушной подати съ купцовъ, которой они подлежали со временъ Петра Великаго, гильдейскими сборами съ объявленнаго капитала) замѣною ея для мѣщанъ пошлинами за *свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы* и пополненіемъ недобора *налогомъ на*

---

[1]) Составители этого разсчета принимали, что на низшіе классы ложатся: подушныя и оброчныя подати, питейные акцизы, соляной доходъ и паспортный сборъ; упадающими же на высшіе классы считали налоги: табачный, сахарный, доходъ отъ страхованія, отъ частныхъ горныхъ заводовъ и золотопромышленности, подорожный и крѣпостныя пошлины; остальные же государственные сборы, какъ напр. почтовый, гербовый, со свидѣтельствъ за права торговли и промысловъ, шоссейный и таможенный—распредѣляли на всѣ классы, но въ послѣднемъ видѣ налоговъ признавали преобладающее участіе высшихъ классовъ. (Т. III, ч. I, Приложеніе I-е, стр. 10 и 11).

недвижимыя имущества въ городахъ, въ чемъ ясно видно стремленіе законодателя *сословный* налогъ съ болѣе бѣдной мѣщанской части городскаго населенія замѣнить *всесословнымъ* налогомъ съ горожанъ же сообразно одному изъ признаковъ ихъ имущественнаго положенія. Въ этомъ обнаружилось направленіе еще тогда начавшагося реформаціоннаго движенія въ области прямыхъ русскихъ налоговъ. Это-то движеніе, хотя медленно, съ перерывами, но все таки продолжалось и позже. Такъ, съ 1875 г. впервые вводится въ смѣту собственно государственныхъ доходовъ *государственный поземельный налогъ*, существовавшій до того въ видѣ государственнаго земскаго сбора и преобразованный еще нѣсколькими годами ранѣе того, когда часть подушнаго обложенія замѣнена поземельнымъ. Такой-же характеръ носила на себѣ отмѣна съ начала 1881 г. соляного налога, произведенная, между прочимъ, съ цѣлью облегченія податного бремени бѣднѣйшей части населенія, что прямо выражено въ Высочайшемъ Указѣ, отмѣнявшемъ соляной налогъ. Но это направленіе русской финансовой политики рѣшительнымъ образомъ выражается въ многочисленныхъ финансовыхъ реформахъ 80-хъ годовъ и прежде всего въ постепенной и окончательной отмѣнѣ подушной подати, къ которой, какъ къ логическому своему результату, вела вся финансовая и государственная исторія нашего отечества, начиная съ эпохи отмѣны крѣпостнаго права. Однако, только Высочайшимъ Указомъ 18 Мая 1882 г. было повелѣно начать отмѣну подушной подати съ 1883 г. съ сельскихъ обывателей и совершить ее постепенно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Дальнѣйшими узаконеніями: 14 Мая 1883 и 28 Мая 1885 г. былъ указанъ порядокъ окончательной съ 1887 г. отмѣны подушной подати (за исключеніемъ Сибири) и предписано произвести преобразованіе оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, что и осуществилось, благодаря Высочайше утвержденному Мнѣнію Государственнаго Совѣта 12 Іюня 1886 г., приведенному въ исполненіе въ 1887 г. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что съ 80-хъ же годовъ (Высочайшій Указъ: 28 Декабря 1881 г., 24 Февраля 1884 г. и друг.) началось пониженіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ за надѣленныя имъ земли, что имѣло вліяніе такого же облегчительнаго характера, какъ и отмѣна подушной подати. Въ окончательномъ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ произошло съ 1882 по 1887 г. значитель-

ное уменьшеніе всей суммы окладныхъ государственныхъ сборовъ съ крестьянъ вообще, простиравшееся до 47 милліоновъ руб., что равнялось 30% суммы этихъ сборовъ въ 1882 г. [1]). Къ этому слѣдуетъ добавить, что параллельно съ такимъ облегченіемъ бремени прямыхъ налоговъ, платимыхъ менѣе состоятельною частью населенія, (правда, въ значительной степени парализуемымъ увеличеніемъ налога на водку), или вновь появляются, или быстро возрастаютъ тѣ налоги, которые болѣе подушнаго и питейнаго по предположенію финансовой теоріи упадаютъ на зажиточные классы. А именно: въ 1885 г. было введено Положеніе о 5%-омъ сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ; въ томъ же году болѣе крупныя торговыя—гильдейскія—предпріятія обложены дополнительными сборами: 3%-мъ и раскладочнымъ, не говоря уже о произведенной еще въ 1884 попыткѣ болѣе уравнительнаго обложенія торговли и промысловъ; еще ранѣе того—съ 1883 г. (по закону 1882 г.) возобновленъ налогъ на имущества, переходящія безмездными способами. Введенный же еще четверть вѣка тому назадъ *налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ* возросъ въ $3,_3$ раза за 25 лѣтъ (1865—89 г.), а *государственный поземельный налогъ* увеличился въ $1,_6$ разъ за 15 лѣтъ своего существованія (отъ 1875 по 1889 г.). Въ реформахъ 80-хъ г.г., касавшихся нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, а именно таможеннаго, отчасти только табачнаго, особенно же сахарнаго, также привходитъ сверхъ другихъ мотивовъ стремленіе законодателя привлечь и этимъ путемъ по возможности къ большему обложенію зажиточные классы населенія. Не смотря даже на скромные количественные результаты сравнительно съ питейнымъ и бывшимъ подушнымъ налогомъ, все таки уже въ самомъ введеніи сборовъ, сообразующихся съ имуществомъ, въ русское законодательство и въ перемѣнахъ ихъ относительнаго значенія нельзя не усмотрѣть существеннаго измѣненія самаго характера всей финансовой системы. Для болѣе нагляднаго количественнаго выраженія всѣхъ этихъ финансовыхъ измѣненій въ распредѣленіи податнаго бремени между различными въ имущественномъ отношеніи классами русскаго населенія, мы воспользуемся хотя, правда, приблизительнымъ въ отношеніи точности пріемомъ вычисленія, но при-

---

[1]) Какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ отчетъ Департамента Окладныхъ Сборовъ за 1887 г. (Вѣстникъ Финансовъ и проч. 1888 г., III т., № 27, 2 стр.).

годнымъ въ настоящемъ случаѣ для сравнительныхъ выводовъ уже потому, что онъ совершенно согласенъ со способомъ, принятымъ членами податной коммиссіи, вычислившими вышеприведенную таблицу о распредѣленіи налоговъ между болѣе и менѣе зажиточными классами населенія. Вѣроятная равномѣрность соединенной съ однимъ и тѣмъ же способомъ количественной погрѣшности допускаетъ сравнительные выводы. Вычисливъ такимъ способомъ распредѣленіе податнаго бремени по послѣднему [1]) провѣренному контролемъ русскому бюджету 1887 г., мы пришли къ слѣдующему результату: изъ общей суммы собственно налоговъ (за опущеніемъ доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, регалій и выкупныхъ платежей) нынѣ приходится на высшіе имущественные классы въ Россіи $40,_8{}^0/_0$, а на низшіе $59,_2{}^0/_0$. Между тѣмъ какъ совершенно такой же разсчетъ для дореформенной русской финансовой системы начала 60-хъ г.г. по вычисленію Податной Коммиссіи давалъ для высшихъ классовъ $17,_5{}^0/_0$, а для низшихъ $82,_5{}^0/_0$. Тогда какъ прежде, болѣе четверти вѣка тому назадъ, низшіе классы платили болѣе высшихъ въ четыре и двѣ трети раза, теперь же указанное превышеніе размѣра тѣхъ же платежей, вѣроятно, не достигаетъ и полутора раза. Мы отнюдь не утверждаемъ, что этотъ разсчетъ, подобно тому, какъ и сходный съ нимъ—Податной Коммиссіи, совершенно точенъ, но пользуемся имъ только для нагляднаго и болѣе опредѣленнаго численнаго выраженія несомнѣннаго характера послѣдствій, которыя произошли въ теченіи этого періода, благодаря финансовымъ реформамъ особенно 80-хъ годовъ. Для большей доказательности только что сказаннаго нами и для болѣе всесторонняго и точнаго выраженія характера обновленной финансовой системы 1887 г. сравнительно съ дѣйствовавшею до начала реформъ шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ мы представили относительное значеніе отдѣльныхъ видовъ государственныхъ доходовъ въ три различныя эпохи въ нижеслѣдующей таблицѣ [2]).

---

[1]) Имѣвшемуся у насъ въ распоряженіи до времени печатанія настоящаго изслѣдованія.

[2]) Она вычислена нами по Отчетамъ Государственнаго Контроля за 1880 и 1887 г., а также по даннымъ о дѣйствительномъ поступленіи доходовъ за 1857—61 г.г.

Изъ общей суммы обыкновенныхъ смѣтныхъ доходовъ отдѣльные виды ихъ составляли нижеслѣдующія доли:

	(1) 1857-61 г.	(2) 1880 г.	(3) 1887 г.
1. Податей (подушной, оброчной, поземельной, лѣсной и—съ городск. недвижимостей) . .	—	16,90%	4,95%
изъ нихъ:			
а) подушной подати и замѣняющихъ ея сборовъ	6,70%	8,60%	0,13% (4)
б) оброчной съ государствен. крестьянъ	11,40%	4,90%	0,29% (4)
2. Налога за право торговли и промысловъ .	1,70%	2,20%	3,49%
3. Сбора съ доходовъ отъ денеж. капиталовъ	0,00%	0,00%	1,40%
4. Государст. поземельнаго налога { безъ Польши . .	0,00%	1,12%	1,49%
{ съ Польшею . . .	—	2,20%	1,77%
5. Налога съ городскихъ недвижимостей { безъ Польши .	0,00%	0,63%	0,77%
{ съ Польшею .	—	1,20%	0,96%
6. Питейныхъ сборовъ	39,20%	34,40%	31,20%
7. Солянаго налога	2,60%	2,00%	0,00%
8. Табачнаго	1,50%	2,00%	2,92%
9. Сахарнаго	0,11%	0,60%	2,80%
10. Таможеннаго	11,50%	14,40%	13,00%
11. Всѣхъ пошлинъ вмѣстѣ	4,98%	6,40%	6,84%
изъ нихъ:			
12. —съ имуществъ, переходящихъ безмездно	0,00%	0,00%	0,45%
13. —съ грузовъ жел. дор. и пасажировъ .	0,00%	1,20%	1,00%
14. Сборовъ при увеличеніи содержанія служащихъ	0,00%	0,10%	0,13%
15. Гербовыхъ пошлинъ	—	2,20%	2,20%
16. Крѣпостныхъ и судебныхъ	—	1,40%	1,20%
17. Дохода отъ паспортовъ	—	0,30%	0,40%

---

1) Военно-статическій сборникъ. Выпускъ IV, Россія, стр. 768—9.

2) Отчетъ Государственнаго Контроля за 1880 г. (Объяснительная записка стр. 57, а Отчета 42—6).

3) Отчетъ Государственнаго Контроля за 1887 г. (Объяснительная записка стр. 10—15 и Отчетъ).

4) Только въ Сибири.

18.	Дохода отъ застрахованныхъ имуществъ	—	0,40%	0,45%
19.	Сбора съ судоходства	—	0.10%	—
20.	Горнаго и монетнаго	3,30%	0,80%	0.29%
21.	Отъ казенныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ	—	0,66%	0,79%
22.	Почтоваго	2,40%	2,00%	2,09%
23.	Телеграфнаго	0,00%	1,10%	1,17%
24.	Отъ населенныхъ казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей	1,90%	0,90%	1,08%
25.	Отъ казенныхъ лѣсовъ	0,60%	2,10%	1,64%
26.	Отъ желѣзныхъ дорогъ	0,50%	0,30%	2,68%
27.	Прибылей по финансовымъ операціямъ въ 1857—61 г.г. и отъ казенныхъ капиталовъ и банковыхъ операцій въ слѣдующіе періоды	4,30%	0,50%	2,00%
28.	Отъ капиталовъ министерствъ . . .	3,80%	0,00%	0,00%
29.	Отъ продажи казенныхъ имуществъ .	0,00%	1,10%	0,40%
30.	Доходовъ Закавказья	0,60%	1,20%	0,00%
31.	„ Южныхъ поселеній	0,50%	0,00%	0,00%
32.	„ Царства Польскаго	1,50%	0,00%	0,00%
33.	Случайныхъ начетовъ и взысканій въ 1857—61 г.г. и доходовъ разнаго рода въ слѣдующіе періоды	0.50%	2,00%	1,91%
34.	Возврата ссудъ	0,00%	0,50%	2,90%
35.	Поступленій на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ	0,60%	1,70%	3,00%
36.	Выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	0,00%	—	5,20%
37.	„ государств. крестьянъ . .	0,00%	0,00%	5,50%
38.	Пособій государственному казначейству изъ посторонныхъ источниковъ . . .	—	1,50%	1,75%
39.	Назначенныхъ на особый предметъ . .	0,90%	0,00%	0,00%

При сравненіи процентныхъ отношеній каждаго изъ значительныхъ видовъ государственныхъ доходовъ съ общею суммою смѣтныхъ обыкновенныхъ доходовъ (со включеніемъ оборотныхъ) за 1857—61, 1880 и 1887 г.г. довольно ясно обнаруживается характеръ измѣненій, происшедшихъ въ русской финансовой системѣ за этотъ двадцатилѣтній періодъ. Такъ одни подушные сборы, которые сохрани-

лись съ 1887 г. только въ Сибири (не говоря о недоимкахъ въ Е. Россіи какъ о временныхъ остаткахъ), составляли не болѣе $0,_{13}\%$ бюджета вмѣсто $8,_{6}\%$ въ 1880 г., т. е. уменьшились въ 66 разъ. Оброчная подать съ 1857—61 г. къ 1880 г. уменьшилась въ относительномъ своемъ значеніи въ $1,_{3}$ раза, а въ 1887 она сохранилась только въ Сибири и составляла не болѣе $0,_{29}\%$ бюджета; въ европейской же Россіи она преобразована въ выкупные платежи, причемъ сравнительное значеніе послѣднихъ относительно всѣхъ доходовъ выше доли оброчной подати на 12% (абсолютно же это возростаніе гораздо больше—до 45%). Появленіе въ Отчетѣ 1887 г. значительнаго процента другихъ выкупныхъ платежей—съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—измѣняетъ дѣло только формально, а не матеріально: до 1885 г. они не включались въ роспись, но и до того времени взимались въ большихъ размѣрахъ, постепенно увеличиваясь абсолютно при расширяющемся переходѣ на выкупъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя съ начала 80-хъ г.г., какъ мы упомянули, было сдѣлано пониженіе этихъ сборовъ. Въ окончательномъ итогѣ, однако, поступленіе этихъ выкупныхъ платежей съ 1880 г. по 1887 возросло на 8%—съ $41,_{5}$ [1]) мил. руб. до $44,_{7}$ [2]) мил. руб. вслѣдствіе замѣны оброковъ, уплачивавшихся помѣщикамъ выкупными платежами, поступавшими въ казну. Ни это увеличеніе, ни возростаніе платежей за надѣлы государственныхъ крестьянъ не помѣшали, однако, уменьшенію въ 80-хъ г.г. на 30% общаго размѣра бремени всѣхъ прямыхъ податей и сборовъ съ крестьянъ вообще. Относительное значеніе въ бюджетѣ питейнаго дохода, также поступающаго преимущественно съ менѣе зажиточныхъ классовъ населенія, уменьшилось, не смотря на возрастаніе абсолютныхъ размѣровъ акциза съ питей вообще: такъ съ $39,_{2}\%$ въ 1857—61 г. оно упало до $34,_{4}\%$ въ 1880 г. и дошло до $31,_{2}\%$ 1887; въ общемъ же выводѣ ослабленіе этого значенія за 20 лѣтъ равнялось $20,_{5}\%$ первоначальной процентной величины. Еще болѣе имѣвшій такое же (обременяющее бѣднѣйшихъ потребителей) значеніе соляной налогъ, понизившись въ 1880 г. сравнительно съ 1857—61 г. на 23%, былъ совсѣмъ отмѣненъ съ 1881 г. Доходъ отъ паспортовъ, упа-

---

[1]) Десятое приложеніе къ Отчету Государственнаго Контроля за 1880 г. (стр. 133).

[2]) Отчетъ Государственнаго Контроля за 1887 г. (стр. 37. Приложенія).

дающій главнымъ образомъ на тѣ же классы, почти сохранилъ свое ничтожное относительное значеніе, поднявшись только съ 1880 по 1887 г. съ $0,_{3}^{0}/_{0}$ до $0,_{4}^{0}/_{0}$. Всѣ эти пониженія пріобрѣтаютъ еще большее значеніе для характеристики направленія финансоваго законодательства при сопоставленіи съ ними возникновенія или относительнаго усиленія нижеслѣдующихъ сборовъ. Налогъ за право торговли и промысловъ съ $1,_{7}^{0}/_{0}$ въ 1857—61 г. поднялся до $2,_{2}^{0}/_{0}$ въ 1880 г. и достигъ до $3,_{49}^{0}/_{0}$ въ 1887 г., т. е. представляетъ удвоеніе за 20 лѣтъ. Сборъ отъ денежныхъ капиталовъ, возникшій только въ 1885 г., достигъ въ 1887 г., правда, скромнаго размѣра $1,_{4}^{0}/_{0}$ бюджета. Государственный поземельный налогъ, появившійся въ бюджетѣ только съ половины 70-хъ годовъ, въ 1880 г. (безъ Привислянскаго края) составлялъ $1,_{12}^{0}/_{0}$, въ 1887 г. $1,_{49}^{0}/_{0}$ (въ Польшѣ же существуютъ особые виды поземельныхъ сборовъ и податей съ городскихъ недвижимостей болѣе давняго происхожденія).

Налогъ съ городскихъ недвижимостей (безъ Польши), возникшій въ Е. Россіи еще въ 1863 г., составлялъ въ 1880 г.—$0,_{63}^{0}/_{0}$, а въ 1887 г. $0,_{77}^{0}/_{0}$. Налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, вовсе не существовавшій еще въ 1880 г., составлялъ въ 1887 г. скромную цифру $0,_{45}^{0}/_{0}$. Почти такой же размѣръ относительнаго значенія дохода съ застрахованныхъ имуществъ.

Наконецъ, въ такомъ же направленіи измѣнялось относительное значеніе тѣхъ косвенныхъ налоговъ, объекты которыхъ не относятся къ предметамъ необходимости, а потому налоги эти болѣе аналогичны по своему распредѣлительному вліянію только что перечисленнымъ доходамъ государства, нежели подушному и питейному. Впрочемъ, сюда только отчасти возможно отнести напр. табачный акцизъ, такъ какъ потребленіе табаку настолько вкоренилось въ привычки даже низшихъ классовъ населенія многихъ мѣстностей Россіи, что нѣкоторая доля табачнаго налога приходится и на эти классы; но въ общемъ все таки и этотъ акцизъ сохраняетъ выше указанное нами значеніе. А между тѣмъ табачный налогъ, составлявшій въ 1857—61 г.г. $1,_{5}^{0}/_{0}$ бюджета, поднялся въ 1880 г. до $2^{0}/_{0}$, а въ 1887 г. даже до $2,_{92}^{0}/_{0}$, т. е. увеличился почти вдвое за 20 лѣтъ. Доходъ государства отъ сахара, равнявшійся въ первый изъ этихъ періодовъ всего $0,_{11}^{0}/_{0}$, въ 1880 г.—$0,_{6}^{0}/_{0}$, доставлялъ въ 1887 г. уже $2,_{8}^{0}/_{0}$, т. е. относительное значеніе его возросло въ $25^{1}/_{2}$ разъ!

Правда, таможенные сборы, хотя разнородные по своему характеру, но въ общемъ все-таки болѣе сродные по своему распредѣлительному вліянію съ табачнымъ и сахарнымъ, чѣмъ съ питейнымъ и подушнымъ, отчасти измѣнились въ иномъ направленіи; именно съ 1857—61 по 1880 г. роль ихъ въ бюджетѣ увеличилась съ $11,_5\%$ до $14,_4\%$, но въ 1887 г., не смотря на произведенныя въ первой половинѣ 80-хъ г.г. повышенія таможенныхъ пошлинъ, эта роль ослабѣла съ $14,_4\%$ до 13%. Слѣдуетъ обратить здѣсь вниманіе на то, что измѣненіе относительнаго значенія нѣкоторыхъ другихъ статей бюджета, хотя не составляетъ подтвержденія указаннаго выше направленія, но также довольно характеристично. Такъ доходы—горный и монетный понизились за 20 лѣтъ съ $3,_3\%$ до $0,_{29}\%$, т. е. въ 11 разъ, а если присоединить сюда и доходъ отъ казенныхъ горныхъ заводовъ, то все же общее пониженіе этихъ статей будетъ таково: $1,_{46}\%$ въ 1880 и $1,_{08}$ въ 1887 г., т. е. на 27% первоначальной процентной величины. Доходъ отъ казенныхъ населенныхъ имѣній и оброчныхъ статей за тотъ же періодъ упалъ съ $1,_9\%$ до 1%, т. е. почти вдвое. Прибыль отъ казенныхъ капиталовъ по банковымъ и инымъ финансовымъ операціямъ за 20 лѣтъ понизилась съ $8,_1\%$ до 2%, не смотря на то, что съ 1887 г. началось причисленіе къ бюджету прежде показывавшихся отдѣльно коммерческихъ прибылей Государственнаго Банка, почему безъ нихъ въ 1880 г. эта разсматриваемая статья давала только $0,_5\%$ бюджета, т. е. была въ 16 разъ менѣе, чѣмъ въ 1857—61 г.г. Всѣ эти уменьшенія окажутся еще болѣе характеристичными, если сопоставить ихъ съ увеличеніемъ доходовъ отъ другихъ казенныхъ же имуществъ въ общемъ результатѣ за 20 лѣтъ. Такъ, казенные лѣса давали въ 1857—61 г.—$0,_6\%$, въ 1880 г.—$2,_1\%$, а въ 1887 г.—$1,_{64}\%$; доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ первый періодъ былъ $0,_5\%$, въ 1880 г.—$0,_3\%$, а въ 1887 г.—$2,_{68}\%$, сверхъ поступленій на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшихъ въ 1880 г.—$1,_7\%$, въ 1887 г.—3%, и которыхъ совсѣмъ не было въ 1857—61 г. Какъ уменьшеніе первыхъ изъ упомянутыхъ только что статей доходовъ, такъ и увеличеніе послѣднихъ составляютъ признаки, характеризующіе современное направленіе государственнаго хозяйства; къ нимъ же можетъ быть отнесено и значительное возрастаніе телеграфнаго дохода, отсутствовавшаго въ первый изъ этихъ періодовъ,

доставлявшаго въ 1880 г. $1,_{1}{}^{0}/_{0}$, а въ 1887 г. $1,_{17}{}^{0}/_{0}$. Значительное развитіе пособій государственному казначейству изъ посторонних источниковъ составляетъ (по Безобразову) [1]) характерную черту русскихъ бюджетовъ; статья эта возросла съ $1,_{5}{}^{0}/_{0}$ въ 1880 г. до $1,_{75}{}^{0}/_{0}$ въ 1887 г., т. е. на $16,_{6}{}^{0}/_{0}$.

Изъ предыдущихъ историко-статистическихъ сопоставленій достаточно, надѣемся, выяснилось, что хотя русская финансовая система сдѣлала несомнѣнные шаги къ уравнительности налоговъ между болѣе и менѣе зажиточными классами населенія, но успѣхи эти скорѣе важны въ принципіальномъ отношеніи, какъ начатки новаго пути, чѣмъ значительны по своимъ количественнымъ результатамъ въ отношеніи распредѣленія податнаго бремени между менѣе и болѣе состоятельными плательщиками. Это послѣднее замѣчаніе еще лучше подтвердится сопоставленіемъ приведеннаго уже выше распредѣленія видовъ государственныхъ доходовъ Россіи за 1887 г. съ таковымъ же въ нѣкоторыхъ иностранныхъ бюджетахъ того же времени [2]). Тогда какъ сословные подушные налоги, вообще говоря, уже давно исчезли изъ западно-европейскихъ бюджетовъ, въ Россіи остатки ихъ (недоимки и подушная подать въ Сибири) фигурируютъ даже въ смѣтѣ 1887 г., а до этого времени они играли большую роль въ нашемъ отечествѣ. Правда, несословные личные налоги, исчезнувшіе давно въ Англіи, еще встрѣчаются въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ: такъ напр. во Франціи impot personnelle даетъ $0,_{66}{}^{0}/_{0}$ бюджета. Также низшіе разряды классной подати въ Пруссіи приближались отчасти къ несословнымъ личнымъ налогамъ, но именно эти разряды недавно и тамъ отмѣнены. Гораздо важнѣе современнаго значенія подушныхъ сборовъ въ Россіи имѣетъ питейный налогъ съ водки, упадающій главнымъ образомъ не на зажиточную часть, а на менѣе состоятельную массу населенія. Онъ составляетъ въ Россіи такой выдающійся процентъ всей суммы обыкновенныхъ доходовъ, какъ нигдѣ въ Западной Европѣ и С. Америкѣ. Тогда какъ въ Россіи

---

[1]) Безобразовъ. Государственные доходы Россіи 1866---72 (стр. 50).

[2]) Къ сожалѣнію, не имѣя отчетовъ иностранныхъ контрольныхъ учрежденій, намъ пришлось удовольствоваться свѣдѣніями о современныхъ иностранныхъ бюджетахъ заимствованными главнымъ образомъ изъ *Brachelli*. Statistische Skizzen 1887 г., изъ Вѣстника Финансовъ, изъ книги *A. Raffalovitsch'a* «L'année économique 1887—8», по которымъ и произведено нами вычисленіе процентовъ, приводимыхъ въ текстѣ.

въ 1887 г. весь питейный доходъ доставлялъ $31,_2\%$ всего обыкновеннаго бюджета, въ Англіи, гдѣ послѣ Россіи этотъ источникъ государственныхъ доходовъ болѣе значителенъ, чѣмъ въ другихъ большихъ государствахъ, онъ не достигалъ и 27%; тогда какъ во Франціи всѣ напитки вмѣстѣ доставляютъ $14._2\%$, въ германскомъ имперскомъ бюджетѣ со спирта и пива вмѣстѣ получастся $8,_{35}\%$, въ Италіи около 2%, а въ союзномъ Сѣверо-Американскомъ бюджетѣ спиртъ доставлялъ 23%, но этотъ бюджетъ совершенно неудобно сравнимъ съ русскимъ, такъ какъ значительная часть государственныхъ же доходовъ Сѣверо-Американскаго Союза отнесена къ бюджетамъ Штатовъ, чего конечно нельзя найти въ Россіи. Правда, соляной налогъ, отмѣненный въ Россіи съ 1881 г., продолжаетъ существовать въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ и составляетъ: во Франціи $1,_1\%$ бюджета, въ Австро-Венгріи $4,_1\%$, въ Германіи $5,_7\%$, въ Италіи $3,_1\%$. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ иныхъ государствахъ (напр. въ Австріи и Италіи) сама форма взиманія этого налога—монопольная—влечетъ за собою не мало стѣсненій для производства и потребленія. Только въ Англіи, Норвегіи и Португаліи, подобно Россіи, соль совсѣмъ не обложена налогомъ. Въ этой части бюджета Россія теперь стоитъ впереди многихъ западно-европейскихъ государствъ. Но зато во многихъ изъ послѣднихъ получили гораздо большее количественное значеніе налоги, упадающіе на имущество, или же тѣ виды косвенныхъ, которыми все таки въ гораздо большей степени, чѣмъ питейнымъ, обложены зажиточные классы населенія. Такъ, изъ первыхъ мы назовемъ здѣсь ниже слѣдующіе: государственный поземельный налогъ доставляетъ въ Россіи только $1,_{49}\%$ (а съ Польшею $1,_{77}\%$) всего бюджета, тогда какъ во Франціи—$9,_1\%$, въ Италіи—7%, въ Австріи—8%, въ Пруссіи—$9,_3\%$; только въ одной Англіи, гдѣ отдѣльный старинный поземельный налогъ давно (съ конца XVIII вѣка) уже могъ быть выкупаемъ, роль его въ бюджетѣ упала теперь до $1,_2\%$, т. е. близко подходитъ къ значенію его въ Россіи (безъ Польши); но слѣдуетъ имѣть въ виду, что къ этому налогу въ Англіи необходимо причислить еще значительную часть подоходнаго, относящуюся къ поземельной собственности. Другой налогъ съ недвижимаго же имущества—съ городской недвижимости—составляетъ въ Россіи только $0,_{77}\%$ (а съ Польшею $0,_{96}\%$); аналогичный же налогъ во Франціи (impot

des portes et des fenêtres) доставляетъ $1._6\%$; отдѣльно существующій, (сверхъ соотвѣтственной части подоходнаго) подомовый налогъ въ Англіи даетъ $1,_1\%$ бюджета. Такая же подать въ Австро-Венгріи доставляетъ $4,_3\%$, въ Италіи, $4._4\%$ и въ Пруссіи 7%. Недавно введенный у насъ налогъ на доходы отъ денежныхъ капиталовъ, доставляющій въ Россіи $1,_4\%$, имѣетъ сходство съ французскимъ налогомъ—taxe sur les valeurs mobilières,—приносящимъ $1,_5\%$ бюджета. Венгерскій налогъ на доходы отъ денежныхъ капиталовъ и ренту даетъ также $1,_5\%$ бюджета! Въ нѣкоторыхъ же государствахъ такой видъ налоговъ входитъ, какъ составная часть, въ подоходный; дающій въ Австріи $4,_8\%$ всего бюджета, въ Италіи $13,_8\%$, классифицированный подоходный въ Пруссіи вмѣстѣ съ класснымъ доставляютъ $16,_{44}\%$ всего прусскаго бюджета; въ Англіи же этотъ налогъ даетъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, а именно 18% всего бюджета. Этого дохода однако нѣтъ, какъ извѣстно, ни во Франціи, ни въ Россіи. Доли налога на торговлю и промыслы представляютъ большую равномѣрность: въ Россіи теперь онъ доставляетъ $3._{49}\%$, во Франціи $3,_6\%$, въ Англіи такъ называемые licenses приносятъ государству 4%, въ Австро-Венгріи промысловый налогъ составляетъ $3,_2\%$ бюджета, въ Пруссіи $4._{65}\%$. Точно также поимущественный налогъ, называемый только пошлиною съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, доставляетъ въ Россіи всего $0,_{45}\%$, а во Франціи $8,_6\%$, въ Англіи $9,_1\%$ бюджета. Подать съ однихъ только наслѣдствъ доставляетъ въ Пруссіи $1,_{39}\%$, въ Италіи $2,_1\%$. Даже крѣпостныя пошлины, упадающія также на имущественные классы, доставляютъ въ Россіи (съ судебными и канцелярскими) только $1._2\%$, въ Англіи $5,_{97}\%$; въ Австріи всѣ пошлины по юстиціи даютъ $5,_7\%$; французское droit d'enregistrement приноситъ государству 18%; аналогичный этому налогъ въ Пруссіи равняется $9,_{53}\%$. Что касается косвенныхъ налоговъ, болѣе чѣмъ питейный упадающихъ на населеніе сообразно его средствамъ, какъ напр. табачнаго, сахарнаго, а отчасти таможеннаго, то они составляли слѣдующія части бюджетовъ: табачный въ Россіи $2,_{92}\%$, въ Германскомъ имперскомъ бюджетѣ только $1,_2\%$; въ аналогичномъ же бюджетѣ Соедин. Штатовъ Сѣверной Америки бандерольная система доставляетъ дохода отъ табаку $8,_7\%$ бюджета. Табачная же монополія приносила Франціи $12,_6\%$ валоваго дохода, въ Австро-Венгріи $13,_6\%$, въ Италіи $12,_3\%$. Въ

Англіи въ видѣ таможеннаго дохода табакъ доставляетъ $9,_3\%$, тогда какъ внутренняго налога на этотъ предметъ обложенія нѣтъ въ этомъ государствѣ. Доходъ отъ сахара въ Россіи равняется $2,_8\%$, во Франціи $5,_4\%$, въ Германской Имперіи $5,_2\%$; въ Англіи совсѣмъ теперь нѣтъ налога на сахаръ. Наконецъ, таможенный доходъ составляетъ въ Россіи 13%, во Франціи $10,_{48}\%$, въ Англіи 22%, въ Италіи $15,_2\%$. Въ союзныхъ же бюджетахъ, каковы Имперскій Германскій и Сѣверо-Американскій, таможенный доходъ составляетъ гораздо большую долю бюджета: въ Германіи $36,_4\%$, а въ Америкѣ даже $60,_2\%$, но эти бюджеты неудобосравнимы ни съ русскимъ, ни со смѣтами другихъ западно-европейскихъ несоюзныхъ государствъ.

Изъ всѣхъ предыдущихъ сопоставленій современной русской финансовой системы съ ея предшественницею въ русской финансовой исторіи и съ нѣкоторыми иностранными, надѣемся, позволительно сдѣлать тотъ выводъ, что въ общемъ результатѣ она занимаетъ среднее, промежуточное положеніе между ними: все болѣе и болѣе удаляясь отъ, такъ сказать, (для краткости) „подушнаго“ принципа, вообще господствовавшаго въ нашей старой финансовой системѣ и ложившагося наибольшею тяжестью на массу населенія, она стремится постепенно, хотя и медленно, дать все большее и большее примѣненіе другому принципу обложенія, сообразующемуся съ имущественными средствами плательщиковъ податей, т. е. съ тѣмъ принципомъ, который въ западно-европейскихъ и сѣверо-американскомъ финансовыхъ законодательствахъ успѣлъ уже, вообще говоря, проявиться гораздо полнѣе.

Мы сдѣлали здѣсь такое значительное отступленіе отъ своей непосредственной задачи для болѣе обстоятельной характеристики русскихъ финансовыхъ системъ, во первыхъ, потому, чтобы оговориться, насколько нынѣ дѣйствующая система отличается отъ той необновленной еще системы русскихъ финансовъ, которая дѣйствовала въ 1880 г. и послужила вмѣстѣ съ тѣмъ (по несовершенству данныхъ Отчета Государственнаго Контроля послѣ 1881 г.) главнымъ базисомъ нашихъ вычисленій о географическомъ распредѣленіи доходовъ Россіи, а, во вторыхъ, потому, что самое географическое распредѣленіе доходовъ находится въ тѣсной причинной зависимости отъ тѣхъ характеристическихъ свойствъ русской финансовой системы, на ко-

торыя мы указали въ предыдущемъ ея разборѣ. Выборъ тѣхъ или другихъ формъ обложенія и та или иная количественная ихъ комбинація въ бюджетѣ, при данныхъ мѣстныхъ экономическихъ особенностяхъ различныхъ областей страны, должны имѣть несомнѣнное вліяніе и на географическое распредѣленіе доходовъ между областями государства. Для выясненія причинъ этого распредѣленія мы должны были обстоятельнѣе охарактеризовать всю систему русскихъ финансовъ. Только что сдѣланное замѣчаніе подкрѣпляется напр. нижеслѣдующими фактическими данными. Наглядное подтвержденіе частичнаго хотя и характернаго, измѣненія нашей финансовой системы мы можемъ видѣть изъ сравненія распредѣленія по группамъ губерній [1]) итоговъ главнѣйшихъ доходовъ за 1880 и за 1887 г.г., [2]) т. е. *до* и *послѣ* реформъ первой половины 80-хъ годовъ.

Изъ суммъ главнѣйшихъ доходовъ (окладныхъ, неокладныхъ, пошлинъ, но безъ регалій и проч.) Европейской Россіи съ Польшею получено:

	Въ 1880 г.	въ 1887 г.	Разница между ними.	Размѣръ измѣненій относительно процентовъ 1880 г.
въ столичныхъ губерніяхъ	17,43%	20,30%	+2,87%	=11,00%+
въ сѣверныхъ губерніяхъ . .	2,67%	2,50%	—0,17%	= 6,50%—
„ восточныхъ	8,50%	7,70%	—0,80%	= 9,41%—
„ среднепромышленныхъ . .	9,78%	8,30%	—1,48%	=15,10%—
„ среднечерноземныхъ . .	16,17%	16,20%	+0,03%	= 0,19%+
„ малороссійскихъ	6,04%	5,50%	—0,54%	= 9,00%—
„ югозападныхъ	8,00%	7,20%	—0,80%	=10,00%—
„ южныхъ	11,05%	11,19%	+0,14%	= 1,20%+
„ сѣверозападныхъ	6,09%	5,50%	—0,59%	= 9,00%—
„ прибалтійскихъ.	5,15%	5,00%	—0,15%	= 3,00%—
„ польскихъ.	9,30%	10,10%	+0,80%	= 8,00%+

Суммы процентовъ главнѣйшихъ доходовъ были въ группахъ губерній:

1) Сѣверныхъ, среднепромышленныхъ и сѣверозападныхъ:

въ 1880 г.	въ 1887	Разница (—)уменьшеніе.
18,55%	16,30%	— 2,25%

[1]) Группировку губерній здѣсь мы принимаемъ ту, которая усвоена Отчетами Департамента Неокладныхъ Сборовъ и которую мы разъяснимъ дальше.

[2]) Въ Отчетѣ Государственнаго Контроля за 1887 г. для разъясненія географическаго распредѣленія государственныхъ доходовъ оказались пригодными свѣдѣнія только о *главнѣйшихъ* статьяхъ, а не общіе мѣстные итоги *всѣхъ* доходовъ, которые нельзя было выдѣлить изъ кассовыхъ показаній.

2) Сумма южныхъ, югозападныхъ, малороссійск., среднечерноземныхъ и восточныхъ:

въ 1880 г.	— 1887	Разница (—)уменьшеніе
50,57%	— 48,79%	— 1,78%

3) Сумма прибалтійскихъ губ. и Польши въ:

1880 г.	— 1887 г.	Разница (+)увеличеніе.
14,45%	—15,10%	+0,65%

4) и въ губ. столичныхъ увеличеніе +2,87%

Изъ этого измѣненія относительнаго участія группъ губерній Европ. Россіи съ Польшею въ доставленіи главнѣйшихъ доходовъ въ 1880 и 1887 гг. видно, что оно ограничивалось очень скромными размѣрами—7,40% въ среднемъ (отъ 0,19% до 15,10%). Относительная роль въ доставленіи государственныхъ доходовъ большей части Россіи уменьшилась, а нѣсколько увеличились доли участія губерній столичныхъ, польскихъ и среднечерноземныхъ. Скорѣе можно удивляться устойчивости географическаго распредѣленія доходовъ, не смотря на существенныя въ принципіальномъ отношеніи реформы періода 1880—87 гг., чѣмъ тому, что нѣсколько измѣнилось относительное значеніе нѣкоторыхъ областей. Желая опредѣлить самый характеръ измѣненій, происшедшихъ въ географическомъ распредѣленіи доходовъ за этотъ періодъ, мы сдѣлали попытку хотя приблизительно опредѣлить, насколько это географическое распредѣленіе соотвѣтствуетъ матеріальнымъ средствамъ областей Россіи. За неимѣніемъ такихъ достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о доходахъ населенія разныхъ мѣстностей, которыя были бы пригодны для сравнительныхъ сопоставленій [1]), мы предположили, что объ относительномъ экономическомъ положеніи областей Россіи можно составить себѣ хотя приблизительное понятіе по имѣющимся даннымъ о цѣнности продуктовъ главнѣйшихъ отраслей производительности: земледѣлія, скотоводства, горнаго дѣла [2]), фабрикъ, заво-

[1]) Поэтому изслѣдованіями объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нельзя было воспользоваться.

[2]) Для первыхъ 3 упомянутыхъ отраслей промышленности мы взяли оцѣнку обстоятельнаго и добросовѣстнаго составителя экономической статистики Россіи—Matthaei (Die wirthschaftlichen Hülfsquellen Rulands von Fr. Matthaei 1883—5 г.) Таблицы, приложенныя къ I тому, даютъ интересующую насъ оцѣнку. Правда, оцѣнка эта, основанная на оффиціальныхъ данныхъ, только приблизительная; но такъ какъ причины уклоненія этихъ данныхъ отъ дѣйствительности, вѣроятно, дѣйствуютъ довольно равномѣрно на всемъ пространствѣ Россіи, то сравненіе между собою различныхъ мѣстностей оказывается возможнымъ. Съ другой стороны, такъ какъ упомянутыя причины оказываютъ совершенно токое же вліяніе и на оффиціальныя данныя о промышленности обрабатывающей и торговлѣ, то суммированіе всѣхъ этихъ однородныхъ цифръ допускаетъ сравнительные выводы.

довъ [1]) и наконецъ по оборотамъ торговли [2]). Допустивъ вѣроятность такого, хотя и очень приблизительнаго, но достаточнаго для нашей цѣли, соотвѣтствія доходамъ населенія цѣнности продуктовъ главнѣйшихъ отраслей производства и торговыхъ оборотовъ, мы получили нижеслѣдующее распредѣленіе группъ губерній и сопоставили его съ такимъ же распредѣленіемъ главнѣйшихъ доходовъ въ 1880 и 1887 г., а разности обозначили: (+) при перевѣсѣ государственныхъ сборовъ надъ хозяйственными оборотами и (—) при обратномъ отношеніи.

Въ Европейской Россіи съ Польшею изъ общей суммы цѣнности продуктовъ и торговыхъ оборотовъ приходилось:		Главныхъ государственныхъ доходовъ болѣе (+) или менѣе (—) чѣмъ цѣнности продуктовъ и торговыхъ оборотовъ по группамъ губерній. въ 1880 г.	въ 1887 г.
на столичныя губерніи	22,62%	— 5,19%	— 2,32%
„ сѣверныя	2,98%	— 0,31%	— 0,48%
„ восточныя	12,62%	— 4,12%	— 4,92%

---

[1]) Цѣнность произведеній фабрикъ и заводовъ мы заимствовали изъ XII Выпуска Ежегодника Министерства Финансовъ за 1879 г. и изъ Сборника статистическихъ свѣдѣній за 1882 г.; на основаніи этихъ данныхъ мы опредѣлили среднюю цѣнность за періодъ, близкій къ тому къ которому относится и оцѣнка Matthaei для земледѣлія, скотоводства и горнаго дѣла. Хотя эти данныя о цѣнности произведеній фабрикъ и заводовъ также только приблизительныя, но при вѣроятной одинаковости повсемѣстной погрѣшности онѣ допускаютъ сравненіе между собою областей Россіи.

[2]) Для вычисленія торговыхъ оборотовъ времени около 1880 г., соотвѣтственно даннымъ о другихъ промыслахъ, мы употребили слѣдующій пріемъ. Изъ данныхъ болѣе достовѣрной торговой статистики (*Статистическіе результаты раскладочнаго и трехпроцентнаго сборовъ за 1885—6 гг. изд. Департамента мануфактуръ и торговли*) мы вывели отношеніе, въ которомъ находятся торговые обороты къ оборотамъ промышленныхъ предпріятій и, узнавъ его для 1885—6 гг., предположили, что таково же оно было и въ 1880 г.; помноживъ на это отношеніе итогъ цѣнности произведеній фабрикъ и заводовъ 1879—82 гг., мы узнали размѣры торговыхъ оборотовъ за время около 1880 г., а имѣя въ виду для сравненія не самые обороты, а прибыли, отъ нихъ получаемыя, мы распредѣлили эти торговые обороты соотвѣтственно мѣстнымъ итогамъ торговыхъ прибылей (что мы опять заимствовали изъ распредѣленія этихъ торговыхъ прибылей въ «статистическихъ результатахъ раскладочнаго и 3%-го сборовъ за 1885—6 гг.») Такимъ образомъ, хотя мы опредѣлили только размѣры оборотовъ главнѣйшихъ отраслей производительности населенія Россіи, но, опредѣляя ихъ, мы имѣли въ виду собственно прибыли, ими доставляемыя, географическое распредѣленіе которыхъ намъ и желательно было узнать. Для этого мы и допустили приблизительное соотвѣтствіе прибылей оборотамъ, что однако менѣе всего можно было позволить себѣ относительно торговыхъ (со включеніемъ комиссіонныхъ). Для нихъ-то мы сдѣлали упомянутую поправку распредѣленія оборотовъ. Конечно, получилась не абсолютная вѣрность, а только вѣроятность соотвѣтствія полученныхъ отношеній между провинціями по оборотамъ съ ихъ отношеніями по доходамъ населенія. За новѣйшее время *всѣхъ* данныхъ для оцѣнки продуктовъ разныхъ промысловъ мы не имѣли и остановились на эпохѣ около 1880 г., соотвѣтствующей, по времени, тѣмъ даннымъ Отчета Государственнаго Контроля, которые послужили намъ главнѣйшимъ базисомъ для изслѣдованія географическаго распредѣленія русскихъ финансовъ.

		въ 1880 г.	въ 1887 г.
на среднепромышленныя	8,69%	+ 1,09%	— 0,39%
„ среднечерноземныя	14,54%	+ 1,63%	+ 1,66%
„ малороссійскія	5,70%	+ 0,34%	— 0,20%
„ прибалтійскія	4,01%	+ 1,14%	+ 0,99%
„ сѣверозападныя	4,45%	+ 1,64%	+ 1,05%
„ югозападныя	5,32%	+ 2,68%	+ 1,88%
„ южныя	12,53%	— 1,48%	— 1,34%
„ польскія	6,90%	+ 2,40%	+ 3,20%
Сумма уклоненій: со знакомъ (+) . .		+ 11,13 .	(+) 8,78
„ (—) .		— 11,10 .	(—) 9,65
всѣхъ		22,23 .	18,43

Сумма уклоненій въ 1887 г. уменьшилась на 3,80% общаго итога главнѣйшихъ доходовъ или на 17,20% первоначальной величины, что свидѣтельствуетъ о томъ, что финансовыя реформы въ періодъ 1880—7 г. сдѣлали нашу финансовую систему болѣе равномѣрною, а это выразилось, между прочимъ, и въ большемъ соотвѣтствіи мѣстныхъ итоговъ главнѣйшихъ доходовъ 1887 г. (сравнительно съ 1880 г.) размѣрамъ хозяйственныхъ оборотовъ тѣхъ же мѣстностей Евр. Россіи [1]). Такой выводъ получился безъ принятія пока въ разсчетъ вліянія переложенія податей; но это послѣднее хотя и можетъ нѣсколько видоизмѣнить то количественное выраженіе географическаго распредѣленія доходовъ, которое представляется предыдущею таблицею, однако, направленіе измѣненій, вносимыхъ этимъ факторомъ въ оба разсматриваемые нами года очень сходно между собою, а потому и нашъ выводъ о большей уравнительности системы 1887 г. едвали будетъ поколебленъ принятіемъ въ разсчетъ только что названной поправки. Каковы же размѣры этого успѣха русскихъ финансовъ въ 80-хъ гг., увидимъ изъ нижеслѣдующаго болѣе подробнаго разбора частностей!

Сопоставляя съ процентомъ хозяйственныхъ оборотовъ группъ губерній проценты главныхъ доходовъ 1880 и 1887 гг., мы получали

[1]) Конечно, это заключеніе будетъ вѣрно только при допущеніи предположенія, что распредѣленіе общей суммы цѣнности продуктовъ и торговыхъ оборотовъ между группами губерній съ 1880 по 1887 г. не измѣнилась существенно, а такое предположеніе совершенно вѣрно для крупныхъ раіоновъ Россіи и для краткаго періода времени.

или превышеніе государственныхъ доходовъ (+) надъ хозяйственными оборотами, или превышеніе послѣднихъ надъ первыми (—).

Эти-то превышенія прежде всего свидѣтельствуютъ о видимомъ (если не принимать пока въ соображеніе дѣйствія переложенія податей) несоотвѣтствіи государственныхъ доходовъ хозяйственнымъ оборотамъ. Изъ тѣхъ же двухъ послѣднихъ столбцовъ мы узнаемъ еще, что характеръ этого несоотвѣтствія въ теченіи разсматриваемаго періода измѣнился, т. е. переходъ (+) въ (—) съ 1880 г. по 1887 г. произошелъ только въ двухъ случаяхъ изъ одинадцати. Значитъ, этотъ характеръ несоотвѣтствія обложенія имущественнымъ средствамъ въ общихъ чертахъ также довольно устойчивъ. Правда, численные размѣры этого несоотвѣтствія нѣсколько измѣнились въ нѣкоторыхъ группахъ; такъ, въ столичной группѣ замѣчается увеличеніе обложенія, а потому и приближеніе къ среднему обложенію, т. е. уменьшеніе неравномѣрности на $2{,}87^0/_0$. Кромѣ столичныхъ губерній возросла тягость обложенія по сравненію съ процентами оборотовъ только въ среднечерноземныхъ на $0{,}03^0/_0$, въ южныхъ на $0{,}14^0/_0$ и въ польскихъ на $0{,}80^0/_0$. Облегченіе же получили слѣдующія группы: среднепромышленная на $1{,}48^0/_0$; восточная на $0{,}80^0/_0$, сѣверозападная на $0{,}59^0/_0$; малороссійская на $0{,}54^0/_0$; сѣверная на $0{,}17^0/_0$; прибалтійская на $0{,}15^0/_0$. Уже изъ этихъ сопоставленій выясняется отчасти общій характеръ измѣненій въ томъ смыслѣ, что большая часть Европейской Россіи реформами 80-хъ гг. нѣсколько облегчена, а податное бремя возросло главнымъ образомъ въ столичныхъ губерніяхъ, гораздо менѣе въ Польшѣ и очень немного въ двухъ другихъ группахъ. Но столичныя губерніи и послѣ этого увеличенія бремени все таки остаются обложенными (подобно восточнымъ и нѣкоторымъ другимъ группамъ) значительно слабѣе средняго размѣра; превышеніе же послѣдняго встрѣчается повидимому (не принимая пока въ разсчетъ переложенія подати) только въ польскихъ, среднечерноземныхъ, югозападныхъ, сѣверозападныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ. Такое заключеніе о столичной и другихъ группахъ подтверждается и сопоставленіемъ абсолютной разницы итоговъ главнѣйшихъ доходовъ за 1880 и 1887 гг. по вышеупомянутымъ мѣстностямъ Россіи.

Итоги главнѣйшихъ государственныхъ доходовъ (окладныхъ, неокладныхъ и пошлинъ, но безъ регалій и прочихъ):

	въ 1880 г.	въ 1887 г.	Разница.
	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Въ столичныхъ губерніяхъ	91,619,536 р.	115,790,032 р.	+24,170,496 р.=+$26_{,30}$%
„ сѣверныхъ	14,040,966 „	14,581,771 „	+540,805 „ =+ $3_{,80}$%
„ восточныхъ	44,074,969 „	44,067,010 „	—7,959 „ =— $0_{,01}$%
изъ нихъ:			
1) Вятская и Перм. . .	— —	20,347,719 „	— —
2) остальныя восточн.	— —	23,719,291 „	— —
„ среднепромышлен. .	51,393,474 „	47,788,315 „	—3,605,158 „ =— $7_{,00}$%
„ среднечерноземныхъ .	84,979,321 „	92,608,118 „	+7,628,791 „ =+ $8_{,90}$%
„ малороссійскихъ . .	31,737,974 „	31,564,787 „	— 173,186 „ =— $0_{,50}$%
„ прибалтійскихъ . . .	27,094,831 „	28,839,124 „	+1,744,293 „ =+ $6_{,90}$%
„ сѣверозападныхъ . .	32,005,739 „	31,602,989 „	— 402,750 „ =— $1_{,20}$%
„ югозападныхъ . . .	41,446,286 „	41,255,003 „	— 191,282 „ =— $4_{,60}$%
„ одномъ сѣверномъ Кавказѣ	— —	8,017,681 „	— —
„ южныхъ—съ сѣверн. Кавказомъ	63,707,744 „	71,764,170 „	+8,056,426 „ =+$12_{,00}$%
„ южныхъ—безъ сѣверн. Кавказа	58,106,244 „	63,746,489 „	+5,640,235 „ =+ $9_{,70}$%
„ польскихъ	48,895,766 „	57,787,412 „	+8,891,646 „ =+$18_{,00}$%
„ сибирскихъ и Туркестанѣ	23,508,624 „	34,093,638 „	+10,585,014 „ =+$45_{,00}$%
Итоги всѣхъ поименованныхъ съ сѣв. Кавказомъ, Сибирью и Туркестаномъ (безъ Закавказья)	554,505,235 р.	611,742,369 р.	+57,237,134 р.
Итоги Евр. Россіи съ Польшею безъ Сѣвер. Кавказа, Сибири, Туркестана и Закавказья.	525,395,111 р.	569,631,055 р.	+44,235,944 р.=+ $8_{,40}$%
въ Закавказьѣ		8,885,288 р.	
Общій итогъ главнѣйш. доходовъ Имперіи.		620,627,657 р.	

Въ этой таблицѣ представляются въ частностяхъ нѣкоторыя уклоненія по сравненію съ предыдущею, гдѣ показано относительное участіе каждой группы губерній въ доходахъ 1880 и 1887 гг., но въ общемъ и здѣсь сохранился тотъ же характеръ. Первое, что обращаетъ на себя наше вниманіе при обозрѣніи абсолютной разницы итоговъ главнѣйшихъ доходовъ 1880 и 1887 гг., заключается въ слѣдующемъ: почти въ половинѣ группъ губерній измѣненія совершенно незначительны; важнѣйшія же измѣненія, происшедшія въ 1887 г. сравнительно съ 1880 г., выражаются въ томъ, что въ 1887 г. сдѣлались болѣе обремененными налогами столичныя губерніи, окраины вообще, особенно Сибирь съ Туркестаномъ и отчасти Польша, а также среднечерноземныя губерніи; остальныя же внутреннія группы губерній и особенно среднепромышленная оказались облегченными.

Большая часть всего итога измѣненій приходится въ одномъ направленіи—обременительномъ на столичныя губерніи, а въ противуположномъ — облегчительномъ на среднепромышленныя: изъ разницы общихъ итоговъ главнѣйшихъ доходовъ всей Россіи (безъ Закавказья) на однѣ столичныя приходится свыше 42%, а изъ разницы для одной Европейской Россіи съ Польшею даже около 55%; съ другой стороны изъ общей суммы встрѣчающихся по отдѣльнымъ группамъ уменьшеній 82% приходится на одну среднепромышленную группу (безъ Московской губ.). Такое сосредоточеніе обремененія на столичныхъ губерніяхъ благодаря реформамъ 80-хъ годовъ весьма легко объясняется общимъ ихъ стремленіемъ перенести хотя часть податнаго бремени съ болѣе бѣдныхъ плательщиковъ на зажиточные классы населенія и характеромъ столичныхъ губерній, какъ самыхъ богатыхъ въ Имперіи: въ нихъ изъ всего населенія Европейской Россіи живетъ только 4%, а изъ общей суммы цѣнности произведеній земледѣлія, скотоводства, горнаго дѣла, фабрикъ заводовъ и торговыхъ оборотовъ (распредѣленныхъ соотвѣтственно прибылямъ) 22,6%. При такомъ сосредоточіи экономическихъ оборотовъ въ столицахъ ясно, какое вліяніе должны были оказать на нихъ финансовыя реформы 80-хъ гг. Изъ 2 столичныхъ губерній увеличеніе обложенія съ 1880 по 1887 г. приходится преимущественно на Петербургскую губ., а здѣсь между видами налоговъ, давшихъ прибавку, первое мѣсто занимаетъ 5%-й сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, составлявшій 42% суммы всѣхъ приращеній, а если къ нему присоединить еще существенно измѣненный дополнительными—3%-нымъ и раскладочнымъ—сборами торговый налогъ, равный $12,_4$% всего увеличенія, да пошлины съ имуществъ, переходящихъ безмездно, равныя 5% того же увеличенія, то отъ этихъ трехъ видовъ доходовъ получится почти 60% всего приращенія обложенія столичныхъ губерній, самаго крупнаго изъ приращеній по всѣмъ группамъ. Что же касается тѣхъ видовъ налоговъ, чрезъ уменьшеніе которыхъ получила облегченіе среднепромышленная группа, то, конечно, это слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ подушной подати, уменьшеніе коей даетъ 86,7% всѣхъ уменьшеній главнѣйшихъ налоговъ по этой группѣ съ 1880 по 1887. Если бы подобно этимъ крайнимъ группамъ мы захотѣли подробно проанализировать причины измѣненій и въ остальныхъ, разлагая раз-

ницы между главнѣйшими доходами 1880 и 1887 гг. на составныя элементы, то намъ пришлось бы повторять много разъ подобныя же указанія, которыя въ общемъ результатѣ сводились бы къ выводамъ, сдѣланнымъ уже нами при сопоставленіи системъ 1880 и 1887 годовъ, т. е. тѣмъ, которые объясняются уничтоженіемъ подушнаго налога, введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ поимущественныхъ и отчасти подоходныхъ сборовъ, а также значительнымъ увеличеніемъ косвенныхъ налоговъ. Поэтому-то мы позволяемъ себѣ ограничиться разборомъ только противуположныхъ по характеру измѣненій группъ губерній: столичныхъ и среднепромышленныхъ.

Сдѣланнымъ здѣсь сопоставленіемъ 1887 и 1880 гг., надѣемся, мы достаточно подтвердили фактическими данными наше предыдущее положеніе о тѣсной зависимости географическаго распредѣленія доходовъ отъ общаго характера всей финансовой системы. Но то же самое сопоставленіе выяснило намъ и другое: какъ бы ни были интересны съ точки зрѣнія характера системы всѣ эти частныя измѣненія, нельзя не признать, что приведенные нами выше проценты, выражающіе участіе каждой группы въ общихъ итогахъ главнѣйшихъ доходовъ 1880 и 1887 гг., измѣнились немного—въ среднемъ на $7,_4\%$, а въ максимумѣ на $15,_1\%$. Въ виду такого результата мы могли бы считать географическое распредѣленіе государственныхъ доходовъ мало измѣненнымъ реформами 80-хъ г., такъ какъ принятые нами для вычисленій главнѣйшіе доходы составляли все таки отъ 85% въ 1880 г. до 74% въ 1887 году всѣхъ доходовъ, даже со включеніемъ неопредѣленнаго характера поступленій разнаго рода. Этотъ выводъ даетъ намъ право, не впадая въ анахронизмъ, принять за главный базисъ для вычисленій статистическія данныя за года, предшествующіе 1882-му, такъ какъ съ этого года начинаются въ Отчетахъ Государственнаго Контроля указанные нами въ предисловіи недостатки, недопускающіе приведенія полныхъ итоговъ *всѣхъ доходовъ*, поступавшихъ въ кассы данной губерніи, а до 1881 г. включительно имѣются эти мѣстные итоги. Между тѣмъ, именно только вся совокупность государственныхъ доходовъ, доставляемыхъ данною губерніею, показываетъ (если пока на время опустить вліяніе переложенія податей) весь размѣръ податнаго бремени, налагаемаго на ту или иную мѣстность Россіи.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОБЗОРЪ „СИСТЕМАТИКИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА".

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УЧЕНІЕ О СУВЕРЕНЕТЕТѢ ВЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ ПРАВѢ.

§ 12. Государство, какъ субъектъ международнаго права.

63. Господствующей (можно почти сказать общепринятой) догмой въ наукѣ м. п-а, въ настоящее время, считается то положеніе, что только государство есть субъектъ м. п-а. Самое м. п. есть право между государствами. Подданные государства и органы власти въ немъ (и произведенія и предметы данной страны) пользуются м.-п-ми выгодами, на основаніи м.-п-хъ отношеній, существующихъ между государствами, къ которымъ они принадлежатъ. Но сами собою они не суть субъекты (или объекты) м. п-а.

Этотъ принципъ выработался въ современномъ (суверенномъ) государствѣ, которое объединило всю общественно-государственную власть, упразднивъ различные виды средневѣковой автономіи лицъ, корпорацій, общинъ. Средневѣковая автономія, на феодальныхъ основаніяхъ, допускала значительную, или даже полную м.-п-ую самостоятельность отдѣльныхъ частей государства. Ганзейскіе города и другіе были въ такомъ положеніи. Новое государство развило принципъ суверенетета верховной власти на всемъ пространствѣ территоріи и, въ томъ числѣ, гл. обр., заботилось также объ устраненіи вліянія иностранныхъ властей на своей территоріи. М. отношенія каждаго государства, поэтому, были подвергнуты самой строгой цен-

трализаціи. Этотъ (необходимый) порядокъ вещей и понынѣ продолжаетъ оставаться въ силѣ, за самыми немногими исключеніями, которыя объясняются совершенно особенными причинами *(69. 85)*.

Этотъ историческій процессъ развитія въ централизаціи государственной власти наглядно выдвинулъ роль государствъ, какъ единственныхъ субъектовъ м. п-а.

Государство пріобрѣтаетъ м. права для всѣхъ своихъ частей; оно, какъ цѣлое, принимаетъ на себя м. обязанности и несетъ м.-п-ую отвѣтственность.

То положеніе, что государство субъектъ м. п-а, коренится, т. обр., прежде всего въ государственномъ правѣ.

63. а. Надо обратить вниманіе еще и на то всеобщее явленіе, что государство строго централизируетъ не только устройство м. отношеній своей страны, но и управленіе ими. Всѣ оффиціальныя отношенія съ иностранными органами власти ведутся, если (теперь уже) и не исключительно, но предпочтительно и какъ общее правило—черезъ особое министерство иностранныхъ дѣлъ (или его органовъ,—это т. наз. дипломатическій путь м. сношеній), а не непосредственно, между подлежащими вѣдомствами и инстанціями различныхъ государствъ. (I. 38. II. 540; CX, 190). Государство, черезъ такой контроль спеціальнаго вѣдомства по иностранной политикѣ, желаетъ предупредить, при исполненіи текущихъ дѣлъ въ отношеніяхъ съ иностранными правительственными учрежденіями, даже возможность малѣйшей неосторожности, ошибки или промаха, такъ какъ совершенное въ этомъ порядкѣ неправильное дѣйствіе, 1. уже не можетъ быть поправлено, если его послѣдствія уже находятся подъ исключительнымъ господствомъ иностранной власти, (напр., I. 28; 5), или 2. государство даже должно за него извиниться передъ другимъ правительствомъ.

Поэтому совершенно основательно, что государства, только осторожно и при строгой повѣркѣ условій въ положеніи дѣла, соглашаются на порядокъ или „путь непосредственныхъ м. сношеній“ своихъ правительственныхъ учрежденій съ иностранными—и всетаки, предпочтительно, лишь въ сношеніяхъ обоюдныхъ мѣстностей близъ границы. I. 35-8. II. 348-9. I. 30; 10, 1. (но) 29; 9. I. 262-3; 8. 456; 15. II. 472; 10-76. 473; 58. 474; 8. 475; 27. 476; 330. I. 269; 4. II. 399; 4. I. 399; 11.

Въ отношеніяхъ государствъ по дѣламъ нѣкоторыхъ изъ „союзовъ“ (*36*), вообще по возможности, сокращается употребленіе дипломатическаго пути, замѣной непосредственными сношеніями, какъ между подлежащими „управленіями“ (напр. почтовыми) различныхъ государствъ-участниковъ союза, такъ и этихъ управленій съ подлежащимъ „м. бюро“ (ibid.). I. 66; 20. 71-2; 13. 96; 13. 522; 130; 11; 46.

64. Государство вполнѣ годный субъектъ м. права.

Въ государственномъ правѣ—роль государства, какъ субъекта права, вполнѣ установлена. И, дѣйствительно, государство обладаетъ—даже въ высшей степени тѣми данными (или условіями), которыя дѣлаютъ извѣстное (моральное) существо годнымъ быть субъектомъ права.

Понятіе субъекта права пріурочивается къ понятію личности или лица. Государство и есть именно такое учрежденіе (и моральное существо), которое

а. обладаетъ тождествомъ своего (физическаго и моральнаго) *я*—и даже, вообще, болѣе продолжительное время, чѣмъ это обыкновенно суждено „субъектамъ права“;

б. имѣетъ неподвижную осѣдлость; т. е., самоличность даннаго государства не можетъ подлежать сомнѣнію;

в. имѣетъ организованный порядокъ для воли и дѣйствій; понимаетъ свои обязанности, исполняетъ ихъ и знаетъ да сознаетъ свою отвѣтственность.

Претендуя устроиться такъ, чтобы оно одно было субъектомъ м. п-а для всего пространства своего господства, государство не допускаетъ вторженія властей инос. государства въ свои владѣнія (и сферу господства въ открытомъ морѣ), для удовлетворенія какихъ бы то ни было законныхъ требованій къ лицамъ и предметамъ, здѣсь находящимся; но, въ опредѣленныхъ случаяхъ, оно отвѣчаетъ за оказаніе помощи другому государству, для удовлетворенія его законныхъ требованій, черезъ органы и мѣропріятія своей власти, а за неисполненіе такой помощи уже само, какъ цѣлое, подвергается взысканію (репрессаліямъ или войнѣ) со стороны другаго государства.

65. Государство есть субъектъ м. п-а, (какъ политическое тѣло), въ качествѣ своей политической личности, (въ роли своего *imperium'a*), какъ польная общественно-государственная (верховная) власть на опредѣленной территоріи.

Въ качествѣ собственника опредѣленнаго недвижимаго имущества на иностранной территоріи, государство не имѣетъ политич. правъ imperium'a, а обладаетъ только правами субъекта частнаго права, какъ и всякое другое лицо. Вся общественно-государственная власть на такомъ участкѣ частно-правнаго владѣнія иностраннаго государства, (хотя бы и на межѣ государственной границы), принадлежитъ территоріальному государству.

66. М. п. есть право для отношеній между независимыми другъ отъ друга государствами. Особенности устройства и управленія отдѣльнаго государства, поэтому, не касаются свойства государства, какъ субъекта м. п-а. Всѣ формы государственнаго устройства и всѣ системы управленія государствомъ—для государства, какъ субъекта м. п-а, одинаково годны и не измѣняютъ его правъ въ м. п-ѣ. Также и перемѣна формы государственнаго устройства и системы его управленія и перемѣны въ лицахъ правителей или династіи государства не измѣняютъ тождества личности государствъ, т. е., государства, какъ субъекта м. п-а.

Ясное дѣло, что такой порядокъ вещей, при установившемся положеніи отношеній между государствами, логически необходимъ—онъ естественный фактъ, постоянно и непрерывно подтверждаемый опытомъ и признаваемый практикою, какъ м. право государствъ.

67. Коренной типъ современнаго государства, уже по самому началу его образованія,—это „суверенное" государство. Оно и составляетъ прототипъ субъекта м. п-а.

Въ суверенномъ государствѣ уже само собою предполагается полная неограниченность верх. власти въ устройствѣ и управленіи государства. Особенно же отмѣчается независимость государства въ отношеніи и ко *всѣмъ* остальнымъ государствамъ.

68. Въ новѣйшее время весьма многочисленны случаи, что „полит. тѣла", сохранившія, или усвоившія названіе „государства", однако—лишены (признака) „суверенетета". Они въ существенныхъ отношеніяхъ подчинены другой „политической" власти, которая имѣетъ *надъ ними* „государственное господство". И въ этихъ случаяхъ, прежде всего, государственное господство подчиняетъ себѣ „м. отношенія" подвластнаго ему государства. Оно, между проч., именно и имѣетъ въ виду увеличить свое м. могущество (или м. вліяніе). Поэтому оно возможно строго централизируетъ почти всѣ м. отноше-

нія во всемъ районѣ своей власти, не исключая, вообще, даже и вопросовъ м. общенія. (*36*).

Такія подвластныя (несувер.) государства сдѣлались и въ цивилизованномъ мірѣ весьма многочисленными—число ихъ доходитъ до ста—въ особенности, со временъ развитія формы „союзнаго государства", въ Америкѣ: сѣв.-америк. соед. штатовъ, 1788 г.; южно-америк. и центрально-америк. союзныхъ государствъ, начиная отъ 20 гг. XIX в., и въ Европѣ: швейцарской федераціи, 1848 г., германской имперіи (1866 и) 1870 г.

Въ составѣ владѣній Оттоманской имперіи, „несуверенныя государства" образовались отчасти на авіятскихъ ленныхъ основаніяхъ (нынѣ, напр., Египетъ), отчасти подъ началомъ россійскаго, а затѣмъ (съ 1856 г.) общаго европейскаго вмѣшательства, (прежде Молдавія, Валахія, Сербія; нынѣ Болгарія). Все это „полит. тѣла", но подъ „сузеренететомъ" Блистательной Порты.

Наука и практика подводятъ эти несуверенныя политич. организаціи подъ названіе „государства". Сохраненіе такого названія для этихъ областей, по существу дѣла, оправдывается тою широкою „автономіею", а въ подвластныхъ Турціи областяхъ—обыкновенно независимостью внутр. государственной жизни и правомъ собственнаго войска, которыя облекаютъ данную область („территорію") не только всѣми видами функцій государственной власти (также и правомъ законодательства и судебной власти—вопреки обычной господствующей системѣ мѣстнаго „самоуправленія"), но и сохраняютъ за нею еще и право политическаго *я,* съ „территоріею", которыя не могутъ быть односторонне отняты или измѣнены высшею властью, какъ это допускается въ отношеніи „самоуправляющейся" общины или провинціи.

69 Роль субъекта м. п-а предоставляется, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ—по всѣмъ условіямъ—случаяхъ, отдѣльнымъ провинціямъ государства. Это замѣчаніе относится, въ особенности, къ нѣкоторымъ англійскимъ колоніямъ въ отдаленныхъ заморскихъ мѣстностяхъ, которыхъ права самоуправленія, въ общемъ, обширнѣе обществ. власти государствъ въ союзномъ государствѣ, и которыя сохраняютъ связь *государственной* подчиненности, въ видѣ провинцій англійской короны, еще почти только номинально—чтобы пользоваться, когда нужно, м. заступничествомъ метрополіи. Онѣ, на дѣлѣ, скорѣе—союзники Англіи.

70. Въ Азіи, Африкѣ и на островахъ Тихаго океана разныя европ. государства (въ новѣйшее время и Германская имперія) пріобрѣли „права протектората“ надъ разными туземными варварскими народами. Право протектората лишаетъ протежируемое государство или племя прàва и свободы сношеній съ другими государствами иначе, какъ при посредствѣ своего протектора, который обѣщался защищать ихъ неприкосновенность противъ другихъ государствъ. Англія первая практиковала эту систему въ Индіи, превративши постепенно множество тамошнихъ властителей въ своихъ подданныхъ-вассаловъ.

71. Мы, поэтому, можемъ раздѣлить субъекты м. п-а

I. на абсолютные. Это суть: *а.* суверенныя государства; *б.* союзныя государства;

II. на условные. Это суть: *а.* государства, состоящія въ союзномъ государствѣ; *б.* государства, состоящія подъ „сузеренететомъ“ другаго государства, какъ Етипетъ, и др.; *в.* состоящія подъ „протекторатомъ“, *(70)*; *г.* нѣкоторыя заморскія колоніи, *(69)*.

§ 13. Абсолютные субъекты международнаго права.

72. Суверенное государство можетъ безъ ограниченія входить во всѣ ему угодныя м. и м.-п-ыя отношенія. Оно безусловно право-и-дѣеспособно.

(Мы можемъ, безъ ущерба для дѣла, обойтись безъ (обычнаго) перечисленія всѣхъ суверенныхъ государствъ, участвующихъ въ м.-п-омъ союзѣ).

Условные субъекты м. п-а связаны, въ правѣ на м. сношенія, предѣлами своей компетенціи, напр., по союзному акту; эти ограниченія имѣютъ различный характеръ; отдѣльныя ихъ разновидности указаны ниже.

„Принципъ“ сувер. государства не подвергается „ограниченію“ взаимными м. обязательствами съ другими государствами: ни союзными договорами съ необходимыми по нимъ политич. обязательствами; ни договорами по предметамъ м. общенія; (а равно и) ни конкордатами съ Римскимъ дворомъ, которые установляютъ участіе Папы въ управленіи дѣлами римско-католической церкви, (II, 230); ни м. (территоріальными) сервитутами, (I. 291). В. *8; γ* и *δ*.

73. Въ положеніи м.-п-го бытья нѣсколькихъ суверенныхъ государствъ существуютъ нѣкоторыя особенныя условія. Это:

или *а.* гарантія „великими державами“ „вѣчнаго нейтралитета“ даннаго государства,

или *б.* иная м. гарантія,

или *в.* унія одного государства съ другимъ.

а. „Вѣчный („всегдашній“) нейтралитетъ“ гарантированъ:

1. Вѣнскимъ трактатомъ 1815 г. Гельветической федераціи, (II. 62; 74. II. 86; XI), съ присоединеніемъ сюда (тогда сардинскихъ, нынѣ) франц. провинцій Чіаблезе и Фосиньи и части Савойи, на сѣверѣ отъ Уджины, (II. 64; 92);

2. Бельгіи, трактатомъ 1839 г., (II. 120; 7);

3. Люксембургу, трактатомъ 1867 г., (II. 124; 2);

4. нѣкоторой части Греческаго королевства, трактатомъ 1864 г., а именно островамъ Корфу и Паксо, (II. 129; 2). Оба острова близко прилегаютъ къ турецкому берегу. Сначала, въ 1863 г., (II. 127; 2), состояніе „вѣчнаго нейтралитета“ было предусмотрѣно для всѣхъ присовокупленныхъ тогда къ Греціи Іоническихъ острововъ, бывшихъ (отъ 1817 г. и) до того времени, въ качествѣ отдѣльнаго „свободнаго государства“ „подъ непосредственнымъ и исключительнымъ покровительствомъ короля“ Англіи. II. 126; 1—2.

Обязанность вѣчно-нейтральныхъ государствъ— „соблюдать такой же нейтралитетъ въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ государствамъ“. Такая взаимность, разумѣется, обусловливается самымъ существомъ этого отношенія, которое безъ такого условія и немыслимо. Люксембургу и Греціи, кромѣ того, было поставлено условіемъ—разрушить „крѣпость Люксембургъ“, (II. 124; 3), и „укрѣпленія на Корфу“, (II. 129; 2. II. 127; 3), и „впредь не возобновлять ихъ“.

5. По Вѣнскому трактату 1815 г., (II. 52; 6. II. 74; III), и „вольный городъ“ Краковъ былъ (II. 122-3) „нейтральнымъ“ „подъ покровительствомъ“ и въ зависимости отъ трехъ сосѣднихъ съ нимъ (сѣверныхъ великихъ) державъ.

„Вѣчный нейтралитетъ“, слѣд., возлагаетъ на государство, пользующееся имъ, подъ гарантіей великихъ державъ, обязанность воз-

держать себя: и отъ всякой политики противъ безопасности другихъ государствъ, а также отъ союзной помощи въ пользу другихъ государствъ. Но оно можетъ заботиться всѣми средствами и способами о защитѣ своей м. безопасности. —Отвѣтственность вѣчно-нейтральнаго государства, за исполненіе общихъ международныхъ обязанностей государства, въ отношеніи внутренней безопасности иностр. государствъ, вполнѣ равная со всѣми прочими государствами, какъ „субъектами м. п-а". Она не больше и не меньше—так. обр., напр., и для Швейцаріи, и для Германіи, въ случаѣ допущенія на территоріи одной изъ нихъ, крайнихъ формъ открытой соціалистической агитаціи, направленной противъ внутренней безопасности другаго государства.

Отъ нормальнаго типа (вѣчно) „нейтральнаго государства" должно отличать тѣ особенныя (территоріальныя) повинности, которыя возложены на Люксембургъ и на Грецію (относительно Корфу). (II. 64; 92, 2). Для Люксембурга это, въ сущности, правда, почти равносильно совершенному обезоруженію.

6. И Берлинскій трактатъ 1878 г., (I, 296; 11), въ сущности, также имѣлъ въ виду сдѣлать Болгарское княжество „вѣчно-нейтральнымъ государствомъ".

7. Принципъ „вѣчнаго нейтралитета", подъ гарантіей шести великихъ державъ и Турціи, былъ провозглашенъ, въ 1865 г., относительно „сооруженій и всякаго рода заведеній, учрежденныхъ Европейскою Дунайскою коммиссіею". Въ случаѣ войны (они) будутъ равно неприкосновенны для всѣхъ воюющихъ сторонъ". I, 159; 21. Все это имущество можно называть „международнымъ европейскимъ".

8. „Трактатомъ" шести великихъ державъ и Турціи, Испаніи и Голландіи, „1888 г., о свободномъ пользованіи Суэзскимъ каналомъ", опредѣляется полный (и вѣчный, II. 573; 14) нейтралитетъ и м. безопасность (неприкосновенность) этого канала. II. 570-3. Но здѣсь, по свойству дѣла, а равно и по всеобщему для всѣхъ государствъ интересу, принципъ вѣчнаго нейтралитета долженъ былъ формулироваться такъ, что весь каналъ былъ объявленъ отрытымъ для свободнаго пользованія всѣми военными судами, даже и въ военное премя (см. ст. 5), но съ обязанностью воздерживаться на каналѣ, во всякое время, отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, даже и въ

случаѣ участія Турціи въ войнѣ. „На каналъ и никогда не можетъ быть распространена блокада". Вообще запрещено содержать на каналѣ, на стоянкѣ, какія либо военныя суда. По сосѣдству съ каналомъ, запрещено воздвигать какія либо укрѣпленія, или размѣщать военные лагери.

Къ территоріямъ бассейна рѣки Конго объясненные принципы вѣчнаго нейтралитета *не* были примѣнены. I. 174; 10-11.

74.—б. М. гарантіи цѣлости и неприкосновенности государствъ бываютъ, кромѣ объясненнаго случая вѣчнаго нейтралитета, или

α) „временныя и взаимныя",—такъ оно въ „союзныхъ трактатахъ"; или

β) коллективная односторонняя и безсрочная; такъ оно было:

1. со стороны великихъ державъ, напр., относительно Турціи, въ 1856 г. (I. 285; 7). Въ 1878 г. эта гарантія *не* была повторена. (I. 305; 63);

2. со стороны Россіи, Англіи, Франціи, относительно Греціи. (I. 280; 10. II; 129, тр. 1864 г., введеніе).

Такіе акты коллективной гарантіи даютъ гарантамъ право заступаться за „гарантируемаго" противъ другихъ государствъ, которыя бы посягнули на его неприкосновенность.

Но дальше, практика вообще не выработала какой либо „обычной теоріи" о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ гарантовъ и гарантируемыхъ государствъ. И, на дѣлѣ, эти отношенія опредѣлялись больше всего подъ нравственнымъ давленіемъ и по политич. соображеніямъ.

Можно еще сказать, что „гарантируемый" не вправѣ отказаться отъ гаранціи, безъ нарушенія гарантами своихъ обязанностей, а гаранты—безъ нарушенія „гарантируемымъ" своихъ обязанностей: т. е., мирныхъ дружескихъ отношеній съ гарантами и охраненія, зависящими отъ него средствами, своей цѣлости и вообще гарантированнаго положенія. Принятіе гарантіи установляетъ взаимное соглашеніе, при извѣстныхъ условіяхъ, которыя не должны быть нарушаемы односторонне и произвольно. Гаранты, исполняя свою обязанность въ отношеніи гарантируемаго, въ виду охраненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, и извѣстныхъ условій общей м. безопасности (системы полит. равновѣсія), вправѣ т р е б о в а т ь продолженія этихъ отношеній.

75.—б. По Берлинскому трактату 1878 г. „суверенными государствами"—вновь признаны Румынія и Сербія, а Черногорія „безспорно" утверждена таковымъ. Болгарія конституирована какъ „автономное княжество". На всѣ эти государства возложены нѣкоторыя обязанности, въ интересахъ принципа свободы вѣры и м. торговли.

Формальная „гарантія неприкосновенности" этихъ государствъ не установлена. Но контрагенты Берлинскаго трактата считаютъ себя вправѣ требовать сохраненія установленнаго тѣмъ трактатомъ порядка, въ интересахъ политич. равновѣсія. Этого права у нихъ оспаривать нельзя.

76.—б. Подъ протекторатомъ Италіи стоятъ два маленькихъ государства: Санъ Марино и Монако. Они лишены всякаго политич. значенія въ системѣ европ. государствъ. Санъ Марино суверенно безо всякаго спора. Монако, въ сущности, также суверенно. II. 43; 3. 97; 1, 4.

Италія содержитъ въ Монако гарнизонъ; своего войска у Монако нѣтъ. (Nouv. Supl. au Rec. de traités. II. 343-54). Съ Франціей Монако имѣетъ „таможенный союзъ", (De Clercq. Rec. IX, 407). Франціи Монако недавно даже уступила часть своей области (Ментону и Рокабрунъ). *R* I. 17 (2); 55. Съ Россіей и многими другими государствами Монако заключала конвенціи о выдачѣ преступниковъ. II. 336-8. Вообще *R* II. 10; 788.

77.—в. Унія государствъ (двухъ или бо́льшаго числа—но послѣднее почти не случалось) есть соединеніе двухъ царствующихъ престоловъ въ одномъ и томъ же лицѣ. (Унія двухъ республикъ немыслима).

а. Унія можетъ быть случайною,—тогда она всегда „личная" и, въ принципѣ, временная, (т. е., она можетъ опять прекратиться). Напр., Голландія съ Луксембургомъ (отъ 1815 г., *Хр.* II. 61; 67); раньше Великобританія съ Ганновером (1714—1837). Фактъ уніи двухъ престоловъ, въ данномъ случаѣ, происходитъ отъ того, что, благодаря родств. отношеніямъ между различными династіями, вакантный престолъ государства можетъ, по закону этого государства, достаться лицу, которое уже занимаетъ престолъ въ другомъ государствѣ. (Свод. зак., т. I, осн. зак., ст. 13). При различ. порядкахъ въ опредѣленіи очереди послѣдовательности правъ

на престолонаслѣдіе въ такихъ двухъ государствахъ, со временемъ, эти престолы опять могутъ разъединиться. На м.-п-ыя условія и отношенія обоихъ государствъ, сохраняющихъ взаимно полную независимость, унія никакого юридич. вліянія не оказываетъ.

3. Унія можетъ быть органическая: таковая въ принципѣ вѣчна. Она можетъ быть,

или личною, (примѣры: Швеція-Норвегія, Бельгія-Конго),

или въ тоже время и реальною, (примѣръ: Австро-Венгрія).

Унія „органическая" она потому, что основывается на особомъ, т. наз. органическомъ (постоянномъ государственномъ) актѣ, („статутѣ") *учрежденіи* уніи.

И въ „личной органической" и въ „реальной" уніи оба государства сохраняютъ свою политич. обособленность. Объединеніе нѣкоторыхъ частей госуд. управленія и учрежденій обоихъ государствъ зависитъ отъ особыхъ „условій" между ними. Въ Швеціи-Норвегіи для обоихъ государствъ объединено только ихъ м. представительство (посольства и консульства) и существуетъ „соединенный государственный совѣтъ" для дачи королю совѣтовъ по дѣламъ иностранныхъ сношеній. Прочія отношенія и между Норвегіей и Швеціей „международныя". На дѣлѣ м. конвенціи между ними замѣняются тождественными законоположеніями, издаваемыми въ обѣихъ странахъ для отношеній съ другой. Равно и м. конвенціи съ другими государствами для обоихъ государствъ (Швеціи и Норвегіи) заключаются всегда однимъ общимъ актомъ, отъ имени обоихъ королевствъ.

Война между Норвегіею и Швеціею, при уніи, не только фактически немыслима, но и юридически такое правоположеніе не можетъ быть конструируемо.

Для избранія новой династіи, въ случаѣ прекращенія царствующей, законодательныя собранія обоихъ государствъ, каждое особо, избираютъ новаго короля, а если они не могутъ согласиться относительно одного кандидата, они составляютъ „комитетъ изъ 72 уполномоченныхъ", по 36 отъ каждаго собранія, который, въ одномъ общемъ собраніи и закрытой подачей голосовъ, баллотируетъ обоихъ кандидатовъ окончательно.

Бельгія и Конго составляютъ „исключительно личную унію"; они не имѣютъ никакихъ совмѣстныхъ учрежденій. *R* II. 11; 653.

Австрія и Венгрія соединены не только принадлежностью

престоловъ обоихъ государствъ, каждый разъ, одному и тому же лицу, изъ царствующей династіи Габсбурговъ, но и составляютъ вѣчный союзъ для взаимнаго охраненія своей м. безопасности. Внѣшняя политика и м. представительство обоихъ государствъ, а также часть военнаго и финансоваго управленія—въ нихъ объединены, и оба государства имѣютъ для веденія „обѣихъ половинъ“ имперіи особыя союзныя учрежденія: „министерство“ и (парлам. учрежденіе:) „делегаціи“. Делегаціи отдѣльны, и для Австріи, и для Венгріи; ихъ избираютъ сами „палаты“ въ обоихъ государствахъ. Делегаціи соединяются вмѣстѣ, для совмѣстной подачи голосовъ, только въ исключительныхъ случаяхъ.

Для объединенія внутр. экономич. политики, оба государства условливаются черезъ каждыя 10 лѣтъ о общихъ принципахъ, которымъ въ этихъ отношеніяхъ должны слѣдовать ихъ законодательства и управленія.

Так. обр., реальная унія „Австро-Венгрія“, благодаря особой союзной организаціи, превратилась въ одинъ субъектъ м. п-а (и въ одну территоріальную единицу на случай войны).

§ 14. (*Продолженіе*). Союзное государство.

78. Союзное государство есть также сувер. субъектъ м. п-а, какъ и отд. государство. На пространствѣ союзной территоріи союзному государству принадлежитъ суверенететъ, которому подчинены отд. государства(-члены), составляющія союзное государство.

Въ Швейцарскомъ союзѣ отдѣльныя государства-члены союза называются кантонами, въ Сѣв.-Ам. соед. штатахъ—штатами.

Союзное государство усвоило „представительную форму госуд. устройства“. Его строй и порядокъ дѣйствія основаны на „союзной конституціи“. Союзная конституція перечисляетъ, въ отличіе отъ прочихъ „конституцій“, предметы союзной дѣятельности (т. е., властей и учрежденій союза)—т. наз. „компетенцію союза“, чтобы разграничить *черту* власти союза, за которой всѣ прочія госуд. функціи, безъ ограниченія, остаются во власти государствъ-членовъ союза. Но союзная власть и вправѣ расширять кругъ своего вѣдомства въ особомъ порядкѣ, установленномъ для союзнаго законодательства, при измѣненіяхъ въ конституц. законахъ; т. е., союзная

власть вправѣ, законнымъ образомъ, поглотить всю внутреннюю автономію отдѣльныхъ государствъ-членовъ союза.—Подобно „государству“, и „союзное государство“ поспѣшило включить въ кругъ своей союзной компетенціи опредѣленіе м. отношеній для всей союзной территоріи, (*63*). Совершенно безусловно такой принципъ проводится въ америк. союзныхъ государствахъ, (Ш), а съ нѣкоторыми исключеніями—и въ швейцарской союзной конституціи

Въ Швейцарскомъ союзѣ кантоны могутъ заключать м. конвенціи:

α) между собою, по предметамъ законодательства, управленія и юстиціи, доводя о таковыхъ конвенціяхъ до свѣдѣнія союзной власти;

β) съ другими государствами, по предметамъ народнаго хозяйства, сосѣдственныхъ (пограничныхъ) сношеній и полиціи, не нарушая при этомъ правъ союза другихъ кантоновъ. Въ этихъ же случаяхъ кантоны могутъ непосредственно сноситься съ „подчиненными властями“ иностр. государства.

„Назначать“ и „принимать“ дипломатическое и консульское представительство вправѣ только союзная власть. Ш.

Въ Германской имперіи „обычный типъ“ союзнаго государства подвергся нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ, гл. обр., по слѣд. двумъ причинамъ: въ виду очень значительнаго различія въ величинѣ и „политич. значеніи различныхъ территорій“ (государствъ); 2. по причинѣ господства здѣсь монархической формы государств. устройства.

Въ германской союзной конституціи былъ принятъ принципъ, что „имперія“ (союзная власть) имѣетъ право войны, право м. представительства и право заключать м. договоры. Но, при этомъ, и за отдѣльными государствами-членами союза оставлено право дипломатич. и консульскаго представительства, право заключать м. договоры и вообще Право сноситься съ иностр. державами, а равно и между собою, безо всякаго контроля со стороны союза, по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ самъ союзъ еще не дѣйствуетъ, или еще не опредѣлилъ порядка м.-п-хъ отношеній—договорами или законами имперіи;

Но эти „частныя“ измѣненія типа союзнаго государства въ Германіи, будучи уступкою существовавшимъ порядкамъ въ сувер. (до 1866 г.) территоріяхъ, лишены во многомъ всякаго дѣйствительнаго значенія:

а) государства-члены союзнаго государства. Какъ обладатели обширной автономіи и политич. власти, они были бы способны служить субъектами м. п-а. Но мы уже видѣли, что союзная власть или очень ограничиваетъ, или вовсе отнимаетъ у нихъ право дѣйствовать въ качествѣ субъектовъ м. п-а (*78*). Мотивы такого поворота союзной организаціи фактически весьма серьезны. Они и вполнѣ логичны, съ точки зрѣнія организаціи „союзной системы", на началахъ „госуд. власти".

Во всякомъ случаѣ, м. обязательства, принятыя на себя государствами-членами союза, въ предѣлахъ ихъ автономнаго права, не ограниченнаго по союзной конституціи—въ данный моментъ, подлежатъ измѣненію, по мѣрѣ реформъ союзнаго законодательства и союзной конституціи, по подлежащему вопросу, въ будущемъ.

Но, при всемъ этомъ, надо положительно утверждать, что если „союзъ" нарушитъ свои обязанности, въ отношеніи отдѣльнаго государства-члена союза, то „государство-членъ союза" вправѣ *отложиться* отъ союза. Разумѣется, практически это вѣроятно уже и не окажется возможнымъ.

81.—*б*. Болгарію всѣ привыкли называть въ числѣ (т. наз. *полу*суверенныхъ, *не*суверенныхъ или) условныхъ субъектовъ м. п-а. Въ такомъ родѣ и дипл. практика продолжаетъ вести рѣчь въ этомъ дѣлѣ. И въ самой Болгаріи такъ думаютъ.

Но такое „положеніе" не вытекаетъ изъ опредѣленій Берлинскаго трактата 1878 г. I. 294-7.

„Княжество" имѣетъ свою госуд. территорію и свое войско, а Порта не вправѣ держать своихъ войскъ въ Болгаріи. Княжество есть самоуправляющееся („автономное") и платящее дань султану государство, *подъ главенствомъ* султана.

Князя Болгаріи избираютъ болгары—онъ утверждается съ общаго согласія всѣхъ великихъ державъ и султана. Его потомки-наслѣдники занимали бы престолъ уже по законному порядку, установить который зависитъ отъ воли самой страны.

Уплата Болгаріею дани Портѣ до сихъ поръ еще не состоялась. Сумма дани должна была сообразоваться съ среднею доходностью княжества и съ справедливою частію турецкаго государств. долга, отчисляемою на обязанность княжества. Ср. и I. 301; 33.—(*94*).

Трактаты Порты остались въ силѣ для Болгаріи, и послѣ Берлин. тр. 1878 г. Но Болгарія не ограничена въ правѣ измѣнять эти договоры съ согласія данной державы,—безо всякаго участія или контроля Порты. И она вообще вправѣ свободно сноситься съ другими правительствами всѣми обычными способами.

Главенство же султана въ Болгаріи ничѣмъ существеннымъ не подтверждается.

Полученіе Портою дани отъ Болгаріи еще не было бы такимъ, подтверждающимъ дѣйствительность главенства султана надъ Болгаріей, признакомъ.

Утвержденіе князя—опять же—и великими державами, и Портою имѣлось въ виду только какъ единовременная мѣра. А эта мѣра могла и никогда больше не повториться. И въ Греціи обѣ династіи также были утверждаемы великими державами. Но, главное, что султанъ—котораго права въ отношеніи къ Болгаріи опредѣлены Берлинскимъ трактатомъ и дальше не могутъ быть распространяемы, по свойству дѣла,—по этому трактату не пріобрѣлъ никакихъ правъ исполнительной власти („экзекуціи“) въ княжествѣ. Поэтому слѣдуетъ главенство султана надъ Болгаріей, по ст. 1 Берлинскаго трактата 1878 г., приравнить—и по значенію, и по смыслу—къ 7 ст. Парижскаго трактата 1856 г., упущенной въ Берлинск. трактатѣ 1878 г. I. 285. 294—295.

82.—*в.* Молдавія, Валахія и Сербія, составляя до 1878 г. части Турціи и оставаясь подъ ея верховенствомъ, какъ „княжества“ пользовались, „подъ гарантіей державъ“ (I. 288; 22.) независимымъ и національнымъ управленіемъ“, „свободою законодательства“ (I. 288; 23) и „національною вооруженною силою“ (I. 289; 26). Для возстановленія порядка въ княжествахъ, Порта могла вступаться только съ согласія державъ (I. 289; 27). Въ Сербіи Порта могла содержать гарнизонъ (I. 289; 29). Права княжествъ на „м. сношенія“ не были предусмотрѣны трактатомъ 1856 г. Въ 1866 г. султанскій *ираде* объяснилъ, что князь (соедин. княжествъ Молдавіи и Валахіи—) Румыніи вправѣ заключать непосредственно съ инос. правительствами договоры, но только о пограничныхъ сношеніяхъ. (I. 128-31, и 142, слѣд.). Въ 1878 г., по Берлинскому трактату, Румынія и Сербія сдѣлались „независимыми“ государствами.

По трактату 1856 г. „княжества“ были гораздо больше ограничены, чѣмъ Болгарія по трактату 1878 г. (*81*).

Впрочемъ, Румынія и до 1878 г. заключала торговыя и почтовыя конвенціи съ европ. государствами. (II. 300-2). *R.* II. 10; 798-9.

83.—*г.* Множество государствъ въ Азіи, Африкѣ и на островахъ Тихаго океана находятся подъ протекторатомъ государствъ: Англіи, Франціи, Германіи, (*R* II. 11; 461 и 464), Сѣв. Америк. соед. штатовъ, и др.—Договоровъ, опредѣляющихъ эти сношенія, множество. Въ нихъ не мало различій—въ особенности въ деталяхъ. Но почти во всѣхъ повторяются и опять однородныя типическія черты, обусловленныя, „естественною природою“ этого института.

Протекторатъ есть тоже гарантія. Она обѣщаетъ покровительствуемому государству защиту его м. безопасности—т. наз. протекторатъ. Но протекторатъ и запрещаетъ своему протеже всякія сношенія съ другими государствами (и, въ особенности, уступку территорій таковымъ), безъ посредства и согласія протектора.

Наши Кабарды на Кавказѣ, поступивши въ 1783 г. подъ Россійскій протекторатъ, назывались „подданными Россіи“.—Ханъ хивинскій называется „покорнымъ слугою“ Россійскаго Императора. (I. 451; 1).

Протекторатъ, за послѣднее время, во многихъ случаяхъ, уже не ограничивался отнятіемъ у подчиненнаго государства его м. дѣеспособности, но распространялъ свою власть, въ различной мѣрѣ, также на упорядоченіе предметовъ внутр. управленія покровительствуемой страны, напр. Франція въ Тунисѣ, а также и въ Мадагаскарѣ (*R* II. 12; 684)., въ Камбоджѣ (*R* II. 12; 637), Тонкинѣ и Аннамѣ (*R* II. 12; 634): гдѣ также утвердился протекторатъ Франціи.

Дипл. и конс. агенты протектора, по свойству настоящаго отношенія, разумѣется, представляютъ и защищаютъ въ м. сношеніяхъ также протежируемыя ихъ правительствомъ государства и ихъ подданныхъ въ иностранныхъ государствахъ. Подлежащее постановленіе встрѣчается въ договорахъ о протекторатѣ, какъ стереотипная статья.

Въ случаѣ же войны протектора, покровительствуемыя имъ государства съ нимъ солидарны лишь настолько, насколько это обусловлено самымъ трактатомъ о протекторатѣ, или „особыми“ союзными соглашеніями. Назв. протектораты Франціи не обусловливаютъ

союзной помощи ея протеже. Таковъ, и вообще, господствующій принципъ. Слѣд., протежируемое государство можетъ оставаться нейтральнымъ въ войнѣ протектора. Однимъ словомъ, протекторатъ отличается отъ инкорпораціи.

Въ частности о Тунисѣ. Франція обязалась (по тр. 1881 г.) защищать сохранность династіи и государства въ Тунисѣ; съ этою цѣлью она можетъ туда посылать временно потребное число своего войска, пока его помощь будетъ нужна для возстановленія порядка въ странѣ.

„Заключить акты, съ характеромъ международнымъ", *бей* (глава государства въ Тунисѣ) не долженъ безъ предварительнаго соглашенія съ Франц. правительствомъ. Исполненіе-же дѣйствующихъ тунизскихъ м. договоровъ гарантируется Франціею.

Представители Франціи заграницею заступаютъ также и правительство Туниса и его подданныхъ. (*R* II. 6; 507).

По договору 1883 г., *бей:* 1) обязался вводить въ Тунисѣ реформы по управленію, суду и финансамъ, согласно указаніямъ Франціи, и 2) предоставляетъ Франціи контроль надъ государств. долгами Туниса. (*R* II. 9; 698).

Протекторатъ европ. государствъ на Востокѣ, поэтому, всегда и почти совершенно поглощаетъ характеръ покровительствуемаго государства, какъ субъекта м. п-а. У послѣдняго остаются, гл. обр., м.-п-я договорныя отношенія только съ протекторомъ: какъ о положеніи протектората, такъ и о правахъ подданныхъ протектора въ покровительствуемой странѣ. Существующія м.-п-ыя обязанности (договоры и др.) протежируемаго государства съ другими государствами протекторъ признаетъ, но принимаетъ ихъ въ свое вѣдѣніе.

Протекторъ называется, обыкновенно, „сузереномъ".

Изъ государствъ съ современной цивилизаціей на югѣ Африки, *Трансвальская республика* состоитъ подъ („обыкновеннымъ") „протекторатомъ" Великобританіи. Этотъ протекторатъ ограничиваетъ только порядокъ внѣшнихъ сношеній республики, подъ надзоромъ протектора. *R* II, 10; 180.

Всесильное вліяніе протектора наблюдалось также въ отношеніи Англіи къ Іоническимъ островамъ, до 1863 г. (II. 125-7).

Мадридская конвенція десяти европ. державъ (безъ Россіи) и Сѣв.-Америк. соед. штатовъ съ Марокко, о правахъ „про-

текціи" въ Марокко, отъ 3. VII. 1880 г., не имѣетъ ничего общаго съ только что объясненнымъ протекторатомъ. Она опредѣляетъ права покровительства (protection) европ. консуловъ въ Марокко, въ пользу живущихъ тамъ иностранцевъ. *R* II. 6; 624-29.

Такъ назыв. республика Андорра есть на оффиціальномъ языкѣ французскаго правительства „Андоррская *долина*", состоящая подъ суверенететомъ Франціи. (*R* II. 9; 214). Она есть остатокъ ленно-правовыхъ отношеній средне-вѣков. типа.

84. Положеніе Египта опредѣляется султанскимъ фирманомъ 1879 г. (I. 369-70). Фактически оно значительно уклонилось отъ законнаго порядка. *v.* затѣмъ *R* II. 14; 440-44.

Египетъ, собственно говоря, (вассальная) *провинція* Турціи (*85*). I. 283; 5. Но управленіе этою провинціею поручено наслѣдственной династіи. „Хедивъ" имѣетъ право заключать *м.* договоры о таможенныхъ пошлинахъ, о торговлѣ и о правахъ иностранцевъ; но до ихъ обнародованія таковые договоры должны быть сообщаемы Портѣ. Перепоручить управленіе кому либо другому хедивъ не вправѣ. Хедивъ платитъ Портѣ трибутъ и содержитъ для нея войско,—при томъ, въ мирное время, не свыше извѣстнаго числа (для охраненія внутр. порядка). Броненосныхъ судовъ хедивъ не вправѣ строить. Назначенія на должности въ Египтѣ, свыше опредѣленныхъ (какъ гражданскихъ такъ и военныхъ) чиновъ, резервированы самому султану. На дѣлѣ, и сначала безъ согласія Турціи, Англія, на положеніи союзника, захватила все управленіе въ Египтѣ въ свои руки.

Управленіе госуд. долга Египта поручено, съ согласія Порты, контролю великихъ державъ, гарантировавшихъ египетскій госуд. заемъ 1885 г. (I. 366-8).

85. Части территоріи государства (провинціи или колоніи) также могутъ быть условными субъектами м. п-а, какъ и государства-члены союзнаго государства. Но подобныя случаи—совершенно исключительные.

Примѣромъ можетъ и здѣсь служить (восточное владѣніе) Египетъ, (84) при томъ же фирманѣ 1879 г. (и раньше).

Далѣе можно указать, для подобныхъ примѣровъ, почти только на нѣкоторыя англійскія колоніи, которыя имѣютъ самостоятельный парламентъ, даже съ отвѣтственными передъ парламентомъ министрами.

Но при всемъ этомъ, вообще, торговые и другіе трактаты и

конвенціи Великобританіи распространены также на англійскія колоніи. „Самостоятельнаго“ заключенія м. конвенцій колоніями мы долго не видѣли. Только въ самое новѣйшее время практически обнаружилась м.-п-ая дѣеспособность нѣкоторыхъ англійскихъ колоній, т. е., ихъ характеръ, какъ условныхъ субъектовъ м. п-а. Они, по собственному усмотрѣнію, „приступали“ къ м. конвенціямъ: о „всемірномъ почтовомъ союзѣ“ (I. 58.; 1. 66; 21. 73), „телеграфной“ (I. 97; 16. 115; прим. 1), и „по охраненію подводн. телегр. кабелей“ (II. 362), Равнымъ образомъ за ними также признано право на свободный, по собственному усмотрѣнію, „выходъ“ изъ этихъ союзовъ.

86. Существованіе для извѣстныхъ частей государства: напр. для Крита и Восточной Румеліи—по тр. 1878 г., и Ливана (состоящаго въ Оттоманской имперіи)—по тр. 1864 г.: опредѣленнаго устройства и управленія (или даже автономнаго законодательства) страны, гарантированнаго великими державами, само собою не обусловливаетъ для такихъ провинцій характера (условныхъ) субъектовъ м. п-а. I. 297; 13; слѣд. 299; 23. R I. 18; 227.

§ 17. Устройство субъектовъ международнаго права.

87. Государство, какъ субъектъ м. п-а, мыслимо только, какъ дѣеспособное существо (учрежденіе). Иначе оно и не имѣетъ никакого смысла. Даже отдача, т. ск., въ аренду управленія—хотя бы и лишь отдѣльныхъ частей—территоріи государства другому государству (Босніи и Герцоговины—Австро-Венгріи, по Берлинскому трактату 1878 г., ст. 25, *v.* I. 299; и острова Кипра—Великобританіи, по трактату Порты съ Англіей 1878 г., *v. R* II. 3; 272-5), есть случай крайне чрезвычайный и анормальный. Когда онъ приключается, онъ обыкновенно означаетъ совершенно иное, чѣмъ то, что написано въ „условіи“. Это, на дѣлѣ, „фиктивная аренда“ или „фиктивный залогъ“, для политическихъ соображеній, и въ сущности—дѣйствительное и окончательное владѣніе, „на правахъ собственника“.

Княжество Вальдекъ-Пюрмонъ въ Германской имперіи, съ 1867 г., управляется, по срочному контракту, Пруссіею. *R* II. 12; 436-39.

Какъ отвѣтственное лицо, государство должно дѣйствовать въ опредѣл. порядкѣ—закономѣрно. Это, въ особенности, важно также и въ м. сношеніяхъ государства. Принимать м. обязанности за государство и пріобрѣтать м. права для него могутъ, разумѣется, только органы и учрежденія, которые на это уполномочены законами страны. Въ этомъ отношеніи мыслимы и существуютъ различныя особенности въ отдѣльныхъ странахъ, которыя могутъ и измѣняться.

Вся организація м. представительства суверенная государства безспорно вполнѣ его же дѣло. Нормальный типъ этой организаціи такой, что глава исполнительной власти (монархъ въ монархіи, а президентъ въ республикѣ) есть также и глава по управленію иностр. политики. Для заключенія же м. договоровъ, онъ нерѣдко нуждается въ согласіи парламента. Но затѣмъ иногда—и именно въ болѣе спеціальныхъ и техническихъ вопросахъ, или же въ предѣлахъ извѣстныхъ предусмотрѣнныхъ образцовъ — дозволяется не только министру инос. дѣлъ (I. 33-7), но и главнымъ начальникамъ другихъ вѣдомствъ (I. 96; 13. I. 115; 87. II. 522; 130), посланникамъ и, въ дальнихъ провинціяхъ, мѣстному областному начальству: заключать м. договоры, безъ дополнительной ратификаціи таковыхъ со стороны главы государства. (I. 451-7; см. II. 476; 330).

Для м. представительства государства, при исполненіи текущихъ дѣлъ, существуетъ множество дипл. и конс. агентовъ; ихъ начальникъ-министръ иностр. дѣлъ.

Въ предѣлахъ существующихъ договоровъ или обычной практики, сношенія между подчиненными учрежденіями разныхъ государствъ совершаются также „непосредственно“. (I. 35-8. II. 348-9).

§ 18. Образованіе новыхъ субъектовъ международнаго права. Т. наз. признаніе новыхъ государствъ.

88. Измѣненія въ субъектахъ м. п-а суть историческіе факты. М.-п-й порядокъ въ нихъ неповиненъ. Онъ, м. ск., имѣетъ къ нимъ такое же отношеніе, какъ гражданское и полицейское право къ измѣненіямъ состава населенія. Но м. п. должно опредѣлить тѣ условія, при которыхъ „новый субъектъ м. п-а“ можетъ считаться возникшимъ и сдѣлавшимся дѣеспособнымъ, а равно и тѣ условія, при которыхъ „существующій субъектъ“ совершенно

прекращаетъ свое существованіе, (или измѣняетъ его на состояніе условнаго субъекта м. п-а).

Новое государство можетъ возникнуть,

или черезъ совершенно новое учрежденіе таковаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ еще вовсе не было государства (или гдѣ оно безслѣдно исчезло),

или оно можетъ составиться изъ частей существующихъ государствъ или же также изъ цѣльныхъ государствъ:

а. черезъ соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ въ одно государство, въ особенности, напр., въ союзное государство. (Современная Италія есть только продолженіе королевства Сардиніи);

б. вслѣдствіе распаденія одного государства на нѣсколько новыхъ, такимъ образомъ, что отъ первоначальной „политич. личности", напр. Герм. имперіи, въ 1806 г., Италіи послѣ Наполеона I, союзнаго государства Центральной Америки—ничего не сохраняется;

в. благодаря отложенію частей „территорій" одного государства или нѣсколькихъ государствъ. Напр., отложеніе Бельгіи отъ Голландіи, въ 1830 г.; америк. государствъ отъ Англіи и Испаніи, въ періодъ времени отъ 1776 г. по 20-ые годы XIX в.; Румыніи и Сербіи отъ Турціи.

Новое государство можетъ возникнуть,

или мирнымъ путемъ, по согашенію безъ борьбы и боя,

или послѣ войны (или революціи)—и въ послѣднемъ случаѣ: или съ послѣдующимъ признаніемъ совершившагося событія со стороны, т. ск., потерпѣвшихъ отъ образованія новаго государства прежнихъ властей его территоріи; или же безъ такого формальнаго примиренія.

89. М. п. не можетъ обладать принудительной системой охранительныхъ учрежденій для всеобщей м. безопасности.

Оно предоставляетъ государствамъ на собственную отвѣтственность охраненіе ихъ независимости и заботу о своей м. безопасности.

Оно, вообще, отвергаетъ право м. вмѣшательства одного государства въ дѣла другаго—независимаго отъ него государства.

М. п., поэтому, и не можетъ спрашивать о справедливомъ основаніи или вообще юридич. титулѣ возникновенія или существованія новаго государства. До окончательнаго возникновенія новаго госу-

дарства, прочія государства могли ему препятствовать, оказаніемъ союзной помощи тому государству, изъ состава котораго совершилось образованіе новаго государства. Равн. обр. и послѣ того, какъ новое государство вполнѣ установилось, союзники пострадавшаго могутъ продолжать войну противъ новаго государства, для возстановленія правъ своего союзника.

Но все это только права и обязанности отдѣльныхъ государствъ, на основаніи спеціальныхъ титуловъ.

Право же „новаго“ субъекта м п-а на (м.-п-ое) существованіе, если онъ совершенно сложился и пріобрѣлъ фактическую годность исполнять обязанности м. п-а, не умаляется „продолженіемъ борьбы“. Образованіе новаго государства есть фактъ, зависящій, подобно естественно-историческимъ явленіемъ, не отъ какого либо „формальнаго удостовѣренія“ его существованія, а отъ наличности дѣйствительнаго господства независимой госуд. власти на занятой ею территоріи, т. е. такой власти, которая обладаетъ учрежденіями (порядкомъ) и средствами, достаточными для обезпеченія мирной гражданственности въ странѣ, а поэтому и способна быть субъектомъ м. п-а, т. е., прежде всего—охранять мирное сосуществованіе своего „полит. тѣла“ съ другими государствами, а затѣмъ, по мѣрѣ потребности, вступать въ активныя м. сношенія и исполнять договорныя обязательства.

Поэтому, субъекты м. п-а создаются не только по „добровольному условію“ между „заинтересованными сторонами“, а также—и на дѣлѣ, оно вообще чаще такъ и бываетъ—„самовольнымъ“ дѣйствіемъ новой госуд. власти, революціей, и т. п. образомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, когда отложеніе сопровождается ожесточенной борьбой, иногда требуется нѣкоторое продолжительное время, пока окончательно не выяснится фактъ, что новая госуд. власть обладаетъ на данной территоріи достаточнымъ перевѣсомъ государственнаго могущества, хотя бы оно и еще держало общественный порядокъ страны на положеніи усиленной охраны. При такихъ условіяхъ, разумѣется, точнаго момента, т. ск., рожденія новаго государства указать нельзя. Но это и не нужно.

90. Конституировавшееся „новое государство“ вправѣ требовать для себя мирнаго сосуществованія съ другими государствами, и нарушеніе этого права оно, какъ полноправный субъектъ м. п-а, можетъ преслѣдовать репрессаліями и войною.

Т. наз. **признаніе новыхъ государствъ** старыми, есть, прежде всего **мѣра политическая**—и, фактически, вообще, очень существенная. Съ этой стороны она интересна, какъ для старыхъ государствъ, такъ и для новаго государства. Эта мѣра общеобычная въ кругу культурныхъ народовъ, находящихся въ близкихъ м. сношеніяхъ.

Признаніе новаго государства дѣлается, или черезъ торжественный—формальный—актъ (декларацію или договоръ), или черезъ безмолвный актъ: открытіе оффиціальныхъ сношеній съ новымъ правительствомъ, съ представителями его власти и могущества (военными судами) и символами и эмблемами его личности (гербомъ, флагомъ).

Новое государство всегда стремится заручиться такими сношеніями. Такое признаніе составляетъ для него моральную поддержку, и въ м. сношеніяхъ, и у себя дома.

Но совершить такое признаніе зависитъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ государствъ, каждаго за себя. **Коллективные** „акты признанія“ новаго государства со стороны великихъ державъ въ трактатахъ повторялись довольно часто въ XIX в., на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. и послѣ него; вслѣдствіе его постановленій, великія державы, когда нужно было, обсуждали съ общаго согласія вопросъ о лучшемъ устроеніи новаго порядка „европ. публичнаго права“, вслѣдствіе вновь возникшаго государства, и чтобы общимъ согласіемъ утвердить, въ интересахъ общаго мира, неизбѣжную перемѣну въ составѣ субъектовъ м. п-а, сколько возможно—согласно общимъ европ. интересамъ. (Бельгія въ 1830-39 гг.). (*27*).

Отложеніе новыхъ государствъ (Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи) отъ Турціи совершалось, кромѣ того, еще и при содѣйствіи иностранныхъ державъ, на началахъ м. вмѣшательства.

Но характеръ признанія новаго государства старыми, какъ мѣры политической, не лишаетъ этой мѣры извѣстныхъ неизмѣнныхъ юридич. условій.

Прежде всего, признаніе **можетъ** быть дано только вполнѣ установившейся новой власти. **Иначе** оно будетъ посягательствомъ на права пострадавшаго государства. Fait accompli новаго государства долженъ считаться безспорнымъ при такомъ положеніи дѣла, когда—при борьбѣ—„старое государство“ или потеряло намѣреніе, или лишилось средствъ, или формально (въ договорѣ) отказалось: **возвратить себѣ** отошедшую отъ него территорію.

Во избѣжаніе политич. осложненій для себя, отдѣльныя государства всегда нѣсколько откладываютъ актъ признанія новаго государства, если еще не послѣдовало согласія пострадавшей стороны на „признаніе“, Крайнюю осмотрительность и осторожность, въ этомъ случаѣ, всегда соблюдали Сѣв.-Амер. соед. штаты. За преждевременное признаніе признающее государство само и несетъ отвѣтственность передъ пострадавшимъ государствомъ, какъ за самовольное м. вмѣшательство во внутреннія дѣла другаго государства.

Признаніе государства, въ смыслѣ открытія съ его правительствомъ оффиціальныхъ м. сношеній, можетъ быть и пріостановлено на время. Понятая вещь, что, въ отвѣтъ на это, и то правительство можетъ себя освободить отъ своихъ м.-п-хъ обязанностей противъ „отказавшагося“ государства, и, поэтому, новое открытіе оффиціальныхъ м. сношеній между такими государствами, въ сущности, уже равняется опять акту новаго „признанія“.

На этихъ же основаніяхъ разрѣшается и вопросъ о признаніи новаго *узурпаторскаго* правительства въ неизмѣнившемся въ своей „политической личности“ государствѣ, а равно и о пріостановленіи съ нимъ оффиціальныхъ м. сношеній.

Прочія государства, или нѣкоторыя изъ нихъ могутъ „пріостановить“ (прекратить—въ сущности) оффиціальныя м. сношенія съ узурпаторской династіей, или съ новою формою государственнаго устройства, возникшею вслѣдствіе революціи, и т. п.:

или на томъ основаніи, что переворотъ совершенъ вопреки существующимъ м. п-мъ обязательствамъ;

или потому, что „новое правительство“ еще не представляетъ достаточныхъ ручательствъ своей благонадежности, какъ годный представитель дѣеспособнаго субъекта м. п-а.

Но все это отнюдь не ограничиваетъ права утвердившагося правительства на существованіе. Отношенія къ нему, поэтому, со стороны отдѣльныхъ государствъ можетъ быть различное.

Съ этой аргументаціей о „признаніи новаго государства“ и „новаго правительства“ сближается и разрѣшеніе вопроса о значеніи тѣхъ условій—„обязанностей“, „м. повинностей“, которыя возложены на вновь утвердившееся государство или правительство, по случаю „признанія его другими государствами“, что иногда дѣлалось на конгрессахъ: напр., на Берлинскомъ 1878 г., относительно Румыніи,

Сербіи, Черногоріи (и Болгаріи). (I: 302; 43-5. 303; 48-50. I. 301-2; 34-5; 37-9; 42. I. 300-301; 27; 29; 33. I. 294-7).

Это—договорныя обязательства, неисполненіе которыхъ можетъ быть обсуждаемо также только съ этой точки зрѣнія. За ихъ неисполненіе государство подвергается послѣдствіямъ, какъ за нарушеніе договора. Въ подлежащихъ случаяхъ, оно можетъ лишиться правъ м. гарантіи. Формальное признаніе его существованіе можетъ быть взято обратно, и т. д.

На дѣлѣ, въ этихъ случаяхъ, изыскивается новый путь соглашенія. Но это уже политика.

Особый характеръ имѣло признаніе державами новаго государства подъ названіемъ „Международная Ассоціація на рѣкѣ Конго". (I: 168; 6. 169).

Она въ личной—и только личной—уніи съ Бельгіей, безо всякихъ „общихъ дѣлъ" съ послѣдней (77. β.). Признаніе „М. Ассоціаціи на р. Конго" державами не касается этой уніи.

Этому вновь образующемуся государству приданъ обще-европейскій интересъ, какъ нейтральной полосѣ для м. торговли и распространенія цивилизаціи, хотя оно и еще не обладаетъ, на всемъ пространствѣ отмѣченныхъ для нея границъ, средствами и могуществомъ—достаточными, чтобы имѣть полное обезпеченное господство во всѣхъ частяхъ огромной территоріи. Слѣд., за нимъ напередъ признано право конституироваться, какъ государство—„для общей пользы цивилизованнаго міра и цѣлей гуманности".

Новое государство Конго обязалось признать самыя широкія права иностранцевъ всѣхъ націй и открыть полную свободу м. торговли на своей территоріи всѣмъ націямъ и флагамъ, не исключая рѣчнаго каботажа, и ,вообще, безъ привозныхъ пошлинъ. (I. 171-2).

„Вѣчный нейтралитетъ" *не* гарантированъ „М. Ассоціаціи на р. Конго".

91. „Условные субъекты м. п-а" существуютъ на основаніи опредѣленной нормировки ихъ отношеній къ другой власти, которой они подчинены. Относительно ихъ, вообще, и не возникаетъ вопроса о м. формальномъ признаніи ихъ полит. личности. Тѣмъ не менѣе, напр., и конгрессы могли заниматься учрежденіемъ новыхъ условныхъ (полу-*не*зависимыхъ) субъектовъ м. п-а (I: 279; 5. 288-9).

§ 19. „Паденіе" государства; преемство правъ послѣ него. Отложеніе частей территоріи государства.

92. Существующія государства прекращаютъ свое существованіе и перестаютъ быть субъектами м. п-а, „падаютъ", когда они лишаются своей политической (само)личности. Перемѣны въ государственномъ устройствѣ страны и ея династіи, узурпація власти вслѣдствіе государственнаго переворота, значительныя урѣзки ея территоріи или увеличеніе ея, перемѣна титула главы государства, не говоря уже о менѣе значительныхъ обстоятельствахъ въ жизни государства,—*не* измѣняютъ самоличности даннаго государства. Физическое уничтоженіе государства черезъ провалъ или потопъ всей его территоріи, или вымираніе или переселеніе всѣхъ гражданъ —суть крайніе примѣры паденія государства, которые достаточно только назвать.

Практика богата примѣрами, что на (старыхъ) мѣстахъ, гдѣ одни государства, или вовсе прекратили свое существованіе, или же только лишились частей своей территоріи, продолжали господство другія старыя или новыя государства. „Карта Европы", вѣками, часто измѣнялась.

Государство можетъ прекратить свое существованіе, входя: или

1. всецѣло въ другое существующее государство (инкорпорація), или

2. отдѣльными частями, въ нѣсколько другихъ; или же оно

3. распадается на нѣсколько новыхъ государствъ, безо всякой преемственности полит. самоличности „павшаго" государства, въ лицѣ кого либо изъ новыхъ государствъ, образовавшихся изъ него; или оно

4. присоединяется къ какому либо вновь составившемуся „союзному государству".

М. п. не касается этихъ перемѣнъ, какъ историческихъ событій, (*88*), оно опредѣляетъ ихъ со стороны преемственности м. правъ и обязанностей „павшаго" государства, въ лицѣ подлежащаго новаго государства.

93. Павшее государство имѣло общія и особенныя м. права и обязанности. (*3* и *4*). Изъ нихъ

I. всѣ договоры павшаго государства съ другими государствами о м. сношеніяхъ—„политическихъ“ и „м. общенія“—основывались исключительно на его характерѣ, какъ субъекта м. п-а. Они связаны съ политич. (само)личностью даннаго государства и прекращаютъ свое дѣйствіе съ его паданіемъ. Его преемникъ и не можетъ претендовать на ихъ продолженіе съ нимъ.

Равно и сувер. государство, сдѣлавшись „условнымъ“ субъектомъ м. п-а, настолько изнѣняетъ (сокращаетъ) свои м. права и обязанности, какъ это обусловлено его новымъ отношеніемъ къ власти, которой оно подчинилось; это сокращеніе потомъ можетъ и дальше идти, съ установленіемъ новыхъ правъ власти союзнаго государства (*78*),—а, въ подлежащемъ случаѣ, протектора (*83*).

Франція, въ договорахъ о своемъ протекторатѣ въ Тунисѣ, Мадагаскарѣ и др. (*83*), гарантировало исполненіе существовавшихъ, въ моментъ установленія протектората, м. обязательствъ тѣхъ странъ.

Такое „подчиненіе“ государства другому государству, съ „измѣненіемъ“ м. обязанностей и правъ перваго изъ нихъ, не считается за нарушеніе м. п-а: государство само вправѣ рѣшать объ образѣ своего существованія и этому подчиняются всѣ прочія м. отношенія, исключая договоры, непосредственно запрещающіе такое подчиненіе.

Но такое „подчиненіе“ какого либо государства другомъ даетъ и третьей державѣ право—со своей стороны, отказаться, или отъ всѣхъ, или отъ части прочихъ своихъ обязанностей, въ отношеніи „новаго“ условнаго субъекта м. п-а, на томъ именно основаніи, что ихъ значеніе для него, какъ обязаннаго субъекта, измѣнилось.—О значеніи правила „rebus sic stantibus“ для дѣйствія договора, см. ниже, въ ученіи „о прекращеніи дѣйствія м. договоровъ“.

II. Но „преемникъ“ вправѣ и долженъ принять „*м.*“ права и обязательства павшаго государства, имѣющія своимъ объектомъ не просто политическія (м. ск., личныя) обязательства (услуги и обмѣнъ сношеній), но „денежныя“ обязательства, или „вещныя права“, въ томъ числѣ и различныя сервитутныя отношенія, напр., на границѣ съ другими государствами. II. 179-81 Если преемниковъ нѣсколько, то эти права и обязательства должны быть, справедливымъ образомъ, раздѣлены. Это обыкновенно связано съ продолжитель-

ными разсчетами, такъ какъ дѣло крайне сложное. Много дѣла было по этому вопросу послѣ Вѣнск. конгр., 1815 г. II. 145-52. II. 198-202.

Отвѣтственность за денежныя обязательства и по вещнымъ правамъ для государства-преемника за предшественника — основывается на общемъ коренномъ юридич. правилѣ, что

„res" transit cum suo onere

и отвѣчаетъ за связанныя съ нею обязательства.

„Ибо права́, разъ установленныя и неограниченныя срокомъ ихъ дѣйствія, продолжаютъ (als zeitlose) сохранять силу до тѣхъ поръ, пока тѣ субъекты и вещи, для которыхъ они возникли, не прекратятъ своего существованія". (*Heffter*, изд. 1882 г., стр. 59).

Преемникъ принимаетъ „территорію" прежняго государства съ недвижимостью, учрежденіями и сооруженіями, принадлежавшими прежнему правительству, и прочій государственный матеріалъ той территоріи, обязанныхъ платить налоги подданныхъ и, вообще, имущество фиска павшаго государства;

онъ и долженъ принять „территорію" съ границами и сервитутами, существующими въ пользу сосѣднихъ государствъ, такъ какъ онъ не можетъ пріобрѣсти вещи (территоріи) съ бо́льшими правами, чѣмъ были тѣ, которыя принадлежали предшественнику.

Такой порядокъ отношеній подсказываетъ уже чувство справедливости. Логически его подтверждаетъ принципъ права.

Политика всегда заставляла преемниковъ павшихъ государствъ соблюдать указанный порядокъ.

94. Въ случаѣ отдѣленія отъ (продолжающаго существовать) государства части его территоріи,

или присоединившейся къ другому государству,

или образовавшей новое государство, при какихъ бы то ни было сопровождавшихъ это отдѣленіе обстоятельствахъ (мирныхъ или борьбы),—

для отдѣлившейся части прекращается дѣйствіе м.-п-хъ отношеній ея прежняго государства, по договорамъ, и „политическимъ", и о „общественно-культурныхъ интересахъ", а равно и по „денежнымъ" обязательствамъ. На нее ложатся только тѣ обязательства и обязанности, которыя относятся къ предметамъ, оставшимся въ ея владѣніи, въ томъ числѣ и граница съ смеж-

ными территоріями и дѣйствующіе тамъ сервитуты, а слѣдовательно, изъ государствен. долговъ стараго государства лишь тѣ, которые ипотекованы на имуществахъ, перешедшихъ къ новому государству, т. е., тѣ, которыя здѣсь подсудны. На практикѣ, обыкновенно—и, ввиду обычныхъ нынѣ порядковъ организаціи и управленія „общихъ" государственн. долговъ, оно такъ и справедливѣе—новое государство принимаетъ на себя вообще часть „общихъ" государств. долговъ того государства, отъ котораго оно отложилось. Подлежащая „часть" можетъ быть расчитана въ извѣстной пропорціи доходности отошедшей подъ новое владычество области. I. 296; 9, 2.

Такія же начала дѣйствуютъ и въ случаѣ отдѣленія значительныхъ областей отъ территоріи одного государства подъ господство другаго, если онѣ не зачисляются въ сумму „военной контрибуціи". I. 301; 33.

На этихъ основаніяхъ, справедливыхъ и составляющихъ правильное юридическое построеніе настоящаго вопроса, обыкновенно и вращаются договорныя постановленія въ трактатахъ о мирѣ по этому предмету. II. 47; 21.—*с.* и вообще Актъ Вѣнск. конгр., II. 50.

Государство, пріобрѣтающее части другаго государства или всю его территорію, распространяетъ на „присоединенную область" дѣйствіе всѣхъ своихъ м. правъ и обязанностей, какъ по договорамъ политическимъ, такъ и по договорамъ о м. общеніи.

95. „М. Ассоціація на р. Конго", по договорамъ съ европейскими и америк. государствами, обязалась, въ случаѣ полной уступки своей территоріи, а равно и какой-либо ея части, возложить свои м. обязательства: по допущенію свободной торговли и судоходства и вообще о правахъ иностранцевъ въ своихъ территоріяхъ и о безпошлинномъ ввозѣ товаровъ въ эти территоріи—на новаго пріобрѣтателя всей территоріи, или какой-либо ея части. I. 168; 5. Мы должны имѣть ввиду исключительность условій, при которыхъ эти обязательства дѣйствуютъ: Соглашеніемъ державъ 1885 г., (I. 170-2, слѣд.), установлено распространить дѣйствіе упомянутыхъ правилъ о торговлѣ, судоходствѣ и иностранцахъ на весь районъ бассейна рѣки Конго, съ его продолженіемъ на востокѣ и западѣ. И „М. Ассоціація" приступила къ этому соглашенію (I. 168), которое принято всѣми мореходными государствами Европы. Слѣд., новые пріобрѣтатели частей или всей территоріи „М. Ассоціаціи" уже

напередъ связаны общимъ договоромъ о соблюденіи названныхъ м. п-хъ условій о торговлѣ и судоходствѣ, которыя были обязательны для „М. Ассосіаціи“ еще и раньше, по ея отдѣльнымъ договорамъ съ державами. (I. 168; 5).

§ 20. Основныя права субъектовъ международнаго права. (*3*).

96. Нѣтъ „кодекса“, который бы формулировалъ систему основныхъ правъ субъектовъ м. п-а.

Этихъ основныхъ правъ также нельзя подвести подъ категорію „обычнаго права“.

Основныя права субъектовъ м. п-а суть необходимое послѣдствіе выработаннаго новой исторіей типа суверенна го государства. Они сутъ неизмѣнное основаніе для „правоотношеній между государствами“.

Основныя права субъектовъ м. п-а обязательны, какъ „поступаты“. Въ исторіи они продолжаютъ господствовать уже много вѣковъ. (*8; α*, отд. 2).

Ихъ фактическое признаніе подтверждается изо дня въ день на практикѣ м. сношеній правительствъ: согласными съ ними дѣйствіями правительствъ въ отправленіи м. сношеній. Подтверждая „торжественными заявленіями“ авторитетъ и обязательность м. п-а для государствъ, правительства, прежде всего, должны были имѣть ввиду именно эти—для всѣхъ государствъ, рав. обр., обязательныя нормы „основныхъ правъ“ м. п-а. *с.* выше с. 49, Мартенсъ.

Принципъ суверенетета государства постоянно удостовѣряется: и въ мирныхъ трактатахъ, и вообще при уступкахъ территорій. Его подтверждаетъ также каждый м. договоръ тѣмъ, что стороны обепечиваютъ себѣ извѣстныя права и принимаетъ на себя обязательства въ отношеніи къ другому контрагенту, по вольному уговору—обѣщанію, так. обр., что бо́льшаго противъ точнаго условія ни одна сторона не вправѣ требовать отъ содоговаривающейся стороны, причемъ особой оговорки въ этомъ смыслѣ нынѣ уже не требуется въ договорахъ—она не обычна. Подобная оговорка встрѣчается развѣ еще только при какихъ либо совершенно исключительныхъ условіяхъ. (II. 573; 13).

Другой „постулятъ", требуемый фактомъ правоотношеній между государствами, есть „святость" — ненарушимость — (м.) договоровъ. Въ XIX в. уже перестали особо „удостовѣрять" его въ договорахъ между государствами современнаго цивилизованнаго міра.

Въ „актахъ ратификаціи м. договоровъ" онъ прямо высказывается, въ отношеніи къ данному утверждаемому договору. (I. 12).

97. Основныя права м. п-а, какъ институтъ постоянный и неизмѣнный, т. е., будучи въ то-же время — что давно подмѣчено — jus gentium naturale, necessarium и immutabile, замѣняютъ собою для м. п-а то, что для государственнаго порядка составляетъ „непрерывная преемственность общественной власти". Формы и органы власти мѣняются, но „принципъ государственной власти" остается, какъ неизмѣнный постулятъ.

98. Принципъ м. независимости государства заставляетъ дѣлать всѣ выводы, которые логически изъ него слѣдуютъ и нужны для опредѣленія первоначальныхъ правъ государства, какъ субъекта м. п-а.

Этотъ принципъ имѣетъ краеугольное значеніе во всѣхъ частяхъ системы м. п-а. Въ м. обязательствахъ, при всякой неясности и неполнотѣ въ опредѣленіи обязанностей сторонъ, всегда предполагается дѣйствіе принципа суверенетета.

Въ теченіи времени, въ отношеніяхъ между многими государствами, образовались нѣкоторыя „измѣненія" въ строго-логическихъ выводахъ изъ принципа м. равенства государствъ (*v.* ниже).

99. Свобода открытаго моря есть необходимый фактъ. Въ этомъ смыслѣ онъ возникъ и формулировался — какъ естественное право независимыхъ другъ отъ друга народовъ, принадлежащее общему всѣхъ ихъ пользованію. Уже за этимъ слѣдовало общее и безпрекословное признаніе этого принципа, какъ положительнаго права. (Подробная рѣчь объ этомъ впереди).

М.-п-ая отвѣтственность государства за нарушенія м. правъ другаго государства есть постулятъ всякаго правоваго порядка. Ея осуществленіе въ м. н-ѣ, разумѣется, соотвѣтственно иное, чѣмъ въ самомъ государствѣ. Правительства никогда не отрицали ея.

Принципъ права во время войны развился, въ своихъ частностяхъ, подъ вліяніемъ гуманной культуры новаго времени, на началахъ принципа христіанской любви къ ближнему. Но этотъ

принципъ уже логически обусловленъ существованіемъ „*м. п-а*“ между государствами. Для нихъ война только средство, а не цѣль.

Опредѣленіе, въ этомъ смыслѣ, соотвѣтственныхъ нормъ права во время войны есть вопросъ преимущественно практическій, стоящій въ зависимости отъ тѣхъ общихъ и частныхъ условій, въ которыя поставлено веденіе войны.

§ 21. Права суверенетета государства въ международномъ правѣ.

100. Суверенететъ есть политическое господство. Къ этому началу сводятся всѣ отношенія государственной власти къ лицамъ и предметамъ, включая сюда и государственную территорію. Суверенететъ даннаго государства есть, въ отношеніи къ другимъ суверенететамъ, исключительная государственная власть, на извѣстномъ пространствѣ земной поверхности—„территоріи“.

Такому порядку вещей соотвѣтствуетъ слѣдующая систематика „правъ суверенетета государства въ м. п-ѣ“, согласно различнымъ функціямъ суверенетета въ м. п-ѣ. Мы разсмотримъ:

I. территоріальное верховенство государства, со включеніемъ сюда ученія о государственной территоріи;

II. охранительное верховенство государства противъ посягательствъ на его права (и территорію); и

III. независимость дѣйствій во внутр. управленіи государствомъ и въ опредѣленіи его м. сношеній.

§ 22.—I. Территоріальное верховенство.

101. Территорія есть необходимое основаніе государства. Она составляетъ условіе для его осѣдлости, „политич. тождества“ (самоличности) и суверенетета.

Суверенететъ можетъ быть только территоріальный.

Территоріальное верховенство означаетъ право данной государственной власти функціонировать на данной части поверхности земли, съ исключеніемъ какихъ либо другихъ, равныхъ или высшихъ, субъектовъ или властей.

Различные случаи т. наз. экстерриторіалитета суть лишь частныя исключенія.

Суверенететъ, въ силу своего территоріальнаго верховенства, опредѣляетъ, какія лица и предметы и какія дѣйствія инос. властей могутъ „перейти черезъ границу его территоріи“; онъ опредѣляетъ способы повѣрки исполненія своихъ повелѣній, установляетъ нужныя ограниченія всякаго рода и наказанія за нарушенія его запрещеній, и т. д.

102. Такая постановка вопроса о террит. верховенствѣ обусловлено понятіемъ современнаго государства. Это территоріальное верховенство исключаетъ „возможность“ т. наз. политич. *condominium*'а: совмѣстнаго (одновременнаго или поочереднаго) суверенетета двухъ государствъ на одной и той же территоріи. Такой condominium былъ возможенъ и составлялъ возлюбленный обычай въ средневѣковомъ государствѣ, когда еще „не господствовало“ понятіе суверенетета и не было обусловливаемой имъ политич. централизаціи и строгаго м.-п-го обособленія территоріи государства, усвоенныхъ новымъ временемъ. Нѣкоторые примѣры политич. condominium'а въ новой исторіи были только случайностью—результатомъ политич. затрудненій (спора объ окончат. раздѣлѣ, или границѣ) между двумя государствами; они имѣли совершенно условный и „частный“ характеръ (относились къ ограниченной части территорій совладѣльцевъ) и сохранили въ концѣ концовъ, только временное дѣйствіе. Прочно они не установлялись. Но и такихъ примѣровъ было только чрезвычайно мало. Новѣйшимъ примѣромъ было совладѣніе Шлезвига-Гольштиніи Пруссіею и Австріею, въ 1864-66 гг. Примѣръ изъ исторіи Россіи: I. 389; 1.

103. Въ союзномъ государствѣ дѣйствуютъ, параллельно—на одномъ и томъ же территоріальномъ пространствѣ, двѣ „политич. власти“: союзная и мѣстная (т. наз. территоріальная) гос-ыя. власти. Но здѣсь нѣтъ condominium'а двухъ суверенететовъ. Здѣсь дѣйствуетъ 1. „несуверенная“ мѣстная государственная власть: она подчинена союзной власти, въ предѣлахъ предоставленной послѣдней, по союзн. конст., компетенціи, которую союзное законодательство вправѣ односторонне все больше расширять. 2. Суверенно здѣсь исключительно лишь союзное государство, „союзная власть“. (*78*).

104. Территоріальное верховенство означаетъ пространственный предѣлъ для дѣйствія государственной власти. Поэтому здѣсь и слѣдуетъ разсмотрѣть ученіе о государственной территоріи, съ ученіемъ объ открытомъ морѣ и м. рѣкахъ, и о проливахъ и каналахъ, соединяющихъ части открытаго моря.

Государственная территорія не можетъ быть пріурочиваема къ „предметамъ вещнаго права“,

она должна быть разсматриваема какъ пространственный базисъ политич. господства. Она, поэтому, по системѣ, должна быть помѣщаема въ ученіи о территоріальномъ верховенствѣ.

Современное понятіе государства уже не конструируетъ никакого *dominium eminens* государственной власти на „тирриторію“.

§ 23.—*a.* Государственная территорія.

105. Государственною территоріею называется въ м. п-ѣ и государственномъ правѣ не только лицевая поверхность той твердой части земнаго шара, гдѣ находится государство,—государственная территорія распространяется, кромѣ того,

a. на извѣстное разстояніе сопредѣльныхъ къ ея „твердымъ“ границамъ водъ: рѣкъ, озеръ, открытаго моря; и обнимаетъ

б. всѣ водяныя пространства, находящіяся внутри территоріи,

в. воздушное пространство надъ территоріей и всю часть коры земнаго шара подъ лицевою поверхностью территоріи: съ вертикальною границею, по прямой линіи, проведенной отъ центра земнаго шара черезъ горизонтальную граничную черту государственной территоріи, на поверхности земли, и дальше, на воздухъ, до безконечности.

Водяныя и подземныя части государственной территоріи уже имѣютъ достаточное практич. значеніе, хотя и на водяныхъ пространствахъ суверенететъ не подчиняетъ своему воздѣйствію событія и дѣйствія, на нихъ совершающіяся, съ такою строгостью и исключительностью, какъ на сушѣ.

Воздушныя пространства въ предѣлахъ государственной территоріи еще не служили предметомъ м.-п-хъ опредѣленій. Но и эти пространства уже начинаютъ получать практич. значеніе, какъ мѣстопребываніе для людей и властей; и, быть можетъ, то время не далеко, когда придется туда распространить также дѣйствія таможенныхъ и полицейскихъ учрежденій.

106. Значеніе государственной территоріи и дѣйствіе территор. верховенства на ней не зависитъ: ни отъ фигуры, ни отъ мѣстоположенія, ни отъ величины территоріи, ни отъ того: принадлежатъ ли къ ней на границахъ водяныя пространства, и составляетъ ли

вся территорія одну сплошную площадь. Части государственной территоріи могутъ быть и разрознены; но, тѣтъ не менѣе, „юридич. единство государственной территоріи“ остается въ полной силѣ.

Составъ государственной территоріи есть продуктъ историч. образованія государства; никакихъ естественныхъ границъ—въ смыслѣ ли географическомъ, или національно-племенномъ—„м. п.“ не установляетъ. „Округленіе границъ“ и „географич. объединеніе границъ“ государства составляетъ заботу отдѣльныхъ заинтересованныхъ государствъ. *с. 109.*

Система политич. равновѣсія занималась устройствомъ границъ государствъ—въ различныхъ отношеніяхъ: величины, мѣстоположенія, и т. п.,—съ точки зрѣнія, обезпечивающаго м. безопасность государствъ, распредѣленія взаимнаго территоріальнаго могущества государствъ. Здѣсь, м. бы ск., политич. недвижимость государствъ принималась за норму.

107. Названныя, подъ lit. *a* и *b* въ ном. *105*, „части государственной территоріи“ составляютъ ея „естественную принадлежность“. Онѣ имѣютъ такое юрид. значеніе, что не требуютъ особаго акта завладѣнія со стороны оккупанта. Онѣ сами собою презумируются всегда состоящими во владѣніи того, кому принадлежитъ коренная часть территоріи—лицевая поверхность суши, къ которой примыкаютъ тѣ естественныя принадлежности и придачи.

§ 24.—3. Границы государственной территоріи.

108. Границы между государствами должны имѣть точное мѣстонахожденіе. Безусловная точность граничной линіи представляется категорическимъ требованіемъ для границы государства на сушѣ, которую составляетъ геометрическая линія, въ совершенно точно опредѣленномъ и неизмѣнномъ мѣстѣ. На водяныхъ пространствахъ: на пограничныхъ рѣкахъ, озерахъ и береговыхъ частяхъ открытаго моря (mare littorale)—безусловная геометрическая точность и топографическая неизмѣнность „линіи“ границы государства не признаны столь настоятельными.

Такое различіе въ свойствахъ сухопутныхъ и водяныхъ границъ государства, впрочемъ, не обусловлено какимъ либо непреложнымъ различіемъ правъ территоріальнаго верховенства государства на

пространствахъ: суши и пограничныхъ да береговыхъ водъ, — оно установилось на практикѣ государственной власти, которая признала возможнымъ и нужнымъ не проводить на этихъ частяхъ своего владычества принципа исключительнаго господства территоріальнаго верховенства съ одинаковою строгостью, какъ на сушѣ (*105*, в. *141*).

Таковая (болѣе слабая) практика принципа территоріальнаго верховенства на пограничныхъ и береговыхъ водахъ находитъ себѣ

достаточное оправданіе въ свойствѣ отношеній на нихъ

и достаточное объясненіе въ сравнительно значительныхъ трудностяхъ точно отмѣчать геометрическую линію границы государства на такихъ водяныхъ пространствахъ.

Во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ, практика государствъ обнаруживаетъ крайнюю старательность въ точномъ опредѣленіи, обозначеніи и установленіи на мѣстѣ и документальномъ доказательствѣ границъ государственной территоріи, довольствуясь, съ другой стороны, нѣкоторою меньшею точностью относительно границъ на смежной рѣкѣ и, въ особенности, на береговыхъ водахъ открытаго моря.

109. Географическія удобства границы государства имѣютъ или оборонительное, или хозяйственное значеніе, или и то и другое вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи государства добивались т. наз. естественныхъ границъ на берегу моря, у значительныхъ рѣкъ и на горахъ. И европейскій материкъ, при достаточно разносторонней теллурической и географической конфигураціи, представлялъ много условій для удовлетворенія этихъ практическихъ стремленій. Россія — съ Сибирью, Приамурскимъ краемъ и Средней Азіею — окружена преимущественно такими естеств. границами: огромною береговою линіею у моря; по южной границѣ въ Азіи множествомъ горъ, начиная съ Малой Азіи до р. Аргуни; судоходными рѣками по границѣ съ Норвегіею, Швеціею, (отчасти Пруссіею), Австріею и Румыніею, (отчасти Турціею), Персіей и Китаемъ.—См. ниже § 25.

110. За отсутствіемъ такихъ „естественныхъ“ границъ, границу государственной территоріи приходилось отмѣрять землемѣрнымъ способомъ на поляхъ, лугахъ и въ лѣсахъ, искусственно отмѣчая, цѣлой системой наружныхъ знаковъ, линію межи государственной границы. Въ этихъ случаяхъ межа государствъ проводится обыкновенно по межѣ частныхъ и общинныхъ владѣній землею,

расположенныхъ на обѣихъ сторонахъ границы, во избѣжаніе „смѣшанныхъ собственниковъ“ участковъ, переходящихъ за черту границы. Раньше это обусловливалось господствовавшимъ принципомъ, запрещавшимъ иностранцамъ землевладѣніе. Теперь оно сохранило практическія удобства и не лишено политическихъ видовъ. Разсматриваемый типъ границы, впрочемъ, часто совпадаетъ съ ручьями или несудоходными рѣками; иногда же граница проводится по такого рода „рѣчной“ чертѣ и безъ соблюденія владѣльческой границы, въ особенности, если послѣдняя была въ этомъ мѣстѣ спорною почему-либо, или, напримѣръ, пастбище по одной сторонѣ ручья находится въ общемъ владѣніи селеній обоихъ береговъ ручья. Россія, по разсматриваемому типу государственной границы, представляетъ обстоятельный и разносторонній матеріалъ на западной границѣ съ Пруссіей и Австріей. См. стр. 106—7.

111. Границы государства обусловлены: или физическими причинами (у берега моря), или незапамятнымъ владѣніемъ; или установились въ силу оккупаціи, или завоеванія, или по формальному соглашенію съ подлежащими сосѣдами.

На сушѣ, существующая помимо соглашенія между сосѣдами граница государствъ, для большей ясности и для безспорности, обыкновенно еще и „удостовѣряется“ формальнымъ м. актомъ между ними. I. 383-4; 1. 392; 9. 394; 1. 404; 9, 2. II. 13; 2. 16; *n.* 6. 188; 6 (и 190-1).—*C.* и *93;* II (§ 8).

Граница на поляхъ, лугахъ и въ лѣсахъ, иногда—вслѣдствіе ея запущенности, нуждается въ возстановленіи ея распознаваемости. Это и можетъ понадобиться на рѣкахъ, вслѣдствіе происшедшихъ размывовъ и наносовъ. II. 138; 5, 5. 145; 3, 7. 139-40. 407; 2. 408; 23. 409; 4-5. 409 („статьи 1843 г.“).

Ректификація границы съ частными измѣненіями—обусловлена иногда практическими удобствами, или вслѣдствіе естественныхъ причинъ (напр. измѣненія ложа рѣки, обваловъ скалъ, и т. п.). I. 289; 30, 2. 404; 8. II. 11-12; 1. 138; 5, 5; 6. 145; 2, 7. 139-40. 169; 3 (и др.). 196; *n.* 9, 1-2. 407; 2. 409; 4. 409 („статьи 1843 г.“).

Взаимную м.-п-ую обязательность такія возстановленія и ректификаціи границъ получаютъ, разумѣется, не иначе, какъ при согласіи заинтересованныхъ государствъ. II. 145; 3, 7. 408; 23.

112. Соглашенія о разграниченіи или границахъ взаимныхъ территорій государствъ касаются границъ на сушѣ (т. наз. территоріальн. гран.) и на рѣкахъ (и озерахъ) и, крайне рѣдко, на морѣ.

Соглашенія о новыхъ границахъ на сушѣ и рѣкахъ составляютъ обыкновенно результатъ побѣды на войнѣ. Вопросы объ уступкахъ территорій между воюющими стояли всегда на первомъ планѣ. Этимъ положеніемъ дѣла и опредѣлялся обычный порядокъ соглашеній о государственной границѣ:

Общее начертаніе новыхъ границъ мы обыкновенно встрѣчаемъ въ „прелиминарныхъ договорахъ“ мира. „Окончательный мирный трактатъ“ означаетъ ее настолько подробно, что по его указанію линія границы уже можетъ быть опредѣлена со всѣми деталями.

Точное опредѣленіе „линіи“ обыкновенно составляется на мѣстѣ. Оно есть исполнительная часть дѣла и поручается особымъ коммиссарамъ съ обѣихъ сторонъ. Коммиссары наводятъ линію новой границы на планъ, составляютъ „карту“ и „описаніе“ границы.

По утвержденіи правительствами детальной линіи границы, составленной на мѣстѣ, новая м. коммиссія приступаетъ къ установленію границы: посредствомъ сооруженія столбовъ, холмовъ, проведенія рвовъ, и т. п. О произведенныхъ, так. порядкомъ, работахъ составляются подробные протоколы совѣщаній, мотивовъ и рѣшеній коммиссіи. Мѣстоположеніе каждаго искусственнаго знака и взаимное отношеніе таковыхъ знаковъ описывается съ возможною точностію. Сводный „протоколъ объ окончательномъ разграниченіи“ утверждается опять же правительствами,—составляетъ м. договоръ, а протоколы засѣданій коммиссій считаются частью его и служатъ источникомъ для разъясненія окончательнаго протокола въ случаѣ надобности въ томъ. II. 140; *n.* 5. (145; 6). 410; 7.

Актъ объ установленіи м. границы называется обычно „демаркаціоннымъ актомъ“. Правительственная практика очень неисправно относилась къ обнародованію въ законодательномъ порядкѣ таковыхъ актовъ. Многіе изъ нихъ остаются надолго канцелярскою тайною. Въ 1751 г., въ демаркац. актѣ между Швеціей и Норвегіею, было условлено, чтобы демаркац. коммиссія доставляла оффиціальныя копіи съ частей демаркац. акта въ пограничныя общины и пограничнымъ властямъ по принадлежности. Wenck, Codex juris g. rec., II, 677. Объ отношеніи этого демаркац. акта къ Россіи с. ниже *113,* 1, *в* (§ 2).

ГЛАВА IX.

II) Zaraath кожи, пораженной schechin и mikhwath esch. III) zaraath лысины и плѣши. IV) zaraath волосистой части головы и бороды. Что такое «*bohak*»? Существуютъ ли указанія на проказу въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія?—Болѣзнь Іова. Другія болѣзни, упоминаемыя въ Библіи. Lepra Новаго Завѣта. Болѣзнь Лазаря.

Въ предыдущей главѣ мы всесторонне разобрали указанія, касающіяся zaraath'a здоровой кожи и проявленій болѣзни въ тѣхъ различныхъ періодахъ, на которые указываетъ намъ сама Библія. Мысль о тождествѣ zaraath'a и проказы, благодаря разъясненію терминовъ и спеціально съ точки зрѣнія Septuaginta и Мишны, потеряла всякую почву, сдѣлалась невозможною. Наоборотъ, тѣмъ рѣзче выступила ясная и отчетливая картина тождества zaraath'a и песи. Разъясненія, которыя мы дадимъ сейчасъ относительно zaraath'a, обнаруживающагося на больныхъ мѣстахъ кожи, не менѣе чѣмъ предыдущія, помогутъ намъ разрушить возможность перваго изъ указанныхъ мнѣній и тѣмъ прочнѣе установить полную правильность втораго.

II) *Zaraath кожи, пораженной schechin и mikhwath esch.*

Положенія Библіи, касающіяся развитія zaraath'a на больныхъ мѣстахъ кожи, т. е. на мѣстахъ, гдѣ были schechin и mikhwah, хотя и отдѣлены другъ отъ друга, но совершенно сходны по смыслу и редактированы почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Въ виду этого, познакомившись предварительно съ опредѣленіями терминовъ, входящихъ въ эти положенія, мы разсмотримъ ихъ затѣмъ вмѣстѣ.

Еврейское слово „*schechin*“, встрѣчающееся—какъ мы видѣли—въ нѣсколькихъ мѣстахъ Библіи, передается, въ нашей XIII главѣ слѣдующимъ образомъ.

LXX переводятъ ἕλκος (*слав.* болячка гнойна, *лат.* ulcus). Русск. Син. изд.—нарывъ, Манд. (l. c. 73)—пупырь. Въ *халд.* Библіи—schichna (въ B. polygl. Walt.—scabies). Въ *сир.*, *самар.*, *араб.*, также какъ и въ Вульгатѣ и Лат. версіи Шмида—ulcus; въ подстрочномъ переводѣ Waltonus'a—inflammatio. Въ *нѣм.*: у *Лютера*—Drüsz, у *Mendel.*—Entzündung. Въ *Франц.*—un ulcère. *Англ.* и *Шотл.*—a bile. *Нид.*—sweere. *Итал.*—ulcere.

По *Gesenius'y* (II, 318)—воспаленное мѣсто, язва (Исх. IX, 9, 11; Лев. XIII, 18—20). Египетская язва (Beule), „вѣроятно elephantiasis, эндимическая въ Египтѣ". Изъ дальнѣйшихъ указаній *Gesenius'a* видно, что онъ понималъ здѣсь elephantiasis arabum, а не elephantiasis graecorum, т.е.—проказу.

Мишна (гл. IX, п. 1) спрашиваетъ: „Quid est schechin?" и отвѣчаетъ: „quod ligno, lapide, cortice, vel aqua Tiberiensi percussum est, et quicquid non laesum est igne, id dicitur schechin?

Терминъ „*mikhwath esch*" переводится во всѣхъ Библіяхъ одинаково:

У LXX—κατάκαυμα πυρός (*слав.* жженіе огненно, *лат.* combustio ignis). Въ русск. Б.—ожогъ. Въ халд. (60)—exustio ignis. Въ *сир.*, *самар.*, *араб.*—тоже. *Vulgata*: „cutis, quam ignis exusserit". *Нѣм. Лют.*: „wenn sich Jemand an der Haut am Feuer brennet", и, далѣе, „Brandmal" (michjath ha mikhwah), *Mendels.*—Brandgeschwür. *Франц.*—brulé en la chair. *Англ.* и *Шотл.*—hot burning. *Нид.* vierige brant. *Итал.*—arsura di fuoco.

Gesenius (I, 487) переводитъ mikhwah—обожженое мѣсто (Лев. XIII, 24 и т. д.) отъ глагола „*khawah*" (p. 396)—Stechen, brennen; у арабовъ—выжигать знаки и язвы.

Мишна, примѣнительно къ опредѣленію schechin, даетъ опредѣленіе и mikwah: „Quid est mikhwah?—quod adustum est carbone et cinere ignito, et quicquid ope ignis laesum est, id dicitur mikhwah".

Наконецъ, въ интересующихъ насъ положеніяхъ, мы находимъ еще терминъ „zarebeth", относящійся какъ къ schechin, такъ и къ mikhwah: „zarebeth ha schechin, zarebeth ha mikhwah".

Терминъ этотъ переводится:

У LXX—ὀυλὴ ἕλκος (ст. 23), χαρακτὴρ τοῦ καταυμάτος (ст. 28): *слав.*—„струпъ" (рубецъ) „болячки есть", „образъ бо сожженія есть"; *лат.*—cicatrix ulceris, character combustionis. *Русск.*

Б. (Син. изд.)—воспаленіе нарыва, воспаленіе отъ ожога; *Манд.*—гноеніе пупыря, гноеніе ожога. *Халд.* roschem, знакъ, слѣдъ. *Сир.* и *самар.* cicatrix. *Араб.* vestigium ulceris, nota adustionis. *Вульгата*: ulceris est cicatrix, cicatrix est combusturae *Нѣм.* Narbe der Drüse, Narbe des Brandmals. *Франц.* cicatrice. *Англ.* и *Шотл.*—23 ст.—a burning bile, a sore, 28 ст.—an inflammation of the burning, the drying of the burning. *Нид.* rove van die sweere, rove des brants. *Итал.* (G. Diodati): la crosta del' ulcere, la crosta d'arsura.

По *Gesenius'y* (II p. 211): рубецъ язвы, или рубецъ ожога.

Въ Мишнѣ, по поводу zarebeth, мы находимъ въ главѣ IX, п. 2, слѣдующія указанія: „Si rebellent"—mordin (mordin, мн. ч. отъ mored, относится и къ schechin и mikhwah и обозначаетъ то, что на поверхности язвы существуетъ отдѣляемое—*Bartenora*, или что поверхность эта болѣзненна при дотрогиваніи—*Кулишеръ*)—„munda sunt, si crustam (?!) obduxerint instar corticis alii, tum illa sunt zarebeth ha schechin (ulceris contractio—*Surench.*), de qua in lege sermo sit; si revixerint, licet eorum locus zaleketh (cicatrice—*Surench.*) obductus sit, tamen judicatur ut pellis carnis.

Такимъ образомъ Мишна, надо полагать, считаетъ также zarebeth за рубецъ, но рубецъ молодой, очень тонкій, просвѣчивающій какъ наружная оболочка чеснока, въ противуположность zaleketh, обозначающему старый рубецъ, представляющій качества нормальной кожи тѣла.

Послѣ приведенныхъ нами объясненій, указанія XIII главы, касающіяся zaraath'a развивающагося на мѣстахъ пораженныхъ schechin и mikhwath esch, могутъ быть резюмированы въ слѣдующее общее положеніе.

Если у кого либо на тѣлѣ будетъ язва или ожогъ огнемъ, и они заживутъ, и на зажившемъ ожогѣ или язвѣ покажется пятно бѣлое или красноватое, то, если въ пятнѣ обнаружится бѣлый волосъ или въ немъ будетъ замѣтна наклонность распространяться, такое пятно слѣдуетъ считать за zaraath; если же, наоборотъ, не замѣчается ни того, ни другаго, то это простой рубецъ или слѣдъ язвы или ожога.

Общій смыслъ приведеннаго нами сейчасъ положенія строго опредѣленный: *передъ нами ни болѣе ни менѣе какъ дифференціальная діагностика между рубцомъ и песевымъ пятномъ,—диффе-*

ренціальная діагностика, совершенно правильная и какъ нельзя болѣе умѣстная, такъ какъ если можно съ чѣмъ либо смѣшать песевое пятно, то именно съ бѣлымъ рубцомъ. Само собою разумѣется, что если на такомъ рубцѣ обнаружится бѣлый волосъ, если рубецъ этотъ будетъ распространяться, то это уже никакъ не будетъ рубецъ, а песевое пятно—zaraath; если же, наоборотъ, на немъ нѣтъ бѣлаго волоса и пятно нисколько не увеличивается, то это не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ zarabeth ha schechin, zarabeth ha mikhwah: рубецъ отъ язвы или рубецъ отъ ожога.

Въ этомъ же положеніи ясно обнаруживается и значеніе *краснова-таго цвѣта* пятна, которымъ—какъ мы видѣли—воспользовались нѣкоторые авторы (Schilling, Michaelis, Mibroy), чтобы указать, что Библія, кромѣ бѣлыхъ пятенъ—morpheae albae, описываетъ и *morpheam rubram*. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что красноватый цвѣтъ, въ данномъ случаѣ, какъ и толкуетъ *Ouseelius,* обозначаетъ ничто иное, какъ цвѣтъ свѣжаго, богатаго кровеносными сосудами, тонкаго—instar corticis alii—рубца.

Дифференціальная діагностика, на которую мы сейчасъ указали, могла быть еще тѣмъ болѣе умѣстною, что, какъ a priori уже слѣдуетъ предполагать, больные могли прибѣгать къ разнообразнымъ травматическимъ пріемамъ, съ цѣлью скрыть первые, покрайней мѣрѣ, слѣды обнаруживающейся болѣзни: выжигать ихъ и т. под. И что больные zaraath'омъ дѣйствительно прибѣгали къ такимъ пріемамъ, мы несомнѣнно видимъ изъ указаній той-же Мишны.

Въ гл. VII, п. 4, Мишна говоритъ: „Si quis avulserit signa immunditiei“ (т.е.—вырветъ бѣлый волосъ)“ et adusserit michjah, is transgressus est praeceptum vetans“. Однако, „ratione purificationis, donec nondum ad sacerdotem venerit, mundus est; postquam vero decralaverit eum, immundus est“.

Въ той же главѣ, п. 5-ый: „Si in aliquo fit bhaëreth, *is vero exsciderit eum,* munda est, si consulto eam exsciderit“.

Понятно, что Мишна не внесла бы этихъ указаній въ свои положенія, еслибы свѣдѣнія о попыткахъ больныхъ скрывать слѣды своей болѣзни не дошли до нея путемъ традицій.

Съ своей стороны, мы считаемъ умѣстнымъ указать здѣсь, что совершенно одинаковое стремленіе скрыть свою болѣзнь мы видимъ и у песевыхъ въ Туркестанѣ, и мнѣ почти не приходилось встрѣчать

ни одного больнаго, у котораго бы не было одного или нѣсколькихъ рубцовъ, соотвѣтствующихъ первому или первымъ появившимся пятнамъ. Обыкновенный способъ, къ которому прибѣгаютъ Сарты, съ цѣлью уничтожить первые слѣды песи—а не лѣчить болѣзнь, какъ нѣкоторые изъ нихъ указываютъ ложно,—это прижиганіе пятна крѣпкой или царской водкою.

III) *Zaraath лысины и плѣши.*

Сущность положенія XIII главы, касательно zaraath'a лысины и плѣши *), заключается въ томъ, что на той и на другой обнаруживаются бѣлыя и красноватыя пятна, похожія на zaraath кожи тѣла. Эти общія указанія Мишна (гл. X, п. 10), съ своей стороны, дополняетъ указаніемъ, что „calvitium et recalvatio polluunt duobus signis—michjah nempe et diffusione", т. е.—тѣми же признаками, какъ и zaraath кожи тѣла вообще, за исключеніемъ бѣлаго волоса, который въ пятнахъ на плѣши и лысинѣ, понятно, обнаружиться не можетъ.

Мы считали бы излишнимъ останавливаться на этомъ положеніи, еслибы въ немъ не было указанія на красноватый цвѣтъ пятенъ. Трудно сказать, въ виду краткости редакціи положенія о zaraath'ѣ плѣши и лысины, о какихъ красноватыхъ пятнахъ здѣсь говорится, но изъ общаго смысла этого положенія слѣдуетъ вывести заключеніе, что и къ лысинѣ и плѣши относятся положенія XIII главы, касающіяся zaraath'a кожи тѣла вообще, т. е. zaraath'a здоровой и больной кожи, а, слѣдовательно, подъ красноватыми пятнами, не встрѣчающимися при zaraath'ѣ здоровой кожи, слѣдуетъ также понимать красноватые рубцы, обнаруживающіеся послѣ заживленія бывшихъ на лысинѣ и плѣши schechin и mikhwah.

Принимая въ расчетъ, съ одной стороны, недостаточную полноту редакціи приведеннаго положенія и то обстоятельство, что оно помѣщено въ самомъ концѣ закона о zaraath'ѣ у человѣка; съ другой стороны—то, что мы не знаемъ точно—какъ, т. е. одновременно или нѣтъ, редактировался весь законъ о zaraath'ѣ, можно, я полагаю, высказать предположеніе, что указанія относительно zaraath'a

*) Мишна опредѣляетъ лысину и плѣшь слѣдующимъ образомъ (гл. X, 10): «Quid est calvitium? quod a vertice posterius cum declivitate quadam desinit usque ad uvam colli. Quid est recalvatio? quae a vertice cum declivitate quadam desinit anterius usque ad pilos superius».

плѣши и лысины явились какъ бы добавочными, вызванными, можетъ быть, представившимся на практикѣ случаемъ, гдѣ обнаружившееся на указанныхъ мѣстахъ пятно zaraath'a возбудило вопросъ о его значеніи и законъ разрѣшилъ конкретный случай въ смыслѣ положеній о zaraath'ѣ кожи тѣла вообще.

Послѣдній, наконецъ, видъ zaraath'a, на которомъ мы должны остановиться, это—

IV) *Zaraath волосистой части головы и бороды.*

Если у кого либо на кожѣ волосистой части головы или на бородѣ—говоритъ законъ— окажется nega и на этой послѣдней волоса измѣняютъ свой цвѣтъ въ желтый и становятся тоньше, при этомъ nega обнаруживаетъ наклонность распространяться, то—это *„nethek"*, это zaraath головы и бороды.

Такимъ образомъ, nethek характеризуется: во первыхъ своею локализаціей, во вторыхъ извѣстнымъ измѣненіемъ качества волосъ, въ третьихъ наклонностью распространяться. Эту характеристику, и именно по отношенію къ качеству волосъ, мы можемъ дополнить еще однимъ указаніемъ, которое дѣлаетъ въ Мишнѣ *R. Akiba* и которое заключается въ томъ, что волосъ при nethek не только тонокъ, но и коротокъ (Мишна, гл. X, п. 1).

Принимая въ расчетъ указанную характеристику и сопоставляя ее со всѣми извѣстными намъ заболѣваніями волосистой части головы, мы, прежде всего, не имѣемъ ни малѣйшаго права относить указанныя явленія къ проказѣ, на томъ простомъ основаніи, что описываемыя измѣненія волосъ, хотя и наблюдаются при этой болѣзни, но исключительно только въ бровяхъ, усахъ и бородѣ; что же касается волосистой части головы, то *измѣненія волосъ на головѣ при проказѣ никогда не наблюдаются*. Изъ всѣхъ другихъ формъ страданія волосистой части головы, nethek несомнѣнно напоминаетъ намъ ближе всего паршу—*herpes s. trichophyton tonsurans*. И такое опредѣленіе еще болѣе подтверждается опредѣленіемъ, которое даютъ термину *„nethek"* Septuaginta, равно и этимологическимъ значеніемъ nethek, на которое указываютъ лексикографы.

Septuaginta переводятъ nethek чрезъ θραῦσμα, обозначающее въ Thes. l. graec. *Henr. Steph.* (l. c. 75)—fragmentum, frustum: отрывокъ, обломокъ, кусокъ. *Gesenius* (II p. 55), переводя nethek—böser Grind, Aussatz des Hauptes und des Bartes (wahrsch. vom Ausfallen der

Haare an solchen Stellen), производитъ это слово отъ глагола „*nathek*“, обозначающаго: обрывать, обрѣзывать, вырывать (напр., корни), быть отдѣлену, отрѣзану. *P. Fagius* (l. c. 63), приводя мнѣніе Kimchi, который указываетъ, что nethek есть „nomen plagae, quae crescit in loco capillorum et interpretatur maculam nigram“, съ своей стороны считаетъ его: „corrosionem, quae intra crines aboritur, sicut et verbum ipsum, a quo descendit, idem significat quod „akar“, evulsit („akar“ по Gesenius'y, II, 139, халд. слово, обозначающее вырывать).

Въ другихъ Библіяхъ мы находимъ: въ *русск.*—паршивость, у *Манд.*—струпъ; въ *халд.*—nithka (въ Париж. и Лонд. Bibl. polyglotta nethek халд. и сир. Библіи просто переводится „lepra capitis et barbae“); въ *самар.*—porrigo; *араб.*—pustula; *лат.* въ Вульгатѣ — plaga capitis et barbae; v. *Schmidii* — porrigo; подстрочный переводъ съ еврейскаго *Waltonus'a* (60)—convulsio (?!); *нѣм. Лютера*—aussätziger Grind; *Mendels.* der böse Grind; *франц.*—la teigne; *анг.* и *шотл.* dry scall, sore; *нид.*—schurfthyt; *итал.*—e tigna.

Изъ указаній, сдѣланныхъ нами, мы видимъ, что греческое опредѣленіе слова nethek, равно и значеніе, которое лексикографы даютъ корню этого слова, еще точнѣе опредѣляютъ тѣ черты, на основаніи которыхъ мы сочли себя вправѣ признать nethek за trichophyton; такъ какъ здѣсь указывается на видъ обломковъ или обрывковъ, который представляютъ волоса,—видъ, который и далъ поводъ назвать самую болѣзнь herpes tonsurans—стригущій лишай.

Что касается Мишны, то, кромѣ приведеннаго нами выше мнѣнія *R. Akiba* и указанія—гл. X, п. 1,—что „nethek polluuntur duobus signis: pilo aureo et diffusione, мы находимъ по отношенію къ волосамъ и то положеніе (гл. X, п. 2), что „pilus aureus polluit collectus, dispersus, medius et non medius, conversus et non conversus; но это послѣднее только по мнѣнію *R. Iehuda*. *R. Simeon* же признаетъ нечистымъ только pilus conversus. Наконецъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ комбинацій, не представляющихъ для насъ особеннаго интереса, мы находимъ въ Мишнѣ объясненіе 33-го стиха (въ которомъ текстъ Библіи коротко говоритъ), что „больнаго надо остричь, но паршиваго мѣста не остригать“, — безъ обозначенія при этомъ цѣли такого пріема. Задавая вопросъ: „Quomodo *radunt* nethek“? Мишна—гл. X, п. 5,—отвѣчаетъ: „radunt extra eum et reliquunt

duos pilos extra eum, ut constat si diffuderit se". — Пріемъ, который мы не можемъ не признать очень остроумнымъ!

Познакомившись со всѣми видами zaraath'a, поражающими человѣка, намъ остается разсмотрѣть еще два стиха, посвященные болѣзни, которую законъ считаетъ чистой и называетъ „*bohak*",

Что такое bohak?

Указанія, которыми Библія характеризуетъ эту болѣзнь, неясны и далеко не достаточны для того, чтобы составить себѣ объ этомъ пораженіи кожи какое либо опредѣленное представленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что bohak есть точно также бѣлое пятно — bhaëreth,—но какими признаками отличается онъ отъ этого послѣдняго"?

Редакція положеній, касающихся качествъ bohak'a, не совсѣмъ одинакова въ еврейской Библіи и у Septuaginta. Если у кого покажется „bhaëreth, bhaëreth lebhana" (splendores, splendentes albi—въ подстрочномъ переводѣ *Waltonus'*а), говоритъ еврейскій текстъ 38-го стиха; напротивъ у Septuaginta мы читаемъ: „ἀυγάσματα ἀυγάζοντα λευχανθίζοντα" (*слав.* блѣщанія блѣщащія, бѣлѣющіяся, *лат.*—splendores, splendentes, albescentes). Въ ст. 39-мъ мы находимъ: въ еврейскомъ текстѣ — „bhaëreth kheot lebhanot" (*русск.* перев.—пятна блѣдно-бѣлыя, у *Waltonus'*а splendores subobscuri albi); у LXX—тоже выраженіе, какъ и въ предыдущемъ 38-мъ стихѣ.

Хотя, какъ мы сказали, въ редакціи еврейскаго подлинника и греческаго текста существуетъ нѣкоторая разница, но она, насколько намъ кажется, очень мало существенна, такъ какъ выраженіе „*albescentes*" и „*subobscuri albi*" мало разнятся между собою по смыслу, и мнѣніе раввиновъ, комментирующихъ Библію, что bohak обозначаетъ пятна, представляющія степень бѣлизны менѣе яркую или болѣе темную, чѣмъ бѣлизна seeth и bhaëreth, мы можемъ считать вполнѣ обоснованнымъ.

Но что же это за блѣдно-бѣлыя или бѣлѣющіяся пятна?

Septuaginta отвѣчаютъ намъ загадочнымъ „ἀλφός" (которое *слав.* Б. переводитъ лишай, *Walt.* — impetigo). Въ другихъ Библіяхъ мы находимъ: въ *халд.*—bohaka—блѣдное пятно (Levy); въ *сир.*—также какъ и sapachath—elephantiasis (?! *Walt.*); *самар.*—impetigo; *араб.*—albugines; *Вульгата*—macula coloris candidi; *v. Schmidii*—vitiligo; *нѣм. Лютеръ* — weisser Grind, *Mend.* Frieselausschlag; *франц.* une tache de couleur blanche; *англ.* a freckled spot; *шотл.* a wite spote; *ид.*—witte pupste; *итал.*—broffole.

Gesenius (I p. 107) считаетъ bohak за названіе невиннаго кожнаго страданія, которое на темной кожѣ восточныхъ народовъ представляется въ видѣ незамѣтнаго возвышенія (?), бѣловатаго цвѣта и безъ блеска; bohak, по мнѣнію *Gesenius'a*, похожъ на проказу, но отличается отъ нея блѣднымъ цвѣтомъ и отсутствіемъ бѣлаго волоса (?! какъ разъ на оборотъ). *P. Fagius* переводитъ bohak-lentigo. Ссылаясь на мнѣніе *Kimchi*, который говоритъ, что „bohak species plagae est candidae et multum lucentis, minus quam bhäereth, seth et sapachath", Fagius оговаривается: alii sic describunt bohak: est macula alba in rubicundo homine quem Hebraei vocant „isch adaschim", id est hominem lenticulosum, qui quasi lentibus perfusus apparet".

Цитируя указанія, имѣющіяся относительно alphos въ сборникѣ Гиппократа, мы видѣли насколько онѣ неясны, какъ мало позволяютъ сдѣлать о болѣзни какой либо выводъ. Касаться вопроса о томъ, какъ опредѣляли alphos позднѣйшіе греческіе и римскіе авторы, равно и того, что понимали подъ именемъ bohak арабы, — мы не будемъ. Вопросъ этотъ у насъ впереди. Для насъ, въ настоящее время, существенное значеніе имѣетъ только то, что bohak мы ни коимъ образомъ не вправѣ считать за песь или vitiligo, такъ какъ, помимо указанія на темную его бѣлизну, мы вправѣ думать, что bohak не представлялъ и другихъ качествъ, характеризующихъ bhaëreth, ибо если бы онъ обладалъ таковыми, законъ не имѣлъ бы никакого основанія отдѣлять его отъ zaraath'a. Скорѣе еще мы могли бы признать bohak за morpheam albam, т. е. за проказу,—elephantiasis сирской Библіи, но такое предположеніе имѣетъ слишкомъ мало основаній, чтобы мы могли на немъ серьезно настаивать.

Указаніемъ на bohak мы кончаемъ критическую оцѣнку XIII главы, насколько она касается патологіи zaraath'a у человѣка. Имѣя въ виду въ скоромъ времени разсмотрѣть его юридическое значеніе и тогда резюмировать свое мнѣніе о библейской болѣзни вообще, я остановлюсь пока на другихъ болѣзняхъ, упоминаемыхъ въ Библіи, и именно съ цѣлью рѣшить вопросъ: нѣтъ ли между этими болѣзнями такихъ, критическая оцѣнка которыхъ позволила бы намъ если не утверждать, то высказать подозрѣніе, что онѣ могутъ соотвѣтствовать проказѣ?

Здѣсь, прежде всего, мы остановимся на болѣзни, которая даетъ намъ болѣе чѣмъ другія обильный матеріалъ, необходимый для научно медицинской критики. Мы говоримъ о болѣзни Іова.

Историческихъ указаній, относящихся къ болѣзни Іова, я не буду касаться подробно, а передамъ ихъ въ существенныхъ короткихъ чертахъ, которыя могъ найти у нѣкоторыхъ авторовъ и спеціально у *Calmet* *), который довольно обстоятельно знакомитъ насъ со взглядами, высказанными отдѣльными авторами, комментаторами книги Іова.

Если XIII глава Левитовъ является передъ нами законодательнымъ актомъ, съ свойственною таковому акту ясностью и точностью редакціи отдѣльныхъ, передаваемыхъ въ сжатой формѣ положеній, то книга Іова представляется намъ поэтическимъ произведеніемъ, въ которомъ фактическая сторона замаскирована цѣлою массою поэтическихъ образовъ, въ которые Іовъ облекъ свои жалобы, т. е,— исторію своей болѣзни. Задача комментаторовъ главнымъ образомъ заключалась въ стремленіи объяснить эти поэтическіе образы и найти въ нихъ, такъ или иначе, указанія на явленія той болѣзни, которою, по ихъ мнѣнію, *долженъ* былъ страдать Іовъ, болѣзни, носологическія качества которой—также какъ мы это видѣли по отношенію къ zaraath'y — были предрѣшены заранѣе на основаніи различныхъ побочныхъ, не имѣющихъ научныхъ основаній, соображеній. При легкой, съ одной стороны, возможности дать фигурному выраженію тотъ или другой смыслъ; съ другой стороны, при очень поверхностномъ иногда знакомствѣ съ дѣломъ или подъ вліяніемъ научной путаницы, существовавшей въ данное время въ представленіяхъ о болѣзняхъ, соприкасающихся съ болѣзнью Іова, очень естественно должна была накопиться масса разнообразныхъ толкованій, и пожалуй, болѣе разнородныхъ, чѣмъ относительно zaraath'a, такъ какъ послѣдній имѣлъ опредѣленное, руководившее мнѣніями авторовъ имя — *lepra*, между тѣмъ какъ терминъ schechin не имѣетъ опредѣленнаго значенія, какъ и имя ἕλκος, которымъ перевели его LXX толковниковъ.

Вотъ то общее представленіе, которое сложилось у насъ при чтеніи *Calmet, Schevchzer'*а, *Hensler'*а, *Warburg'*а [76]) и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, или сообщающихъ намъ по поводу болѣзни Іова литературныя указанія, или относящихся къ этой болѣзни съ собственной критикою. Въ частности мы отмѣтимъ слѣдующія объ-

*) *Calmet*—l. c. 13. T. III, p. 608. Dissertation sur la maladie de Job.

[76]) *D. R. Warburg.* Tentaminis historiae elephantiasis pars prima. Diss. Halle 1827.

ясненія, которыя, по поводу болѣзни Іова, даютъ намъ различные комментаторы его книги.

Основываясь на разнообразныхъ жалобахъ Іова, нѣкоторые духовные писатели (Іоаннъ Златоустъ, авторъ IV столѣтія) видѣли въ страданіяхъ Іова цѣлый сонмъ болѣзней, собранныхъ сатаною со всего свѣта, съ цѣлью истязать его. И указанная точка зрѣнія нашла поддержку и у авторовъ, знакомыхъ, повидимому, съ медициною, по крайней мѣрѣ *Pineda* (написавшій, какъ указываетъ Calmet, по поводу книги Іова большой и обстоятельный комментарій) насчитываетъ у Іова отъ 31 до 32 болѣзней *), а *Bartholinus* (l. c. 44), трудъ котораго Calmet считаетъ болѣе поверхностнымъ, находитъ, что таковыхъ было только около 12.

Но самою излюбленною у комментаторовъ болѣзнью, которую они приписывали Іову, была опять таки проказа.

Первый, насколько извѣстно, изъ авторовъ, высказавшихъ мнѣніе, что болѣзнь Іова была проказа—elephantiasis—былъ знаменитый духовный писатель III столѣтія *Оригенъ* [77]). Къ сожалѣнію, онъ не мотивируетъ своего мнѣнія, а высказывается неопредѣленно, что, кромѣ другихъ бѣдствій, которыми сатана испытывалъ Іова, онъ поразилъ его: „deinceps elephantiasi, quam vocant, per totum corpus grassantem". Точку зрѣнія *Оригена* раздѣляли, какъ указываетъ *Calmet*, и послѣдующіе духовные писатели *(Polycrinius, Apollinarius)* и можно утверждать, говоритъ Calmet, что это мнѣніе было господствующимъ мнѣніемъ всей церкви, ибо масса алтарей и образовъ Іова жертвовались въ часовни, находившіяся при лепросеріяхъ (ladreries) и другихъ учрежденіяхъ, назначенныхъ для пріюта прокаженныхъ, и больные проказою обращались къ Іову, какъ къ святому, котораго церковь считала ихъ спеціальнымъ патрономъ.

---

*) Нѣкоторыя изъ болѣзней, которыя *Pineda* приписываетъ Іову, приводятся *Calmet*:

»Pineda«, говоритъ онъ, »ne se contente pas de donner a Job la lèpre, et le mal de Naples, et toutes les incommoditez, qui en sont des suites, ou des compagnes, comme l'erisipele, la gale, les dartres enracinées, des démengaisons violentes, des ulcères par tout le corps, le fic, le feu sacré et quelques autres; il coujecture, qu'il avait aussi la goutte aux pieds et aux mains et même la sciatique«. — Мнѣніе это *Calmet* одобряетъ, если только мы вправѣ, оговаривается онъ, приписывать Іову самыя мучительныя и жестокія болѣзни, и приводитъ въ подтвержденіи слова Іова (гл. XXXIII, 11): »posuit in nervo pedum meum«.

[77]) *Origenis* contra Celsum libri octo. Cantabrigiae. 1677. p. 305, lib. VI.

Ближе знакомясь съ книгою Іова, мы легко поймемъ, что въ его жалобахъ не трудно было найти или истолковать нѣкоторыя его указанія въ смыслѣ проказы, особенно принимая въ расчетъ путаницу, существовавшую, какъ мы не разъ указывали, въ понятіяхъ о чешуйчатыхъ страданіяхъ (lepra) и elephantiasis. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что главнымъ основаніемъ для опредѣленія болѣзни Іова проказою служило желаніе авторовъ приписать Іову самую тяжелую изъ извѣстныхъ имъ болѣзней, а въ этомъ смыслѣ имъ достаточно было даже того опредѣленія болѣзни, которое они находили у LXX и въ Vulgata, а именно указанія на то, что Іовъ былъ пораженъ ἕλκοι πονηρῷ, ulcere pessimo, лютыми и жестокими язвами, которыя дѣйствительно обнаруживаются въ позднѣйшихъ періодахъ проказы.

Изъ указаній, заключающихся въ жалобахъ самаго Іова, авторы, съ цѣлью доказать свое мнѣніе, эксплоатировали: багровое (отъ плача!) или опухшее (въ нѣкоторыхъ переводахъ) лице (XVI, 16) и морщины на тѣлѣ (ibid. ст. 8); затѣмъ, черноту кожи (XXX, 18), которая часто наблюдается при узловатой проказѣ; далѣе, тяжелые сны, которые мучили Іова (VIII, 14), меланхолію, наклонность къ самоубійству (гл. VII, 15 и 16), которые, по мнѣнію авторовъ, характеризуютъ проказу (?); наконецъ, даже червей (VII, 5), которыми одѣто было тѣло Іова и которые, какъ указываютъ авторы, рѣдко наблюдаются при чешуйчатыхъ заболѣваніяхъ, но очень часто при узловатой проказѣ. Кромѣ того, *Michaelis*, а за нимъ и нѣкоторые другіе авторы, находили въ жалобѣ Іова — „кости мои прилипли къ кожѣ моей“ (XIX, 20)—указаніе даже на явленія мутиляціи членовъ, такъ какъ въ рукописяхъ Библіи легко могла произойти, по мнѣнію *Michaelis*'а, ошибка при перепискѣ, и вмѣсто еврейской буквы „*рышъ*“ попасть похожая на нее „*далетъ*“; такимъ образомъ, вмѣсто „*dabhka*“ — прилипла — слѣдуетъ читать „*rakhba*“ — гніютъ или омертвѣваютъ (кости),—явленіе, прямо указывающее, по *М.*, на мутиляцію членовъ, а слѣдовательно на проказу.

Защитникомъ мнѣнія, что Іовъ страдалъ проказою, былъ, какъ мы уже раньше указали, и *Hensler*, который схематизировалъ болѣзнь Іова по тому же самому шаблону, какъ и свою „*бѣлую про-*

---

[76]) *Michaelis* Orientalische Bibliothek. Bd. VIII, p. 182.

казу", т. е.—zaraath. Также какъ и въ послѣднемъ, *Hensler* различаетъ и въ болѣзни Іова, которую называетъ „коростоватою проказою"—räudiger Aussatz", три періода:

1-ый періодъ соотвѣтствуетъ, по Н., болѣе поверхностному, пятнистому пораженію кожи, сопровождающемуся шелушеніемъ и зудомъ: vitiligo melas, morphea nigra, serpigo, volatica и т. п.

2-ой періодъ: болѣе глубокое пораженіе кожи и уже не шелушеніе или чешуя, а короста—Räude—lepra греческихъ авторовъ, тяжелыя формы psorae et impetiginis.

3-ій періодъ: lepra leonina или, какъ называетъ ее *Hensler*, „knollig—geschwüriger Aussatz" (представителемъ которой, по *Н.*, можетъ, между прочимъ, служить, описанная *Gmelin*'ымъ проказа въ Россіи—крымская болѣзнь—?!!). Этотъ видъ проказы отличается *Hensler*'омъ отъ обыкновенной узловатой формы, съ одной стороны—болѣе обильной и разнообразной высыпью, зудомъ, болями, язвенными и гнилостными явленіями, мутиляціей членовъ; съ другой стороны—менѣе рѣзко или очень слабо выраженными узлами.

Мнѣніе *Hensler*'а касающееся коростоватой проказы, нашло себѣ почти тѣхъ же послѣдователей, какъ и его ученіе о zaraath'ѣ.

И такъ, взглядъ на болѣзнь Іова какъ на проказу былъ господствующимъ, но, судя по указаніямъ того же *Calmet*, надо думать, только извѣстное время, а именно—пока и сама проказа была господствующей болѣзнью въ Европѣ. Когда же, въ концѣ XV столѣтія, обнаружилась знаменитая Неаполитанская эпидемія сифилиса и распространилась по всей Европѣ, проказа была забыта, и явились сторонники мнѣнія, что и болѣзнь Іова была сифилисомъ; мало того, мѣстами даже сифилисъ носилъ названіе болѣзни Іова.

И здѣсь не трудно было найти, среди многочисленныхъ явленій болѣзни, излагаемыхъ въ книгѣ Іова, отдѣльные припадки, подходящіе къ сифилису, или создать таковые на основаніи толкованія двухсмысленныхъ, фигурныхъ выраженій. Какъ сифилисъ могли быть и были истолкованы злокачественныя язвы—schechin ra; въ пользу сифилиса, абсолютно, по мнѣнію авторовъ, говорили ночныя боли въ костяхъ (XXX, 17) и язвенныя пораженія слизистой оболочки зѣва,—указанія на которые авторы открыли въ обозначающихъ, будто бы, *„затрудненное глотаніе"* неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „вздохи мои предупреждаютъ хлѣбъ мой" (III, 24) или въ сло-

вахъ—„доколѣ не дашь мнѣ проглотить слюну мою“ (VII, 19),—словахъ, которыя, въ виду смысла предъидущихъ указаній, гораздо правильнѣе могутъ быть истолкованы: доколѣ дашь мнѣ свободную отъ мученій минуту, чтобы я могъ проглотить слюну мою. Противуположное мнѣніе *Bartholin'*а, основанное на томъ: „que se serait faire une injure à un aussi saint homme, que de lui donner une incommoditez, qui est la juste peine de ceux et de celles, qui se livrent à la debauche la plus dereglée et la plus honteuse,“—мнѣніе это устранялось защитниками взгляда, что болѣзнь Іовъ была сифилисъ, указаніемъ, что этимъ послѣднимъ можетъ заразиться совершенно случайно каждый, а слѣдовательно и непорочный человѣкъ, а съ другой стороны—указаніемъ даже на болѣзнь Іова въ юности, намекъ на которую авторы находили въ упрекѣ, адресованномъ Іову Сафаромъ (XX, 20): „кости его наполнены грѣхами юности его“.

Совершенно особнякомъ стоитъ оригинальное представленіе о болѣзни Іова, существовавшее у раввиновъ; къ сожалѣнію, Calmet, который передаетъ его, не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ свои указанія. Согласно съ этими послѣдними, въ 1-ый день болѣзни у Іова всѣ тѣло покрылось красными пятнами, во 2-ой день пятна эти опухли, на 3-ій—опухоль сдѣлалась больше, на 4-ый—пустулы сдѣлались черными и багровыми, на 5-ый день они наполнились буроватою, испорченной водою, на 6-ой—вода измѣнилась въ гной, а на 7-ой день въ пустулахъ показались черви. Описаніе, скорѣе всего, напоминающее оспу.

Кромѣ явленій самой болѣзни, нѣкоторые комментаторы касаются и вопроса о продолжительности болѣзни Іова (по отдѣльнымъ мнѣніямъ, она тянулась отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до $2^1/_2$ лѣтъ—*Оригенъ*—и даже до 7 лѣтъ: на основаніи какого расчета?—неизвѣстно), а также и вопроса объ его излѣченіи.

Что касается этого послѣдняго, то, съ одной стороны, нѣкоторые авторы *(Bartholinus)* стараются дать ему раціоналистическое объясненіе, а именно: приписываютъ излѣченіе золѣ, въ которой сидѣлъ Іовъ (II, 8). Другіе комментаторы считаютъ это исцѣленіе сверхъестественнымъ, причемъ толкователи Корана, признающіе также болѣзнь Іова за проказу (*Warburg* l. c.), дополняютъ библейскій разсказъ различными поэтическими вымыслами. Одна изъ такихъ поэтическихъ легендъ, существующая у Карачаевцевъ (татарское пле-

мя, населяющее сѣверо-западные склоны Елборуса, среди котораго проказа, какъ мною было указано въ моихъ матерьялахъ, значительно распространена), была передана мнѣ бывшимъ Карачаевскимъ фельдшеромъ, *Тамбіевымъ* (родомъ изъ Кабарды). Согласно съ этимъ преданіемъ, Аюбъ (Іовъ) былъ болѣнъ „аманъ ауру“ (карачаевское названіе проказы), которая обусловливается червями—„курдъ“; и вотъ, когда черви проникли уже въ тѣло Аюба и стали уничтожать его языкъ, то онъ испугался того, что ему нечѣмъ будетъ молиться Аллаху и обратился къ нему съ своею жалобой; тогда Аллахъ выгналъ червей: приэтомъ, тѣ черви, которые помѣщались въ желудкѣ Аюба превратились въ пчелъ (первые пчелы), черви, вышедшіе изъ мышцъ, сдѣлались піявками; тѣже, наконецъ, которые были въ желѣзахъ обратились въ „*кепны*“, т. е.—зерна кефиря.

Но оставляя всѣ эти разсужденія, представляющія болѣе историческій, чѣмъ научно-медицинскій интересъ, и обращаясь къ своей оцѣнкѣ болѣзни Іова, мы не будемъ сличать между собою противорѣчащихъ, и въ значительной степени другъ другу текстовъ въ отдѣльныхъ переводахъ и еврейскомъ оригиналѣ Книги Іова; считаемъ излишнимъ углубляться и въ смыслъ фигурныхъ выраженій, которыми богата эта книга. Для оцѣнки болѣзни Іова имѣютъ значеніе только существенныя положенія, изложенныя въ различныхъ Библіяхъ въ тождественныхъ чертахъ и не внушающія сомнѣній въ реальности, передаваемыхъ Іовомъ явленій болѣзни. Къ числу такихъ явленій относятся: тотъ нестерпимый зудъ, который заставлялъ Іова скоблить свое тѣло черепками, и пыльныя струпья, которые покрывали все его тѣло. Относясь съ точки зрѣнія указанныхъ явленій къ предположеніямъ авторовъ, мы, я думаю, вполнѣ правы исключить и сифилисъ, а еще болѣе проказу. Не говоря о первомъ, о томъ, что зудъ не наблюдается при сифилитическихъ высыпяхъ, что давать буквальное значеніе субъективной жалобѣ Іова, что его кости ночью ноютъ, было бы черезъ чуръ смѣло,—мы въ короткихъ чертахъ остановимся на коростоватой проказѣ *Hensler'*а. Описываемыя этимъ послѣднимъ 1-й и 2-й періодъ lepгae leonipae или язвенно-узловатой проказы мы считаемъ за несомнѣнные продукты его теоретическихъ спекуляцій, а никакъ не картинами, соотвѣтствующими продромальному и цвѣтущему періоду болѣзни. Если нѣкоторые прокаженные и жалуются и иногда на очень сильный зудъ въ кожѣ, то этотъ по-

слѣдній обнаруживается только въ качествѣ парестезій, какъ и ползанье мурашекъ и т. д., но никогда не сопровождается (не принимая въ расчетъ возможныхъ и исключительныхъ осложненій) чешуйчатыми высыпями, если не относить сюда легкаго шелушенія, наблюдаемаго на поверхности эритематозныхъ пятенъ, послѣ острой ихъ высыпи. 3-й періодъ *Hensler'a*, т.е.—періодъ самой lepraе leonipae, въ его представленіи, какъ мы докажемъ въ свое время, соотвѣтствуетъ періоду проказы, который мы называемъ *„регрессивнымъ“* и который наблюдается вообще при кожной формѣ этой болѣзни. Въ этомъ періодѣ встрѣчаются дѣйствительно и язвы, и струпья, и чешуя, и короста,—какъ разнообразныя эволюціи пузырей pemphigus, но при этомъ обнаруживается анестезія кожи и больные, хотя и испытываютъ иногда боли, но никогда не жалуются на зудъ.

Обращаясь непосредственно къ вопросу—чѣмъ же болѣлъ Іовъ?—мы едва ли ошибемся, если укажемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими авторами, на *хроническую экзему* какъ на форму кожнаго страданія, вполнѣ объясняющую какъ тяжелыя субъективныя ощущенія, безсонныя ночи и т. д., такъ и физическія явленія: пыльные струпья, темный цвѣтъ кожи, значительное общее исхуданіе и многіе другіе припадки, указанія на которые находимъ въ жалобѣ Іова.

Если по поводу болѣзни Іова мы имѣемъ все таки извѣстныя основанія высказать опредѣленное мнѣніе, то мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣленія качества другихъ кожныхъ болѣзней, на которыя указываетъ Библія, кромѣ названій, которыми переводятъ еврейскіе термины Septuaginta и которыя усвоены и другими переводами. Изъ числа этихъ болѣзней къ кожнымъ формамъ относятся: schechin, garabh, jalepheth и chares.

Что касается болѣзни *schechin, schechin ra*, то опредѣленіе ея въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ извѣстно, изъ разъясненій, которыя мы дали по поводу XIII главы и болѣзни Іова.

Изъ смысла указаній, которыя мы находимъ по отношенію къ schechin въ египетскихъ казняхъ (Исх. гл. IX, 9), а именно изъ указанія на то, что schechin въ данномъ случаѣ обнаруживается и у человѣка и у животныхъ, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что рѣчь идетъ о зоонозѣ, и ближе всего—о сибирской язвѣ. Такое предположеніе кажется намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Septuaginta переводитъ здѣсь „ἕλκη φλυκτίδες“, т.е. язва съ фликтенами, подъ которыми

въ сборникѣ Гиппократа несомнѣнно понимались пузыри съ серозной жидкостью, какъ при ожогахъ, а слѣдовательно могли пониматься и тѣ пузырьки, которые окружаютъ струпъ карбункула сибирской язвы. Такимъ же, можетъ быть, карбункуломъ болѣлъ и царь Езекія у Исаіи (XXXVIII) *). Что касается schechin гл XXVIII главы Второзаконія (ст. 35), то, можетъ быть, здѣсь понимается тоже болѣзнь Іова, но никакъ не elephantiasis arabum, какъ предполагаетъ Gesenius, основываясь на указаніи пораженія колѣнъ и голени, ибо данная болѣзнь, какъ видно изъ тогоже стиха, распространяется и по всему тѣлу. Другія накожныя заболѣванія—garabh φώρα ἀγρία у LXX; jalepheth λειχήν, и наконецъ, chares κνήφη,—едва ли могутъ соотвѣтствовать чему либо другому, чѣмъ чешуйчатымъ высыпямъ, соотвѣтственно которымъ и переведены въ позднѣйшихъ латинскихъ Библіяхъ терминами: scabies, scabies agrestis, impetigo, prurigo.

Приведенныя нами сейчасъ опредѣленія болѣзней невольно заставляютъ насъ сдѣлать небольшое отступленіе, касающееся извѣстныхъ достоинствъ, которыя мы должны признать за Septuaginta. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ изъ этихъ опредѣленій, что авторы перевода LXX были знакомы съ существовавшими въ ихъ время научными медицинскими терминами и, надо полагать, понимали ихъ значеніе; отсюда можетъ быть сдѣланъ тотъ выводъ, что если LXX и не были сами врачами, то, во всякомъ случаѣ, консультировали съ врачами по медицинскимъ вопросамъ Библіи. При томъ высокомъ положеніи, въ которомъ находилась наука въ Александріи, поставленная нами на видъ и имѣющая свои основанія возможность еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ достоинство перевода XIII главы древнѣйшей греческой Библіи.

Какъ бы то ни было, изъ всего сказаннаго нами, мы должны сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что въ книгахъ Ветхаго Завѣта не только нѣтъ прямыхъ указаній, но и отдаленныхъ намековъ на то, что проказа— elephantiasis graecorum—была извѣстна въ библейское время.

На указаніяхъ книгъ Новаго Завѣта мы долго останавливаться

*) Обстоятельство, что Исаія велѣлъ положить на schechin пластъ смоквъ, напоминающее лѣченіе абсцессовъ, не исключаетъ и указанной нами возможности, такъ какъ сладкія припарки употребляются мѣстами и противъ сибирской язвы. Въ Астрах. губ. эта послѣдняя даже носитъ имя «*сладкой болѣзни*», такъ какъ, по мнѣнію циркулирующему въ народѣ, она боится сладкаго.

не будемъ. Мы уже высказали мнѣніе, что не сомнѣваемся въ томъ, что lepra Новаго Завѣта вполнѣ соотвѣтствуетъ еврейскому zaraath'y. Да оно иначе и быть не можетъ: не говоря о томъ, что и та и другая связаны между собою общимъ греческимъ именемъ „*lepra*“, мы видимъ и въ это время, что отношеніе къ лепрѣ и zaraath'y было совершенно тождественное: „И Онъ“ (Іисусъ Христосъ) повелѣлъ ему (прокаженному)..... пойти показаться священникамъ и принести жертву за очищеніе свое, какъ повелѣлъ Моисей (Лук. V, 14).

Извѣстный историческій, но очень мало научный, интересъ представляетъ также и вопросъ о болѣзни Лазаря, имя котораго ставится въ извѣстную связь съ именемъ извѣстнаго ордена и учрежденіемъ лазаретовъ. Собственно говоря, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ судить о его болѣзни, такъ какъ у Еванг. Луки, у котораго мы находимъ притчу о Лазарѣ (гл. XVI ст. 20) говорится только, что Лазарь „лежалъ у воротъ его“ (богатаго) „*въ струпьяхъ*“, Но, тѣмъ не менѣе, вопросъ о Лазарѣ дебатировался и не только духовными лицами, но и врачами. Передъ нами докторская диссертація прошедшаго столѣтія, посвященная этой болѣзни, а именно—*S. G. Feige* [79]). Въ этой диссертаціи авторъ указываетъ, что огромное большинство ученыхъ и между ними такіе авторитеты, какъ *Forestus, Fallopius, Gr. Horstius*, смотрѣли на болѣзнь Лазаря какъ на проказу (elephantiasis graecorum); но были также и ученые, которые высказывали „*absurdissimam sententiam*“, что Лазарь болѣлъ сифилисомъ. Съ своей стороны, авторъ опровергаетъ всѣ высказанныя мнѣнія. Мысль, что болѣзнь Лазаря была еврейская лепра, которую *Feige* отождествляетъ съ греческой (оговаривая, впрочемъ, возможность, что это могла быть и болѣзнь неизвѣстная) онъ отрицаетъ на томъ основаніи, что больныхъ еврейскою лепрою выгоняли изъ общества; что болѣзнь Лазаря не была проказою (elephantiasis) ясно, по *Feige*, изъ того, что, въ виду отвратительнаго вида и запаха, которыми отличаются больные проказою, богатый не потерпѣлъ бы, чтобы передъ его домомъ лежалъ такой безобразный субъектъ и т. д. Въ концѣ концовъ, авторъ приходитъ къ выводу, что болѣзнь Лазаря соотвѣтствуетъ синуознымъ язвамъ, наклоннымъ къ развитію червей и носящимъ въ простонародьѣ названіе „*Wurm*“ или „*Wurm-Schaden*“.

---

[79]) *Sam. Gottfr. Feige*. Diss. inaug. med. chir. de morbo Lazari. Hallae Magdeb. 1733.

ГЛАВА X.

Юридическое значеніе zaraath'a: zaraath есть священная болѣзнь евреевъ. Zaraath платьевъ и домовъ. Опредѣленіе термина «*nega saraath*».

Мы сказали ранѣе, группируя доводы защитниковъ мнѣній о тождествѣ и нетождествѣ zaraath'a и проказы между собою, что если-бы Библія не была закономъ, если-бы съ понятіемъ о zaraath'ѣ не было связано представленіе о чемъ то „*нечистомъ*“, влекущемъ за собою такую тяжелую мѣру, какъ удаленіе изъ общества, то ученые иначе отнеслись-бы, можетъ быть, къ оцѣнкѣ явленій болѣзни. Съ своей стороны, мы постарались разобрать эти явленія совершенно объективно: мы устранили при ихъ оцѣнкѣ всякія побочныя соображенія, могущія препятствовать правильному отношенію къ вопросу, который мы поставили на первомъ планѣ: вопросу о нозологическомъ качествѣ zaraath'a. Результатъ, къ которому мы пришли, былъ тотъ, что zaraath соотвѣтствуетъ двумъ болѣзненнымъ формамъ, а именно—*песи* (vitiligo) и *паршѣ* (herpes tonsurans),—болѣзнямъ, которыя мы никакъ не вправѣ считать сколько нибудь серьезными или опасными, какъ для субъекта, страдающаго ими, такъ равно и для общества, съ которымъ онъ связанъ. И дѣйствительно. Песь—vitiligo—есть совершенно невинная болѣзнь, съ которою больные могутъ доживать до глубокой старости, пользуясь—притомъ—полнымъ здоровьемъ,—болѣзнь вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не заразительная, хотя можетъ быть и могущая передаваться наслѣдственно. Парша—заразительность которой, несомнѣнная въ настоящее время, едва-ли могла внушать въ библейское время на этотъ счетъ какія-либо опасенія—представляется тоже болѣзнью совершенно невинною.

Такимъ образомъ является вопросъ: какъ помирить, въ виду сдѣланныхъ указаній, такія два явныя противорѣчія: съ одной стороны—понятіе о zaraath'ѣ, какъ о болѣзни невинной, съ другой стороны—понятіе о томъ же zaraath'ѣ, какъ о болѣзни „*нечистой*", влекущей за собою удаленіе изъ общества, т. е.—мѣру, примѣняемую въ настоящее время развѣ только по отношенію къ болѣзни заразительной и притомъ очень опасной для цѣлаго общества?

Было бы большою наивностью относиться къ оцѣнкѣ указаннаго противорѣчія съ современной точки зрѣнія, т. е. объективировать себѣ взглядъ библейскаго времени, не отвлекаясь отъ господствующихъ въ настоящее время представленій. Совершенно правильно высказывается по этому поводу *Sommer* [80]), разбирая спеціально вопросъ о нечистотѣ и чистотѣ съ библейской точки зрѣнія. „Das Alterthum", говоритъ онъ: „will aus sich selbst erklärt sein, und so auch das biblische". Въ виду этого, вопросъ о противорѣчіи, поставленный нами, можетъ быть разрѣшенъ правильно только тогда, если мы отдадимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что понимала Библія подъ именемъ „*нечистоты*" болѣзни? Соотвѣтствовало-ли это представленіе современному представленію о нечистотѣ болѣзни, въ смыслѣ заразной, вредной для общества?

Всѣ почти авторы, разбирающіе вопросъ о zaraath'ѣ отвѣчаютъ на постановленный нами сейчасъ вопросъ положительно. Заразныхъ больныхъ изолируютъ въ настоящее время; Моисей изолировалъ больныхъ zaraath'омъ; слѣдовательно zaraath заразителенъ!—Вотъ логика этихъ авторовъ,—логика, которую нѣкоторые изъ нихъ стараются обосновать указаніями, существующими, по ихъ мнѣнію, въ самомъ библейскомъ текстѣ.

Но какія это указанія?

Мы видѣли уже какъ свободно перифразируетъ *Michaelis* библейскій текстъ, совершенно произвольно замѣняя указанія Второзаконія (XXIV, 4), „берегись zaraath'a", выраженіемъ „берегись заразы". При этомъ *Michaelis* совершенно игнорируетъ или упускаетъ изъ вида слѣдующій за этимъ стихъ, отчетливо передающій намъ смыслъ указанія, которое толкуетъ по своему *Michaelis*; стихъ

---

[80]) *Joh. G. Sommer.* Biblische Abhandlungen. I Bd. Bonn 1846.: Rein und Unrein nach dem mosaischen Gesetz.

этотъ говоритъ: *„помни, что Господь, Богъ твой, сдѣлалъ Маріамъ на пути“*; другими словами: помни, что Богъ наказалъ Маріамъ zaraath'омъ за нарушеніе закона. Такимъ образомъ, если измѣнять текстъ указаннаго вначалѣ стиха, какъ это дѣлаетъ *Michaelis*, то гораздо правильнѣе сдѣлать это въ такой формѣ: берегись zaraath'a, остерегайся нарушенія закона (или грѣха) насколько можно....

Основаніе, которое приводитъ *Trusen* (l. c. 30 p. 116), а именно его ссылка на слова Елисея къ Геезію: „пусть болѣзнь Неемана *пристанетъ* къ тебѣ и потомству твоему на вѣкъ“,—не можетъ имѣть никакого значенія. Весь центръ тяжести этихъ словъ лежитъ въ наказаніи Геезія за проступокъ, а никакъ не въ представленіи о заразительности zaraath'a, которое противорѣчитъ смыслу другихъ библейскихъ указаній.

И въ самомъ дѣлѣ, если заболѣваніе Геезія и можетъ еще быть объяснено передачей болѣзни отъ Неемана, то во всѣхъ другихъ случаяхъ zaraath возникаетъ самопроизвольно и каждый разъ его возникновеніе ставится какъ примѣръ проявленія высшей воли или наказанія за проступокъ: и у Моисея, и у Маріамъ, и у царя Озіи болѣзнь обнаружилась совершенно самостоятельно и значеніе ихъ заболѣванія, не имѣющаго ничего общаго съ заразою, вполнѣ ясно.

Но, не довольствуясь этими фактическими указаніями, обратимся къ другимъ источникамъ, а именно—къ Мишнѣ, которая несомнѣнно имѣла гораздо болѣе основаній судить о томъ значеніи, которое имѣлъ zaraath у евреевъ, чѣмъ мы.

Въ Гл. III, п. 1, Мишны мы находимъ: „Omnes polluuntur plagis (negaim) peregrinis exceptis et peregrino inquilino“ (*ger thoschab*, proselitus domicilii—Wagenseil) *).

---

*) Это указаніе относится съ одной стороны къ временнымъ пришельцамъ, правильнѣй—язычникамъ, съ другой стороны—къ осѣдлымъ пришельцамъ. Пришелецъ вообще носилъ у евреевъ названіе «*ger*»; если-же чужестранецъ дѣлался осѣдлымъ, то его называли «ger thoschab». Для полученія, впрочемъ, права осѣдлости въ Палестинѣ такой чужестранецъ долженъ былъ признать для себя обязательнымъ семь заповѣдей для Ноевыхъ дѣтей, которыми запрещалось: 1) открытое идолопоклонство; 2) богохульство; 3) смертоубійство; 4) кровосмѣшеніе, куда относилось и мужеложство; 5) грабежъ; 6) употребленіе въ пищу частей живаго животнаго, и, наконецъ, 7) самосудъ. Если такой осѣдлый чужестранецъ исполнялъ въ точности указанныя заповѣди, то его еще никакимъ образомъ не считали обращеннымъ въ еврейство, а относили къ благочестивымъ язычникамъ—chasside umoth ha olam. Иновѣрецъ, вполнѣ обращенный въ еврейство носилъ названіе «*ger tsedek*». Позднѣе, когда евреи сами потеряли осѣдлость въ Палестинѣ, именемъ «*ger*» обозначали всякаго иновѣрца, принявшаго еврейство. (Д-ръ Кулишеръ).

Въ гл. VII, п. 1, мы читаемъ: „Hae bhaëreth sunt mundae, quae extiterant ante legislationem, quae sunt in peregrino, qui proselitus factus est, in parvulo et nato".

Эти указанія имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, для оцѣнки юридическаго значенія zaraath'a огромное значеніе, такъ какъ прямо опредѣляютъ его смыслъ и позволяютъ намъ, пользуясь ими, сдѣлать три основныхъ вывода:

1) *Что zaraath, какъ болѣзнь*, противно мнѣнію Huthius'a, *былъ страданіемъ кожи не исключительно свойственнымъ однимъ только евреямъ*. (Подтвержденіе мы видимъ и въ Библіи—*Нееманъ*).

2) *Что Мишна не считаетъ zaraath болѣзнью заразительною*. Положеніе это прямо вытекаетъ изъ указанія, что ни язычники или временные пришельцы, ни прозелиты или пришельцы осѣдлые не считались нечистыми, если поражались zaraath'омъ, но что наоборотъ, ихъ также какъ и младенцевъ (?), законъ признаетъ чистыми; слѣдовательно къ нимъ не долженъ былъ относиться законъ объ удаленіи изъ общества. Само собою разумѣется, что если бы нечистота въ библейское время считалась синонимомъ заразительности, то евреи, всегда относившіеся очень недружелюбно къ язычникамъ и даже прозелитамъ, главнымъ образомъ и прежде всего примѣнили бы къ нимъ законъ удаленія изъ общества.

3) *Что zaraath имѣлъ юридическое значеніе только по отношенію къ евреямъ, т. е. лицамъ исповѣдующимъ, законъ Моисея*. И такой выводъ вполнѣ согласуется съ тою принципіальною точкою зрѣнія, съ которой, какъ мы уже указали, смотрѣла на zaraath сама Библія, а именно—точкою зрѣнія на zaraath какъ на наказаніе, являющееся послѣдствіемъ нарушенія библейскаго закона. И дѣйствительно! Наказывать за такое нарушеніе можно было только лицъ, принадлежащихъ къ закону; что же касается язычниковъ, то ихъ могли постигать особыя извѣстныя кары, имѣющія цѣлью или внушить имъ страхъ передъ Богомъ Израиля, или—истреблять ихъ въ интересахъ избраннаго и излюбленнаго Богомъ народа, но никакъ не наказаніе за проступокъ противъ закона, даннаго однимъ только евреямъ.

Совершенно правильно, по нашему мнѣнію, объективируетъ себѣ точку зрѣнія на zaraath еврейскаго закона *Huthius* (l. c. 41 p. 87).

„Mihi ut paucissimis expediam", говоритъ онъ: „lepra Judaica inter *stigmata poenalia* videtur referenda, immorigeris durante oeconomia servili in cute divinitus inusta, ut de peccato, quod dissimulabant, atrocia constaret publice".

И таковъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, былъ взглядъ Евреевъ на zaraath: бѣлыя его пятна были клейма, которыми Богъ отмѣчалъ нарушителей закона; онѣ являлись въ глазахъ Евреевъ символами грѣха и, въ качествѣ таковыхъ, естественно должны были внушать имъ и ужасъ и отвращеніе. И мы не можемъ не признать, что сдѣлать въ указанномъ отношеніи изъ всѣхъ существующихъ болѣзней болѣе удачный выборъ было бы не возможно.

Что взглядъ Евреевъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ представленію о zaraath'ѣ, какъ о символѣ грѣха, ясно вытекаетъ, изъ того указанія *Huthius'*а, что раввины пріурочили даже zaraath'у семь спеціальныхъ грѣховъ, а именно; „malignam obtrectationem, superbiam, furtum, invidiam, homicidium, perjurium, scortationem". Точка зрѣнія *Sommer'*а на нечистоту zaraath'а гораздо менѣе можетъ удовлетворить насъ. Хотя и онъ также смотритъ на zaraath, какъ, символъ грѣха и признаетъ, слѣдовательно, его нечистоту не физическою, а духовною, но исходная его точка нѣсколько иная. Объясняя, можетъ быть и совершенно правильно, нечистоту трупа (человѣка, умершаго или убитаго—это все равно) съ точки зрѣнія Евреевъ представленіемъ о смерти какъ о проявленіи грѣха, *Sommer*, отождествляющій zaraath съ проказою, полагаетъ, что сходство между явленіями разложенія трупа (трупныя пятна, гнилостныя разрушенія) и картиною проказы (ея пятнами и разрушеніями) послужило существеннымъ основаніемъ того, что законъ призналъ zaraath болѣзнью нечистой. Такимъ образомъ, Sommer отождествляетъ нечистоту zaraath'а и нечистоту трупа. Но не говоря о томъ, что zaraath не есть проказа, что законъ нигдѣ не указываетъ прямо, что прикосновеніе къ больному zaraath'омъ считается нечистымъ (отсутствіе такого указанія можетъ быть, впрочемъ, объяснено недомолвкою въ законѣ), не касаясь всего этого, противъ мнѣнія *Sommer'*а можетъ быть сдѣлано то существенное возраженіе, что если бы законъ отождествлялъ нечистоту zaraath'а и трупа, то онъ долженъ бы былъ внести въ группу нечистыхъ болѣзней цѣлую массу другихъ болѣзненныхъ формъ, обнаруживающихся гнилостными или гангренозными измѣненіями, а никакъ не ограничилъ бы ихъ спеціально пятнистыми формами.

Наконецъ касаясь Мишны, мы не можемъ не привести еще одно положеніе, которое мы въ ней находимъ и которое вполнѣ гармонируетъ съ другими указаніями, устраняющими мысль о заразительности zaraath'a. Въ гл. III, п. 2, Мишна говоритъ: „Si in sponso conspecta sit plaga (nega), tum ei septem dies convivi concedunt, ei, domui ejus et vestimenti ejus; pariter in festo concedunt ei omnes dies festi".

Изъ этого положенія ясно, во первыхъ, что заболѣваніе zaraath'омъ не служило препятствіемъ для вступленія въ бракъ,—причемъ, понятно, законъ никакъ не руководствовался тѣми оригинальными соображеніями, которыя, въ качествѣ мотива разрѣшенія брачныхъ узъ больнымъ zaraath'омъ, были, какъ мы въ свое время указали, выставлены на видъ *Michaelis'*омъ. Во вторыхъ, изъ смысла приведеннаго указанія вытекаетъ, что законъ допускалъ возможнымъ, отсрочивать осмотръ больнаго zaraath'омъ на извѣстное время, слѣдовательно, давалъ больнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право находиться въ обществѣ здоровыхъ людей. Такое отношеніе закона невольно возбуждаетъ вопросъ: неужели законодатель, если бы онъ смотрѣлъ на удаленіе больныхъ zaraath'омъ какъ на санитарную мѣру, могъ допустить рискъ такого общенія, тѣмъ болѣе при указанныхъ, болѣе оживленныхъ его условіяхъ? Съ другой стороны, изъ какъ самаго текста закона, такъ и изъ приведеннаго положенія Мишны, явствуетъ что нечистота zaraath'a—ея законныя послѣдствія—вступали въ силу только послѣ приговора священника; до того времени zaraath человѣка, хотя бы онъ и былъ признанъ таковымъ окружающими (см. указаніе, взятое нами изъ Мишны—стр. 78), также какъ, увидимъ, и zaraath домовъ, не имѣли никакого юридическаго значенія: больной считался чистымъ, равно и предметы, находившіеся въ домѣ пораженномъ zaraath'омъ. Вяжется ли такое положеніе съ идеею о заразительности болѣзни? Не соотвѣтствуетъ ли оно явно представленію о zaraath, какъ о знакѣ грѣха, какъ о результатѣ божескаго наказанія, удостовѣрить которое могъ и долженъ былъ только служитель Бога, т. е.—священникъ.

Указанія, которыми мы до сихъ поръ пользовались, съ цѣлью выяснить юридическое значеніе zaraath'a, не выходили изъ ограниченныхъ предѣловъ тѣхъ положеній, которыя касались самой болѣзни, т. е. zaraath'a. Но есть и другіе указанія, которыя должны привести

насъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ: онѣ находятся въ самомъ духѣ еврейскаго законодательства, находятся въ области аналогичныхъ или даже тождественныхъ фактовъ, которые мы встрѣчаемъ и не только въ древнее, но и въ настоящее время.

Я далекъ отъ мысли касаться вопроса о духѣ еврейскаго законодательства вообще, т. е. философіи еврейскаго права, и, въ частности, тѣхъ принциповъ, которые легли въ основу еврейскаго закона *„о нечистотѣ“*. Въ своей библейской исторіи *Лопухинъ* [81]) подробно разбираетъ вопросъ о еврейскомъ законодательствѣ и ясно доказываетъ, что теократическій принципъ, и только онъ одинъ, лежалъ въ основѣ государственнаго и гражданскаго права Евреевъ. Тотъ же принципъ, несомнѣнно, руководилъ и закономъ, устанавливающимъ понятіе *„о нечистотѣ вообще“*, какъ это доказываетъ *Sommer* (l. c. 80), разбирающій вопросъ съ его логической и сравнительно исторической стороны. При такихъ условіяхъ, естественно, и уголовный кодексъ долженъ былъ быть построенъ на томъ же самомъ теоретическомъ началѣ и мы видимъ это ясно въ XXVIII главѣ Второзаконія, гдѣ болѣзни, также какъ и естественныя бѣдствія, очевидно изложены какъ *„уложенія о наказаніяхъ“*, грозящихъ нарушителю закона. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что между болѣзнями, на которыя указываетъ Второзаконіе,—болѣзнями, кругъ которыхъ указаніями 61 стиха распространяется на *„всякую болѣзнь и всякую язву, не написанную въ книгѣ закона“*, —не было такихъ, которыя обладали гораздо болѣе очевидными заразными свойствами, чѣмъ zaraath, еслибъ даже мы и сочли его за проказу; а, тѣмъ не менѣе, законъ не отдѣляетъ этихъ болѣзней въ отдѣльную группу и не прикрываетъ ихъ, хотя бы ради формы, именемъ нечистыхъ болѣней. И это вполнѣ ясно и не могло быть иначе: понятіе о теократическомъ основаніи того или другаго явленія никакъ не вяжется съ представленіемъ о естественной его причинѣ.

Спеціально теократическая точка зрѣнія на причины болѣзней была, несомнѣнно, не только господствующей, но и исключительной въ древнее время, хотя, на основаніи разницы, существовавшей въ ре-

---

81) *А. П. Лопухинъ.* Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. С.-Петерб. 1889 г. Т. I стр. 804 и далѣе.

лигіозныхъ воззрѣніяхъ, и выражалась различно. Политеизмъ Авесты и халдейско-ассирійской магіи, соотвѣтственно двойственности религіознаго начала, связаннаго съ понятіемъ о добрѣ и злѣ, имѣвшихъ каждое своихъ божественныхъ представителей, создало ученіе о злыхъ силахъ или духахъ, являющихся виновниками болѣзней. Наоборотъ, еврейскій монотеизмъ выработалъ, какъ мы видѣли, другую точку зрѣнія, по которой болѣзнь является исключительно результатомъ наказанія единаго Бога. Понятно, что и при той и при другой точкѣ зрѣнія на причину болѣзней, изъ группы этихъ послѣднихъ могли и даже должны были выдѣлиться особенныя, чѣмъ нибудь рѣзче выдающіяся формы, которыя и послужили основаніемъ возникновенія особенныхъ *„священныхъ болѣзней“*. Самый древній и выдающійся примѣръ такой священной болѣзни представляетъ намъ падучая болѣзнь или эпилепсія.

Въ своемъ знаменитомъ трудѣ о священныхъ болѣзняхъ, Гипократъ, стараясь разрушить ученіе о сверхестественномъ происхожденіи болѣзней вообще и эпилепсіи въ частности, совершенно правильно указываетъ тотъ принципъ, который лежалъ въ основѣ признанія за болѣзнью священнаго характера, когда въ качествѣ таковаго, указываетъ на удивленіе, которое внушаютъ окружающимъ болѣзненные припадки. И дѣйствительно, эпилепсія могла въ этомъ отношеніи импонировать своимъ эффектомъ: внезапностью своего появленія, качествомъ своихъ симптомовъ. Несмотря, однако, на протестъ знаменитаго греческаго ученаго противъ сверхестественнаго источника болѣзней, ученіе о священныхъ болѣзняхъ развивалось далѣе, оно захватило въ свою область еще и другія эффектныя же и спеціально нервныя формы—истерію, истеро-эпилепсію, психозы—въ формѣ спеціально-возникшей на почвѣ сказаннаго ученія *„демономаніи“*. Само собою разумѣется, что рядомъ съ ученіемъ объ источникѣ болѣзни должна была установиться извѣстная точка зрѣнія и на соціальное значеніе такихъ, одержимыхъ злымъ духомъ больныхъ, и вотъ развиваясь, далѣе, точка зрѣнія на демоніаковъ, какъ на людей нечистыхъ, отверженныхъ отъ общества, достигла въ средніе вѣка своего апогея: больныхъ не только что изолировали или выгоняли изъ общества, какъ это дѣлали Евреи съ больными zaraath'омъ, ихъ заключали въ тюрьмы, сажали въ цѣпи, подвергали различнымъ истязаніямъ, казнили, жгли на кострахъ. И, въ виду

всѣхъ этихъ практиковавшихся мѣръ, никто изъ современныхъ ученыхъ не высказалъ даже и отдаленнаго предположенія, что указанныя мѣры имѣли санитарное значеніе, что они предпринимались противъ заразной, вредной для общества, болѣзни; между тѣмъ, какъ тѣже ученые никакъ не стѣснялись утверждать, руководствуясь указаніями еврейскаго закона, что zaraath былъ болѣзнью заразительной, что мѣры противъ него имѣли санитарный характеръ. Понятно: о zaraath'ѣ говоритъ намъ въ короткихъ чертахъ только еврейская Библія, о демоніакахъ же—цѣлая масса документовъ, во всѣхъ деталяхъ разъясняющихъ намъ исторію этихъ больныхъ и причины, на которыхъ основывались предпринимаемыя противъ нихъ мѣры.

Обращаясь, съ другой стороны, къ указанной нами вполнѣ естественной характеристикѣ, данной священнымъ болѣзнямъ Гиппократомъ, мы по праву можемъ распространить ее и на zaraath, т. е. на песь. Эффектъ, который производятъ пятна vitiligo, обнаруживаясь на бѣлой кожѣ европейца, нельзя и сравнивать съ тѣмъ эффектомъ, которой производятъ эти пятна, появляясь на темной кожѣ Сарта, тождественной по цвѣту, надо налагать, съ кожею палестинскаго Еврея, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что больные съ такими пятнами должны были внушать удивленіе, которое, при теократическомъ представленіи о причинахъ болѣзней вообще, не только что могло, но и должно было выразиться и въ представленіи о zaraath'ѣ какъ о болѣзни, исключительной, священной,—о его пятнахъ, какъ о клеймахъ, выжигаемыхъ какъ говоритъ Huthius, на кожѣ преступника, съ цѣлью предать его публичному позору.

Но всѣ приведенные нами, хотя и существенныя, но во всякомъ случаѣ косвенныя соображенія имѣютъ сравнительно ничтожное значеніе передъ фактомъ, существующимъ, у насъ передъ глазами, а именно—тѣмъ, что больные песью въ Туркестанѣ и въ настоящее время, какъ мы уже сказали раньше, удаляются изъ общества, точно также какъ удалялись въ библейское время больные zaraath'омъ.

Почему?

Познакомившись съ песью, я убѣдился въ томъ, что Сарты относятся къ песевымъ совершенно одинаково, какъ и къ прокаженнымъ, т. е. удаляютъ и тѣхъ и другихъ изъ общества; мнѣ, при моихъ изслѣдованіяхъ, не разъ приходилось слышать разсказы о томъ, на-

сколько населеніе боится проказы и песи, что оно не только не вступаетъ съ больными въ близкое общеніе, но ни одинъ Сартъ даже не подойдемъ къ нимъ на такое разстояніе, чтобы до него могло достигнуть его дыханіе, что больные нерѣдко эксплоатируютъ эту боязнь населенія и легко пріобрѣтаютъ въ свою пользу различные предметы, до которыхъ имъ съ этой цѣлью стоитъ только коснуться, что песевой или прокаженный легко можетъ завладѣть, напримѣръ, ворохомъ пшеницы, которѣй навѣялъ хозяинъ Сартъ, подкравшись къ этому вороху и взявъ горсть пшеницы въ руку, такъ какъ хозяинъ навѣрное ее броситъ. Эта боязнь больныхъ, удаленіе ихъ изъ общества, т. е. своеобразная система изоляціи, въ связи съ установившимся современнымъ взглядомъ на отдѣленіе больныхъ какъ на санитарную мѣру, все это внушило мнѣ представленіе, что Сарты считаютъ болѣзнь заразительной, а такая точка зрѣнія подтверждалась въ моихъ глазахъ и дѣйствительной, вполнѣ согласной съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ, заразительностью проказы. Боязнь при этомъ песи, которая несомнѣнно не имѣетъ съ проказою ничего общаго, я объяснялъ себѣ ошибочнымъ, рутинно установившимся, вѣроятно, взглядомъ, что песь и проказа суть болѣзни между собою тождественныя. Только позднѣе, познакомившись съ исторіею zaraath'a, подвергнувъ вопросъ тщательному историческому изслѣдованію, я далъ надлежащую цѣну указаніямъ, которыя объясняли боязнь, существующую у Сартовъ къ проказѣ и въ особенности къ песи, съ иной совершенно точки зрѣнія. Находящійся при уѣздномъ начальникѣ гор. Андижана переводчикъ, который сопутствовалъ мнѣ при изслѣдованіи андижанской махау-ханы, передалъ мнѣ, что боязнь эта обусловливается тѣмъ, что Сарты считаютъ и проказу и песь болѣзнями, являющимися результатомъ грѣха; при этомъ, говорилъ онъ, по понятію Сартовъ прокаженный страдаетъ за собственный грѣхъ, песевой же и за свой собственный и за грѣхи своихъ родителей. Этимъ вполнѣ объясняется и большая степень боязни населенія именно больныхъ песью, сказывающаяся на столько рѣзко, что, по указанію моего почтеннаго переводчика, еслибы въ ненастную погоду къ Сарту, по натурѣ гостепріимному, пришли просить пріюта прокаженный и песевой, то Сартъ далъ бы пожалуй пріютъ первому, но отказалъ бы въ немъ песевому. Съ этой точки зрѣнія мнѣ вполнѣ объяснился тотъ, казавшійся мнѣ вначалѣ парадоксальнымъ фактъ, что нѣкоторые поступающіе вновь въ пріюты прокаженные брезгаютъ

или боятся песевыхъ и уходятъ изъ тѣхъ пріютовъ, гдѣ таковыхъ много, въ другіе. Такой фактъ отмѣченъ мною въ моихъ матерьялахъ, по поводу вопроса, заданнаго мною одному прокаженному, недавно поступившему въ ташкентскую Махау-хану (см. мои матерьялы по проказѣ на югѣ Россіи вып. III стр. 305): отчего онъ оставилъ пріютъ въ Кокандѣ? — пріютъ, въ которомъ я, покрайней мѣрѣ, дѣйствительно нашелъ много песевыхъ.

Въ виду всего сказаннаго нами, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что послѣдняя точка зрѣнія, а именно представленіе Сартовъ о песи, какъ о болѣзни, являющейся прямымъ послѣдствіемъ грѣха, есть въ Туркестанѣ основная причина удаленія песевыхъ изъ общества, — удаленія, за которымъ въ прежнія, ханскія времена строго, говорятъ, слѣдили блюстители общественной нравственности и закона — „*раисы*", причемъ законъ объ удаленіи не ограничивался хижиною сарта, но распространялся и на самый ханскій дворецъ *). Едва ли, повторяемъ мы, можно сомнѣваться въ томъ, что въ этой, точно также теократической точкѣ зрѣнія на болѣзнь, слѣдуетъ искать оправданія того отвращенія, съ которымъ Сартъ относится, и спеціально, къ больнымъ песью. Выводъ, которой мы, такимъ образомъ, должны безпристрастно сдѣлать, это—тотъ, что между zaraath'омъ и песью и въ этомъ, этіологическомъ, такъ сказать, отношеніи существуетъ полнѣйшее тождество, т. е., что юридическое значеніе болѣзни, существовавшей въ библейское время и существующей въ настоящее совершенно одинаково.

Кончая вопросъ о юридическомъ значеніи zaraath'a, намъ остается коснуться и вопросовъ о zaraath'ѣ платьевъ и домовъ и закона объ очищеніи. Мы говоримъ—коснуться, такъ какъ подробно останавливаться на этихъ вопросахъ, не имѣющихъ для насъ прямаго интереса, мы считаемъ излишнимъ.

Объясненія проказы и платьевъ и домовъ—тѣхъ пятенъ, которыя на нихъ обнаруживались, — были, понятно, разнообразны: начиная съ

*) Передавая мнѣ о внутренней жизни въ пріютахъ, аксакалъ (старшина) одной махауханы сообщалъ мнѣ, что прежде имъ жилось лучше: что они имѣли право, провѣдавши о томъ, что въ томъ или другомъ домѣ находится песевой или прокаженный, требовать его выдачи; и съ этой цѣлью, они цѣлой гурьбой являлись къ воротамъ дома и заявляли свои права; при этомъ, они оставались до тѣхъ поръ, пока имъ или не выдавали больнаго, или пока родственники больнаго не откупались деньгами.

взгляда, который давалъ библейскому тексту буквальное значеніе, т. е.—отождествлялъ zaraath человѣка съ zaraath'омъ неодушевленныхъ предметовъ, считая это явленіе чудеснымъ и не подлежащимъ оцѣнкѣ, и кончая физическимъ объясненіемъ этихъ явленій. Эти послѣднія объясненія точно также разнобразны. *Calmet*, напримѣръ, основываясь на новѣйшихъ (конецъ XVII и начала XVIII стол.) изслѣдованіяхъ, а именно,—что и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ здоровой и въ больной кожѣ, въ чумныхъ абецессахъ и т. д. ученые находили подъ микроскопомъ маленькихъ червячковъ, считаетъ послѣднихъ за причину lepгae (zaraath'a) какъ человѣка, такъ и платьевъ и домовъ; другіе считали zaraath платьевъ и домовъ за пятна, соотвѣтствующія засохшему отдѣляемому (крови, гною) язвъ прокаженнаго, которымъ могли быть испачканы платья и стѣны; третьи—за осадки соли или селитры на стѣнахъ домовъ (Salz und Salpeterfrass), а пятна платьевъ за результатъ негодной шерсти (взятой у умершаго послѣ болѣзни животнаго—Sterbewolle—*Michailis*'a: Mosaisches Recht); четвертые, наконецъ, считали эти пятна за простую плесень. Едвали можетъ подлежать какому либо сомнѣнію, что послѣдняя точка зрѣнія есть единственно возможная, а потому и правильная.

Съ юридической стороны, мы, точно также какъ и относительно zaraath'a человѣка, должны вынести то убѣжденіе, что нечистота zaraath'a платьевъ и домовъ основывалась на той-же теократической точкѣ зрѣнія. И дѣйствительно, мы видимъ, что нечистота эта относилась только къ платьямъ и домамъ принадлежавшимъ евреямъ: „Omnes vestes polluuntur plagis, exceptis peregrinorum vestibus, quas si quis emerit, lustrantur in principio"—(Мишна XI, 1); относительно домовъ: „Omnia domicilia polluuntur plagis, gentilis plagis exceptis; si quis domicilia emerit a gentili, tum ea lustrantur ab initio (M. XII, 1). Точно также какъ и пятна человѣка, такъ и пятна домовъ, до приговора священника, не считались нечистыми, какъ мы ясно видимъ изъ самаго текста закона (Левит. гл. XIV, ст. 36), который прямо говоритъ: „Священникъ прикажетъ опорожнить домъ, прежде нежели войдетъ осматривать язву, чтобы не сдѣлать нечистымъ все, что въ домѣ; послѣ сего придетъ священникъ осматривать домъ". Точно также, наконецъ, мы имѣемъ указанія, что и раввины смотрѣли на нечистоту домовъ и платьевъ, какъ на

нечистоту, являющуюся результатомъ нарушенія закона: пятно плесени на стѣнѣ или платьѣ, по ихъ мнѣнію, было пятномъ или клеймомъ грѣха,—хотя и менѣе тяжкаго, чѣмъ тотъ, послѣдствіемъ котораго являлось заболѣваніе самаго человѣка.

Что касается вопроса объ очищеніяхъ, то мы можемъ совершенно обойти его молчаніемъ, какъ вопросъ чистой обрядности, не имѣющій для насъ интереса, разъ сама нечистота является передъ нами не физической, а духовной. Есть одно обстоятельство, которое мы считаемъ, впрочемъ, нужнымъ оговорить здѣсь, это указаніе 45-го стиха XIII-ой главы: *„и до устъ—saphat—онъ“* (больной zaraath'омъ) *„долженъ быть закрытъ“*,—указаніе которое можетъ, пожалуй, внушить мысль: не представлялъ ли дѣйствительно zaraath что либо отвратительное, безобразное, (какъ лице прокаженнаго), не установилъ-ли законъ указаннаго правила съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать это безобразіе менѣе явнымъ? Но изъ указанія, которое мы находимъ у *Gesenius'a*, по поводу слова *„saphat“* (Bart, Lippenbart), мы видимъ, что закрывать бороду у евреевъ равносильно—накладывать на себя трауръ *), а потому должны дать узазанному въ 45 ст. акту и соотвѣтствующее значеніе, т. е. значеніе траура, горя о постигшемъ наказаніи.

Мы разсмотрѣли всѣ частности, касающіяся вопроса о сущности и значеніи библейской болѣзни и закончимъ наше изложеніе оцѣнкою опредѣленій тѣхъ терминовъ, которыми обозначена эта болѣзнь въ еврейской Библіи, т. е.—опредѣленіемъ терминовъ *„nega zaraath“*.

Что касается термина *„nega“*, то въ опредѣленіи этого слова мы встрѣчаемъ мало противорѣчій. Septuaginta переводятъ его ἁφή (*слав.*—язва, *лат.*—tactus). *Халд., сир., самар., араб.* (въ переводѣ *Waltonus'a*), также какъ и Вульгата—plaga; *нѣм.*—Maal; *франц.*—plaie; *англ. и шотл.* plague; *нид.*—plaghe; *итал.* piaga.

По *Gesenius'y* (II, 10) nega обозначаетъ: 1) ударъ (Притчи Солом. VI 33 **), Второз. XVII, 8 ***), чаще въ смыслѣ ударовъ

*) Езек. XXIV, 17 и 22:..... «плача по умершимъ не совершай..... и бороды не закрывай»..... Михей III, 7:..... «и закроютъ уста всѣ они».....

**) Пр. Солом. VI, 33: «*Побои*—οδύνας (dolores) и позоръ найдетъ онъ (прелюбодѣйствующій).....

***) Второзак. XVII 8: «Если по какому нибудь дѣлу будетъ затруднительно для тебя разсудить между кровью и кровью, между судомъ и судомъ, между побоями и побоями—ἁφὴ ἁφῆς.

или болѣзней, посылаемыхъ Богомъ человѣку (Быт. XII, 17; Исх. XI, 1 *); 2) пятна на тѣлѣ (Левит. XIII). Въ Ялкутѣ, сборникѣ древнихъ толкованій (по указанію, лично сдѣланному намъ проф. Хвольсономъ), *R. Simeon* (около II стол. п. Р. Х.) говоритъ о могильныхъ камняхъ, очертанныхъ, т. е.—обозначенныхъ знаками—me-nugaoth (menuga прич. Pual отъ nega).

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что слова „*nega*“ обозначаетъ и ударъ, и знакъ, и болѣзнь и т. д., т. е.—понятія въ сущности очень близкія другъ къ другу.

Менѣе или почти совсѣмъ неопредѣленное значеніе имѣетъ терминъ „zaraath“. Мы уже видѣли, что терминъ этотъ Septuaginta переводятъ именемъ „λέπρα“ и что имя это усвоено всѣми позднѣйшими переводчиками Библіи на европейскій языки. Арабская Библія переводитъ „baraz“,—болѣзнь, понятіе о которой совершенно тождественно съ понятіемъ о греческой leuce, римской—vitiligo alba. Не удовлетворяясь однако такимъ переводомъ, филологи старались подъискать другое опредѣленіе термина zaraath, но, какъ мы уже сказали, не могли найти корня этого слова въ еврейскомъ языкѣ и предполагали, на какихъ основаніяхъ—намъ неизвѣстно, что оно египетскаго происхожденія, а именно происходитъ отъ египетскаго слова, обозначающаго „обезсиленіе“ (откуда омертвѣніе, нечувствительность). Но не говоря о возраженіи *Michaelis'*а, такое опредѣленіе, если бы—допустимъ—и могло соотвѣтствовать по своему смыслу болѣзни у человѣка, совершенно не примѣнимо по отношенію къ zaraath'у платьевъ и домовъ. Гораздо болѣе согласуется съ смысломъ, который даетъ zaraath'у XIII и XIV глава книги Левитовъ, опредѣленіе другихъ авторовъ, которые производятъ интересующій насъ терминъ отъ арабской „zaraa“, обозначающаго по *Gesenius'*у на арабскомъ языкѣ „niederschlagen, zu Boden strecken„, откуда *плеть, бичь,* а перенесенное на болѣзнь—эпилепсію. Въ виду этого, говоритъ *Gesenius*, „Aussatz“ (проказа) слѣдуетъ понимать, какъ это и дѣлали Евреи по отношенію къ zaraath'у, какъ „*ударъ*“, наказаніе Божеское. Отъ „*zaraa*“ *Gesenius* производитъ

*) Быт. XII, 17: «Но Богъ поразилъ тяжкими ударами—ἐπάσμοῖς (afflictionibus)—Фараона“.... Исх. XI, 1: «И сказалъ Господь Моисею: еще одну казнь—πληγήν (plaga)—Я наведу на Фараона».

далѣе и слово „*ziraah*“, которое переводчики, основываясь вѣроятно на значеніе корня—бить, колоть—переводятъ: шершни, осы—σφηκιάς (vespas) LXX, какъ мы видимъ въ Исх. XXIII, 28, Второз. VII, 20 *) и т. д. Отсюда же, наконецъ, *Gesenius* производитъ и слово „zaraath“—Aussatz.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, правильно или нѣтъ приведенное нами филологическое толкованіе, мы остановимся на томъ опредѣленіи, которое даетъ zaraath'y Septuaginta, а именно на вопросѣ: какія основанія могли имѣть *Septuaginta* переводя zaraath названіемъ lepra?

Мы уже раньше обращались къ вопросу: что понимали или могли понимать подъ именемъ lepra Septuaginta? Мы отвѣтили на этотъ вопросъ, что—незнаемъ! Ибо единственный источникъ, на основаніи котораго мы могли бы объективировать себѣ представленіе о лепрѣ у LXX—сборникъ Гиппократа—даетъ намъ очень неопредѣленное понятіе объ этой болѣзни. Все, что мы знаемъ, это—то, что lepra есть болѣзнь кожи у человѣка, представляющая, какъ надо думать на основаніи филологическаго значенія этого слова и какъ утверждаютъ позднѣйшіе авторы, чешуйчатый характеръ. А въ виду этого передъ нами является другой вопросъ, а именно—какимъ образомъ помирить между собою два противорѣчія: съ одной стороны—примѣненіе термина lepra,—болѣзни, свойственной человѣку,—къ явленіямъ обнаруживающимся на неодушевленныхъ предметахъ; съ другой стороны—какъ согласить понятіе о лепрѣ какъ о чешуйчатомъ страданіи кожи съ явленіями zaraath'a описанными въ Библіи?

По поводу послѣдняго противорѣчія мы должны, прежде всего, оговориться. Разбирая вопросъ о тождествѣ zaraath'a съ тою или другою формою болѣзни, мы и не касались вопроса: можно ли отождествлять zaraath съ греческой лепрою? Мы заранѣе исключали и исключаемъ и теперь всякую возможность такого тождества, такъ какъ оно противорѣчило бы одному изъ самыхъ рѣзкихъ, выдающихся симптомовъ zaraath'a—бѣлому волосу: мы незнаемъ ни одного

*) Исходъ XXIII, 28: «Пошлю передъ тобою *шершней* и они погонятъ отъ лица твоего Евеевъ, Хананеевъ, Хеттеевъ», Второзак. VII, 20: «И шершней нашлетъ Богъ твой на нихъ доколѣ не погибнутъ».

чешуйчатаго кожнаго страданія, которое характеризовалось бы измѣненіемъ цвѣта волосъ и именно въ бѣлый.

И такъ, передъ нами два противорѣчія, которыя мы должны себѣ разъяснить, и это тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ всѣ основанія думать, что переводчики Septuaginta были несомнѣнно люди для своего времени глубоко ученые и образованные. При такихъ достоинствахъ переводчиковъ, мы не вправѣ считать выборъ опредѣленій, который они даютъ намъ, чѣмъ то случайнымъ, неосмысленнымъ, а слѣдовательно не вправѣ допускать, чтобы противорѣчія, на которыя мы указали, не имѣли бы извѣстнаго оправданія, или не были можетъ быть, только кажущимися. И такое оправданіе, по нашему мнѣнію, дѣйствительно существуетъ.

Въ натурѣ человѣка лежало и лежитъ стремленіе обобщать извѣстныя явленія и, подыскивая между ними общія черты, давать имъ общее имя. Въ номенклатурѣ болѣзней такое стремленіе сказывается и очень рѣзко: чего же проще какъ искать опредѣленій той или другой, а тѣмъ болѣе кожной болѣзни, во внѣшней природѣ. И мы дѣйствительно видимъ, и въ различныхъ языкахъ, имена кожныхъ заболѣваній, синонимы которыхъ существуютъ въ природѣ. Я считаю излишнимъ приводить примѣры, а воспользуюсь указаніями, непосредственно относящимися къ интересующему насъ вопросу. Слово *„проказа“*, какъ видно изъ указаній нашего академическаго церковно-славянскаго словаря [82]), происходитъ отъ слова *„казить, казиться“* (т. е.—портиться, терять свой нормальный видъ и цвѣтъ *), и, рядомъ съ этимъ, кромѣ названія болѣзни, мы находимъ указаніе, что проказою называется и *cladonia lichen* (см. А. Сл.—ягели). Точно также объясняютъ и соотвѣтствующее проказѣ слово *„gobe“*, которымъ переведено въ славянской Библіи нѣмецкое „Aussatz“. Словѣнское *„gobe“*, какъ объяснилъ намъ уважаемый *Проф. Флоринскій*, происходитъ отъ общеславянскаго *„gomba“*,—слова первичное значеніе котораго—грибъ, губка на деревѣ, наростъ, по нѣм. Schwamm, Pilz.

---

[82]) Словарь церковно-слав. и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. 1847.

*) Въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей 11, 37 (Акад. сл.) мы читаемъ: «наутрія же Изяславъ видивъ, оже Днѣпръ *казится*» отъ выпавшаго наканунѣ дождя.

Такое совпаденіе именъ болѣзней и растеній, какъ приведенное нами сейчасъ, нельзя считать случайностью. Въ виду указанныхъ соображеній, не только что можетъ, но и должно казаться правдоподобнымъ, что и терминъ lepra понимался LXX не только въ качествѣ человѣческой болѣзни, но и тѣхъ паразитныхъ растеній, которыя были у нихъ постоянно передъ глазами и на камняхъ и на деревьяхъ и т. д. И такое, болѣе широкое значеніе слова lepra вполнѣ объясняетъ намъ первое изъ поставленныхъ нами на видъ противорѣчій. Правда, мы не могли найти указаній, чтобы именемъ lepra, назывались лишаи, плесени и т. д., ни въ одномъ изъ лексиконовъ, въ которыхъ справлялись, ни даже въ древнѣйшемъ описаніи медицинскихъ растеній *Dioscorides'*а [83]), но фактическій намекъ на правильность такого объясненія мы все таки видимъ у одного изъ древнихъ писателей, а именно—въ этимологическомъ объясненіи слова lepra у *Isidorus'*а (l. c. 57), который ясно говоритъ, что она „lepidae herbae similis, unde et nomen sumpsit". Къ крайнему сожалѣнію, мы не находимъ только у Исидора никакихъ указаній о какой *„чешуйчатой травѣ"* онъ говоритъ, также какъ и того, изъ какихъ источниковъ онъ почерпнулъ свое существенно важное филологическое объясненіе интересующаго насъ термина. Въ ботаническомъ словарѣ *Wittstein'*а [84]) мы, правда, находимъ названія различныхъ лишаевъ именами—lepra, lepranta, lepraria и т. д., но, какъ сообщилъ мнѣ глубоко-уважаемый Проф. и Академикъ *А. С. Фаминцынъ* (на основаніи указаній Акад. *Мерклина*) всѣ эти обозначенія относятся къ позднѣйшему времени (прошедшему и нынѣшнему столѣтію), а потому не можетъ подлежать сомнѣнію, что не онѣ служили основаніемъ для обозначенія кожной болѣзни именемъ lepra, а наоборотъ.

Если, однако, несмотря на отсутствіе точныхъ фактовъ, мы признаемъ данное нами объясненіе правильнымъ, то устраняются вмѣстѣ съ тѣмъ и затрудненія для объясненія втораго изъ указанныхъ нами противорѣчій. Понятіе о лишаяхъ, плесени и т. д. характеризуется двумя существенными признаками: шероховатостью

---

[83]) *Pedanii Dioscoridis* Anazarbei de medicinali materia libri sex. Franc. 1549.

[84]) *Wittstein.* Etimologisch—botanisches Handwörterbuch. 1856.

или чешуйчатымъ характеромъ поверхности, служащей для нихъ субстратомъ, съ другой стороны—рѣзкими, разнообразными контрастами цвѣтовъ. Изъ этихъ двухъ характеризующихъ лепру (если подъ этимъ именемъ дѣйствительно понимались и лишаи и плесень) явленій, ученые могли, по отношенію къ болѣзни у человѣка, воспользоваться только однимъ выдающимся признакомъ, а именно—пестротою, *color diversus* (Вульгаты и Исидора), которую дѣйствительно представляла кожа субъекта, больнаго zaraath'омъ.

Мы кончили. Но въ заключеніи этой главы, прежде нежели пойдемъ дальше, считаемъ необходимымъ резюмировать сдѣланные нами выводы въ короткихъ чертахъ.

Въ законѣ о zaraath'ѣ, изложенномъ въ XIII главѣ Левитовъ, мы видимъ первое и классическое описаніе песи — vitiliginis, — описаніе, превосходящее все, что мы имѣли до сихъ поръ. Въ этомъ описаніи мы находимъ ясную характеристику какъ начала болѣзни, *начальныхъ пятенъ явнаго zaraath'а,* такъ и дальнѣйшаго его теченія: *застарѣлую болѣзнь,* съ являющимися на поверхности побѣлѣвшаго тѣла или въ отдѣльныхъ побѣлѣвшихъ участкахъ послѣдняго—островами здоровой и, понятно, темно окрашенной кожи; затѣмъ, *послѣдній періодъ,* обнаруживающійся полнымъ побѣлѣніемъ субъекта, отъ головы его до пятъ. Мало того, мы находимъ, кромѣ изложенія явленій, явную и отчетливую дифференціальную діагностику и именно—между бѣлымъ пятномъ zaraath'а или песи и бѣлыми рубцами, съ которыми указанныя пятна легче всего могутъ быть смѣшиваемы.

Далѣе. Разъясненія терминовъ XIII главы, на основаніи перевода LXX и толкованій Мишны, устраняютъ послѣднія подозрительныя указанія, которыя еще могли бы связывать zaraath съ проказою, я говорю—главнымъ образомъ—о живомъ мясѣ, т. е. о предполагаемыхъ язвахъ. За отсутствіемъ этого послѣдняго явленія, мы не имѣемъ въ XIII главѣ ни одного симптома, который бы могъ соотвѣтствовать или напоминать рѣзкую, безобразную, тяжелую картину проказы.

Наконецъ. Zaraath долженъ несомнѣнно быть истолкованъ какъ священная болѣзнь Евреевъ. Его юридическое значеніе — его нечистота—непосредственно вытекали изъ теократическаго представленія

Евреевъ о причинахъ болѣзней вообще, а въ частности—представленія о пятнахъ zaraath'а являлось очевиднымъ, рѣзко бросающимся въ глаза символомъ нарушенія закона. Боязнь больныхъ zaraath'омъ или отвращеніе къ нимъ соотвѣтствуетъ и теперь еще сохранившемуся у насъ чувству брезгливости по отношенію къ заклейменному преступнику.

Такимъ образомъ zaraath и туркестанская песь являются передъ нами болѣзнями, совершенно тождественными во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. какъ медицинскомъ, такъ и юридическомъ.

Кончая съ оцѣнкою zaraath'а, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ и по поводу основаній, которыми мы пользовались. Въ виду очень возможной неполноты нашихъ филологическихъ указаній, критики ради критики, люди слова — а не дѣла, могутъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы вторглись въ чуждую намъ область. Такимъ критикамъ мы скажемъ: мы работали не для нихъ. Наша задача была не филологическій трактатъ о zaraath'ѣ. Если мы, можетъ быть и противъ нашей воли, обратились къ филологическимъ разъясненіямъ, то въ силу того, что чувствовали глубокую, понятную для каждаго, ищущаго правды, необходимость разрушить въ самихъ себѣ тѣ послѣднія сомнѣнія, которыя у насъ оставались, въ правильности нашихъ представленій, основаніемъ которыхъ служили чисто медицинскія соображенія. При этомъ, не имѣя возможности и силъ проникнуть во всѣ частности интересующаго насъ вопроса, мы постарались строго ограничить нашу задачу, чего мы надѣялись достигнуть и, полагаемъ, достигли выборомъ прочнаго фундамента, каковымъ, по нашему убѣжденію, должны были служить въ рѣшеніи даннаго вопроса Septuaginta и Мишна. Все остальное имѣло для насъ второстепенное, добавочное значеніе.

Мы не касались вопроса о томъ: кому принадлежитъ право комментировать законъ о zaraath—филологамъ или врачамъ? Истинные филологи, я покрайней мѣрѣ убѣжденъ въ томъ и имѣю на это право, скажутъ намъ тоже, что мнѣ сказалъ при свиданіи нашъ извѣстный гебраистъ, *Проф. Хвольсонъ*, а именно — что эта задача спеціально падаетъ на врачей. Мы, съ своей стороны, дополнимъ: на врачей, хорошо знакомыхъ съ проказою, а, что еще болѣе необходимо, видѣвшихъ туркестанскую песь.

И такъ, не найдя никакихъ слѣдовъ проказы въ еврейской литературѣ, т. е. въ Библіи, мы обратимся теперь къ тѣмъ древнѣйшимъ указаніямъ, которые могутъ намъ сообщить свѣдѣнія объ интересующихъ насъ болѣзняхъ въ другихъ странахъ и, изъ числа послѣднихъ, прежде всего къ Египту, въ которомъ Евреи жили, съ которымъ находились и позднѣе въ самомъ тѣсномъ общеніи.

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

V.

1. Collection des anciens Alchimistes grecs publiés sous les auspices du ministère de l' instruction publique par M. Berthelot et C. E. Ruelle. Paris 1887—1889. 3 vol. in 4⁰. (Введеніе XXVI+284. Греческій текстъ X+477. Переводъ 458 стр.) 150 экз. Цѣна 80 фр.

2. Introduction a l'étude de la chimie des anciens et du moyen age par M. Berthelot. Paris 1889. 1 vol. in 4⁰. XII+330. Цѣна 18 фр.

Изъ имѣющейся почти во всѣхъ большихъ европейскихъ библіотекахъ коллекціи рукописей греческихъ алхимиковъ напечатано и переведено, а слѣдовательно сдѣлано общедоступнымъ лишь очень немногое. А такъ какъ рукописи эти имѣютъ весьма важное значеніе не только для исторіи химіи, то и нельзя не привѣтствовать появленія перваго вышеозаглавленнаго сочиненія — совмѣстнаго труда извѣстнаго гелленіста Рюелля (библіотекаря Св. Женевьевы въ Парижѣ) и знаменитаго химика Бертело.

Греческій текстъ составленъ Рюеллемъ по рукописямъ Св. Марка въ Венеціи, свѣренъ и дополненъ по рукописямъ Парижской національной библіотеки и снабженъ варіантами и различными замѣтками при нѣкоторомъ содѣйствіи А. Бертело (сына химика), изучившаго рукописи Ватикана, Лейдена, Готы, Мюнхена, Веймара и

Лейпцига [1]). Подстрочный переводъ такъ составленнаго греческаго текста былъ пересмотрѣнъ Бертело (техническія познанія котораго могли содѣйствовать разъясненію нѣкоторыхъ непонятныхъ мѣстъ) и снабженъ примѣчаніями и комментаріями.

Введеніе собственно говоря состоитъ изъ 8 отдѣльныхъ мемуаровъ [2]): 1) о Лейденскомъ папирусѣ; 2) объ отношеніи между металлами и планетами; 3) о сферѣ Демокрита и о медикахъ астрологахъ; 4) о знакахъ и обозначеніи алхимиковъ; 5) о приборахъ и т. д. съ фотографическими снимками; 6) объ алхимическихъ рукописяхъ и ихъ взаимной связи; 7) о минералахъ и металахъ, находящихся въ Луврскомъ музеѣ (тутъ приводятся и анализы произведенные Бертело); 8) различныя минералогическія и металлургическія замѣтки.

Это то введеніе, изданное отдѣльно съ добавленіемъ нѣсколькихъ небольшихъ статей, напечатанныхъ Бертело (въ Annales de Chimie et de Physique, 6 Serie t. XIII, XIV) уже по выходѣ Collection etc., и составляетъ второе изъ вышеозаглавленныхъ сочиненій.

Остановимся нѣсколько на первой главѣ введенія: о лейденскомъ папирусѣ. Матерьяломъ для этой статьи Бертело послужило изданіе Леемансa (директора Лейденскаго музея).

Papyri graeci musei antiquarii publici Lugduni Batavi..... edidit interpretationem latinam, adnotationem, indices et tabulas addidit C. Leemans. T. II. 1885 (in 4^0. VIII + 310 стр. 4 таблицы).

Бертело между прочимъ приводитъ полный переводъ X папируса спеціально химическаго и подробно комментируетъ его. Это за-

---

[1]) Интересно было бы разъяснить разногласіе, существующее относительно значенія рукописей Ескуріальской библіотеки въ Мадритѣ. По Коппу (Memoire sur les volumes moleculaires des liquides. 1886 p. IX), тамъ есть рукописи, представляющія unicum, а по Бертело (Collection etc—Introduction p. 189—191), тамъ находятся лишь копіи съ манускриптовъ Парижскихъ и Св. Марка.

[2]) Надо замѣтить, что всѣ они напечатаны были уже ранѣе, иногда одновременно въ различныхъ журналахъ, такъ напр. въ Annales de Chimie et de Physique (6 Serie, t. VIII, XII), въ Journal des Savants, въ Revue scicentifique и т. п. Во всякомъ случаѣ не безъинтересно видѣть сводъ ихъ. Жаль только, что и тутъ, какъ въ своей книгѣ: Origine de l' Alchimie, Бертело умалчиваетъ о трудахъ другихъ ученыхъ, какъ напр. Коппа; правда, онъ два раза цитируетъ его Beiträge zur Geschichte der Chimie но только 2-ой томъ и совершенно игнорируетъ 1-ый, гдѣ между прочимъ приведенъ латинскій переводъ Демокрита: Ex rebus naturalibus et mysticis. А возможно, что именно изученіе стр. 101 и 102 Beiträge Коппа и навело Бертело на мысль гдѣ надо искать объясненія ученія алхимиковъ.

писная книжка—сборникъ рецептовъ египетскаго ювелира работавшаго съ благородными металлами и съ поддѣлкой ихъ (различными сплавами). Оригиналъ, замѣчаетъ Бертело, содержитъ не мало грамматическихъ и орфографическихъ ошибокъ, что и слѣдовало ожидать отъ рукописи ремесленника; онъ носитъ на себѣ печать искренности не смотря на очевидную недобросовѣстность мастерства. Интересно, что тутъ же приводятся указанія относительно окраски дорогихъ матерій и вовсе ничего не упоминается ни объ эмали, ни объ драгоцѣнныхъ камняхъ.

Нѣкоторые изъ рецептовъ папируса замѣчательны по своей точности и иногда вполнѣ совпадаютъ съ примѣняемыми и теперь и приводимыми напр. въ извѣстной Encyclopedie—Roret.

Текстъ папируса цѣликомъ повторяется въ рукописяхъ алхимиковъ, нерѣдко искаженнымъ невѣжественными комментаторами [1]) и съ различными мистическими и алегорическими добавленіями.

Изученіе въ высшей степени интереснаго лейденскаго папируса ясно и показало, что ученіе алхимиковъ о превращеніи металловъ вытекло изъ практическихъ пріемовъ египетскихъ ювелировъ, которыми они пользовались для поддѣлки и обмана; алхимики же подъ вліяніемъ аристотелевскаго ученія увидѣли въ этихъ пріемахъ дѣйствительное полученіе благородныхъ металловъ.

Оба вышеозаглавленныя сочиненія изданы весьма роскошно.

---

[1]) Такъ напр., тогда какъ въ папирусѣ указывается, что ртуть сохраняютъ въ стеклянныхъ сосудахъ, у комментаторовъ является абсурдная добавка... *или свинцовыхъ, оловянныхъ или серебряныхъ* (на которыя, какъ извѣстно, ртуть дѣйствуетъ).

VI.

Collection d' ouvrages relatifs aux sciences hermetiques sous la direction de M. Jules Lermina. L'or et la transmutation des metaux par G. T. Tifferau, l' Alchimiste du XIX Siècle. Memoires et conferences précédés de Paracelse et l' Alchimie au XVI Siècle par M. Franck, de l' Institut. Paris 1889 in 12°. IX+182.

Это первый томъ изданія, предпринятаго подъ руководствомъ Жюля Лермина, какъ видно изъ предисловія, убѣжденнаго приверженца алхимиковъ и спиритовъ.

Не останавливаясь на первой статьѣ о Парацельзѣ и т. д. Франка, прочтенной имъ 25 октября 1853 въ годичномъ публичномъ засѣданіи 5 академій, перейдемъ къ небезъинтереснымъ статьямъ Тифферо, этого, какъ онъ самъ себя величаетъ, алхимика 19-го столѣтія.

Принимавшіе въ прошломъ году участіе въ Парижскомъ конгрессѣ французской Ассоціаціи споспѣшествованія наукъ не мало были удивлены, когда въ одномъ изъ засѣданій имъ пришлось выслушать сообщеніе объ искуственномъ полученіи золота и когда въ заключеніе референтъ—это и былъ самъ Тифферо (замѣтимъ между прочимъ, членъ Парижскаго химическаго Общества), показалъ даже образцы полученнаго имъ золота и преподнесъ химической секціи свою брошюру, представляющую оттискъ изъ вышеозаглавленной коллекціи.

Первоначально брошюра Тифферо появилась въ Парижѣ въ 1853 г. подъ заглавіемъ: *металлы—тѣла сложныя, искуственное приготовленіе драгоцѣнныхъ металловъ возможно и есть фактъ доказанный.* Она была переведена на нѣкоторые другіе языки [1]), а въ 1857 году вышла вторымъ изданіемъ. Въ послѣднее время она составляла библіографическую рѣдкость.

Въ вышеозаглавленной коллекціи брошюра Тифферо состоитъ изъ введенія, въ которомъ онъ говоритъ объ единствѣ матеріи и объ

---

[1]) Между прочимъ и на русскомъ языкѣ (съ нѣкоторыми пропусками) она явилась въ видѣ приложенія къ переводу брошюры: **Л. Фигье.** *Алхимія въ XIX вѣкѣ.* Переводъ и изданіе **Н. Макарова.** Спб. 1867.

изомеріи металовъ, изъ ряда мемуаровъ, изъ которыхъ одни были представлены—въ Парижскую Академію наукъ, а другіе предназначались для этого и за тѣмъ изъ нѣсколькихъ приложеній.

По поводу перваго мемуара, представленнаго въ Парижскую Академію наукъ 27 іюля 1853 г. и служащаго къ нему добавленіемъ втораго мемуара, представленнаго 17 октября 1853, Академіей была назначена комиссія (состоявшая изъ Тенара, Шеврёля и Дюма), отъ имени которой 7 ноября, Тенаръ заявилъ, что отчетъ о мемуарахъ Тифферо не можетъ быть представленъ, такъ какъ авторъ, сообщая о нѣкоторыхъ результатахъ, умалчиваетъ о тѣхъ средствахъ, какими онъ достигъ ихъ. Дѣйствительно Тифферо говоритъ, что ему удалось получить золото и произвести полное превращеніе даннаго металла въ чистое золото лишь въ весьма малыхъ количествахъ и что произвести опыты въ бо́льшихъ размѣрахъ, онъ не могъ, почему и обращается за поддержкой. Далѣе, въ своихъ мемуарахъ Т. полемизируетъ съ тѣми, которые ему замѣчали, что если онъ можетъ приготовить немного золота, то постепенно онъ можетъ получить все большія и большія количества и такимъ образомъ сдѣлаться самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Онъ указываетъ при этомъ на примѣръ другихъ изобрѣтателей, которые также должны были прибѣгать къ содѣйствію.

Въ третьемъ мемуарѣ (который долженствовалъ быть представленъ въ Академію 8 мая 1854), Т. высказываетъ свою теорію броженія металловъ, къ которой онъ былъ приведенъ, какъ онъ говоритъ, осмотромъ богатыхъ металлами мѣстностей Мексики [1]) и Калифорніи во время своего путешествія въ сороковыхъ годахъ.

По Т. процессы, происходящіе при превращеніи металловъ, очень сложные; при этомъ главную роль играютъ кислородныя соединенія азота. Теплота, свѣтъ и электричество содѣйствуютъ этому превращенію. Изъ этого можно видѣть, что Тифферо нѣсколько отличается отъ прежнихъ алхимиковъ и является какъ бы послѣдователемъ Землера (см. замѣтку объ книгѣ Коппа „Alchemie“), занимавшагося въ концѣ прошлаго столѣтія выращиваніемъ золота.

---

[1]) По Тифферо, въ Мексикѣ до такой степени было распространено между горными убѣжденіе въ возможность превращенія и улучшенія металловъ, что часто приходилось слышать выраженія: это (золото) хорото, готово (mur), а это *еще* не перешло въ золото и т. д.

Въ третьемъ равно какъ и въ четвертомъ мемуарѣ (7 августа 1854) Тифферо приводитъ нѣсколько фактовъ (!!) искуственнаго полученія золота. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ всѣ они точно также какъ и тѣ опыты, которые были произведены имъ на Парижскомъ монетномъ дворѣ (о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ 5-омъ мемуарѣ 16 октября 1854 г.), превращенія серебра въ золото подъ вліяніемъ азотной кислоты, объясняются содержаніемъ золота въ тѣхъ матерьялахъ, которые берутся для опыта, въ данномъ случаѣ въ серебрѣ.

Послѣдній 6-й мемуаръ (25 декабря 1854) содержитъ между прочимъ статью о превращеніи металловъ съ геологической точки зрѣнія.

Прибавленіемъ къ этимъ мемуарамъ, относящимся какъ мы видимъ къ 1853 и 1854 годамъ, являются:

1) Одна изъ публичныхъ лекцій, прочтенныхъ Тифферо въ Парижѣ (16 марта 1889 года), въ которой онъ между прочимъ взываетъ къ патріатизму и указываетъ на выгодность предпріятія: превращенія металловъ. По его наивному расчету кило золото (полученнаго изъ мѣди), обойдется приблизительно въ 75 франковъ т. е. чистый барышъ будетъ на кило 3369 франковъ.

2) Письмо горнаго инженера Лебрен-де-Вирлуа (Le Brun de Virloy) отъ 9 іюня 1889 года, въ которомъ онъ заявляетъ, что вполнѣ раздѣляетъ взгляды Тифферо.

Замѣтимъ, что авторъ этого письма также сдѣлалъ сообщеніе на Парижскомъ Конгрессѣ Французской Ассоціаци (въ засѣданіи 10 августа 1889 г.): о выращиваніи металловъ при содѣйствіи оплодотворяющихъ веществъ (production de la matière metallique par l'acroissement au moyen des matiéres fécondantes). Сообщеніе это вызвало нѣсколько замѣчаній Гримо, который, на сколько возможно щадя референта, выказалъ всю недоказательность и неосновательность его мнимыхъ опытовъ.

3) Сравнительное изслѣдованіе золота искуственнаго (полученнаго (?) Тифферо въ Мексикѣ въ 1847 г.) и естественнаго, произведенное химикомъ Итассомъ (G. Itasse), по видимому раздѣляющимъ взгляды Тифферо и Лебрен-де-Вирлуа.

П. Алексѣевъ.

Кіевъ, 20 января.
1890 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1890 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА,** платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13 р. 50 к.**

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ касс. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суб. долж., удостовѣрившихъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова* рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе* М. Морская, 9; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 гг. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: **В. М. Володимировъ.**

(по отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

2—2

15-й годъ. **„РУССКАЯ МЕДИЦИНА“** 15-й годъ.

ВЪ 1890 ГОДУ.

Журналъ, посвященный всѣмъ отраслямъ врачебной науки и вопросамъ быта врачей.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ, по Воскресеньямъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

Проф. Н. П. ИВАНОВСКАГО и Д-ра П. А. ИЛИНСКАГО, при участіи многихъ профессоровъ и врачей.

ОТДѢЛЫ ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя сообщенія и лекціи, 2) Казуистика, 3) Успѣхи медицины, 4) Библіографія и критика, 5) Отъ редакціи, 6) Больничные отчеты, 7) Хроника, 8) Корреспонденціи, 9) Оффиціальныя извѣстія, 10) Извѣщенія о вакансіяхъ и пр.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкой **8** руб., за полгода **5** руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Русская Медицина“, Петербургъ, Владимірская, 7.

Изъ конторы редакціи „РУССКОЙ МЕДИЦИНЫ“.

(Владимірская, 7).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ:

СБОРНИКЪ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ

для врачей, ветеринаровъ, фармацевтовъ, акушерокъ и фельдшеровъ.

и Первое дополненіе къ нему.

3 тома (болѣе 1500 стран. и болѣе 5000 статей).

Книга эта одобрена Военно-медицинскимъ ученымъ Комитетомъ и внесена въ циркуляры Главнаго Штаба.

Цѣна Сборника съ дополненіемъ 6 руб. съ пересылкою, Одно дополненіе 1 руб.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ТРУДЫ И. В. Э. ОБЩЕСТВА“,

ЖУРНАЛЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ и ЭКОНОМИЧЕСКІЙ.

„Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“ въ 1890 г. будутъ издаваться, какъ и въ прошломъ, подъ редакціею Секретаря Общества, заслуженнаго профессора А. Бекетова, выходя **6 разъ въ годъ.**

Въ составъ ихъ войдутъ **исключительно** свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества и **доклады,** читанные въ средѣ его собраній.

Въ „Трудахъ“ будутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Журналы (протоколы) общихъ собраній, со включеніемъ отчета Секретаря.

II. Сельское Хозяйство. Журналы засѣданій I Отдѣленія Общества и доклады, касающіеся предмета занятій этого Отдѣленія.

III. Техническія сельскохозяйственныя производства. Журналы засѣданій II-го Отдѣленія и доклады по части техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ.

IV. Сельскохозяйственная статистика и политическая экономія. Журналы засѣданій III-го Отдѣленія и доклады по статистикѣ и политической экономіи.

Обзоры сельскохозяйственной литературы, дѣятельности сельскохозяйственныхъ Обществъ и вообще сельскохозяйственной жизни страны будутъ служить предметомъ докладовъ въ средѣ Общества и, смотря по содержанію, будутъ помѣщаться въ томъ или другомъ изъ названныхъ отдѣловъ.

Кромѣ того въ Трудахъ помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности Комитета Грамотности, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ, и доклады сдѣланные въ средѣ Комитета.

V. Корреспонденція Общества. Вопросы и отвѣты лицамъ, обращающимся въ Общество.

Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ, съ пересылкою и доставкою; полугодовой подписки и на отдѣльныя книжки не принимается.

Всѣмъ подписчикамъ при 1-мъ выпускѣ, будетъ разосланъ, въ видѣ приложенія, Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ И. В. Э. Общества“ за 1876—88 г.г., составленный членомъ А. В. Бѣлевичемъ.

Подписчики „Трудовъ“, желающіе получать „Пчеловодный Листокъ“, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп. (вмѣсто 2 руб.), платимыхъ отдѣльными подписчиками „Пчеловоднаго Листка“.

Подписку слѣдуетъ адресовать: С.-Петербургъ, 4 рота Измайловскаго полка д. № $^{1}/_{13}$ (Общества). Въ редакцію „Трудовъ“.

3—3

КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ

Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

	руб.	коп.
Анучинъ. Раскрашенная таблица по пчеловодству	—	40
Берлепшъ. Пчела и ея воспитаніе	3	—
Бутлеровъ. А. М. Какъ водить пчелъ	—	10
Его же. Правильное пчеловодство	—	5
Докучаевъ. Русскій черноземъ	2	—
Иверсенъ. Какъ добываютъ шелкъ. 2 изданіе	—	35
Его же. Раскрашенная таблица по шелководству	—	50
Королевъ, Ф. Н. Льноводство. Руководство къ льновоздѣлыванію	1	—
Льняная промышленность въ Россіи	1	—
Маркевичъ. Чтеніе о скотоводствѣ	—	40
Прививаніе сибирской язвы по способу Пастера	—	50
Менделѣевъ и Шмидтъ Отчетъ объ опытахъ для опредѣленія вліянія удобреній на урожай овса и ржи	—	80
Отчеты о дѣйствіяхъ въ 1886 г. испытательной стан. въ Богодуховѣ	—	30
Подоба тонина мериносовой шерсти	—	75
Протоколы собраній льноводовъ 1887 г.	—	75
Тоже 1880 года	—	75
Сборникъ матеріаловъ о сельской общинѣ	2	—
Христъ табаководство	—	5
Ходневъ. Исторія И. В. Э. Общества	2	—
Физико-химическія изслѣдованія почвы и подпочвы черноземной полосы Европейской Россіи. Вып. I.	—	50
Тоже, Вып. II.	—	50
Чертопятова. Руководство къ сушкѣ хлѣба	2	—
„**Труды**“ И. В. Общества за 1863, 1864, 1869, 1871, 1877, 1879, 1881, 1887, за годъ по	2	—
„**Труды**“ Коммисіи о внѣшней хлѣбной торговлѣ	1	50
Указатель къ „Трудамъ“ И. В. Э. Общества Теодоровича, съ 1865 по 1875 г.	—	75
Конструкторскіе чертежи:		
1) Ручной льномялки Кутэ (псковской)	—	50
2) Голландской вѣтряной мельницы, 6 чертежей	1	—
3) Окучника для картофеля и Гогенгеймскаго плуга	—	20
4) Гогенгеймскаго плуга и бороны Валькура	—	20
5) Одноконной молотилки Хэнта и Тауэля	—	60

Цѣны показаны съ пересылкою.

Выписывающіе не менѣе 5-ти экземпляровъ одного и того же сочиненія пользуются уступкою 25%.

Книгопродавцы, покупающіе на суммы не менѣе 50 руб. въ одинъ разъ, пользуются уступкою 35%; на меньшія суммы—25%. Обмѣнъ разъ пріобрѣтенныхъ изданій на другія не допускается.

Объ изданіи въ 1890 году

„Вѣстника Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины",

издаваемаго Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

„Вѣстникъ Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины" будетъ издаваться въ будущемъ **1890** году по прежней программѣ, въ размѣрѣ около 15 листовъ ежемѣсячно.

Въ программу журнала входятъ: общественная гигіена, практическая медицина (будутъ даваться возможно *подробные* рефераты выдающихся иностранныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ медицины и оригинальныя статьи, представляющія интересъ для врачей-практиковъ), судебная медицина, фармакологія, судебная и клиническая психіатрія, обзоръ дѣятельности земствъ и врачебныхъ обществъ, библіографія съ полнымъ перечнемъ всѣхъ сочиненій по медицинѣ, выходящихъ на русскомъ языкѣ, хроника и смѣсь.

УСЛОВІЯ ПОДИСКИ:

Съ 1890 года, кромѣ врачей, служащихъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, на журналъ могутъ подписываться, съ платой **шести** рублей въ годъ **гг. военные, земскіе врачи, женщины-врачи, врачи при заводахъ, фабрикахъ и т. д.** (вольнопрактикующіе врачи и лица неврачебнаго сословія уплачиваютъ **семь** рублей въ годъ).

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 (или 3) рубля, не позже 1 апрѣля 2 рубля и не позже 1 іюля 2 рубля.

Служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ могутъ подписываться на журналъ подъ условіемъ вычета изъ жалованья по 50 коп. въ мѣсяцъ, которыя вносятся казначеями въ мѣстныя казначейства, въ чемъ редакціи, при подпискѣ, представляется удостовѣреніе казначея и обязательство его доставлять этотъ вычетъ въ мѣстное казначейство для перевода въ депозитъ редакціи при государственномъ главномъ казначействѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ **ПЕТЕРБУРГѢ**—въ конторѣ подписки и объявленій **Н. МАТИСЕНА**, Б. Конюшенная, № 29; въ **МОСКВѢ**—въ конторахъ объявленій и подписки: **А. СЕНЪ-МАРТЕНЪ**, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; **Н. ПЕЧКОВСКОЙ**, Петровскія линіи; **Н. А. МЕЙЕРА**, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій бывш. **Л. МЕТЦЛЬ**, Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро **Н. ДОНИЧЪ** и **К°**, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ **ПОЛТАВѢ**—въ конторѣ **И. А. ДОХМАНА**. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Lafite и C°, Place de la Bourse.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА 1890 ГОДЪ.

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православной восточной и русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и обнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Въ первомъ отдѣлѣ журнала въ 1889 году были помѣщены: *О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія.* Бесѣда преосвященнаго **Никанора**, архіепископа Херсонскаго.—*Развивается-ли въ догматическомъ смыслѣ церковь.* **Е. Л.**—*Нравственное богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита Московскаго.* **Г. П. Вышеславцева.**—*Единство законовъ бытія* (новый опытъ соглашенія религіи и науки на почвѣ положительныхъ и точныхъ открытій). Проф. **Г. Друммонда**, въ перев. **А. П. Лопухина.**—*Рабы Рима и Талмуда во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. и раввинъ Меиръ.* **Е. П. Аквилонова.**—*Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* **И. П. Матченко.**—*Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе.* Проф. арх. **Никодима Милашъ.**—*Къ вопросу о безбрачіи Римско-католическаго духовенства.* Сообщилъ **Л. Н. Павлищевъ.**—*Къ исторіи духовно-учебной реформы 1808—1814 г.* **Н. И. Полетаева.**—*Въ дебряхъ современнаго раскола.* **И. В. Преображенскаго.**—*Суданскій Махди и возникшее въ 1881 году возстаніе суданскихъ мусульманъ.* **Н. П. Остроумова.**—*Романъ Кузьмина.* Прот. **И. Гр. Наумовича.**—*„Начетчикъ пріѣхалъ“.* Разсказъ изъ раскольничьяго быта. Епарх. миссіонера свящ. **Конст. Попова.**—*Священникъ Никита Васильевичъ Омофоровскій и его странствованія* **Н. Орлова.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., д. № 167).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.**

2—2

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1890 году въ томъ-же объемѣ и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году, а именно:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ практическій интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гигіэнѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.

4) Біографіи и некрологи врачей и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.

5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, касающихся программы „*Врача*“.

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.

7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной печати, какъ иностранной, такъ и русской.

8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, поскольку эти явленія представляютъ тотъ или иной интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора, профессора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д, 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р., а за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообщее (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ №№ и т. д.).

2—2

1890 годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА годъ VII.

НА БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ“

Роскошное еженедѣльное изданіе со множествомъ рисунковъ, исполненныхъ красками, фототипіей и новымъ привилегированнымъ способомъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ

ВЫДАЮЩІЕСЯ РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ и ЛИТЕРАТОРЫ.

Предполагая въ наступающемъ году значительно расширить программу и объемъ журнала, редакція «Россіи» дастъ своимъ подписчикамъ слѣдующіе литературный и художественный отдѣлы:

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ ВОЙДУТЪ:

историческіе и бытовые романы и повѣсти, разсказы изъ русской жизни, произведенія лучшихъ иностранныхъ писателей, очерки, сцены, стихотворенія, поэмы, мелочи, замѣчательные анекдоты, разнообразный отдѣлъ смѣси и этнографическія описанія.

Въ каждомъ номерѣ будутъ помѣщаться: театральная хроника, статьи по литературѣ, искусству и исторіи; путевые очерки; политическое обозрѣніе, распоряженія правительства, новости, слухи, и пр.

Съ пѣрваго номера журнала начнется печатаніемъ большая историческая повѣсть

иллюстрированная оригинальными рисунками и виньетками

„ПОТАПЫЧЪ И МЕДВѢДЬ“.

(Сочиненіе Н. П. Аксакова).

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ ПОМѢЩАЮТСЯ:

I. Иллюстраціи на выдающіяся событія изъ текущей жизни, II. Оригинальныя фотографическія приложенія, III. Историческія картины, IV. Оригинальные рисунки въ краскахъ (русскихъ художниковъ), V. Сцены изъ русской жизни, VI. Портреты извѣстныхъ дѣятелей, VII. Акварели съ натуры, VIII. Типы народовъ Россіи, IX. Пейзажи, X. Деревенскія сцены и картинки.

Множество виньетокъ и иллюстрацій къ романамъ, повѣстямъ, разсказамъ и стихотвореніямъ.

Гг. подписчикамъ на 1890 годъ будутъ выданы

ДВѢ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫЯ ПРЕМІИ

1) Большая хромо-фототипія съ картины профессора **В. В. Пукирева**

„НЕРАВНЫЙ БРАКЪ“

Въ свое время, появленіе въ свѣтъ этой замѣчательной, полной драматизма, картины, произвело громадный фуроръ и, какъ русскіе, такъ и иностранные журналы были наполнены восторженными отзывами объ этомъ дѣйствительно выдающемся произведеніи русской живописи.

В. В. Пукиревъ за картину „НЕРАВНЫЙ БРАКЪ“ получилъ званіе профессора.

(См. на оборотѣ). 2—2

2) „УТРО ЧИНОВНИКА, ПОЛУЧИВШАГО ПЕРВЫЙ КРЕСТЪ“.

Съ знаменитой картины художника П. А. Ѳедотова (оригиналъ хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ).

Олеографія воспроизведена новымъ способомъ, въ размѣръ подлинника.

Кромѣ того всѣмъ гг. подписчикамъ будетъ выданъ: „**АЛЬБОМЪ ПЛЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ РОССІИ**“, заключающій въ себѣ до сорока типовъ, исполненныхъ красками.

Въ этомъ альбомѣ кромѣ описанія природы и жизни помѣщены типы слѣдующихъ народовъ: Калужане, Рязанцы, Калмыки, Башкиры, Зыряниъ, Самоѣды, Крымскій татаринъ, Черемисы, Грузинъ, Гуріецъ, Цыгане, Уральскіе Казаки, Казанскіе татары, Чеченецъ, Финны, Нендалецъ, Малороссы, Тульскіе крестьяне, Линейный казакъ, Грузинки, Имеретинъ, Осетинъ, Кабардинецъ, Крестьяне Ярославской губерніи, Нижегородцы, Орловцы, Крестьянки Тверской и Смоленской губерніи, Псковитяне, Киргизы, Казаки, Поляки, Литовцы, Курды, Армяне, Латыш, Евреи, Мезенскіе самоѣды, Финны Петербургской губерніи, Эйнарскіе Лопари, Обдорскіе Остяк, Чувашка, Якуты, Забайкальскіе Буряты, Оленные Чукчи, Камчадалъ, Алеуты, Нерчинскіе Тунгусы.

Каждый номеръ журнала будетъ заключать въ себѣ: 2000 строкъ разнообразнаго литературнаго текста и четыре страницы оригинальныхъ рисунковъ въ краскахъ, кромѣ виньетокъ.

ВЪ ТЕЧЕНІИ ГОДА ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ НОМЕРОВЪ.

200 ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РИСУНКОВЪ ВЪ КРАСКАХЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ		НА ПОЛГОДА	
безъ доставки	5 р.	безъ доставки	3 р. — к.
съ доставкою въ Москвѣ	6 р.	съ доставкою въ Москвѣ . .	3 р. 50 к.
съ пересылк. во всѣ города Россіи	7 р.	съ пересылкою	4 р. — к.

За пересылку и упаковку всѣхъ премій Гг. подписчики прилагаютъ 1 рубль.

Допускается разсрочка: 3 рубля при подпискѣ, 2 рубля 1-го апрѣля и 2 рубля 1-го іюля.

Пробный номеръ, для ознакомленія, высылается за 2 семикопѣечныя марки.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, Москва, Солянка, домъ Когтевыхъ.

Редакторъ-Издатель І. И. ПАШКОВЪ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ 1890 году

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе:

съ пересылкой въ Россіи . . . . . 7 руб.

за границей . . . . . 8 руб.

Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала, протоіерея при церкви Св. Ѳеодора Студита, у Никитскихъ Воротъ, **П. А. Преображенскаго** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Иногородные благоволятъ адресоваться такъ:
Въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“, въ Москвѣ.

2—2

VI годъ изданія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ХИРУРГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

будетъ выходить и въ будущемъ 1890 году въ томъ же объемѣ и по той же программѣ.

I. Оригинальныя статьи по всѣмъ вопросамъ хирургіи.
II. Корреспонденціи.
III. Критика и Библіографія.
IV. Рефераты и мелкія извѣстія.
V. Объявленія.

Статьи просятъ адресовать на имя редактора *Николая Александровича Вельяминова* (С.-Петербургъ, Фонтанка, 105).

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка, 105), ежедневно отъ 11 до 1 часа и отъ 4 до 5 часовъ, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. (Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи). Объявленія 40 коп. за строчку петита.

Цѣна съ перес. за годъ 7 р., за полгода 3 р. 50 коп.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Вельяминовъ.**

2—2

БИБЛІОГРАФЪ

1890. ВѢСТНИКЪ Годъ VI.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

ЖУРНАЛЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ, КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная **библіографическая лѣтопись:** 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ. Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, проф: П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ. М. А. Дьяконовъ. проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, вроф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобенко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ. А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И Савельевъ, А. А. Савичъ. С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ. И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ доставкой и пересылкой въ Россіи 5 р., за границу 9 р., отдѣльно нумеръ 50 к. съ пересылкой 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; 3/4 стран.—6 р. 50 к.; 1/2 стран. 4 р. 50 к 1/4 стран.—2 р. 50 к; 1/8 стр.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензій.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб.. Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій просп., домъ № 7, кв. 13.

◆◆◆◆ Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа“ за 1885 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I. и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. 1 руб. за вып. 4) Библіограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

2—2

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„АРХИВЪ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ НАУКЪ“

въ 1890 году.

Въ 1890 году „Архивъ“ выйдетъ въ числѣ *шести* книжекъ, не менѣе 12 листовъ каждая, въ февралѣ, апрѣлѣ, іюнѣ, августѣ, октябрѣ и декабрѣ. Въ видѣ *приложенія* будутъ изданы въ переводѣ сочиненія: 1) **Мэллеръ. „Учебникъ глазныхъ болѣзней для ветеринарныхъ врачей“** и 2) **Герлахъ. „Учебникъ по судебной ветеринаріи“** (общая часть, изданіе 1889 г.).

Цѣна (съ приложеніемъ) *пять* руб. сер. для ветеринаровъ, состоящихъ на государственной службѣ, ветеринарныхъ студентовъ и фельдшеровъ и *семь* руб. для прочихъ подписчиковъ.

Требованія просятъ адресовать: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ при Медицинскомъ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Изъ редакціи можно выписать слѣдующія изданія:

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1881 годъ съ приложеніями: 1 и 2 выпуски соч. *Армбрехта* „Руководство къ теоретической хирургіи для ветеринарныхъ врачей“.

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1882 годъ съ приложеніями: 3-й выпускъ сочиненія *Армбрехта* и сочиненіе *Эверсбуша*: „Краткія замѣтки объ употребительнѣйшихъ методахъ изслѣдованія глаза у домашнихъ животныхъ“.

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1884 годъ съ приложеніемъ сочиненія профессора *Даммана*: „Гигіена сельско-хозяйственныхъ домашнихъ животныхъ. Первая половина.

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1886 годъ съ приложеніями: 1 и 2 выпуски второй половины сочиненія проф. *Даммана:* „Гигіена сельско-хозяйственныхъ домашнихъ животныхъ“. Цѣна за 1881, 1882, 1884 и 1886 гг. съ приложеніями и пересылкою—3 руб. для ветеринарныхъ врачей, состоящихъ на государственной службѣ, ветеринарныхъ студентовъ и фельдшеровъ и 5 руб. для прочихъ лицъ.

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1887 годъ—6 книгъ и 2 приложенія: (3-й и послѣдній выпускъ сочиненія *Даммана*: „Гигіена сельско-хозяйственныхъ домашнихъ животныхъ“ и 1-й половина сочиненія *Э. Фогеля*: „Частная фармакологія для ветеринарныхъ врачей“.

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1888 годъ—6 книгъ и 2 приложенія: 2-я половина сочиненія *Э. Фогеля*: „Частная фармакологія для ветеринарныхъ врачей“ и „Журналы особыхъ совѣщаній при Медицинскомъ Департаментѣ“ (мѣры противъ эпизоотій). Цѣна „Архива“ за 1887 и 1888 гг. съ приложеніями и пересылкою по 6 р. 50 коп для ветеринарныхъ врачей, состоящихъ на государственной службѣ, ветеринарныхъ студентовъ и фельдшеровъ и 8 р. 50 к для прочихъ подписчиковъ.

„Архивъ ветеринарныхъ наукъ“ за 1889 г.—6 книгъ и приложеніе: *все сочиненіе Фридбергера* и *Фрёнера* въ переводѣ втораго исправленнаго и дополненнаго изданія „Руководство къ частной паталогіи и терапіи домашнихъ животныхъ“.

Приложенія за 1881, 1882, 1884, 1886, 1887 1888 и 1889 годы отдѣльно, безъ „Архива“ соотвѣтствующихъ годовъ, не продаются.

Пейхъ и *Туссенъ*. Руководство къ ветеринарной хирургіи, 2 тома. Цѣна 5 р. (Въ редакціи осталось лишь нѣсколько экземпляровъ).

Рель. Руководство къ фармакологіи для ветеринарныхъ врачей. Цѣна 1 р. 50 к.

Шмидтъ-Мюльгей къ. „Руководство къ ученію о мясѣ“ съ прибавленіемъ Маг. в. н. *М. И. Игнатьева:* „Схема сортировки мясной туши въ С.-Петербургѣ“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Адресъ Редакціи: Пески, 9 улица. д. № 16.

Редакторъ *Я. М. Шмулевичъ*. 2—2

ОБЪ ИЗДАНІИ „РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“ ВЪ 1890 ГОДУ.

Подписка на 1890 г. (12-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

„Русскій Филологическій Вѣстникъ“ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая. (Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ). Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ изданіи „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, К. Ю. Аппель, С. К. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ѳ. Брандтъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, С. Н. Брайловскій, И. М. Бѣлорусовъ, Я. И. Горожанскій, ак. Я. К. Гротъ, К. Я. Гротъ, М. П. Карпинскій, Н. И. Ивановъ, Е. П. Карскій, Н. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, В. Н. Мочульскій, В. А. Истоминъ, И. С. Некрасовъ, М. П. Петровскій, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, С. В. Преображенскій, Н. В. Рузскій, М. П. Савиновъ, А. И. Соболевскій, И. П. Созоновичъ, Н. А. Сырку, Г. К. Ульяновъ, М. Е. Халанскій, А. А. Шахматовъ, Н. В. Шляковъ, В. А. Яковлевъ. и др.

Изъ редакціи „Русск. Филол. Вѣстн.“ можетъ быть выписываемъ. „Русск. Филол. Вѣстн.“ (г-мъ Мин. Народн. Просв. рекомендованъ для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній М. Н. Пр. а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для фунд. библіот. Дух. Семинарій), цѣна за 1880 г., 1881 и 1882 по 5 (пяти) руб., за 1883, 1885, 1887, 1888 и 1889 по 7 руб.; 1884 и 1886 гг. въ продажѣ нѣтъ.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
БРОКГАУЗА
изданіе А. Гарбель и К°.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ магазинахъ: Дейбнеръ (Кузнецкій мостъ), Якобсонъ (Неглинная), „Сотрудникъ Школъ“ (Воздвиженка), Карбасникова (Моховая и въ его отдѣленіяхъ въ Петербургѣ и Варшавѣ), Ильинъ, Фену и К° (Петровскія линіи и въ его отдѣленіи въ Петербургѣ) и въ конторѣ Гиляровскаго (Петровка, Столешниковъ пер., д. Карзинкина).

Словарь будетъ выходить въ свѣтъ съ начала 1890 года, отдѣльными выпусками, (отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ in 4°). Всѣхъ выпусковъ предполагается 50.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на всѣ выпуски на лучшей веленевой бумагѣ . . . . 12 руб.
„ „ „ „ обыкновенной „ . . . . 10 „
„ каждый выпускъ отдѣльно на лучшей бумагѣ . . . . 35 коп.
„ „ „ „ „ обыкнов. „ . . . . 25 „
Цѣна словаря въ продажѣ (неподписчикамъ): на лучшей бумагѣ—20 руб.
„ обыкнов. „ 15 „

Подписчики по выходѣ всѣхъ выпусковъ въ свѣтъ получаютъ: **карты, рисунки и роскошную папку БЕЗПЛАТНО.**

Вся нѣмецкая печать единогласно и самымъ лестнымъ образомъ отозвалась объ энциклопедическихъ трудахъ Брокгауза, такъ между прочими „Neue Freie Presse“ говоритъ, что въ настоящее время энциклопедическій словарь Брокгауза необходимъ не только для каждаго образованнаго, но и для каждаго любознательнаго человѣка, ибо даетъ отвѣты на всевозможныя справки по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Словомъ, эта книга—“сама необходимость“.—

Словарь этотъ отвѣчаетъ на вопросы: антропологіи, археографіи, археологіи, астрономіи, ботаники, военной науки, всемірной исторіи, геогнозіи, географіи, геологіи, гидротехники, зоологіи, искусствъ, коммерческой науки, всеобщей литературы, литографіи, математики, медицины, минералогіи, морскихъ дѣлъ, палеонтологіи, петрографіи, политической экономіи, психологіи, соціологіи, телеграфіи, теологіи, технологіи, типографіи, товаровѣдѣнія, физики, филологіи, философіи, финансовой науки, фотографіи, химіи, художественной промышленности, электротехники, эстетики, этнографіи, юриспруденціи и т. п.

Адресъ издателей Почтѣ извѣстенъ. 5—2

Г. К

ТАБ

МЕТЕОРОЛОГИЧЕС

К

METEOR

BEOBACHTU

Мѣсто: Кіевъ. Метеорологическая Обсерваторі
Ort: Kiew. Meteorologisches Observatorium

Широта:—Сѣв. } 50° 27′.
Breite: —Nord. }

Долгота:—Восточная отъ Гринвича. } 30° 30′=
Länge: —Ostliche von Greenwich. }

Наблюдатели: К
Beobachter: К

Годъ:
Jahr:

Мѣсяцъ: (
Monat: (

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 183
Höhe des Barometers über dem Meer:

Высота термометровъ надъ поверхностью земли:

ЕВЪ.

ТИЦА

ЧИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

EW.

LOGISCHE

NGS-TABELLE.

Университета Св. Владиміра.
er Universität St. Wladimir.

$2^h\,2'\,0''$.

Жукъ и *Г. Флоринскій*
Schuck und *G. Florinsky*

1889.

й ст.) **Май.**
St.) **Mai.**

Университетскія Извѣстія въ 1890 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки ***шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ,*** а съ пересылкою ***семь рублей.*** Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета *Н. Я. Оглоблину* въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAR 18 '68 H

192634

CANCELLED

STALL STUDY

CHARGE